

Давид Зильберман

И ТЫ ЭТО ВИДЕЛ

*Издание третье,
исправленное и дополненное*

Москва — Рига — Нью-Йорк 2012

УДК 94(4)+929
3 61

«РОССИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА ХОЛОКОСТА»

Печатается по изданию:
ДАВИД ЗИЛЬБЕРМАН
И Ты это видел
Рига 2006

Комментарии доктора истории *Григория Смирин*
и *Леонида Терушкина*.

Фотографии из собрания Музея «Евреи в Латвии» и личных архивов.
Компьютерная верстка Ирины Бродской

Тираж 2000 экз.

361 **Зильберман Д.** «И Ты это видел». — М.: Полимед, 2012. — 320 с.

Давид Зильберман родился в г. Прейли (Латвия). Его семья успела покинуть город до прихода германских войск в 1941 г. В 1971 г. выехал в Израиль. Сейчас проживает в Нью-Йорке (США).

За 50 лет Давид Зильберман собрал и опубликовал обширный документальный материал о Холокосте, основанный на воспоминаниях и свидетельствах очевидцев. Его книги изданы в Латвии, США, Израиле, России. Настоящая книга в России публикуется впервые.

ISBN 5-88832-22-6

© D. Silberman, 2006, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Почти полвека назад Давид Зильберман и его товарищи, сами только случайно уцелевшие в годы Холокоста, стали собирать и изучать свидетельства о трагедии евреев Латвии.

Покинув СССР, Д. Зильберман не только сохранил уникальные свидетельства, но сумел спустя многие годы подготовить их к изданию, сделать доступными широкой общественности в США, Латвии, России, Израиле.

Сборник «И Ты это видел» получил свое название по рассказу узницы рижского гетто Эллы Медалье, который был включен в два первые издания этой книги (Нью-Йорк, 1989; Рига, 2006), но в 2012 г. вышел отдельным изданием. Восклицание героини рассказа: «И Ты все это видел, Боже, и допустил!..» — дало название всей книге.

Первые два издания до сих пор не были знакомы российскому читателю по целому ряду причин. Прежде всего, потому что в 1989 г. о Холокосте в СССР не упоминали, а тираж издания 2006 г. был слишком скромным и практически за пределами Латвии не распространялся.

Однако, нынешнее издание, подготовленное при участии Российского Научно-просветительного Центра «Холокост», весьма отличается от предыдущих. В книгу вошли новые, ранее не публиковавшиеся материалы. Это очерки «Мой путь к партизанам» Мони Глезера и «1000 дней — борьба за жизнь» Мордуха Хаги.

Книга «И Ты это видел» рассказывает словами очевидцев не просто о трагедии евреев. На этих страницах удивительные истории стремления к жизни и спасения, когда кажется все уже кончено и шансов нет, истории попыток (и удачных в том

числе) бороться морально и физически в любых, даже безнадежных условиях. В этих воспоминаниях — подвиги тех людей разных национальностей, которые были готовы помочь обреченным, рискуя собственным благополучием и даже жизнью.

И помогали и многих спасли, и это особенно ярко и героически выглядит в тех условиях, когда подавляющее большинство окружающих или оставались равнодушными или помогали нацистам.

Подвиг Жаниса Липке, создавшего подпольную организацию по спасению евреев и действовавшую на протяжении трех лет — это замечательный пример того, что даже один человек может противостоять насилию и террору. Очень немногие организации Сопrotивления, кстати получая помощь извне, смогли столь долго и успешно действовать.

Жизнь, смерть и борьба узников гетто, их побеги к партизанам, фронтовые будни, выживание и радость освобождения — все это в воспоминаниях героев этой книги.

В книгу добавлены сведения о судьбах родных и близких ее героев, например о жене и дочери Семена Пейроса, которые сумели избежать трагической участи рижских евреев. Благодаря помощи правнука С. Пейроса Д. Недзвецкого в книге впервые публикуются дополнительные фотографии из их семейного архива. В целом издание более ярко иллюстрировано, чем предыдущие.

Издание дополнено именным и географическим указателями, а также обширными и подробными примечаниями и комментариями.

Леонид Терушкин

«Все, что пришлось пережить этому народу, — страшную Катастрофу, невероятные страдания, которые выходят за рамки доступного пониманию, — все это происходило на каком-то неземном уровне».

Доктор Марсель Дюбуа, француз-доминиканец

ВСТУПЛЕНИЕ

Мысли о еврейской Катастрофе или, как ее называют на Западе, — Холокосте, не оставляют меня всю жизнь, хоть и минуло уже более полстолетия со дня окончания Второй мировой войны.

Когда я был еще мальчиком семи-восьми лет, в меня вселилось неосознанное чувство, что я — это один из приговоренных нацистами жертв, что по предначертанию судьбы часы моей жизни должны были остановиться 8 августа 1941 года. С этого дня я должен был бы лежать в болотистом рву у кладбища вместе со всеми еврейскими жителями Прейли, латгальского¹ городка в Латвии, расстрелянными в тот день нацистами. Но необъяснимые мистические силы где-то свыше отвели этот приговор Рока и сохранили мне жизнь. Так я «заболел» неизлечимым еврейским «синдромом Холокоста», столь характерным для многих людей моего поколения, переживших войну.

Еще долгие годы после войны я еженощно во сне возвращался к нацистскому методическому преследованию и уничтожению евреев: то скрывался от немцев, то попадался им; бывал расстрелян, задушен в душегубке или сожжен заживо в крематории, и дух мой витал вне тела над местом казни. Или, наоборот, совершал побеги и невероятные подвиги, партизанил

¹ Латгалия (латыш. *Latgale*) — Восточная Латвия, историко-культурная область. С XIII века в составе Ливонии, со второй половины XVI века до 1772 года — Речи Посполитой, затем до 1917 года в Российской империи входила в состав Витебской губернии. С 1920 года в составе Латвийской Республики. Населению области присущи некоторые этнографические и лингвистические особенности.

Расстрел евреев. Акция в Ивангороде. Снимок найден у немецкого солдата. Фотография из Архива Яд-Вашем, Иерусалим.

в лесах, отбивал и спасал группы евреев от расстрела и косил-косил из автомата немецких фашистов.

Так с детских лет я стал драчуном, а потом и борцом против ненавистных антисемитов в Советском Союзе, с которыми сталкивался на протяжении всей своей жизни — от мальчишек-хулиганов на улицах до почтенных учителей-расистов в приемных комиссиях вузов, демагогов-партийцев в советских отделах кадров, не принимавших на работу из-за «пятой графы»¹, и многих-многих других.

Уже взрослого меня особенно травмировал советский государственный антисемитизм, который проявлялся по отношению к еврейским жертвам нацизма, к памяти мертвых, не способных из могил заявить свой протест распорядителям бесчисленных заброшенных, оскверненных яров и рвов, извратителям и укрывателям страшных исторических фактов.

¹ «Пятая графа», или «пятый пункт», — в «Листке по учету кадров», заполнявшемся всеми поступавшими на работу на предприятия или в учреждения СССР, содержал сведения о национальности.

В ответ на такую политику советских властей в начале 60-х годов мы организовали в Риге полуполюгальную инициативную группу для сбора, систематизации и распространения правдивых документальных свидетельств о еврейской Катастрофе.

Беседуя с чудом выжившими свидетелями, я мысленно уносился на десятилетия назад и словно заново проходил с ними их страшный путь, переживая все ужасы, испытанные каждым из шести миллионов, ушедших в вечное небытие.

Поведанное я старался зафиксировать максимально точно, факт за фактом, ничего не упуская. За отдельными исключениями, документальные материалы переданы в форме повествования от лица свидетеля. Все они были собраны мною в Риге с 1963 по 1969 год и легли в основу этой книги очерков.

Здесь поведана только ПРАВДА.

ЯМА В ПАВЛОВИЧАХ

Вспоминает Евгения Гуральник

Часть I

Я вам расскажу о яме... Я выползла оттуда одна. Мне суждено было жить, остаться единственным свидетелем и поведать о случившейся трагедии.

Родилась я на Украине, в Новоград-Волыньске¹, и к началу войны в 13 лет окончила шесть классов.

4 июля 1941 года вся наша многочисленная семья на двух подводах в длинном обозе новоград-волыньских беженцев направилась на восток — прочь от наступающего врага. Не доезжая до пылающего в огне Житомира, мы попали под сильную бомбежку. Всем приказали бежать в лес, подальше от шоссе. Немцы отбомбили, и стало сравнительно тихо. Мы вернулись к нашим тяжело нагруженным лошадям. Собрались все, кроме отца — он все не появлялся...

Мы ждали его у дороги, много раз обегали все окрестные чащи, осматривали еще и еще раз все ямы, канавы, строили всевозможные догадки о причинах его исчезновения. Лишь после войны я узнала, что, заблудившись в лесу, отец пошел в противоположную сторону и оказался у своих, в другой части Житомира. Затем, уже в Кривом Роге, ежедневно искал нас в толпах беженцев, ждал у пристани и там же, на берегу, вскоре скончался от горя, полагая, очевидно, что мы все погибли при бомбежке.

Целых три дня мы провели в Житомире в ожидании и поисках отца. Это потерянное время нас и погубило. Оставаться

далее было бессмысленно, и проселочными дорогами мы пустились в дальнейший путь. На третью ночь добрались до местечка Павловичи¹, где позднее на моих глазах разыгралась кровавая трагедия. Мы подъехали к первому же дому в начале села — там жили евреи. Лошадям нужно было дать передохнуть, а утром решено было ехать дальше, на Киев. На рассвете Яша, муж моей сестры Зины, первым поднялся и хотел было пойти к лошадям в поле, но тотчас же вбежал назад в страшном смятении — приближались немецкие мотоциклисты. Все попрятались по погребам. Мы припали к окнам.

Поднимая тучи пыли, колонна немцев на мотоциклах с оглушительным ревом и скрежетом остановилась в начале села, почти рядом с нашим домом. Дочь моего брата Дина хотела было перебежать улицу, чтобы предупредить нас, но в этот миг вскочивший с сиденья мотоциклист сбил ее с ног. Подбежали еще несколько немцев и все вместе начали избивать ее. Увидев это, ее мать кинулась на помощь. Немцы набросились и на нее, продолжая избивать обеих резиновыми дубинками и сапогами, сбили с ног, топтали почти безжизненные окровавленные тела. Кругом стоял оглушительный лай собак. Это была наша первая встреча с немецкими фашистами.

Вскоре немецкие мотоциклы вновь взревели, и колонна направилась в сторону станции Фастов², оставив за собой столб пыли и ужас в наших душах. Мы подобрали с дороги бесчувственные тела родных, а остальные наши спутники-беженцы собрались во дворе посоветоваться — ехать ли дальше и куда, или же оставаться здесь. Большинство решили вернуться в свои родные места: если умирать, так у себя, в своем доме. Мы с мамой и сестрой остались в Павловичах, а брат с семьей и весь обоз повернули обратно.

Прошло несколько дней. Начала устанавливаться новая власть. Постоянного немецкого гарнизона в Павловичах не оставили, но зато систематически стали наезжать каратели, это были сущие изверги. Создали управу и полицию, которые заняли бывшее здание сельсовета, расположенное в центре селения. Выбрали старосту, нашли и полицаи из числа местных негодяев и подлецов. Мне хорошо запомнился один из них, полицай Иван Горпыно. Сегодня он преспокойно проживает в Попельне³, в 10 километрах от Павловичей, во вновь отстроенном собственном доме. Горпыно, правда, отсидел небольшой

1 Районный центр в Житомирской области Украины.

1 Село в Овручском районе Житомирской области.

2 Районный центр в Киевской области Украины.

3 Районный центр в Житомирской области.

срок, но по хрущевской амнистии 50-х годов¹ был досрочно освобожден (возможно ли вообще прощение убийце?!).

Помню, пришел Иван Горпыно к нам в Павловичи на праздник Шукес (Кущей)² осенью 1941 года и говорит Яше, мужу сестры:

— Пойдем ко мне в дом, ты хороший портной, будешь обшивать мою семью, а через неделю вернешься.

С тягостным чувством мы расстались с Яшей — не подчиниться было нельзя. Прошла неделя, наступила пятница, *эрев шабат* — канун субботы, а Яши все нет.

— Пойди, Женя, за село, посмотри, что с Яшей, его должны были уже отпустить, — сказала мне мать. — Что-то на сердце у меня тяжело.

Я внешне не была похожа на еврейку. В чужом городе меня не знали, и потому я не носила обязательную для евреев белую повязку с шестиконечной звездой. Я направилась к хутору Горпыно, за селом, но только перешла мост, вижу ужасную картину: привязанного к подводе Яшу, в одном нижнем белье, окровавленного, избитого. Я остановилась в оцепенении, не зная, то ли кричать о помощи, то ли бежать назад к матери со страшной вестью. А Яша совершенно обессиленный спотыкался и падал, а лошади, подгоняемые подвыпившими мужиками, рысью волокли его в Попельню. Там на площади Яшу повесили. Горпыно и его дружки заявили немцам, что он, мол, коммунист.

Вскоре каратели стали приезжать почти ежедневно. В первый свой приезд бандиты выстроили всех мужчин-евреев, вызвали раввина³, кантора⁴, резника⁵, вывели лилипутов, певших

1 Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов».

2 Суккот (др.-евр. «шалаш», ед. ч. *сукка*; в русской традиции — Кущи) — праздник в память о том, что после исхода из Египта евреи жили в шалашах; обычно выпадает на октябрь.

3 Раввин (от др.-евр. *рабби* — мой учитель) — человек, получивший высшее еврейское религиозное образование и возведенный в сан; толкователь законов еврейской религиозной и семейной жизни.

4 Кантор (латин. «певец»; др.-евр. *хазан*) — лицо, ведущее синагогальное богослужение.

5 Резник (др.-евр. *шохет*) — специально обученный человек, совершающий ритуальный убой скота и птицы в соответствии с предписаниями иудаизма.

в синагогальном хоре, и тут же, недалеко от синагоги, над обрывом реки, расстреляли. Тела их камнем падали с обрыва в воду, и по реке еще долго тянулись кровавые следы. В тот же день расстреляли всех школьников, евреев-комсомольцев — выдал их бывший учитель...

Машины с карателями, как правило, приезжали внезапно. Эсэсовцы в сопровождении местных полицейских молниеносно оцепляли дома евреев, хватили всех без разбора и везли на расстрел.

Однажды мы с сестрой оказались на улице, когда страшная машина заехала в наш двор. Мы с Зиной бросились к уборной, влезли в дыру и, еле держась за изгаженные бревна под стульчаком, зависли над вонючей жижей. Один из карателей с силой рванул дверь и тут же захлопнул, не заметив нас. А маму и беременную родственницу соседки, которая перед самым началом войны приехала с дочкой из Биробиджана¹ к своим родным на Украину рожать, схватили и куда-то увезли. Всех захваченных бандиты не успели расстрелять, и на третий день они еле плелись домой.

В другой приезд каратели загнали всех евреев в большой сарай и приказали раздеться догола. Я ни за что не соглашалась раздеваться, влезла в солому и истошно кричала. Мама, заламывая в отчаянии руки, умоляла полиция отпустить меня, предлагая — пусть взамен ее расстреляют тут же на месте.

— Мы ждем приказа, — равнодушно отвечал полицейский.

Так мы сидели взаперти несколько часов в ожидании смерти. Наконец приехал на мотоцикле каратель-эсэсовец, что-то шепнул стражникам, и нас голых стали выгонять из сарая и строить в колонну по двое. Было воскресенье, базарный день. Нарядные местные жители в ярко вышитых сорочках и сарафанах не спеша направлялись к церкви, а нашу «голую» колонну через село погнали к центру. Толпа ротозеев с визгом бросилась смотреть на это небывалое зрелище — раздавались смеш-

1 Биробиджан — общепринятое название Еврейской автономной области (по областному центру — городу Биробиджану). Еврейский национальный район в Приамурье был основан в 1930 году, статус области получил в 1934 году. В первые шесть лет еврейской колонизации этой территории (1928—1934) из приехавших в Биробиджан евреев осели лишь 42%, а остальные уехали. Перед Второй мировой войной число евреев в области не превышало 20 тысяч, достигнув максимума (30 тысяч человек) в 1948 году. К концу существования СССР (1989 год) доля еврейского населения там не превышала 5%.

ки, хихиканье, циничные шутки. Вдруг немец остановил нас и приказал всем замолчать. Мы прижались друг к другу, затравленные существа, окруженные враждебной толпой. Эсэсовец прошелся перед нами, внимательно осмотрел строй, выровнял наши босые ноги в линейку, подождал минуту, а затем рывкнул: «Разойдись!» В мгновение колонна превратилась в голое столпотворение и, подгоняемые гиканьем и свистом толпы, мы как безумные бросились по домам.

Через две недели снова нагрянули немцы и местные полицаи. Всех евреев выгнали на базарную площадь. Офицер-эсэсовец, комендант Попельнянского района, заговорил, обращаясь к нам. Один из полицаев переводил на украинский:

— Для вас, евреев, здесь будет организована колония. Вы будете здесь работать, и мы привезем сюда еще несколько эшелонов с евреями из других областей рейха. Вас нужно кормить. Снимайте урожай — хлеб, овощи, копайте картофель, свеклу — за это будете получать питание, и никто вас не тронет. А затем добавил: Я подчеркиваю, это будет ваша собственная колония! Когда уберете урожай, мы дадим вам на зиму хлеб и другие продукты в достатке. Как видите, все зависит только от вас и от вашего усердия. Работайте!

Все собравшиеся охотно согласились выполнять любую работу. На следующий день первая большая группа приступила к полевым работам. Вскоре к нам стали прибывать группы евреев из Варшавы, Луцка, Ровно, Бердичева и других окрестных мест. Положение как будто нормализовалось, словно самое трагическое уже было позади, а не предстояло. Так продолжалось пару месяцев.

Наступили осенние праздники Рош-Ашана¹ и Йом-Кипур². Синагога была разрушена, и евреи собрались в одном частном доме. Мужчины молились, а заплаканные женщины, каждая по-своему, просили у Всевышнего ниспослать хороший год и избавление от всех бед и невзгод.

Каждое утро колонны евреев, все — от мала до велика, направлялись в поле, где добросовестно работали — ведь сам комендант Попельни обещал сохранить нам за это жизнь. За

1 Рош-Ашана (др.-евр. «голова года») — еврейский Новый год; обычно выпадает на сентябрь—октябрь.

2 Йом-Кипур (др.-евр. «Судный день») — день всепрощения; иудейский праздник, отмечаемый через 10 дней после еврейского Нового года (Рош-Ашана); считается, что в этот день Всевышний выносит решение о судьбе каждого человека на предстоящий год по его делам; праздник сопровождается постом.

работу давали лишь по литру перегона (снятое молоко) в день, но все наивно верили, что с окончанием осенних работ мы получим на зиму муку, зерно и картофель. А пока приходилось ходить по деревням и обменивать на продукты остатки вещей, еще уцелевших после многочисленных грабежей во время облав. Многие оставляли себе лишь легкую одежду, а надвигалась сырая холодная осень.

Как-то раз мы пришли после работы за положенной порцией перегона, но вместо бидонов увидели лишь приколотую к гвоздю бумажку: «Жидам капут! Жидам перегона не дают!» Это постарались местные «активисты», отпрыски черносотенцев¹ и петлюровцев², с нетерпением ожидавшие случая избавиться от нас и поживиться нашим добром. Однако через несколько дней из Попельни приехал комендант и нам снова стали выдавать обещанную порцию перегона.

Работа приближалась к концу. По утрам начались заморозки, поле покрывалось серебристым инеем. Наступил ноябрь. Пришел новый приказ: нужно выкопать для свеклы большой кювет — яму глубиной в три метра, длиной сорок и шириной два с половиной метра. Приказ есть приказ, надо копать.

Наступили холода. Земля смерзлась, в открытом поле дул пронизывающий ветер. Рядом с нашим полем было расположено польское кладбище, все лето туда свозили людей на расстрел после облав.

— Что-то не нравится мне эта яма, уж очень она большая, да и свеклу у нас никогда не хранили в земле, все больше в подполе да в амбарах, не к добру это, — кряхтя, твердила мама, с трудом отбрасывая лопатой смерзшийся ком земли.

Так непрерывно 10 дней мы копали эту яму. К 10 ноября огромный ров был готов.

— А зачем привезли эту новую лестницу к яме, разве нельзя сбрасывать навалом? И чего туда ходить! И когда, наконец, свеклу возить будем? — взволнованные женщины засыпали одними и теми же вопросами бездушного усатого украинца, который выводил нашу группу в поле.

1 Черносотенцы — собирательное название членов монархических организаций в России в начале XX века, носивших крайне шовинистический и антисемитский характер.

2 Петлюровцы — участники националистического движения на Украине в 1918—1920 годах, возглавлявшегося С. В. Петлюрой. Характеризовалось сильными антисемитскими проявлениями и погромами.

— Когда скажут, тогда и будете возить, а пока делайте свое дело, чистите свеклу! — отделялся он приказом сделать то или другое. Мы закончили и это задание, никакой работы, в сущности, не было. Несколько дней нас перебрасывали группами с места на место. То найдут нам какую-то работу в сарае, то на складе или скотном дворе.

Но вот настало 25 ноября. Стемнело, было около 4 часов вечера, все сидели по домам, только что пришли с работы. Вдруг, как всегда внезапно, к полицейскому участку подъехали три машины с эсэсовцами — карательный отряд. На рукаве у них была белая повязка с черной свастикой — я их тотчас узнала. Не заходя в полицию, они мигом разбежались по разным сторонам села. Одни бросились занимать посты на подходящих к Павловичам дорогах и мостах, другие стали сгонять к машинам подряд всех евреев — детей, женщин, стариков — всех без разбору. Набивали битком и увозили. Дошел черед и до нашего дома. Всех нас выгнали во двор. Моя мать не смогла вскарабкаться в машину. К ней подбежал немец и ударил сапогом. Она вскрикнула и упала. Эсэсовцы схватили ее и, как мешок, с размаху бросили в кузов. Я с криком кинулась к матери и прыгнула в машину. Сестры с нами не было, она еще работала в кладовой, ее привезли позже.

Нас высадили в том самом поле, где мы выкопали большую яму, якобы для свеклы. Оказалось, она была приготовлена для нас. Поле кругом было оцеплено эсэсовцами и украинскими полициями с собаками-овчарками. Обезумевшие люди метались, рыдали. Стоял невыносимый вопль, истошный стон. Каратели били нас прикладами, дубинками, сапогами — приказали всем раздеваться. Я в истерике кричала и не давала матери раздеться, отталкивала ее назад отдвигающихся к яме обнаженных людей.

Под градом ударов, пинков, припав к земле, цепляясь за траву и кустарник, мать как одержимая шептала слова молитвы *Каддиш*¹. В те дни был *ёрцайт*² — день памяти по ее братьям, убитым петлюровцами в 1919 году. Рыдая, она умоляла братьев быть заступниками за ее детей, остановить руки палачей, спасти нас. Кто знает, может быть, голос ее и был услышан — она была очень набожна.

1 *Каддиш* («священный») — славословие Богу и Его могуществу, читаемое в ходе иудейского богослужения.

2 Идиш букв. «годовщина». Отмечаемая, согласно еврейской традиции, годовщина смерти близкого родственника.

Прибыли еще три машины, набитые людьми, в одной из них стояла моя сестра Зина. Мать, увидев ее, распростерла руки и крикнула:

— Иди сюда, Злата! Видишь, мы выкопали себе яму. Десять дней копали на морозе! Говорила же я тебе — это для нас!

Сестра молча подошла, посмотрела на нас странным, безразличным взглядом. Мне показалось, что она нас не узнала, быть может, уже тронулась рассудком. Зина молча разделась и, не глядя на нас, даже не попрощавшись, пошла по лестнице вниз — в могилу.

Плач и крики детей, истеричные рыдания и вопли женщин, стоны мужчин, выстрелы палачей и лай разъяренных псов — это было чудовищное зрелище. Один старик из Бердичева перед ямой выпрямился и со жгучей ненавистью выкрикнул:

— Все равно вы здесь будете лежать вместе с нами, мои сыны вам за нас отомстят!

Короткая автоматная очередь сбросила его в пропасть. Какая-то молодая женщина спрятала маленького ребенка под кустом, в стороне, около польского кладбища, а сама побежала к яме, чтобы отвлечь внимание. Но собака-ищейка тут же побежала по следу, схватила малыша за кофточку и в зубах притащила к яме. Над ямой, в зубах у собаки, ребенка и пристрелили. К яме пригнали двух светло-русых юнцов. Мать, учительница местной школы, цепляясь за сапоги палача, умоляла пощадить детей, объясняя, что они русские, от русского отца — он был тут учителем, его все знают.

— Убейте меня, но их пощадите! — безумно кричала учительница-мать.

— Смотри! Вот какие дети будут у русских отцов! — гримасничая ответил полицай и на глазах матери их застрелил.

Многие мужчины перед смертью проклинали палачей, плевали им в лицо. Одна женщина на валу перед ямой нечеловеческим голосом кричала, прижав к себе маленького сына и дочку лет десяти. К ней подбежал каратель и выстрелил в ребенка. Женщина упала как подкошенная, словно выстрелили в нее. А девочка все продолжала теревить мертвую мать и кричала:

— Смотри, мама, братика застрелили! Мама, смотри!..

Тогда палач схватил девочку, с силой бросил на землю и вонзил ей в висок шпору кованого сапога. Она покатила под горку вниз, в яму, вся заливаясь клокочущей кровью.

Вокруг образовались большие горы одежды, обуви, тряпья. Несколько карателей грузили их в машины, а запомнившийся мне Иван Горпыно кричал, требовал быстрее раздеваться, под-

Мать Жени Гуральник, Хася Киликиевская. 1941 г.

талкивал и пинал людей, ворошил то одну, то другую кучу, что-то выискивая для себя.

Перед нашей очередью спуститься голыми вниз, в яму, убили женщину из Биробиджана. Накануне ночью она родила, и ее одну, еврейку с новорожденным ребенком, выгнали из родильного дома и почти голыми привезли на бойню. Эсэсовец на глазах затравленной толпы схватил голого малютку за горлышко, высоко поднял, придушил и с размаху бросил в яму. Крик ужаса пронесся по страшному полю. Молодая мать потеряла сознание, ударом сапога ее столкнули вниз.

На тех, кто не раздевался, натравливали собак. Овчарки, с остервенением рыча, рвали в клочья одежду, вгрызались в тело.

Палачи хорошо подготовились к этой кровавой работе, все продумали, видимо, им это было не впервой!

Моя мать до боли ухватилась за меня и не отпускала. Сзади напирала толпа. Я с безумным криком прыгнула с лестницы на голые спины трупов вперемежку с еще живыми людьми. Один эсэсовец расхаживал по яме и пристреливал раненых, а нам приказал лечь головой вниз.

— Не плачь, Женя, ложись! — крикнула мне мать. — Я буду тебя держать!

И последнее, что осталось у меня в памяти, это то, что, лежа ничком около мамы, я почувствовала, что она крепко сжала мне руку и чем-то укрыла голову. Сверху начало греметь, и я словно провалилась в бездну пропасти...

Очнувшись, долго не могла понять, где нахожусь: я чувствовала на себе большую тяжесть, в воздухе стоял тошнотворный запах. Я вся была скользкая и мокрая. Сделав несколько сильных, резких движений, выкарабкалась из-под трупов. Я огляделась и увидела, что нахожусь не на том краю, где залегла с матерью, а почти посередине. Яма не была засыпана. Мне показалось, что она дрожала и стонала, шевелились отдельные руки, ноги, головы, окровавленные тела. Мне стало жутко,

и я больше не могла смотреть на трупы. Я взглянула наверх. Падал мягкий снег, на темном небе мерцали звезды.

Я приподнялась и осмотрелась вокруг, стараясь не видеть бесформенные груды тел: лестницы уже не было, высокая яма уходила ровными краями вверх. Вдали еще были слышны стрельба и лай собак. Я нащупала в земляной стене ямы выступы корней, обрезанных лопатами, разгребла их и начала карабкаться на поверхность, соскальзывала, падала и опять взбиралась вверх. Наконец выползла...

Что же мне делать? Голая стою в морозную ночь перед страшной могилой, волосы слиплись в сплошной кровавый ком. Начинало лихорадить. Ночь была темная, сплошной мрак. Оглядываюсь вокруг, недалеко под кустом что-то чернеет, побежала ближе — вижу старая рваная фуфайка, видимо, палачам она не понадобилась или они ее не заметили. Я стяхнула с фуфайки снег, судорожно натянула ее на замерзшее тело и укуталась. Придерживая полы руками, утонувшими в длинных рукавах, я побежала что было мочи подальше от этого страшного места, по направлению к большим скирдам. Взобралась на высокую ячменную скирду, вынула сноп и зарылась в образовавшуюся нору.

Убийства продолжались и на следующий день. Хотя моя скирда находилась довольно далеко от ямы, я отчетливо слышала крики, стрельбу и лай собак — все повторилось. В скирде я провела сутки. Ела зерна, которые теребила с колосьев, и все думала, куда бы пойти. Может, никуда не идти, а просто вернуться к матери, к своим? Попросить, чтобы расстреляли? Но инстинкт жизни взял верх. На второй день, когда стемнело, я выбралась из скирды и, постоянно оглядываясь, пустилась наутек, подальше от ямы. Стоял лютый мороз. Фуфайка была велика, она волочилась по земле, далеко мне все равно было не уйти.

Я разглядела за речкой лесок и побежала напрямик по льду, чтобы срезать путь и не заходить в деревню. Но под моими босыми ступнями лед в середине реки проломился, и я окунулась в студеною воду. От неожиданности и холода перехватило дыхание, молнией пронзила мысль: сейчас утону. Из последних сил начала лихорадочно цепляться за обломки льда и края пролома. Чудом выкарабкалась на крепкий лед. Не вставая, я осторожно поползла по льду. Меня всю лихорадило, стучали зубы, ног я не чувствовала от холода. С трудом добралась до берега, хотела бежать, но сил больше не было. Еле доплелась до первой ёлки, подогнула промокшую фуфайку под ноги и уселась. Отдышавшись, снова стала всматриваться во тьму.

Гляжу — светится один домик. Решила: будь что будет! Пойду. Все наши все равно убиты — значит, так суждено. Я постучала. Вышел мужчина.

— Кто ты? — спрашивает.

Отвечаю, вся дрожа, и не узнаю своего хриплого голоса:

— Я еврейка, вышла из ямы, немцы нас убивали тут недалеко, в поле, где яму копали, — и заплакала.

— Ладно, не плачь, зайди, отогрейся. Но знай, в наш лес заходят немцы, долго не оставайся. Я лесник, они ко мне часто по всяким делам приходят, — сжалился он надо мной и завел в хату.

В доме было празднично — готовились Святки¹. Жена лесника, разглядев меня, в ужасе ахнула. Я ей все рассказала. Придя в себя после моего рассказа, она прежде всего достала ножницы и срезала кровавый ком волос на моей голове. Затем умыла, накормила, смазала гусиным жиром обмороженные ноги и уложила на печь. Пока я сидела на печке и грелась, она выбрала для меня из своих запасов грубо тканую льняную юбку, старую фланелевую блузку, а из разного тряпья и обрезков смастерила нечто вроде валенок. Я была ей бесконечно благодарна.

На рассвете лесник вывел меня на дорогу и сказал:

— Здесь, в Соколянке, немцы вчера весь день евреев искали, так ты поднимись на горку и иди на Вербиевку, там они меньше шарят. Иди вот по той тропинке, по краю леса, — и указал рукой.

Однако тропинка, указанная лесником, вскоре затерялась, и я начала блуждать. Временами останавливалась, прислушивалась, не звучат ли человеческие голоса. Кругом было безлюдно, лишь верхушки деревьев раскачивались под резкими порывами ветра, создавая сплошной лесной шум. Я долго блуждала и потеряла счет времени и пройденному пути. Вечерело, а мрачному лесу все не видно было конца. Я очень устала, присела под вековым деревом, вытащила из-под фуфайки несколько кусков хлеба, что дала мне на дорогу жена лесника. Подкрепившись, снова пошла, пока окончательно не убедилась, что брожу наобум в лесной чащобе.

Стало совсем темно. Я сгребла в кучу прелые смерзшиеся листья и улеглась, съезжившись в клубок и дрожа от холода. За всю ночь я так и не смогла уснуть, лишь ненадолго погружалась

¹ Святки — 12 дней, установленные христианской церковью в память о рождении и крещении Иисуса Христа. Длятся с 25 декабря (7 января) по 6 (19 января). По народной традиции, святки сопровождаются пением, плясками, гаданием и переодеванием.

в полузабытье. На второй день мои запасы иссякли, а лес все казался бесконечным. Я еле волочила ноги и еще раз заночевала в чаще этого темного шумящего бора.

Лишь на четвертый день к вечеру я вышла на открытый холм и оттуда вдаль увидела ряды хат какой-то деревни. Мысленно выбрала себе дом и направилась к нему. Постучалась в дверь. Щелкнул засов, и из сеней выглянула большая рыжая голова. На мгновение на меня уставились свирепые глаза и из усатого рта, как из звериной пасти, вырвался рев:

— А, харя жидовская! Успела убежать!

Я моментально развернулась и, хотя была совершенно без сил, стремглав вылетела из сеней и помчалась через огород к канаве. Мужик погнался за мной. Я пригнулась и, сторбясь, побежала вдоль канавы назад к лесу.

Только когда была уже далеко от деревни, я остановилась и оглянулась назад: вокруг никого не было. Я упала плашмя на землю и громко зарыдала «Почему они нас так смертельно ненавидят? Что мы им сделали плохого? За что они нас так?..» — думала я. Вволю наплакавшись, я вновь побрела, собирая на полянах и опушке леса мерзлые ягоды, остатки травы и тонкие ветки.

Так прошло шесть дней. Я впала в полное отчаяние. Зачем мне эта жизнь бездомной собаки, больше не могу, — всех наших убили, кому я нужна? Мне стало все безразлично. Как только встречу первого человека, решила я, сдамся, скажу, кто я, — пусть убивают... От этих мыслей мне стало легче — не надо больше прятаться, не надо бояться...

Я прибавила шагу и миновала негустой лесок, за которым увидела большую деревню — это была Вербиевка. Не раздумывая, я двинулась к ближайшему дому — пусть будет так, как суждено... Изможденная, голодная и замерзшая, держась руками за косяк двери, чтобы не свалиться, я постучала в хату. Мне повезло. Тут меня накормили и пригрели, но остаться даже на одну ночь нельзя было — за домом следили, а самому хозяину пришла повестка явиться в управу — он был до войны коммунистом.

— Мне грозит не лучшее, чем вам, вот извещение, велят пойти в районную управу, наверное там и прикончат, — с горечью сказал хозяин. Его тяжкие предчувствия оказались суровым предвидением. Больше домой он не вернулся. В тот же день, когда пришел в управу, его расстреляли, но об этом я узнала позже.

Я вышла из этого дома и снова побрела по селу, переночевала под каким-то сараем, а на следующий вечер решила

зайти в другую хату. В дверях показалась молодая женщина. Я назвалась и попросилась на ночлег. Не раздумывая, она согласилась и провела меня в комнату. Я не поверила своему счастью — поесть и поспать в тепле. Женщина показалась мне симпатичной, я доверилась ей и все рассказала.

— У меня сегодня крестины¹, уйду до вечера, а ты оставайся на денек, поняньчи ребеночка, — предложила она. «Неужели пойдет донесет, выдаст? — ужаснулась я. — Ну и пусть, значит, такова моя судьба. Больше прятаться не буду, нет сил. Пусть будет так», — уговаривала я себя, стараясь быть спокойной, а сама не могу оторвать от нее взгляда, с волнением слежу за каждым движением, пытаюсь понять ее намерения.

Она наскоро оделась и вышла, а я с замиранием сердца прислушивалась к малейшему шороху и звуку с улицы.

Слышу шаги... Это за мной... Снова удалились... И кажется мне, вот с минуты на минуту войдет хозяйка с вооруженным полицаем и пальцем укажет на меня: «Берите ее — она жидовка!» Меня прошиб холодный пот, а сердце так заколотилось, что дыхание перехватило. Тогда-то я по-настоящему прочувствовала, что пока глаза видят и стучит сердце, душа жаждет жить — таков закон жизни, закон природы, всего живого...

Хозяйка вернулась поздно, уже за полночь, захмелевшая и взлохмаченная. Не сказав ни слова, она завалилась на постель и захрапела. У меня отлегло от сердца.

У этой женщины я пробыла несколько дней, возилась с ее ребенком, готовила еду и стирала белье. В последний вечер она вернулась с улицы очень взволнованная и, еще не раздевшись, сказала:

— Не могу тебя больше держать, Женя, люди повсюду болтают, что я прячу жидовку в доме. Пойди в село, может, кто другой возьмет тебя...

Снова пришлось мне пуститься в бесконечные скитания в поисках пристанища и пищи...

Так я провела всю ту страшную зиму до ранней весны. Днем проберусь в деревню, найду в дом, что похуже на вид, — бедные люди, полагала я, должны быть добрее. Достав что-нибудь поесть, я снова убегала в лес, в рощу, отсиживалась там или бродила, чтобы не замерзнуть вконец, а с темнотой подкрадывалась опять к селу. Если увижу, что не заперт сарай или хлев, тайком влезу на сеновал и сплю там до зари, затем опять убегу. Раз заспалась я в одном сарае. Слышу шаги. Пожилой мужчина идет в мою сторону за сеном, а я чуть-чуть лишь при-

крыта, чтоб легче дышалось. У самых моих ног он вынул большую охапку сена; а если взял бы еще хоть самую малость, то открыл бы меня. Но на мое счастье, он посмотрел себе под ноги, не разбрасывается ли сено и, не оглядываясь, направился прямо к дверям сарая.

Мучительно долго тянулся каждый день. За эти месяцы я уже по разу навевывалась во все подходящие хаты, старые да ветхие. Новых домов я боялась, обходила их дворами, огородами, бедные люди, полагала, душой добрее.

Зима стояла в тот год на редкость суровая. Однажды я вспомнила, что летом мы с мамой отнесли одной крестьянке в Павловичи белый пуховый кавказский платок, папину шубу и еще кое-что из белья — был большой узел. Мы хотели сбегать вещи от облав и обменять их к зиме на продукты. «Как бы эти вещи мне сейчасгодились», — рассуждала я сама с собой. И решила тогда тотчас же пойти в Павловичи, хотя там постоянно дежурили полицаи и расхаживали патрули.

К той женщине мне нужно было пройти на другой конец села, через центр, базарную площадь, мимо управы. С трудом за два дня я одолела с десятков километров, показавшихся бесконечными. Вот и Павловичи... Я начала метаться взад-вперед по одной единственной длинной улице городка. Как только увижу вдаль прохожих, забегая во двор и пережидаю. Страшно, ведь: все местечко на виду — если погоняться, скрыться будет негде. Чувствую, коченеют руки и ноги, не могу пошевелить пальцами, они словно одеревенели. Сама себя уговариваю: «Еще немного, теперь уже совсем скоро приду, поем, отогреюсь, за ночую, а может, она мне еще предложит и остаться».

И, наконец, миновав все опасные места, я приплелась к нужному дому. Но только вошла в переднюю, хозяйка, разглядев и узнав меня, набросилась с истеричным криком, словно сорвавшаяся с цепи собака:

— А ну, жидовская морда! Давай быстро отсюда, не то сейчас же в полицию заявлю! Чтоб твоей ноги я здесь больше не видала!..

Не дослушав ее визгливого крика, я хлопнула дверью и выскочила как ошпаренная, подавленная этим чудовищным перевоплощением человека в зверя: я помнила, как она любезно разговаривала с моей мамой, когда принимала вещи... С ней я повстречалась и после освобождения, но об этом расскажу позднее.

Когда той зимой я бродила по дворам и пустырям в поисках ночлега и еды, жизнь свела меня на время с двумя детьми сходной с моей судьбы, которые запали мне в душу до конца моих

¹ Крестины — семейное торжество по поводу крещения младенца.

дней. Однажды я издали заметила в канаве за одним огородом две темные фигурки. Поначалу даже испугалась их, но, поняв, что это дети, подошла к ним и узнала, что они, так же, как и я, чудом уцелели от расстрела. Мы очень обрадовались друг другу. Это были одиннадцатилетняя Рива из Павловичей и ее трехлетний братик Лёвик. Я как-то видела их вместе еще летом в селе. Мы были счастливы встрече и договорились в дальнейшем прятаться вместе. Рива мне рассказала, что в день убийства они с братиком, ничего не подозревая, ходили по соседней деревне и меняли вещи на продукты. А когда возвращались к вечеру домой, приблизившись к мосту, услышали крики и стрельбу. Рива поняла, что убивают. Она схватила малыша и побежала что было силы прочь от дороги к лесу.

Дети повели меня в свое убежище. Они жили в большой яме на невысокой горе, откуда летом вывозили желтую глину для мазанок. Вход в яму ребята закрывали куском мерзлой земли, чтобы не попадал снег, но это не спасало от холода и пронизывающего ветра. Мы стали в ней жить втроем.

Я научила ребят прятаться в хлевах. Мы заприметили в селе несколько хлевов, которые на ночь крестьяне не запирали, и с наступлением темноты втроем перебирались к коровам, чтобы немного отогреться и поспать, а с рассветом, перед приходом хозяек доить коров, снова убегали в нашу яму.

Днем братик Ривы Лёвик по очереди оставался то со мной, то с ней, а одна из нас ходила по деревням, выпрашивая еду. Мы не мылись и страшно завшивели. Стоило нам тряхнуть головой, как на снег сыпались вши, блохи, куски навоза...

— Пойдем в другое место, в Трабиевку, — предложила однажды Рива, — здесь уже многие знают нас.

Я согласилась, и мы пошли. До Трабиевки было километров пять. Мы прошли мостик, за которым начались хаты деревушки.

— В этом доме я попрошу хлеба, — сказала я своим друзьям, — а вы постойте, подождите меня.

Я быстро побежала наверх через огород к избе.

Вдруг на дороге появилась машина с немцами и затормозила недалеко от мостика. Немцы приезжали грабить деревню — отбирать продукты. Быть может, фашисты и не обратили бы внимания на двух оборванных детей, но Рива с малышом в испуге бросились бежать, и немцы дали по ним автоматную очередь. Перевалившись с мостика, они упали в речку, оставив на снегу две алые полоски крови.

Когда я выбежала из дома с куском хлеба, то услышала лишь звук удаляющейся машины. Вблизи мостика, там, где только минуту назад стояли мои друзья, остался теплый, еще неостывший сгусток крови, от которого на морозе исходил легкий парок. Из окрестных домов выбежали люди и бросились вниз к речке. В толпе стоял крик:

— Двух жиденят убили!

Задыхаясь от рыданий, не оглядываясь, я помчалась через лес обратно в Вербиевку. Прибежала в нашу глиняную яму и проплакала всю ночь. Сама яма, каждый камень в ней напоминали мне моих маленьких друзей, ставших родными. Я все не могла привыкнуть к мысли, что никогда их больше не увижу, что никогда больше мы не прижмемся друг к другу — мы с Ривой по краям, а Лёвик между нами, чтобы чуть-чуть согреться. «Прощайте, мои милые, я вас никогда не забуду», — шептала я сквозь слезы.

Опять я совсем одна. Одна среди лютых зверей, одна в целом мире. Неужели это навечно?!

Рассвело. Слезы замочили мою кофту, и она, смерзшись, стала жесткой, как желье. Руки посинели от холода. Прошло много времени, а я все лежу в оцепенении. Надо жить! Надо есть! «Иди к людям», — настойчиво повелевает внутренний голос, инстинкт жизни.

И снова я стучусь в чей-то дом... На этот раз дверь отворила молодая стройная женщина, спросила, кто я, как зовут и, не сказав ни слова, повела в сени. Это была Женя Варфоломеевна Мельничук, как потом оказалось, женщина очень странного характера. В деревне ее презрительно называли «Рябая» — из-за оспинок на лице, ввевшихся мелких темных ямочек. Она жила одна с пятилетним сыном и приютила меня на время, оставила ухаживать за ребенком и вести хозяйство.

Муж Жени Мельничук был учителем в Вербиевке. В начале войны он был мобилизован на фронт. Родственники его, по фамилии Батраковы, жили неподалеку от Жени, напротив, и люто возненавидели ее за связь с немцами.

И вправду, раз ночью она приехала с двумя немцами. Я от неожиданности побледнела и стала, как вкопанная. Женя увидела, что мне страшно, спокойно усадила немцев за стол, а меня потянула за рукав в сени и заговорила шепотом:

— Не бойся, они тебя не тронут, ступай с Юрой на печку.

Мы с ребенком примостились в тепле, но заснуть я все равно не могла. А они всю ночь пили, смеялись, галдели. Лишь к утру убралась.

После случившегося Женя увидела, что я хожу сама не своя, молчаливая, пришибленная, и попыталась успокоить:

— Что ты так косо смотришь на меня? Знаешь, почему я гуляю с немцами? Мне нужно оружие! Поняла?! Я достаю его для партизан. Немцы мне доверяют, моя племянница замужем за комендантом Ружинского района¹. Ты их в моем доме поэтому не бойся, но язык держи крепко! Обещаешь?

— Конечно, конечно, Женя, я все понимаю и буду вам во всем помогать.

Этот разговор меня успокоил. И действительно, Женя Мельничук не соврала. Вскоре на нашем чердаке появились четверо русских пленных: они чистили оружие, а я им приносила еду. Через несколько дней они исчезли, видимо, их переправили к партизанам, затем появились другие. Партизаны меня уже знали, и по условному паролю я принимала людей, отводила их в укрытие, кормила. Так продолжалось некоторое время, до лета.

Женя почти не бывала дома, лишь изредка наезжала. Я изо всех сил старалась управиться с ее большим хозяйством, но она всегда приезжала недовольная, взвинченная, вздрюченная, все ей не нравилось.

— Жидовские руки у тебя, ничего не умеешь! — напустилась она раз, едва войдя в дом. Мне до боли было обидно и горько. Я старалась от всей души, чтобы Юрочка был накормлен, чисто одет, в доме было прибрано, чтобы вовремя была подоена корова, накормлены свинья и куры. Как закручусь с утра, ни минуты не присяду передохнуть.

В дальнейшем военнопленные и партизаны больше не приходили. Тянулись дни. А Женя меня вконец невзлюбила. Стало тепло. Мы вскопали большой огород в 60 соток, посадили картофель, овощи. Теперь я стала ей почти не нужна, и она начала открыто издеваться. Однажды, работая на огороде, Женя ударила меня тяпкой по ноге и раскричалась без стеснения на весь двор:

— Ты что так медленно копаешь, жидовская харя! Убирайся к чертовой матери, надоела ты мне!

Я расплакалась от обиды. Эту сцену видели родственники ее мужа, Батраковы. Они встретили меня позже и обласкали:

— Не плачь, милая, уходи от «Рябой», пойди на бережок. Уже тепло, люди не обидят тебя. Поживи пока там, а зимой видно будет. В тот же день я перебралась на берег речушки за

Женя Гуральник с семьей. 60-е гг.

деревней. Батраковы отнеслись ко мне по-доброму, приносили от нескольких хозяек всякую работу — полотно, чтобы белить на солнце в холст, рукоделие, вязание и оставляли еду. Спала я там же, в копне сена.

Часть II

Однообразно тянулось лето 1942 года. Тягостные мысли мучили меня. Неужели Гитлер выиграет войну и красные не отомстят за нас? Я чувствовала себя повзрослевшей за этот год на целые десятилетия.

В этом месте у речки я довольно долго пробыла, и хоть Батраковы никому не говорили обо мне, в деревне, видимо, дознались. Я начала подумывать, куда бы податься, но судьба неожиданно счастливо обернулась для меня.

Это произошло в один из теплых летних украинских вечеров. Большое оранжевое солнце клонилось к лесу. Смотрю, вдалеке в поле ковыляет хромой рослый детина. Одет он был в зеленое, издали напоминал полицаю. Шел прямо на меня, к моей копне — значит, уже дознались... «Если это немец, лихорадочно пробегали мысли, — бежать нельзя, поздно, будет то же, что с Ривой и ее братиком. Надо оставаться на месте».

¹ Район в Житомирской области, районный центр — поселок Ружин.

Я притворилась равнодушной, а у самой сердце так и падает, дыхание перехватило, стою окаменевшая. Высокий здоровый мужчина подошел ко мне совсем близко и грозно уставился. Усы у него большие, пышные, как у Тараса Бульбы¹, наполовину закрывают щеки. Стоит и сверлит меня серыми глазами. Вижу — он без оружия, и только хотела пуститься бежать, как вдруг его взгляд смягчился, подобрел, и он заговорил, как-то странно заикаясь:

— Эй ты, ди-ди-дивчина! — лицо его тряслось от напряжения, и он продолжал:

— Т-ты кто т-такая?

Я еще не отошла от страха, речь вовсе отнялась, но с усилием выдавила:

— Я жидыня².

— И откуда ты?

— Из Павловичей, там всех наших поубивали.

— Слыхал, слыхал. А хочешь у меня жить?

Неужели, думаю, хочет заманить меня, надругаться и убить? Нет, глаза у него вроде добрые, хоть и выглядят строгим. Пойду, решила я, мне терять нечего, здесь тоже нельзя оставаться.

— Хочу, дедушка, очень хочу. Он молча повел меня к себе... (Это был мой будущий спаситель Марко Стадник, будь благословенна память его!)

— Оксана! Слышь, Оксана! — начал он окликать свою жену уже из сеней, а заикается пуще прежнего; видно, тоже волнуется.

Я стою и жду, что будет дальше. Из глубины комнаты появилась невысокая полная старушка с добрым лицом и ласковыми глазами.

— Садись, дочка, садись, поешь, отдохни. По виду вижу, не сладко жилось тебе, вон какая худющая!

Покормили они меня, уселись рядом, и я им стала рассказывать все, как было: как нас убивали, как я спаслась, скиталась, работала у Жени. Глаза их были полны слез и ужаса.

— Успокойся, детонька, забудь про то, живи с нами, будешь нам за дочку, своих детей, видишь, нет у нас.

Я и не мечтала о таком счастье. Не верилось, что в это страшное время еще есть такие сердечные и добрые люди.

1 Герой одноименной повести Н. В. Гоголя (1835 год), ставший олицетворением украинского национального характера.

2 Жидыня — по-украински «еврейка» в обычном, неоскорбительном смысле.

— А ты потом не уйдешь от нас? — с ноткой недоверия спросила Оксана.

— Что вы, куда мне идти? Я совсем одна.

Оксана затопила печь, сварила ужин, нагрела для меня чан воды. За долгие месяцы я впервые выкупалась и одела чистую сорочку, которую мне подарила эта славная женщина. Она взглянула на пальцы моих ног и всплеснула руками: они были сплошь покрыты черно-синими гнойниками. Оксана смазала мне ноги гусиным жиром и аккуратно забинтовала чистой тряпкой каждый палец в отдельности. Причесывая меня, она приговаривала:

— Ты не бойся моего старика! Даром, что вид у него хмурый и хромает он, и с палкой не расстается. Это он таким пришел с Гражданской войны. Но душа у него добрая, зазря никого не обидит.

Уложили меня спать на печке. Дядя Марко (так я стала называть моего приемного отца) подошел ко мне и, размахивая палкой в воздухе, словно грозя кому-то, сказал, сильно заикаясь:

— Ты, ты-ы... никого не бойсь! Ежели кто зайдет и тронет тебя, так я тому вот этой палкой башку расшибу! Пусть только попробует! — И тут он поистине стал страшен. Лицо его скривилось, усы зашевелились, губы нервно задергались. Но мне, конечно, не было страшно.

— Но запомни, — он нагнулся ко мне, доверительно глядя прямо в глаза, и тихо продолжал, — если кто спросит тебя, так ты скажи, что из киевского детдома прибыла. Скажешь, детдом, мол, разбомбили, ты украинка, блуждала по деревне, мы тебя за дочку и взяли. Только так и говори людям! Поняла? Не то всем нам худо будет.

Мы зажили дружно. Я старалась во всем быть прилежной: рано вставала, доила корову и выгоняла пастись, ухаживала за огородом, кормила кур — словом, тянула все их нехитрое хозяйство. Я почувствовала, что понравилась им, они с первого же дня искренне ко мне привязались и полюбили как родную дочь. Когда Оксана возвращалась с базара, куда она отправлялась продавать кое-какие продукты, то всякий раз покупала мне гостинец, пусть маленький, но обязательно покупала, а Марко, работая огородником, всегда что-то приносил с поля — то ягоды, то огурец или дыню и, вручая, приговаривал:

— Ешь, набирайся сил, зимой не будет.

Я скоро к ним привыкла и искренне полюбила.

Как-то раз Оксана занемогла и надолго слегла в постель. Я попросилась пойти вместо нее поработать на колхозном поле, ставшем теперь немецким. Бригадир отмерил мне участок и по-

ставил рядом с нашей соседкой Таней. Весь день мы работали почти беспрерывно.

Вечером, только я вернулась с работы, помылась, поела и улеглась, слышу, стучат в дверь — входит староста.

— Ну что, Марко! Можно поздравить тебя с дочкой?! — староста хитровато посмотрел на хозяина.

Мой новый отец складно выложил ему свою историю о киевском детдоме:

— Не хочу на старости быть один, вот и взял ее, да и Оксане подмога.

— Ладно, Марко, не рассказывай больше. Я ее знаю, она жидыня, в наших краях уже давно бродит, слышал про нее. Но что она, дитё, виновато?! Может, ее родные были повинны, что их поубивали. Нехай живет у тебя да бережется людских глаз. Позови ее.

Я подошла и замерла перед старостой. Он похлопал меня по плечу и с сочувствием сказал:

— Я знаю, что ты жидыня, меня не бойся. Но как увидишь, что немцы приехали, уходи с глаз долой. Не попадайся им, они живо опознают, у них до этого нюх особый есть.

Так, немного успокоившись, что местные власти не выдадут, я часто в дальнейшем стала ходить вместо Оксаны на работы.

Как-то осенью мы молотили в поле. Бригадир поставил меня наверху подавать снопы в барабан¹. Из-за шума мотора молотилки мы не услышали, как к нам подкатила машина с карателями-немцами и полиция. Они соскочили с машины и начали повсюду протыкать штыками скирды.

— Есть тут жида, партизаны? — крикнули они, обращаясь к бригадиру, и побежали рыскать вокруг скирд и молотилки.

Я обомлела от неожиданности, чувствую, что не выдержу этого напряжения — вот-вот упаду в обморок, в глазах потемнело, пошли круги. Не знаю, как долго это длилось, наверное, минут 10—15, но мне казалось, что это никогда не кончится. Все работники присмирели, никто не шелохнулся, не сдвинулся с места, лишь мотор продолжал монотонно реветь. Наконец банда карателей залезла в машину и укатила в село. Бригадир выключил молотилку и громко объявил:

— Перекур! Слезайте! — и подошел ко мне. А я все стою, как пригвожденная, и с места сдвинуться не могу.

Бабы подошли ко мне, стали вокруг, а бригадир приветливо, словно от имени всей бригады, обратился ко мне:

1 Барабан в молотилке — деталь в форме цилиндра, которая, вращаясь, извлекает зерно из колосьев.

— Не бойся, Женья! Никто из наших тебя не выдаст. Я все время наблюдал за тобой, как будешь вести себя. Молодцом держалась!

Я заплакала... Только теперь, через много лет, я понимаю, что родилась счастливой, будто незримо хранимая неведомым Ангелом, словно впрямь предсмертная молитва матери меня берегла — смерть щадила и отступала.

* * *

В один из осенних дней 1943 года полиция объявила через старосту запись добровольцев для отправки на работу в Германию. Несколько дней было спокойно — ждали желающих. Их не нашлось на всю деревню ни одного. Тогда полицаи начали сами искать молодежь — шарить по домам, чердакам, сараям и забирать первых попавшихся.

Пришли и к нам. Стук в дверь. Оксана и Марко уже заранее подготовили меня к этой встрече, и с приближением карателей я нырнула в скрыню (большой сундук). Поверх меня Оксана аккуратно разложила одежду, а скрыню накрыла скатертью.

— Где твоя дочка? — закричал на Марко главарь местных полицаев.

— Погостить отправили в соседнюю деревню к родственникам, отдохнуть на несколько деньков, а то девка от работы совсем замаялась, — начал Марко медленно, спокойно, стараясь меньше заикаться и не выдать своего волнения.

— Врешь, старый хрыч! — рявкнул полицай и дал знак своим бандитам начать поиски.

Полицаи облазили весь дом, сарай, чердак, сунулись даже в печку — во все углы. Топот сапог раздавался совсем рядом, возле моей скрыни. В конце концов полицаи убрались ни с чем. Они пригрозили моим старикам на прощание, что если поймут, то расправятся со мной как положено.

В тот самый день каратели вывезли полную машину молодежи — человек сорок, и отправили всех в Попельню, а оттуда — в Германию. Однако больше таких облав в Вербиевке не было. Люди стали осторожно выходить из своих укрытий и вновь приниматься за нелегкий труд.

К тому времени у нас отобрали корову, свинью, большую часть зерна и других припасов. Предстояла суровая зима. Нужно было посеять озимые, а лошадей в деревне совсем не осталось — угнали немцы. Мы с дядей Марко решили вспахать поле своими силами. Я впряглась в плуг, а он толкал сзади. Так пахали в селе многие.

До нашей деревни все чаще стали доходить слухи, что Красная армия приближается и что скоро мы дождемся освобождения. Партизаны осмелели, стали совершать более дерзкие вылазки: устраивали засады и нападали на небольшие группы оккупантов, а где могли, вредили — взрывали транспорт, нарушали связь. В окрестных лесах часто слышался треск пулеметов — шла перестрелка, а по ночам в селе появлялись небольшие группы партизан на подводах. Они собирали продукты и с рассветом исчезали.

Предчувствуя, что земля уходит из-под их ног, фашисты решили проучить и запугать население. В один из тех дней, поздним вечером, вдруг небо за нашей Вербиевкой ярко вспыхнуло красным заревом — загорелся лес. В первый миг мы даже обрадовались — подумали, что это наступает Красная армия, мол, приближаются ее передовые части. Но лес горел не по фронтовому тихо, без взрывов бомб и снарядов, без перестрелки и канонады. Стало тревожно на душе. А вскоре прибежали люди со страшной вестью: немцы спалили Соколянку, соседнюю деревню, за помощь, оказанную жителями партизанам. Свидетели рассказывали, что вся Соколянка была оцеплена большим отрядом карателей — никто не избежал страшной смерти: хаты спалили вместе с людьми, погибли все — от мала до велика. В сараях и хлевах бандиты сожгли и скот, не оставили ничего живого, а деревню сровняли с землей.

Примерно через месяц после этой трагедии мы с Оксаной проходили мимо Соколянки по пути на базар в Павловичи. На том месте, где еще недавно стояла светлая деревушка, теперь одиноко торчали обуглившиеся трубы и валялись груды кирпичей. На выжженных дворах в черном пепле беспорядочно лежали обугленные трупы. Я пыталась опознать место, где стоял дом лесника, но не смогла найти его. В воздухе все еще стоял тошнотворный запах горелого мяса.

Спалив деревню, фашисты принялись прочесывать лес. Этот налет каратели провели внезапно для партизан. После поджога Соколянки партизаны лишились базы, им негде было укрыться. Это привело к тому, что во время ночного боя погибло много партизан.

На другой день в нашу Вербиевку стали свозить раненых бойцов. Небольшими группками их прятали по хатам. Весь день партизаны базировались в нашей деревне. Наступил вечер. Никто не ложился спать. Часов в 10—11 вечера вдруг завязалась перестрелка. Оказалось, что полная подвода с партизанами наткнулась вблизи Вербиевки на немецкий патруль, человек 20 вооруженных полицаев. Фашисты понесли немалые потери,

но партизаны, тем не менее, не смогли их одолеть, и их поредевшие группы отступили в лес. Вербиевку обуял страх. Люди опасались, что немцы в отместку сожгут и их село подобно Соколянке.

Мы втроем, Оксана, дядя Марко и я, были в смятении, не знали, что предпринять. Было за полночь. Смотрим — один немец волочит к нашему дому другого, тяжелораненого. Раздался громкий стук в окно. Я лежу, притаившись на печке, Марко и Оксана на ногах.

— Откройте немедленно! — заорал оккупант по-немецки и дважды выстрелил в воздух. Марко открыл засов. Ворвались двое вооруженных немцев с пистолетами в руках.

— *Wo sind hier Partisanen?* Где партизаны? — И начали орудовать в доме, разбрасывая в беспорядке на пол одеяла, белье, горшки, ломая посуду.

Увидев меня на печи, фашист приказал слезть, одеться и пойти показать, где партизаны. Я стала плакать, хозяйева умоляла отпустить меня. Немец грубо оттолкнул стариков и пригрозил, что, если будем медлить, нас сейчас же расстреляют на месте. Я наскоро оделась, а немцы тем временем втащили в дом своего раненого, который стонал и просил:

— *Trinken!* Млеко! Пить!

— А ну-ка марш вперед! Покажи, где бандиты прячутся! — фашист приставил ко мне сзади пистолет и вытолкнул силой за дверь.

— Пан! Пан! Послушайте! — кричу я, заливаясь слезами. — Здесь рядом корова есть, ведь вашему раненому нужно молоко, он же просит. Я принесу ему, только пустите!

Кругом стоял грохот стрельбы, собаки оглушали деревню лаем.

— Неси, но быстрее! — крикнул мой страж, не опуская, однако, наведенного пистолета.

Я побежала к дому соседки, немцы за мной, стучу в окно:

— Таня! Таня, послушайте, у нас раненый немец, дайте ему кринку молока!

Приоткрылась дверь, и тут немцы увидели мужа Тани, а рядом с ним сына, совсем еще мальчика. Второй фашист звеврем бросился внутрь.

— *Das ist ein Partisan!* — Вот партизан! — и начал выгонять Таниного мужа на улицу. Таня дрожащими руками налила мне кувшин молока. Я пыталась выйти из дома.

— *Zurück!* — Назад! — взревел охранник и загородил собой дверь.

— *Lass Sie weg!* — Пусти ее! — крикнул второй.

Я выбежала из дому, прыгнула в канаву, бросила с размаху кувшин с молоком: «Вот тебе, гад, млеко!» — и ползком пустилась вдоль канавы к лесу. Притаилась в кустах и так в страхе просидела у опушки до утра. Мне было боязно возвращаться в село, грызла себя, что, не подумав, погубила невинную семью соседки. Наверное, их всех расстреляли. Но когда рассвело, я увидела прячущихся то тут, то там за деревьями жителей Вербиевки. Скоро я нашла Оксану, Марко и Таню. У меня отлегло от души. Таня рассказала, что после моего ухода немец вывел ее мужа на большак, центральную асфальтовую дорогу. Стояла непроглядная тьма. Немец выстрелил в него, тот упал, притворившись убитым. Фашист ушел, не поглядев на «убитого». Когда стихло, Танин муж с трудом приплелся домой, перебинтовал раненую руку и тоже скрылся в лесу.

Оксана бросилась ко мне, целуя и плача от радости, — она уже считала меня погибшей. В лесу собралось много народа, почти все жители Вербиевки. Они рассказали, что как только стало известно, что партизаны убили возле села много немцев, напуганные сельчане, в спешке захватив кое-что из еды и одежды, бежали в лес. Когда нагрянули каратели, деревня была словно вымершая: безлюдные дома были на замках, бродил беспризорный голодный скот, выли собаки. Немцы с лицами проехали по селу — убивать было некого. Сжигать Вербиевку они, однако, не стали, зато разграбили несколько домов, набили полные машины живностью — свиньями, курами, утками — и уехали.

В лесу мы пробыли еще сутки. В деревне стало тихо. Некоторые смельчаки вернулись в дома, на следующий день за ними последовали остальные. Люди снова принялись за работу, но по ночам не раздевались, готовые в любое время снова скрыться в лесу. Однако каратели больше не появлялись.

Вместе с тем все предвещало близкое освобождение: и приготовления фашистов к эвакуации и пролетающие со стороны Днепра советские самолеты, и сводки Совинформбюро¹

1 Советское информационное бюро (Совинформбюро) — орган информации, созданный 24 июня 1941 года для руководства всей работой по освещению международных и военных событий, а также внутренней жизни СССР. Занималось также составлением и публикацией военных сводок по материалам Верховного главнокомандования и организацией контрпропаганды. Просуществовало до мая 1945 года. Вероятно, Е. Гуральник и местные жители узнавали о содержании сводок Совинформбюро от партизан.

о приближении фронта. Каждый прорыв Красной армии, любое ее наступление молниеносно становилось известным всему селу, притаившемуся в нетерпеливом ожидании освобождения. И вот долгожданный день пришел. Это было в первых числах января 1944 года.

С вечера из лесу приехало пять саней с власовцами¹. По примеру немецких карателей они начали избивать прохожих, грабить, стрелять. Люди попрятались по ямам, погребам, некоторые пустились наутек в лес. Я, Оксана и Марко спустились в специально вырытую во дворе землянку. Обычно мы там держали кроликов. Сквозь прутья замаскированной решетки мы могли наблюдать из землянки за тем, что творится снаружи.

Вволю награвив, власовцы двинулись в сторону Попельни. Стало совсем тихо. Так в безмолвном напряженном ожидании прошло часа два. Вдруг издалека, все более усиливаясь, стали доноситься звуки музыки — играл духовой оркестр.

— Взбесились гады, не к добру это, что-то затеяли, хотят нас выманить отсюда, — ворчал Марко, приставив ухо в сторону решетки и расталкивая нас. Он пытался что-то увидеть во дворе.

— Это же русские песни, слышите! — еле сдерживая радость, чтобы не крикнуть, прошептала я.

— Молчи, доню, не открывай! — сердито прервала Оксана. Я пыталась разглядеть сквозь решетку солдат во дворе.

Слышалась громкая русская речь. Неужели пришла Красная армия?! Но почему у них не петлицы и ромбики, какие я привыкла видеть у красноармейцев до войны, а погоны? Закралось сомнение. Некоторые солдаты были в белых маскировочных халатах, какие обычно носят немцы. Нет, здесь что-то не то. А солдаты тем временем, я это услышала совершенно отчетливо, заговорили между собой:

— Где все население? Неужто всех перебили?

Услышав это, я вскочила точно коза и раскричалась во весь голос, что было силы:

1 «Власовцы» — по имени бывшего советского генерала А. А. Власова (1901—1946), командовавшего 2-й Ударной армией на Волховском фронте, оказавшегося весной 1942 года в окружении и сдавшегося в плен. Встав на путь измены, он возглавил военные формирования из предателей-коллаборационистов в составе вооруженных сил фашистской Германии под претенциозным названием «Русская освободительная армия». В мае 1945 года был захвачен советскими войсками и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.

— Выходите! Это же наши! Понимаете? Наши, красные пришли! — и пулей выскочила наверх.

— Дура, всех нас стубила! — крикнула Оксана мне вслед.

— Выходите, не бойтесь, свои пришли! — разногласо закричали обрадованные солдаты, как только я высунулась из подземелья. Оксану это, однако, не убедило. Она подняла высоко вверх руки и пошла сдаваться.

На душе было радостно, и все во дворе разразились громким хохотом, увидев моих старичков, сдающихся в плен. Это пришла передовая часть Красной Армии. Мы были освобождены.

Началась новая страница моей жизни.

* * *

В нашем доме на неделю расположился штаб: командир-полковник со своим связистом и секретарем. Они были очень голодные, измученные, заросшие и невытые. Мы с Оксаной приготовили им помыться, накормили и помогли устроиться на отдых. На другой день Оксана подошла к полковнику, догадавшись, что он еврей, и, доверительно указав на меня, рассказала, что они прятали меня, еврейскую сироту, единственную спасшуюся после кровавой расправы в Павловичах. Полковник был растроган, обрадовался и обнял Оксану, поблагодарил за подвиг и подозвал меня, усадил рядом, погладил по волосам и попросил рассказать все по порядку, как было. В своем блокноте он записал мое имя, даты, названия мест, имена убийц и их пособников — все, что я запомнила.

— Они заплатят за всех! — поклялся он и, в свою очередь, рассказал нам, что в Виннице погибли все его родные и близкие — родители, братья, сестры, друзья.

На следующий день я рассказала командиру о той женщине в Павловичах, которой моя мама доверила на хранение вещи. Он гневно возмутился и немедленно вызвал группу солдат, приказав им сейчас же запрячь сани:

— Даю тебе шесть орлов-сибиряков, — сказал он мне по-военному твердо, — поезжайте к этой фашистке. Но помните! — подчеркнул он строго, обращаясь к вытянутым в струнку солдатам, — действовать по всем правилам, по нашим законам, без лишнего! Поняли?!

— Есть, так точно! — отрезали они, и мы поехали...

— Ой, доченька! Как ты осталась в живых! — бросилась она меня целовать, едва только разглядела мою компанию. В ее быстрых глазах застыл животный страх. Один из солдат вышел вперед и грубо оттолкнул ее прикладом:

— Нет у тебя дочки, фашистская гадина! Хотела ее немцам продать, а теперь кричишь — дочка! Отдай ее вещи!

— Берите, ради Бога, берите! — начала она юлить и раскрыла настежь обе створки набитого вещами шкафа.

— Я сама ей собиралась принести, да не знала куда...

Солдаты-сибиряки, в жизни, наверное, добрые, простодушные парни, стояли тогда со злыми, горящими от гнева глазами, готовые ее пристрелить, слушая поток ее лицемерных причитаний.

Я взяла мамин платок и шубу.

— Может, вам еще что дать? — еле слышно спросила она. Я отрицательно покачала головой.

— Сейчас мы у тебя возьмем свое, а пачкать руки из-за тебя, паскуда, фашистская холуйка, не станем, — с негодованием ответил за меня солдат.

* * *

В течение последующих нескольких дней в окрестностях Вербиевки выловили большую группу немцев. Пленных привели в деревню. Полковник пошел их принимать и взял меня с собой.

Немецкие солдаты плакали громко, навзрыд, просили пощады, клялись в невинности. Они, видимо, думали, что их будут расстреливать с приходом командира. Полковник же прошелся по рядам и подвел меня к одному из пленных. Тот ужасно вопил, трясся и умолял:

— *Ich habe Mutter, Kinder...* — У меня мать, дети... — и заливался слезами. Трудно в нем было узнать бывшего спесивого покорителя мира.

— А ты знаешь, бандит, кто эта девушка?! — грозно закричал командир на немца. Пленный поднял испуганные глаза и замолчал.

— Что, не знаешь, гад?! Посмотри на нее. Она *Jude!* Уж ты эти глаза хорошо знаешь, мерзавец! У нее тоже были *Mutter, Fater, Schwester, Bruder* — мать отец, сестры, братья, и ты их всех убил, подлец! Всех вас перестрелять до единого, и то не икупите даже доли своих преступлений и злодеяний. А тебе, небось, жалко его? — повернулся он ко мне. Лицо его было красным от негодования.

— Да, жалко, — тихо ответила я и не соврала...

— А он твоих убивал, ему не было жалко! — снова вспылал полковник.

— А моих живьем сожгли в Воронеже, он тоже не жалел! — выкрикнул стоящий рядом один из наших солдат.

— И моих в деревне, и моих... — со всех сторон сыпались наперебой обвинения и проклятия оккупантам.

Командиру-полковнику принесли какую-то папку с бумагами, он бегло пролистал их и сунул в сумку.

— А теперь всех их еще раз проверить, обыскать и отправить в район, там разберутся! — скомандовал он. — А ты, Женя, иди домой, я приеду поздно.

Эпилог

После убийства евреев в Павловичах, кроме меня и Ривы с братиком Лёвиком, уцелела еще одна еврейская пара — муж с женой. Его, помню, звали Шмуликом. Они первое время скрывались в Вербиевке, затем перебрались к партизанам. В день убийства они находились в Вербиевке — добывали продукты, а их дети, оставленные дома, попали в облаву и были расстреляны вместе со всеми остальными евреями. Позднее, когда фашисты сожгли Соколянку и напали на партизан, в бою погибла жена Шмулика. Ее тяжело ранили и в лесу она скончалась.

В Новограде-Волынске спасся всего лишь один еврей — мой брат Ицик Киликиевский.

Он был хорошим портным, поэтому вместе с группой евреев различных специальностей был заключен в лагерь для обслуживания немцев. Своими глазами он видел, как всю его семью погнали в огромной толпе евреев на казнь. Он стоял за колючей изгородью и в отчаянии рыдал. Вскоре фашисты из оставшихся евреев отобрали совсем небольшую группу — моего брата, одного сапожника и еще нескольких специалистов-ремесленников, а остальных расстреляли.

Перед отступлением немцы запланировали уничтожить и эту горстку евреев. Партизан-разведчик, который сумел войти в доверие к немцам под видом полица — охранника лагеря, предупредил брата о готовящейся расправе над их группой и велел немедленно бежать. Брат тотчас надел на себя эсэсовскую форму, только что пошитую им для какого-то важного гитлеровца, и в таком виде вышел за пределы лагеря. Он благополучно добрался до леса, встретил в отряде знакомых и отважно сражался у партизан вплоть до освобождения. Остальных предупредить не удалось — в тот день их увели на работы вне лагеря, и все были расстреляны.

Через несколько месяцев после освобождения наших мест из эвакуации вернулась моя старшая сестра, и мы, трое оставшихся в живых из всей семьи, решили жить вместе в Новограде-Волынске.

С грустью я рассталась с моими спасителями — Оксаной и дядей Марко Стадником. После войны мы часто бывали друг у друга в гостях. Ныне их уже нет в живых, царство им небесное!

Каждый год я приезжаю осенью в Павловичи на *кейверовес*¹. Собираются туда, к яме, десятки людей. Здесь покоится прах наших матерей, отцов, детей, родных. Люди собираются перед черным гранитным памятником и плачут. Память замученных освящена древней традицией поминовения — молитвой *Кадииш*, и мы ее соблюдаем из года в год.

Суров и строг ритуал *кейверовес*. Вперед к памятнику выходит старик, наш раввин. Знаком руки он просит тишины и внимания. Люди становятся тесно полукругом, все смолкают. В мертвой тишине начинает звучать возвышенная зауспокойная молитва. Слышатся отдельные рыдания — это плачут женщины, мужчины плачут неслышно, лишь видно, как по их лицам текут слезы. Звуки поминальной молитвы проникают в самое сердце, и в мыслях все присутствующие переносятся через десятилетия назад к тому кровавому дню.

После поминальной молитвы следует короткая пауза, затем с той же равномерной мелодией молитвы начинают зачитывать имена погибших — записали всех, чьи имена знали.

Вот длинный перечень имен доходит до нашей семьи. Светлой памятью упоминаются моя мать и сестра, произносятся и мое имя, словно я тоже лежу здесь, в яме, со всеми расстрелянными. Список окончен. Наступает гробовая тишина, после чего раввин объявляет о моем спасении, как о чуде судьбы.

— Волею Бога, — говорит он, — девушка осталась в живых, чтобы рассказать нам, оставшимся в живых сынам и дочерям

Ицик Киликиевский.
1968 г.

1 Предписываемое еврейской традицией посещение могил родственников для поминовения душ умерших.

Кейверовес в Павловичах на месте расстрела. Женья Гуральник рассказывает собравшимся о трагедии. 1970 г.

нашего народа, страшную правду о том, что здесь произошло, чтобы никто на земле этого не забыл...

Меня обступают плотной стеной, и с болью в сердце я начинаю рассказывать с самого начала все, как было. Перед глазами вновь всплывает кровавая картина, словно это произошло только вчера. А рядом тот же лес, и та же степь, и польское кладбище, и та же речка. Лишь на месте кустарников кое-где вытянулись раскидистые деревья и на невысоком холме над ямой появилась мрачная надгробная плита, усыпанная яркими живыми цветами.

Меня засыпают вопросами. Каждый просит рассказать о последних минутах своего близкого. И снова, как во сне, я восстанавливаю страшную правду:

— Вашу мать пристрелили в яме, а вашего брата — наверху, а вашего...

Безмерна трагедия свершившегося!
Помните и никогда не забывайте!

Рига, 1964 год

Послесловие

Поселившись в Риге после замужества, Женья Гуральник поддерживала регулярный контакт со своими украинскими спасателями и друзьями из Новоград-Волынского, Павловичей, Вербиевки и др.

В 60-х годах, сразу после завершения записи этого документального рассказа, рукопись была тайно переправлена в музей «Яд-Вашем»¹ в Иерусалиме, а машинописные копии распространялись в Риге, Ленинграде, Москве и других городах Советского Союза как еврейская национальная диссидентская литература.

Женья Гуральник послала также экземпляр рукописи своим украинским друзьям в Вербиевку, и эта рукопись перечитывалась, пересказывалась и обсуждалась в кругах местных жителей и долго ходила по рукам.

В 90-х годах описание кровавой расправы над еврейскими жителями Павловичей и история спасения Жени Гуральник была зафиксирована на видеоленту всемирно известным кинорежиссером из Голливуда Стивеном Спилбергом², автором

1 «Яд-Вашем» (ивр. «память и имя» — «...им дам Я в доме Моем и стенах Моих место [память] и имя... которые не изгладятся вовеки...») (Ис. 56:5)) — Национальный институт памяти жертв Катастрофы и героизма (Иерусалим). Фактически основан в 1946 году, закон о его учреждении принят израильским парламентом в 1953 году. Институт включает Исторический музей, Музей искусства, Зал памяти, Зал имен, монументы Стена памяти и Долина уничтоженных общин, Аллею Праведников народов мира, Комитет по присвоению звания «Праведник народов мира», архив Катастрофы и еврейского Сопротивления, библиотеку, Всемирный центр преподавания истории Катастрофы, отдел «Энциклопедия уничтоженных общин», Центр исследований и публикаций, Всемирный институт исследования Катастрофы.

2 Стивен Спилберг (р. 1946) — американский кинорежиссер, сценарист, продюсер. Работает в жанрах мелодрамы, «фильма ужасов», приключенческого фильма и др. В 1993 году снял фильм о геноциде евреев в годы Второй мировой войны «Список Шиндлера», вызвавший широкий резонанс в мире и удостоенный премии «Оскар». Высокое профессиональное мастерство его работ сочетается с исключительным коммерческим успехом.

знаменитого кинофильма «Список Шиндлера», и она хранится как бесценный свидетельский документ о Холокосте.

До конца своих дней Женя Гуральник была активным членом латвийского общества ветеранов Второй мировой войны против фашизма и Латвийского общества евреев — бывших узников гетто и концлагерей.

6 августа 2004 года Женя Гуральник скончалась в Риге после мучительной, неизлечимой болезни. Будь благословенна вечная память ее!

*Давид Зильберман,
Рига — Нью-Йорк, 2005 год*

1000 ДНЕЙ - БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

Вспоминает Мордух Хаги

Жизненные обстоятельства заставили вернуться меня к трагическим событиям, пережитым мною и моей семьей почти 50 лет тому назад. Это трагедия не только моя и моей семьи, это трагедия моего народа, который был на грани полного истребления во всей Европе. Это годы Второй мировой войны, годы фашистской оккупации. И для тех, кто остался в живых на оккупированной территории, пути к спасению были разные, только цена была одна: жизнь или смерть.

Мне было всего пять лет, когда началась эта долгая, мучительная, голодная, полная страха борьба за жизнь. Теперь, много лет спустя, я понимаю, что этот страх заставил меня, пятилетнего ребенка, сразу повзрослеть, и эти три года страха врезались в мою уже недетскую память в мельчайших подробностях. Эти воспоминания причиняют мне боль. Я очень редко возвращаюсь к ним, и то только тогда, когда меня просят об этом самые близкие мне люди. Но я не помню случая, чтобы, рассказывая о событиях тех ужасных почти тысячи дней, я бы не заплакал, хотя я в общем-то человек не сентиментальный. Эти воспоминания настолько сильны, что абсолютно лишают меня воли, я совершенно перестаю контролировать свою нервную систему.

Итак, 1941 год. Латвия. Небольшой городок Прейли с населением семь-восемь тысяч человек. Латыши, поляки и около

Мотя Хаги 5 лет

Справа налево: отец Моти Хаги Симон Хаги, мать — Михля Хаги, урожденная Каган. Ее брат Исаак погиб в 1941 г. под Старой Руссой. Прейли, 1933 г.

Дедушка и бабушка Моти Хаги — Казриель и Цирия-Гесия Каганы. Прейли 1939 г.

ком и не знали. Доходили слухи, но, наверное, в них не верили, точнее, не хотели верить, потому что жизнь была спокойной, размеренной, взаимоотношения с коренным населением были прекрасные. У отца с мамой был небольшой магазин одежды, который, конечно, с приходом в Латвию советской власти конфисковали.

Жили мы хорошо, мои родители построили дом. Правда, жить в нем нам не пришлось. Не успели. Но я думаю, что и этот

900 евреев¹. Евреи говорят свободно по-латышски и по-польски. Латыши и поляки понимают, а многие и разговаривают по-еврейски. Наша семья Хаги (по маминой линии Каган) жила в этом городке с незапамятных времен. Во всяком случае, мои деды и прадеды — точно. Началась война. Наша семья эвакуироваться не успела. Как мне потом (после войны) объясняла мама, причин для этого было более чем достаточно. До ближайшей железнодорожной станции — 25 километров, средств передвижения, кроме лошадей, никаких, большие дедушка и бабушка, двое маленьких детей, т. е. я и мой брат Арик (он был старше меня на два года), и никакой информации о том, что делается на фронте, где немцы. (С началом войны в городишке у всех конфисковали радиоприемники.) О том, что с приходом фашистов расстреливают евреев, тол-

1 По последней предвоенной переписи населения 1935 года, в Прейли проживало 847 евреев, что составляло 51% жителей.

бытовой достаток тоже удержал моих родителей от эвакуации.

Но уже в июле, может быть, в начале августа 1941 года¹ фашистские танки вошли в городок, а за ними остальные воинские части. И тут все началось...

Это было началом конца.

Под руководством оккупационных властей латыши создали «истребительный батальон»², который взял на себя функции по расстрелу еврейского населения. Были изданы приказы относительно уклада жизни и норм поведения еврейского населения — желтые шестиугольные звезды на груди и спине (даже у детей — я их помню на себе), запрещение пользоваться тротуарами, ходить только по мостовой, только принудительные работы и никаких других. И за любое нарушение — расстрел на месте.

Гетто в Прейли не создали. Расстрелы евреев начались буквально через несколько дней после прихода немцев. Сначала группами собирали мужчин на разработки торфа. Их уводили туда утром, днем они работали, вечером их заставляли копать для себя ямы-могилы и тут же расстреливали. Основные расстрелы начались в конце августа. Их проводили по четкому расписанию. Была установлена очередность улиц, с которых в определенный день собирали евреев и вели на расстрел. (Это я знаю по рассказу мамы.)

Мы жили на улице Липовой (она называлась так потому, что упиралась в большой липовый парк). Эта улица по-

Старший брат Моти Арик. Фото 1939 г. Ему 5 лет

- 1 Германские войска заняли Прейли 28 июня 1941 года.
- 2 Имеется в виду местная группа «самоохраны», которая в различных местностях Латвии иногда назывались по-разному. «Самоохрана» (латыш, *pašaisardzības spēki* — силы самоохраны) — добровольные отряды, в которые объединились образовавшиеся на территории Латвии в самом начале войны, еще до прихода гитлеровцев, вооруженные группы вставших на путь коллаборационизма местных националистов. Формально были запрещены германскими оккупационными властями 8 июля 1941 года как самочинные. Фактически представляли собой банды убийц и грабителей. В дальнейшем наряду с другими нацистскими формированиями «силы самоохраны» послужили основой для созданных гитлеровцами полицейских структур, которым они доверяли «черную работу», в том числе и за пределами Латвии.

пала в расписание первого расстрела. Но за день до расстрела моим родителям об этой акции сказал наш постоялец — офицер-немец (немецкие офицеры в Прейли были расквартированы по еврейским домам), и мы ночью перебрались к бабушке с бабушкой, которые жили на другой улице. Так мы избежали первого расстрела. Но было совершенно ясно, что это временное спасение и очень скоро дойдет очередь и до дедушкиной улицы. Мои родители стали думать о пути спасения. Они выкопали небольшой приямок в прихожей дедушкиного дома (под полом). В нем можно было уместиться только лежа на спине. Буквально через семь-десять дней начали собирать евреев и с этой улицы на расстрел. Бабушка спрятала нас в этой яме, закрыла доски пола над нами, а входную дверь уже взламывали расстрельщики. Мама слышала их голоса и некоторых из них узнала по голосу. Это были наши соседи по улице. Бабушку с дедушкой увели, обыскали дом, но нас не нашли. Ночью мы выбрались из этого приямка и огородами, прячась, пошли к дедушкиному другу юности Ивану Калиновичу (фамилию я не помню, но хорошо помню его лицо — усы, бороду клинышком, он был среднего роста)¹.

Почему к нему? Чтобы объяснить, я должен сделать небольшое отступление.

Из маминого рассказа: с юности Иван Калинович был другом деда. Уже не помню, что именно случилось, но его судили и приговорили к расстрелу. Тогда дедушка собрал более 100 подписей под просьбой о помиловании, и его помиловали.

Когда начались расстрелы в Прейли, Иван Калинович пришел к деду и предложил ему свой дом, чтобы спрятаться. Дедушка для себя отказался, но попросил за нас. Иван Калинович жил на хуторе на окраине городка, у него было 13 детей. Он прекрасно знал, что за укрывательство евреев расстреливают и, тем не менее, решился на этот шаг. Сколько мужества нужно было иметь?! И мы пришли к нему — папа, мама, брат и я. Он спрятал нас в бане — это была обычная стоящая отдельно от дома деревенская баня, и накормил. А на утро нас ждал очередной удар судьбы.

У Ивана Калиновича жил и работал военнопленный-красноармеец. Пленных тогда раздавали на хутора для работы. Он, конечно, увидел нас, пришел в баню и объявил, что идет нас выдать. Иван Калинович с женой на коленях умоляли его не выдавать нас и дать нам возможность дождаться темноты, чтобы уйти. И мы ушли, гонимые страхом, отчаянным желанием

¹ Имеется в виду Иван Калинович Цветков.

выжить и, что, наверное, было самым главным, инстинктивным желанием родителей спасти нас, детей.

Пошли мы к Вушкану Владимиру¹. Почему к нему? Я, будучи уже взрослым, спрашивал родителей. Прежде всего, он жил на хуторе на окраине Прейли, жил один (жена от него ушла и с сыном жила в Риге), он был поляк, работал до войны директором спиртового завода, дружил с моим дедом. Мой дедушка, Казриел Каган, был лучшим портным в Прейли, и Вушкан шил у него. Они были в хороших дружеских отношениях. Вушкан нас впустил и сказал, что у него уже прячутся другие евреи. Это были Гаккер — хозяин ювелирного магазина в Прейли, два брата Осбанда (старшего звали Шмул Лейб, второго — не помню, как) и Файвиш Шафир, мамин двоюродный брат. Дом Вушкана был двухэтажный, сложенный из крупных камней. Первый этаж был нежилой, хозяйственный.

Там были загон для свиней, стойла для лошадей, хранилась техника (косилка, сеялки и прочий сельхозинвентарь), там же было хранилище для картофеля — так называемый «засек», как это называется в Латвии, и примерно треть площади первого этажа была занята под хранение сена и соломы для скота на зиму. Второй этаж был жилым, но я его помню плохо, так как нам туда заходить было запрещено; а выше был чердак, большой и очень грязный. Со второго этажа на чердак вела большая приставная лестница, и, когда летом мы прятались на чердаке, лестницу мы поднимали за собой наверх. Я помню этот первый этаж и чердак, как свои квартиры, в которых мне приходилось жить, потому что там прошли три года моей недетской жизни, хотя по возрасту я был еще ребенком.

Я попытаюсь объяснить, как было устроено наше убежище.

Часть сена убрали от стены, образовав яму в четыре-пять квадратных метров. К этой яме по полу вел лаз. Когда нужно было вылезти, сено из лаза втаскивали в яму, а когда влезали в нее, вход в лаз затыкали сеном изнутри.

Зимой на каменной стене в яме был постоянный слой изморози. Это было наше убежище. Зимой мы прятались в этой яме, а летом на ночь поднимались на чердак.

Итак, мы пришли к Вушкану, и первым его вопросом был: как мы ему заплатим за то, что он нас спрячет? Перед началом расстрелов родители закопали у дедушки на огороде все драгоценности, которые были у нас и у деда. Они объяснили Вушкану место, где это было спрятано, и он в очередную ночь пошел, нашел это место и все выкопал. Таким же образом

¹ Имеется в виду Владислав Антонович Вушкан (1886—1953).

с ним рассчитались и остальные. Я до сих пор не могу понять, чего в этом человеке было больше — мужества или жадности. Ведь он рисковал своей жизнью! Я думаю, что он был глубоко убежден, что война закончится в течение трех-четырех месяцев и немцы войну проиграют, а он останется при большом богатстве, полученном от всех нас, да еще со славой спасителя. По натуре он был очень тщеславным человеком.

Примерно через месяц в убежище умер ювелир Гаккер. Мужчины вырыли ночью за домом яму и похоронили его.

Первый месяц Вушкан кормил нас, но в один из дней он пришел и объявил, что больше кормить нас не будет, так как не может покупать столько продуктов. Это уже заметили в городке и стали спрашивать, не прячет ли он кого-нибудь.

Буквально через два-три дня после этого разговора он сказал нам, что у него ожидается обыск. Кто-то в городке все-таки донес на него. Об обыске его предупредили (скорее всего, это была его родная сестра, которая работала переводчицей в гестапо, а может быть, еще кто-нибудь). И этой же ночью мы все должны были уйти. Но куда?!

Нам некуда было идти, и мы пошли в синагогу. Она была расположена в центре городка, и это решение выглядело полнейшим безумием. Но кто мог нам помочь и спасти? Единственной надеждой был Бог, и это был Его Дом. Мы забрались ночью на чердак синагоги и там просидели двое суток. Днем в нее заходили, разбирали пол на доски. Нас мог выдать малейший звук или шорох. Но Бог не выдал нас. Через двое суток ночью мы выбрались из синагоги и пошли обратно к Вушкану. Он впустил нас. В доме все было перевернуто вверх дном. Обыск действительно состоялся и, если бы мы не ушли, нас бы, конечно, нашли и расстреляли вместе с Вушканом.

Наступала зима, еды не было, одежды тоже. Нам угрожала голодная смерть. Оставался единственный выход — ходить по ночам воровать еду. И это при нашем-то положении — ведь стоило нас кому-то заметить, не только поймать, и это был бы наш конец. Кто жил в довоенной провинциальной Латвии, знает, как устроена латышская деревня — там люди живут хуторами, т. е. отдельными, отдаленными друг от друга участками. Как правило, к жилому дому прилегают отдельно стоящие сараи, кладовые и бани. В этих сараях и кладовых хранятся зимние запасы еды — картофель, овощи, зерно предыдущего урожая и семена для следующего посева. А летом в колодцы на ночь опускают бидоны с молоком, чтобы не скисало. Вот эти сараи мы и посещали по ночам и приносили что-нибудь, когда удавалось найти. Когда взрослые уходили воровать, мы с бра-

том оставались одни, потому что каждый забирал себе то, что смог принести. Что мог один папа принести на четверых? И мама уходила вместе с ним. И никто не знал, вернутся они или нет в очередную ночь. А если они не вернутся, то мы с братом будем обречены. Я представляю себе, с каким сердцем отец и мама уходили в эти страшные ночи, оставляя нас с братом. Много лет спустя, будучи уже взрослым, я понял, сколько мужества было в этих людях! Я преклоняюсь перед ними и их памятью. Я в неоплатном долгу перед ними.

И так тянулись эти бесконечные дни и ночи. Зимой 1943 года в одну из ночей у Вушкана был второй обыск.

Ни он, ни, конечно, мы ничего об этом не знали. Ночью к дому подъехали на подводах. Стали стучать в двери. Спустился Вушкан, открыл двери. Это были местные полицаи — латыши. Сено, в котором была устроена наша яма, протыкали штыками. Один из проколов задел голову отца и порезал ему ухо. На наше счастье разгрести сено они не стали и нас не нашли.

Шло время... Мы отошали и с трудом уже передвигались. Одежда на нас изорвалась, а другую взять было негде. В мешках из-под зерна или картофеля мама вырезала отверстия для головы и рук — это и было нашей одеждой. Нас заедали вши. Три года мы не видели мыла и не купались. Шла уже весна 1944 года. Советские войска были близко от Прейли. Уже бомбили Даугавпилс¹, и над Прейли часто пролетали русские самолеты. Мы не знали, что от свободы нас отделяют считанные месяцы, которые, однако, принесли целое море нового горя и страха.

В ноябре 1943 года на руках у родителей от истощения и голода тихо умирал мой братик Арик. И они ничем не могли ему помочь. Не могли накормить, не могли никого позвать на помощь. Он просил хлеба, а где его было взять? Он был очень добрый, мой Арик. Свою маленькую порцию еды он никогда не доедал до конца, отдавая немножко мне, хотя он всегда был голоден, как и все мы. В память о нем я назвал его именем моего сына.

Как я уже писал выше, у Вушкана в Прейли жила сестра, которая работала переводчицей в гестапо. Боясь бомбежек городка, она перебралась жить к Вушкану на его хутор. Было уже лето, и мы прятались на чердаке. Очевидно, она услышала наши шаги на чердаке или чей-то голос и поняла, что на чердаке кто-то прячется. Ничего не сказав брату, она пошла в комендатуру и выдала нас. Там, в комендатуре, она встретила

1 Даугавпилс находится в 55 км от Прейли.

бывшего нашего соседа по улице Езупа Вайвода, который служил в немецкой армии, и рассказала ему, что у брата на чердаке кто-то прячется. Вайвод взял инициативу в свои руки и потребовал у заместителя коменданта машину и солдат, чтобы арестовать прячущихся на хуторе (сам комендант с частью солдат в это время уехал в близлежащий лес — называлось место Ликсне, это примерно 15—20 километров от Прейли). Все эти подробности мы узнали уже после освобождения.

Итак, мы вдруг увидели с чердака, что к дому подъезжает грузовик. Из него стали выскакивать вооруженные автоматами немецкие солдаты. Часть из них окружили дом, а несколько человек вошли внутрь и, направив в сторону чердака автоматы, потребовали сдаться. Выбора у нас не было, и мы стали спускаться вниз.

В латыше, одетом в черную немецкую форму, мама узнала Вайвода. Когда немцы увидели нас в одетом на нас рубище, еле передвигающихся, они опустили руки с автоматами. Им показали яму, где мы скрывались, и, глядя на все это, двое из них заплакали. Мы стали умолять отпустить нас, и они были готовы это сделать, но Вайвод стал кричать и размахивать пистолетом. Он кричал им, что они отпускают «партизан» и что он будет жаловаться.

Под его давлением нас посадили в грузовик и повезли в город, в комендатуру. Когда нас стали из него высаживать, наверное, все, кто в этот момент оказался поблизости, сбежались смотреть на нас. Конечно, нас узнали. Люди плакали. Нас завели в комендатуру к заместителю коменданта. Мама стала плакать и просить отпустить. Она ему говорила:

— Посмотрите на нас. Какие же мы партизаны? Мы несчастные люди — только потому, что мы евреи. Мама говорила на идише, и немцы ее хорошо понимали.

Заместитель коменданта решил нас отпустить. А Вайвод опять стал угрожать и потребовал посадить нас в машину и отвезти в лес к коменданту. Мама стала умолять его, говоря ему:

— Езуп, мы же выросли с тобой рядом, жили рядом. Отпусти нас. Зачем тебе наши жизни?

В ответ он ударил маму рукояткой пистолета по голове, и она упала. Немцы подняли ее. Заместитель коменданта все-таки побоялся угроз Вайвода, и нас посадили в грузовик. В него сел сам Вайвод, и нас повезли в Ликсенские леса, где находился комендант с командой. Я не уверен точно, но отец после войны говорил мне, что это была полевая жандармерия СС¹. Кроме

коменданта их было еще 13 человек. Вайвод сдал нас под расписку коменданту и уехал. Комендант был сущим фашистским зверем.

Он приказал:

— Евреям-свиньям есть не давать!

Было уже темно, и мы сели под какое-то большое дерево, где посуше. Комендант заставил нас перебраться в низкое место, где хлюпала вода, и там он заставил нас лечь. Потом он сел на мотоцикл и уехал.

Ко мне подошел молоденький солдат. Он принес мне хлеба, перенес меня в более сухое место, подстелил мне свою шинель и очень плакал. Остальные солдаты спустя некоторое время тоже подошли. Принесли всем немного еды и попросили маму рассказать, кто мы и как очутились здесь. Мама рассказывала почти всю ночь. Под утро вернулся комендант и опять громко приказал не кормить нас. Так продолжалось четыре дня. Как только комендант уезжал, нас кормили.

В полдень четвертого дня приехал комендант, собрал солдат в стороне, что-то им говорил минуты две-три и уехал. К нам никто не подходил. Они о чем-то говорили между собой, собравшись в стороне. Так продолжалось часа два. Мы поняли, что это последние часы нашей жизни. Потом они подошли к нам все. Заговорил самый пожилой из них. Он сказал, что им приказано нас расстрелять, так как русские наступают и им нужно сниматься с этого места. Комендант приказал расстрелять нас в лесу через дорогу. Они решили между собой, что если комендант будет присутствовать при расстреле, они исполнят приказ. Они просят прощения у нас и у Бога. Если же он будет ждать их на дороге, они нас отпустят.

Нас подняли и повели в соседний лес. Переходя дорогу, мы увидели на ней коменданта на мотоцикле. Он за нами не пошел. Немцы завели нас подальше в лес, выстрелили несколько раз в воздух, чтобы комендант слышал выстрелы, дали нам немного хлеба и коробочек спичек. Они сказали, чтобы мы спрятались на два дня и что через два дня здесь будут русские.

— Но если вас поймают, — сказали они, — нас расстреляют всех вместе.

И они ушли. Мы спрятались в кустарнике и, дождавшись темноты, пошли в сторону полей, где росла высокая рожь. В ней прятаться было более надежно. В этом ржаном поле мы пролежали сутки. На вторые сутки днем мы услышали с дороги русскую песню «Катюша». Мамин двоюродный брат Шафир пополз в сторону дороги, чтобы убедиться, что действительно русские солдаты уже здесь. Он выполз на дорогу, и

1 Жандармерия — германская военная полиция.

Мордух Хаги студент 4-го курса Ленинградского Технологического Института. 1958 г.

его увидели солдаты из проезжающей мимо машины. Они остановились, и Шафир им сказал, что во ржи лежат еще пятеро, в том числе ребенок и женщина. Солдаты прибежали к нам и вынесли меня на руках к дороге. Офицер из этой машины (это был капитан Серебряков, москвич) послал солдата за санитарной машиной, которая вскоре приехала. Нас уложили в нее на носилках и повезли в госпиталь в Прейли. В госпитале нас искупали и одели в солдатское больничное белье. Нас осмотрели врачи. У меня была полная дистрофия. Кормили нас только жидким и понемногу, чтобы мы не умерли от переедания. Так мы потихоньку стали возвращаться к жизни. В госпитале в Прейли мы пробыли почти месяц. Затем госпиталь переехал в Даугавпилс, и нам предложили переехать тоже. Мы согласились.

Была еще одна немаловажная причина уехать из Прейли. Все мы, спасшиеся, были единственными живыми свидетелями. Мы знали, кто из местных жителей участвовал в расстрелах, кто их организовывал и осуществлял. Мы побоялись оставаться в Прейли, понимая, что живые свидетели расстрельщикам не нужны. В Даугавпилсе нас продолжали лечить в госпитале. Мое лечение продолжалось почти год, пока я не встал на ноги.

После освобождения Прейли и Даугавпилса органы НКВД¹ вылавливали в лесах бывших пособников фашистов. Маму и отца приглашали на следствие и суды для опознания и свидетельских показаний. Многих из расстрельщиков по свидетельским показаниям родителей, Осбандов и Шафира осудили как военных преступников. Но мы искали Вайвода. Где-то в середине 1948 года кто-то из прейльских земляков сказал маме, что видели Вайвода в одном из лесничеств недалеко от Прейли. Мама обратилась в НКВД с заявлением. Туда поехали и действительно нашли его и арестовали. Был суд. Но мы не знали,

1 Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД) — центральный орган государственного управления СССР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка в 1934—1946 годах

как это получилось, что ему дали всего только три года. Прошло много лет. В 1968 году маму пригласили в Ригу в военный трибунал Латвийской ССР¹. Ей сказали, что выявили пятерых человек, которые участвовали во время войны в расстрелах. Мама приехала, пришла в суд. В одном из этих пятерых она узнала Вайвода. Он жил под другой фамилией. Когда мама его узнала, она потеряла сознание. Придя в себя, она рассказала суду всю нашу трагичную историю. Вайвода приговорили к пятнадцати годам со ссылкой в сибирские лагеря.

С Владимиром (Владиславом) Вушканом мы общались вплоть до его смерти в 1953 году. Его сестра, выдавшая нас, бежала с немцами в Германию. Вушкан много раз спрашивал родителей, что они сделают, если встретят ее или узнают, где она живет. Родители сказали ему, что искать ее не станут из чувства долга перед ним, но лучше пусть она в их поле зрения не появляется.

В начале моего рассказа, я упомянул, что у Владимира (Владислава) Вушкана был сын Лёва. Когда мы скрывались у Вушкана, Лёве было лет десять-двенадцать. Он каждое лето приезжал из Риги к отцу на каникулы. Он знал, что отец прячет нас. Но никогда никому, даже своей матери, об этом не сказал. После войны многие годы мы общались с ним, помогали ему. Он был очень болен.

И последняя деталь, которую я выше не упомянул. Когда Вайвод с немцами пришли нас забирать, Вушкан работал в поле недалеко от дома. Он увидел машину и что дом окружают. Он спрятался и не появлялся дома, пока не пришли советские войска.

*Запись Мордуха Хаги,
Январь 1995 года, США*

Жители Прейли у массовой могилы расстрелянных евреев на еврейском кладбище. Конец 40-х годов

1 По всей вероятности, речь идет о Военном трибунале Прибалтийского военного округа.

Послесловие

8 августа 2004 года, в день расстрела евреев в 1941 году, в том числе девушки Шейны Грам¹ — преильской Анны Франк², которая подобно ей вела дневник до самого дня казни, в Преилях был открыт мемориал евреев-жертв нацизма.

Мемориал был открыт при большом стечении жителей города, в присутствии официальных властей Латвийской Республики, послов Израиля, России и Германии.

В тот же день на основании документов и свидетельских показаний очевидца Мордуха Хаги Владиславу Антоновичу Вушкану было посмертно присвоено звание Праведника народов мира³. Решение об этом было зачитано послом Государства Израиль в Латвии Гарри Кореном, а грамота Праведника была передана потомкам Владислава Вушкана.

Эта грамота хранится в краеведческом музее в Преилях.

Давид Зильберман, 2010 год

- 1 Шейна Грам (1926—1941) — еврейская школьница из Преилях, которая вела дневник на идише, начиная с 22 июня 1941 года до 8 августа — день убийства преильских евреев. Дневник сохранился и представляет собой ценный источник по истории Холокоста (Голос Шейны Грам: Дневник 15-летней девочки из местечка Преилях, 22 июня — 8 авг. 1941 г. // Неизвестная Черная книга: Свидетельства очевидцев о Катастрофе советских евреев (1941—1944). Иерусалим; Москва, 1993. С. 325—332). Подробнее о Ш. Грам и ее дневнике см.: *Богоявленская С.* Дневник Шейны Грам — исторический и человеческий документ // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25—27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 430—436.
- 2 Анна Франк (1929—1945) — еврейская девочка, которая со своей семьей скрывалась от нацистов в оккупированном Амстердаме (Голландия) и погибла в концлагере Берген-Бельзен. Ее дневник, обличающий нацизм, переведен на многие языки мира. В Советском Союзе был в неполном виде опубликован только во время хрущевской «оттепели» (Дневник Анны Франк / Предисл. И. Эренбурга. М., 1960). Полный текст дневника см.: *Франк А.* Убежище: Дневник в письмах. М., 1995.
- 3 Праведник народов мира — почетное звание, присваиваемое в Государстве Израиль людям, спасавшим евреев в период Холокоста. В соответствии с законом «Об увековечении памяти мучеников и героев» (1953 год) это звание присваивает Национальный институт Катастрофы и героизма «Яд-Вашем» с вручением специальной медали и Почетной грамоты.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК ЖАН ЛИПКЕ

Жан Липке

Он не был командиром партизанского отряда, не взрывал мосты и не пускал под откос немецкие эшелоны с боеприпасами. Однако этот с виду ничем не примечательный человек, простой портовый рабочий из рижского Задвинья, с Кипсалы, латыш Янис (Жанис) Янович Липке, или просто Жан, как обычно его называли друзья, совершал поистине фантастические подвиги в годы нацистской оккупации Латвии, спасая обреченных на смерть евреев. Он организовывал им побег из гетто и концлагерей и в течение долгих месяцев укрывал их в убежищах вплоть до освобождения.

Вот как это было.

В один из первых дней немецкой оккупации банда шуцманов¹ (латышских полицаев) ворвалась в дом к Жану Липке — они пришли за его дочерью Айной — комсомолкой-активисткой. Не застав ее дома — в первые же дни войны она была мобилизована в Красную армию и ушла вместе со своей

1 Шуцман — полицейский в Германии (до 1945 года). На оккупированных Германией территориях так называли коллаборационистов, вступивших в созданные нацистами полицейские формирования.

воинской частью, — полицаи в ярости набросились на Жана, его жену и сыновей и жестоко их избили. Это было первое знакомство семьи Липке с новой властью.

В центре и пригородах Риги сразу начались ежедневные облавы — охота на евреев и бывших советских активистов. Людей сгоняли большими колоннами в Бикерниецкий лес¹ на расстрел или убивали прямо на улицах. Именно в эти дни Жан без колебаний сделал свой выбор. Он всеми силами стремится помочь несчастным в беде, особенно евреям, с которыми дружил или был знаком до войны.

С первых же дней оккупации у него в доме на Баласта дамбис² прячутся многие его знакомые и даже незнакомые. Людей надо спасать! Эта мысль не дает ему покоя. Ради преследуемых и обреченных на смерть Жан готов идти на любой риск. Спасение этих людей становится главным смыслом его жизни.

С приходом немцев Жан устраивается работать грузчиком в так называемые «Красные амбары»³ на улице Маскавас, возле рынка. Эти склады находились в ведении германского Люфтваффе⁴ и поставляли оборудование и материалы для фронта. Там Жан проработал более полутора лет, но впоследствии, после войны, откровенно признался, что за все время работы в амбарах для немцев не сделал ничего полезного...

К осени 1941 года фашисты сгоняют всех евреев в гетто — в огороженный район улиц Маскавас, Лудзас, Садовникова⁵.

1 Бикерниецкий лес — район Риги, где уже в июле 1941 года местные пособники гитлеровцев расстреляли первые несколько групп евреев; там убивали местных и привезенных из других европейских стран евреев, а также советских активистов, антифашистов, пленных красноармейцев — всего, по данным судебного процесса 1946 года в Риге, более 46 тысяч человек. По оценкам современных историков, число убитых и погребенных там латвийских и иностранных евреев — около 20 тысяч, а жертв всех категорий — около 35 тысяч человек. В 2001 году в Бикерниецком лесу был открыт мемориал.

2 Баласта дамбис (Балластная дамба) — улица на острове Кипсала в рижском Задвинье (левобережной части города).

3 Красные амбары — товарные склады в районе рижского Центрального рынка.

4 Люфтваффе — военно-воздушные силы Германии

5 Начальные границы Рижского гетто («большое гетто») проходили по улицам Лачплеша, Екабпилс, Католю, Лаздонас, Лиела Кална,

Жану было поручено забирать ежедневно по утрам из гетто группу евреев, приводить на работы в амбары Люфтваффе и следить за ними. Благодаря этим обязанностям он получил возможность встречаться с заключенными в гетто, он помогал им продуктами, лекарствами, иногда приводил знакомых к себе домой, чтобы они переждали тревожное время накануне облав. Это было опасно и непросто, но ему это удавалось, так как в гетто поначалу не было строгого учета заключенных: людей, вернувшихся с работ по вечерам, стражники у ворот не проверяли поименно. Главное, чтобы общее количество рабочих в группе не изменилось по сравнению с утренним счетом.

Жан иногда подбирал своих дружков-латышей, нацеплял желтые звезды на их одежду и доукомплектовывал ими свою поредевшую группу, а затем эти парни, незаметно сняв звезды, в суматохе, царившей у ворот, выходили из гетто уже как «арийские» сопровождающие групп. Рассказывают, что однажды из-за отсутствия одного заключенного в своей группе Жан прицепил желтую звезду на свою одежду, и его группа вошла в гетто без сопровождающего, зато в полном составе.

Работая в Красных амбарах, Жан знакомится и завязывает дружбу с шоферами из Люфтваффе Карлом Янковским и Жанисом Бриедисом, которые впоследствии оказывали ему неоценимые услуги в транспортировке многих беглецов из гетто.

Однажды в сентябре 1941 года шуцманы выследили Жана и учинили очередной налет на его дом. В ту ночь он оставил у себя давнишнего приятеля Хаима Смолянского, который повредил накануне в амбарах ногу и еле передвигался. Около трех часов ночи громко залаяла и начала метаться собака. Жан подошел к окну и увидел, что дом окружен шуцманами, вооруженными автоматами. Ворвавшись в дом, они начали обыск.

— Кто это? — раздался яростный окрик главаря, заметившего Хаима Смолянского, прикинувшегося спящим и уткнувшегося лицом в подушку.

— Это мой сын! Не трогайте его, у него плохо с ногой! — вступился Жан.

Бандит сдернул одеяло и пинками растолкал Смолянского. — Ты что, считаешь нас идиотами! — взревел он.

— Хорош жидовский сын, старше отца! Сейчас мы тебе покажем, как прятать евреев! — и щелкнул затвором пистолета.

Плохо дело, понял Жан.

— Может, поговорим, что ссориться по пустякам, — миролюбиво сказал он и мигом поставил на стол бутылку шнапса¹. — Из старых запасов! — не теряя самообладания, добавил Жан и выдал улыбку.

— Выпить можно, но это тебе не поможет! — усмехнулся полицей.

Нализавшись и прихватив кое-что ценное из вещей, полицей вытолкали Жана и Хаима из дома и потащили их к 11-му полицейскому участку.

— В полиции нас встретили двое шуцманов в матросской форме, — рассказывал об этом эпизоде участник этих событий Хаим Борисович Смолянский. — Один из них, вероятно, главный, тут же вынул пистолет и готов уже был разрядить в меня, но Жан вмиг бросился передо мной, заслонив своим телом, и крикнул что было силы:

— Стой! Прежде чем убить его, убей меня, гад! Ты не знаешь, что это за человек! Это мой рабочий, и я за него отвечаю перед немцами!

Такого в полиции себе еще никто не позволял. Шуцман-главарь от неожиданности оторопел, матерно выругался и приказал бросить их обоих в камеру.

На другой день Жана вызвали на допрос, но в камеру он больше не вернулся. Шуцманы его выпустили — он сумел их подкупить. Все они были падки на взятку — на деньги, водку, драгоценности. Тем же способом через несколько дней Жан вырвал из рук полицейских и Смолянского. В гетто это казалось чудом: после ареста обычно никто из полиции не возвращался...

Жан умел в нужные моменты прикидываться приятелем коллаборационистов. Свободно владея разговорным немецким, он мог вовремя употребить жаргонное словечко или отменно выругаться.

Однажды осенью 1941 года молодой паренек Пинхусович из группы Жана в Красных амбарах выскочил из склада на рынок, расположенный рядом, чтобы наскоро обменять какую-то вещь на продукты, но его схватили двое верзил-шуцманов в штатском, готовые тут же учинить расправу. Это увидели другие работники амбаров и кликнули Жана. Сломая голову Жан бросился к рынку, схватил Пинхусовича и начал осыпать его оплеухами и пинками, сопровождая все это отборной немецкой руганью:

1 Шнапс — распространенное у немцев название крепких алкогольных напитков.

— Я с тобой сейчас разделаюсь! Костей не соберешь, сукин сын! Будешь знать, как нарушать порядок!

Удивленные шуцманы ждали развязки. А Жан быстро загнал провинившегося назад в амбар и щелкнул ключом в замке. Полицей были явно разочарованы и недовольны таким оборотом дела — они ждали кровавой расправы, потребовали открыть дверь и «как положено наказать жида». Жан сочно выругался и ткнул пальцем в вывеску над дверью:

— Вы что ослепли, не видите!

— *Eintritt verboten!* Вход посторонним запрещен! Идите в гестапо, пусть немцы придут и разберутся. Тут секретная воинская часть, и я не имею права никого впускать!

Жан хорошо понимал, что латышские полицей, издеваясь над беззащитными и невооруженными людьми, сами становятся послушными щенками не только при появлении эсэсовцев или гестаповцев, но при одном лишь их упоминании. Шуцманы еще какое-то время ругались и грозили Жану, но, убедившись, что его не запугаешь, они в конце концов убралась.

К сожалению, Пинхусовичу не суждено было пережить оккупацию, он погиб позже, в концлагере.

25 октября 1941 года ворота так называемого «большого гетто»¹ были окончательно закрыты, стража усилена, по возвращении с работы евреев тщательно обыскивали, жестоко наказывали, найдя хоть малость продуктов, — издевались, избивали, расстреливали. В любой день в гетто могла разразиться катастрофа. Жан это предчувствовал и предлагал своим друзьям накануне кровавых акций 30 ноября и 8 декабря²:

1 «Большое гетто» в Риге — Рижское гетто в его первоначальных границах до первой акции массового уничтожения узников 30 ноября 1941 года.

2 Речь идет о двух крупнейших акциях уничтожения узников Рижского гетто 30 ноября и 8 декабря 1941 года в Румбуле. Румбула — железнодорожная станция на линии Рига—Даугавпилс, в 12 км от станции Рига, или примерно в 10 км от ворот Рижского гетто. На пригорке, в 250 м от станции, в лесу, нацистами было выбрано место для убийства узников гетто. В песчаном грунте, что позволяло легко это сделать зимой, советскими военнопленными были вырыты ямы. Затем эти военнопленные (около 300 человек) были там же расстреляны. Согласно отчету начальника полиции безопасности и СД в Латвии Р. Ланге, там было уничтожено 27 800 человек (вместе с 942 евреями, привезенными из Германии и расстрелянными 30 ноября 1941 года).

— Стройте у себя в гетто убежища! В случае опасности спрячьтесь на день-два. Когда успокоится немного, я приду и выведу вас...

В те дни в Рижском гетто было уничтожено около 30 тысяч человек¹, преимущественно детей, женщин, стариков. Гетто представляло собой кровавое побоище: на мостовой лежала масса трупов — застреленных стариков, больных или инвалидов, неспособных самостоятельно передвигаться, изуродованные тела детей, выброшенные прямо из окон высоких зданий. Повсюду валялись пожитки обманутых жертв — перед отправкой на акцию им объявили, что их переводят в другой лагерь...

— Мы стояли с отцом перед проволокой гетто, мне было тогда неполных восемь лет, — с болью рассказывал младший сын Жана Зигфрид, — и я на всю жизнь запомнил дрогнувший голос отца: «Смотри, сын, и никогда этого не забывай!» — У отца в глазах были слезы.

В гетто остались лишь работоспособные мужчины-рабы, но было ясно, что их тоже убьют, как только они перестанут быть нужными. В эти страшные дни Жан лихорадочно ищет в городе места, куда бы можно было спрятать евреев из гетто. С помощью Жаниса Бриедиса он вывозит 15 декабря первую группу заключенных — 10 человек — и оборудует временное пристанище на улице Лачплеша, напротив кинотеатра. Вскоре становится опасным пребывание там такой относительно большой группы. Неутомимый Жан ищет среди своих знакомых таких латышей, которые рискнули бы укрыть у себя беглецов. В подвале на улице Бривибас (*Hitlerstrasse*), под кафе «Флора», у знакомого рабочего-кожгалантерейщика Бернета Розенберга он оставляет пятерых. К приятелю Эдгарду Занде на улице Миера, 15, посылает троих, группу из шести человек размещает у Андрея Граубиня по улице Авоту, 75. А своего старого друга Хайма Смолянского под покровом ночи приводит к себе домой на Баласта дамбис за Двиной. Вслед за ним в ближайшие дни он привел из гетто еще шестерых.

Не имея пока других надежных убежищ, решили построить сообщу под сараем, возле дома Жана, подземелье-бункер, так как держать в доме семерых евреев из гетто было крайне рискованно. Никто толком не знал, как строить такое подземное сооружение, в том числе и сам Жан. Строили

¹ Число убитых в Румбуле евреев современными историками оценивается примерно в 25 тысяч. Расстрелы отдельных групп людей продолжались там и в последующий период нацистской оккупации.

по ночам. В тридцатиградусный мороз паяльной лампой согревали землю, долбили ее и, незаметно для соседей, выносили, засыпая снегом. Но когда потеплело, в подземелье появилась вода, а затем оно вообще завалилось. Пришлось начинать все сначала.

Жан привез бревна, доски, цемент, плитки, гвозди и прочий строительный материал, и, приобретя некоторый опыт, беглецы быстро закончили хорошо замаскированный бункер. Для полной конспирации над входом в бункер был установлен птичник и разработана целая система сигналов на случай опасности. Жан, его жена Иоганна и старший сын Альфред, такой же добрый и преданный, как его отец, не только заботились о пище для своих подопечных, но и снабдили их радиоприемником, оружием и патронами.

Строительство бункера на территории дома настолько захватило Жана, что, как рассказывают очевидцы, он, бывало, увидев особняком стоящий холм или возвышение, тотчас загорался идеей: «Здесь хорошо построить “малину”!» — т. е. укрытие, ибо на своем опыте убедился, как трудно соорудить качественное подземелье в низких местах из-за грунтовых вод.

Жан Липке. Рига 1942 г.

* * *

Летом 1942 года Жан познакомился в гетто с двумя парнями — Сашей Перлом и Псавкой — крепкими, атлетически сложенными ребятами. Они ему сразу понравились, и он предложил им побег. Жан часто осторожно подходил к небольшим группам в гетто или на рабочих местах с дерзким предложением:

— *Gribējāt glābties?* Хотите спастись? Доставайте оружие, бегите в лес!

Некоторым поначалу даже казалось, что он провокатор, настолько фантастичными и безумными казались его идеи и предложения в условиях тотального террора и насилия, когда побег был равносителен самоубийству.

Саша Перл родился в Вентспилсе. Он был опытным яхтсменом, участвовал до войны в соревнованиях, и у него имелись довольно большие средства — фамильные драгоценности, которые ему передали родители накануне казни. Узнав об этом, Жан предложил дерзкий план: купить яхту, тайно пересечь Балтику и перевезти человек 15—20 в нейтральную Швецию. Воспользовавшись некоторыми своими старыми портовыми знакомствами, Жан вошел в доверие к завсегда-таям рижского яхтклуба и узнал, где продается большая яхта. Вскоре сделка состоялась. Однако, когда они пытались опробовать яхту на ходу, Перл, Псавка и Жан были застигнуты врасплох шутманами. Жану удалось улизнуть из рук полицаев, Псавка бросился в воду и выплыл на другом берегу, а Перл, к несчастью, был схвачен и отправлен в 11-е отделение полиции. Жан немедленно побежал в Люфтваффе, достал официальный список своей группы, которую он обычно приводил из гетто в Красные амбары, и вписал в него Перла. Но все его ухищрения на этот раз не возымели на фашистов никакого воздействия. Перл был обвинен в серьезном нарушении — в том, что оказался на «арийской» стороне без желтой звезды. За это полагалась смертная казнь. Вскоре его перевели в гестапо¹, отсюда — в «Централку» и расстреляли. Перл погиб мужественно, никого не выдав. Но это стало известно позднее, а в тот момент его арест серьезно встревожил Жана — надо было срочно менять все места убежищ.

* * *

Жан много помогал и своим латышским друзьям отвертеться от мобилизации в вермахт². В беде люди всегда обращались к нему. Еще до войны, работая в порту докером, Жан

1 Гестапо (нем. *Gestapo* — сокр. от *Geheime Staatspolizei* — государственная тайная полиция) — одно из главных террористических учреждений нацизма, которым руководил Г. Мюллер, подчиненный руководителю Главного управления имперской безопасности Р. Гейдриху (впоследствии Э. Кальтенбруннеру) и рейхсфюреру (высшему руководителю) СС Г. Гиммлеру. Фактически гестапо действовало на территории рейха, а на оккупированных территориях так называли немецкую полицию безопасности.

2 Вермахт — вооруженные силы нацистской Германии в 1935—1945 годах. Состоял из сухопутных войск (нем. *Heer*), военно-морского флота (кригсмарине) и военно-воздушных сил (люфтваффе).

был признанным вожаком рабочих. Он не числился в компартии, но так уже годами сложилось, что все коммунисты-подпольщики, многие из которых впоследствии стали видными и ответственными работниками при советской власти, были с ним на «ты» и относились к нему по-дружески. Как правило, если кто-либо из портовых подпольщиков освобождался, то, оказавшись с «волчьим билетом», прежде всего приходил за помощью и добрым советом к Жану Липке. И Жан всегда помогал им чем мог — в устройстве на работу, выручал деньгами, предоставлял кров. Благодаря своим знакомствам на судах одних он устраивал матросами, механиками, кочегарами, других пристраивал на берегу, а уж самых «безнадежных» попросту брал к себе в бригаду, порой даже уступая свое собственное место, так как в 30-х годах безработица была частым явлением в порту.

По своим воззрениям Жан был патриотом свободной демократической Латвии, его не интересовали политические взгляды друзей и знакомых, он помогал любому, кто в этом нуждался и кто к нему обращался. Он был на редкость добрым и бескорыстным человеком.

Поэтому неудивительно, что Жана окружало много преданных друзей, люди ему доверяли, делились самым сокровенным.

— У меня дом всегда был, как штаб, — вспоминал Жан. — Здесь тихо, кругом зеленый сад, на цепи чуткая собака. По скрипу калитки мы всегда знали, что приближается чужой.

Жан отличался редкой физической силой и выносливостью. Как-то раз, еще в довоенные ульманисовские времена¹ его арестовали по подозрению в распространении прокламаций, на самом деле организованном известным коммунистом-подпольщиком Янисом Салминьшем, которого Жан какое-то время до этого пристроил к себе на работу в порту.

Жана пытали, избивали до потери сознания, обливали холодной водой, добиваясь признаний, но безуспешно. Жана присудили к пяти месяцам каторжных работ на каменолом-

1 По фамилии Карла Ульманиса (1877—1942) — политического деятеля Латвии, под руководством которого 15 мая 1934 года латышскими национально-консервативными силами был совершен антиконституционный государственный переворот. Установленный в результате него режим был не только авторитарным, но и этнократическим, т. е. направленным против национальных меньшинств.

не в Калнциемсе¹ и он отсидел там весь назначенный срок. Попадись с поличным сам Янис Салминьш, он наверняка бы получил пять-шесть, а то и все десять лет отсидки.

С приходом немцев левонастроенные латыши, скрывавшиеся от немецкой мобилизации, снова потянулись к Жану, как в старые времена.

Жан был хорошо знаком с братьями Розенберг. Двое из них были кожгалантерейщиками и имели мастерские — одну на улице Бривибас, под кафе «Флора», другую на улице Пелду, 4; другие два брата были коммунистами. Один из них, Эрнест Розенберг, был заброшен в Ригу для организации партизанского движения и для связи латышских партизан с рижским подпольем. До 1943 года партизанское движение в Латвии практически не существовало². Одно время Эрнест

1 Калнциемс — поселок в тогдашнем Елгавском уезде Латвии.

2 Возможность для узников Рижского гетто бежать к партизанам была очень мала, ввиду следующего обстоятельства. Решение о начале партизанского и подпольного движения в оккупированной Германией Латвии Государственный комитет обороны СССР принял еще 3 августа 1941 года. Трудности его организации, в отличие от ряда других оккупированных территорий СССР, были связаны с тем, что в результате стремительного продвижения германских войск в Латвии не были созданы необходимые опорные пункты. Кроме того, в результате репрессивной политики сталинского режима в 1940—1941 годах движение Сопротивления в начале войны еще не имело здесь достаточной социальной базы. Весной 1942 года около 700 человек, выходцев из Латвии, добровольно прошли специальную подготовку для действий в тылу противника. Впоследствии они составили ядро партизанского и подпольного движения. Перелом в движении Сопротивления в результате перемен в настроениях населения Латвии наметился лишь в конце 1942 — начале 1943 года. Причинами этого были: поражения германских войск на Восточном фронте, крушение надежд на возвращение немцами национализированного советской властью имущества, трудовая и иные повинности, мобилизация мужчин в германскую армию (вместе с добровольцами-коллаборационистами под ружье нацистами были поставлены до 150 тысяч жителей Латвии), принудительная отправка населения на работу в Германию (за время оккупации туда были вывезены до 23 тысяч человек), наконец, террор гитлеровцев (погибли 18 тысяч латышей, около 35 тысяч их побывали в заключении). Значительного размаха на территории Латвии партизанское движение достигло только в 1944 году.

Розенберг скрывался в мастерской брата Бернета на Пелду, 4, а иногда в доме Жана. Эта мастерская была официально зарегистрирована у немцев, там работала группа евреев из гетто, и некоторых из них Жану удалось впоследствии спасти. В этой мастерской Жан неоднократно встречался со своими людьми, получал и передавал записки в гетто, условливался о сигналах, договаривался о побегах и т. д. Там же одно время скрывались от немцев два брата-латыша Берзиньши. Одного из них, Эдварда, Жан в дальнейшем переправил в Аннасмуйжу¹, на хутор Жаниса Розенталя, и тот скрывался вместе с Либхеном и Ульманом.

Примерно в это же время в доме Липке оказался еще один жилец. Это был подпольщик Янис Крастыньш, оставленный в оккупированной Латвии с каким-то секретным заданием. Жан раздобыл для него фиктивные немецкие документы на имя Петерсона, и он числился у Жана квартирантом. В 1943 году гестаповцы выследили Крастыньшу и пытались его арестовать, но, отстреливаясь, он был убит на улице. В связи с этим Жана Липке арестовали, и он чуть было не поплатился жизнью, но опять чудом выкрутился.

Провал с Перлом в конце сентября 1942 года сразу сделал ненадежными все городские укрытия Жана, созданные такими мучительными усилиями. Перл знал эти места, и Жан опасался, не выдаст ли он их под пытками гестаповцам. Жан запомнил первое посещение Перлом сарая и бункера.

— Иди, найди вход и заходи в бункер! — предложил ему Жан.

Перл облазил весь хлев, но, кроме свињи с поросятами и кур, ничего не обнаружил.

— У вас никакого бункера нет, — сказал Перл, глядя на сплошной слой земли и навоза.

— Ищи лучше, есть! — настаивал Жан. Перл сдался.

— А теперь смотри! — и Жан отодвинул верстак с инструментами, казавшийся вмурованным, и перед изумленным Перлом раскрылся люк: внутри были люди, горел свет, играло радио, было тепло и уютно.

А теперь после ареста Перла нужно было срочно перебазироваться. Кроме того, к этому времени оккупанты стали систематически устраивать облавы, оцепляя целые кварталы и тщательно проверяя все дома и строения: искали заброшен-

1 Бывшее имение в Аннениекской волости тогдашнего Добельского уезда Латвии.

ных в тыл к немцам парашютистов, партизан и просто местных жителей, уклонявшихся от службы в германской армии.

Вот что рассказал мне Жан Липке о таких обысках, прошедших у них в доме.

«К нам неожиданно заявился с обыском один немец-эсэсовец, сперва в дом, затем потребовал провести его в сарай. Пришлось подчиниться, иначе — расстрел. Немец внимательно осмотрел все углы и стены сарая — ничего не нашел подозрительного. Он хотел было уже выходить, но тут заметил, что диск электросчетчика вращается необычно быстро для дневного времени. Это в бункере горел свет, и жгли электроплитку. Эсэсовец устался на счетчик.

— Это видимо жена забыла выключить утюг! — объяснил я ему и поспешно выбежал из сарая, а по пути незаметно вырвал запасной штепсель — электропитание в бункер. Через пару минут я вернулся к нему, счетчик благополучно замедляя вращение, остановился. Подозрение эсэсовца рассеялось и он, наконец, оставил сарай».

«В другой раз ко мне завалился с допросом Волмар Лапиньш, состоявший в команде СД¹, бывший коммунист, ставший при немцах профессиональным убийцей, палачом в массовых расстрелах евреев. Я был с ним немало знаком до войны и даже дружен — он был известным коммунистом-общественником, правда, всегда был большой любитель выпить. В 1941 году он выручил генерала Бангерского², который был у красных в списке под угрозой ссылки в Сибирь. Лапиньш заступился за Бангерского, поручился за него, и так тот избежал депортации.

1 Команды СД, созданные в Латвии из представителей местного населения, — «команда Арайса» в Риге, «команда Вагуланса» в Елгаве, «команда Тейдеманиса» в Валмиере и др.

2 Рудольф Бангерский (1878—1958) — генерал. В годы Первой мировой войны — командир ряда латышских стрелковых полков, в 1918—1920 годах командир дивизии и корпуса в армии Колчака. В 1921 году возвратился в Латвию, с 1924 года командовал дивизиями в латвийской армии; в 1928—1929 годах военный министр. В период нацистской оккупации в 1942—1943 годах работал в созданном нацистами «самоуправлении» Латвии, в 1943—1945 годах генеральный инспектор Латышского легиона СС, группенфюрер СС. В 1945 году бежал с гитлеровцами, жил в Федеративной Республике Германии. В 1995 году его останки были привезены в Латвию и перезахоронены на Братском кладбище в Риге.

С приходом немцев Волмар Лапиньш оказался в Риге, и неожиданно выплыл на поверхность при новой власти — видимо, генерал Бангерский, который был облечен у фашистов большими полномочиями (в дальнейшем тот стал главой Латышского легиона СС¹), соответственно отблагодарил Лапиньша за выручку при Советах. И, таким образом, по-видимому, генерал Бангерский также пристроил его в карательную службу СД.

В тот раз Волмар Лапиньш стал выведывать, каким образом Перл оказался у меня в момент его ареста. Я угостил “гостя” водкой, но все старался уходить от ответа, увиливал — неизвестно что мог говорить Перл на допросах в гестапо.

— По какому мосту ты его привел? — настаивал Лапиньш. В Риге тогда было два моста через Даугаву — пешеходный понтонный и автодорожный.

— Может по одному, а может по другому, не помню, в голове шумело, я тогда здорово набрался, был крепко под градусами, — пытался я остричь, заговаривать зубы, прикидываясь эдаким простачком, любителем шнапса, и снова и снова пополнял его стакан, разыгрывая из себя увальня-непонимайку. Лапиньш, наконец, захмелел, обмяк, его стало клонить ко сну. Так он остался у нас дома ночевать. Я его уложил в нашей спальне рядом с кроватью Иоганны, а сам пошел спать за стеной, в передней. Прошло немного времени. Вдруг слышу пару выстрелов, я вздрогнул — ну, думаю, он убил мою Иоганну. Я вскочил как ошпаренный и бросился к нему.

— Ты что, в своем уме?! Что ты делаешь?! — вскричал я.

А он, смотрю, лежит на спине, в обеих руках по пистолету и палит в потолок.

1 Латышский легион СС (нем. *Lettische SS-Freiwilligen-Legion* — Латышский добровольческий легион СС) — военное формирование, созданное германским командованием в годы Второй мировой войны на территории Латвии. Входило в состав *Waffen SS* (войск СС) и состояло из двух дивизий СС: 15-й и 19-й. Приказ о создании легиона был подписан Гитлером 10 февраля 1943 года на фоне поражения германских войск в Сталинградской битве. Основу легиона составили полицейские и иные вооруженные формирования, созданные в Латвии ранее. Формально служба в легионе была добровольной, однако снижение числа добровольцев в результате падения престижа нацистского режима вынудило последний прибегнуть к призыву. В ходе четырех мобилизаций в 1943—1944 годах в легион было мобилизовано около 30 тысяч человек.

— А я иначе не могу заснуть, пистолеты всегда при мне, я с ними никогда не расстаюсь, а то страшные сны, кошмары по ночам снятся...»

Это был участник многих массовых расстрелов евреев, и он со своей зондеркомандой СД разъезжал для проведения акций по всей Прибалтике и Белоруссии¹.

Но и после всего — ареста Перла, подозрений и обысков Жан не сдавался и продолжал начатое им дело по спасению людей. Однако, можно представить себе, в какое трудное положение он попал. Куда девать людей?

Большинство решили вернуться в гетто и быть наготове в любой день совершить побег, как только удастся найти другое надежное укрытие. Но одна группа, находившаяся в подполье у Андрея Граубиня, не ушла своевременно и была накрыта во время облавы. Завязалась перестрелка, но жертвы были обречены, и все погибли. Живым эсэсовцы схватили только одного Андрея Граубиня. Как стало известно впоследствии, он был отправлен в Германию и погиб в концлагере Дахау².

Небольшую группу Жан все же оставил у себя в бункере. Он не мог примириться с мыслью, что все его столь отчаянные усилия не приведут к спасению от нацистского террора хоть какого-то числа людей. Рассказывают, что он постоянно бормотал слова проклятий в адрес фашистов.

В Красные амбары, где поначалу Жан работал (пока гетто еще не было уничтожено, а остатки людей казнерированы, то есть заключены в различные концлагеря), приходили разные люди с расположенного рядом городского Центрального рынка: одни — чтобы передать несчастным кусок хлеба, немного картофеля или просто справиться о знакомых, другие — обменять продукты на кое-какой инвентарь, мебель или одежду.

1 По всей вероятности, имеется в виду «команда Арайса» — добровольческое латышское вспомогательное подразделение германской полиции безопасности и СД под командованием штурмбаннфюрера (майора) СС Виктора Арайса (1910—1988), принимавшее участие в массовых убийствах еврейского населения в Латвии, Литве, Польше, Белоруссии и на Украине.

2 Дахау — нацистский концлагерь недалеко от Мюнхена, один из первых в Германии (основан в 1933 году). В нем проводились медицинские эксперименты над узниками и отработывались промышленные технологии уничтожения людей. В Дахау имелись газовые камеры и крематорий. Освобожден американскими войсками 29 апреля 1945 года.

Жан Липке приглядывался к часто появляющимся у амбаров братьям Розенталя — Фрицису и Жанису, а также к их приятелю Янису Ундулису. Они наезжали из-под Добеле. Познакомившись с ними поближе и убедившись в их честности и добрых намерениях, Жан однажды поделился с ними своими мыслями и поинтересовался, нельзя ли устроить в их деревне убежище для беглецов из гетто — евреев, обреченных на верную смерть. Сельчане обещали помочь и согласились приютить несколько человек.

И вот 10 мая 1943 года первые двое беглецов — рижане Либхен и Ульман, тщательно замаскировались в машине Жаниса Бриедиса. Жан Липке предварительно условился встретиться с ними по дороге. Фиктивные путевые документы были оформлены на мясокомбинате, где Бриедис числился шофером. Они выбрали беглецов и пустились в опасную дорогу. Все проверки были пройдены благополучно, и вскоре они прибыли на хутор Жаниса Розенталя в Аннасмуйже, километрах в десяти от Добеле. Хозяева разместили их в стожу сена. Это было хорошее начало. Но Жан Липке в мыслях строил далеко идущие планы — он мечтал вырвать сотни евреев, обреченных гитлеровцами на смерть, вернуть их к жизни, борьбе. Для этого необходимо было найти новые места для сооружения убежищ.

В эти же дни наметилось еще одно укрытие в Милтини, на хуторе Фрициса Розенталя и Вильгельмины Путрини. Вскоре туда переправили нескольких новых узников из гетто. Жан почувствовал, что с помощью друзей он сможет обеспечить укрытие многим беглецам из гетто, и с этого времени начал действовать активно и широко.

* * *

18 сентября 1943 года Жан Липке получил по почте странное письмо. На конверте написан короткий неполный адрес: «Баласта дамбис. Жанису». Письмо было без обратного адреса. С одной стороны, Жана удивило, что письмо дошло. С другой стороны, показалось небезопасным, что почтальон знает его имя. В конверт была вложена короткая записка: незнакомый человек просил прийти к нему на свидание к складу фирмы «Тодт»¹, расположенной на углу улиц Марияс и Матиса.

1 Германская военно-строительная организация, действовавшая в 1938—1945 гг. Своё название получила по имени возглавившего

«Кто этот человек и кто посоветовал ему написать письмо? Не выследили ли его гестаповцы и не поручили ли провокатору написать эту записку? Нет ли тут ловушки и как это проверить? Множество вопросов тревожили Жана. Еще и еще раз перечитывал он записку. Может быть, этому человеку совсем худо? Нет, надо идти, будь что будет», — решил Жан.

На другой день перед окнами полуподвального склада «Тодт», где подневольными грузчиками работали тогда братья — врач и инженер Дризины, появился человек с велосипедом.

«Это он, только он! — взволнованно шепнул я брату и помчался наверх, — вспоминал об первой встрече с Жаном уже через 20 лет инженер Исаак Дризин, ныне директор крупного предприятия в Риге. — Я уже потерял надежду, что мое письмо без точного адреса попадет к нему. Мы осторожно завели Жана в подвал, где состоялся короткий разговор.

— Это ты, Жан?

— Да, а в чем дело?

— Мы знаем, что ты помогаешь людям из гетто. Нас два брата, мы уцелели одни из всей нашей большой семьи. Но честно должны тебя предупредить, у нас ничего нет — ни денег, ни ценностей. Может быть, когда-нибудь, если выживем...

— Сейчас же прекратите эту болтовню, не то повернусь и уйду! — оборвал Жан резко. — Вы что думаете, я пришел к вам за деньгами? Я что — идиот или подлец, или я ничего не вижу и не понимаю! Если хотите, давайте говорить прямо о деле.

Нам нечего было добавить. Наступило минутное неловкое молчание. Но по глазам Жана было видно, что он напряженно о чем-то думает, прикидывает и решает. Мы с замиранием сердца ловили малейшее изменение выражения его лица. Здесь сейчас решалась наша судьба. Наконец, еще раз оглянувшись вокруг и приблизившись к нам, он шепотом сказал:

— Вам всем надо срочно бежать! Я знаю, что «Тодт» скоро ликвидируют. Сколько вас тут работает из гетто?

— Нас здесь четверо.

— Поговорите с остальными. Бежать надо всем вместе, иначе их могут расстрелять как заложников. Или... на всякий случай, предупредите этих ребят, чтобы они на время исчезли с глаз немцев. Подумайте, я приду через неделю в гетто. Ждите.

И, попрощавшись, он поспешно исчез. Спустя короткое время с той памятной первой встречи, в назначенное время

её рейхсминистра вооружения и боеприпасов Фрица Тодта (1891-1942).

Жан подошел к условленному месту у ограждения гетто и мимоходом бросил:

— Пора бежать. Машина будет завтра, крутитесь с утра у ворот».

На другой день, 10 октября 1943 года, Жан, как всегда уверенный в себе, подошел с утра к «вахе» (сторожевой пост в гетто) и угостил шуцманов куревом. Он уже хорошо знал, как следует себя с ними вести и как разговаривать.

— Дайте мне несколько жидов поработать на огороде! — бросил он небрежно полицаям со слегка пьяной развязностью. — Вот вам пара пачек папирос!

Безусловно, цена за щенка любой породы в то время была несравненно выше, чем стоимость нескольких «унтерменшен» — недочеловеков-евреев. Чтобы сделка выглядела естественной, Жану нельзя было переплачивать, иначе его могли заподозрить в каком-то постороннем интересе.

Получив за папиросы «товар» — двух Дризиных и Шейнензона, находившихся поблизости от ворот, Жан завел их в ближайшую подворотню, содрал с одежды желтые звезды, нахлобучил им глубоко на головы деревенские шляпы на латгальский манер и, убедившись, что никто этого не заметил, велел всем влезть в машину. Предстояло пересечь три опасных контрольных поста. Они тронулись в путь и спокойно миновали строго патрулируемый мост через Даугаву, но, как назло, на пятом километре от Риги машина стала глохнуть.

— Нужны новые чурки! — поставил диагноз шофер ветхой газогенераторки¹. Надо вернуться в Ригу.

У Жана закралось подозрение — не готовится ли провокация. Водителем за большую плату он нанял в тот раз своего старого знакомого — шофера Гринвалдса, который работал при военной эсэсовской части. Но тот был труслив от природы и при немцах стал много пить. Может, он переметнулся к немцам и сейчас решил продать — кто знает...

Машина повернула назад. Снова город. Ежеминутно глохнет мотор, будто обрывается кусок жизни. Наконец, недалеко от вокзала, у самой префектуры² машину охватил паралич

---

1 Т. е. автомобиля, двигатель которого работает на газе, полученном из твердого топлива в смонтированном на шасси автомобиля газогенераторе. Такие установки широко использовались в целях экономии нефтепродуктов.

2 Префектура — здание в Риге на бульваре Аспазияс, 7, занимаемое управлением полиции г. Риги. Одно из мест пыток и уничтожения евреев в начальный период Холокоста.

— мотор заглох окончательно. Группы эсэсовцев, охраняющих префектуру, прохаживалась здесь же неподалеку. Шофер вылез из кабины и не спеша направился осматривать мотор. В отчаянии Жан бросился к нему и процедил сквозь зубы, побагровев от гнева:

— Убью, как собаку! — и, вынув пистолет, направил дуло на Гринвалдса, озираясь в сторону префектуры.

Испуганный водитель залепетал что-то в свое оправдание. Жан не спускал с него глаз. Нервы у всех были натянуты как струны. Все это могло походить на эпизод из детективного фильма, но тогда Жану и его людям было что скрывать и чего опасаться...

Самоуверенным фашистам, однако, и в голову не могла прийти мысль, что в машине, рядом с префектурой, могли прятаться беглецы из гетто. Эсэсовцы не проявляли ни малейшего интереса к возне у машины. Наконец, она вздрогнула и рванула, но с трудом дотянула до угла улиц Марияс и Матиса. Чертовски не везет! Рядом расположены склады «Тодт» — если будет проверка, беглецов могут опознать. Нюхом ищейки Жан исследует обстановку. Он наскоро выгружает людей из-под скамеек, накрытых грудой тряпья. Беглецы с отчаянием всматриваются в пустынную улицу. Жан проверяет соседние кварталы и, убедившись, что ничего подозрительного нет, уходит искать временное укрытие. Скоро возвращается с хорошей вестью: он застал дома своих старых знакомых — Веру и Ньюру, русских женщин, которые тоже помогали заключенным из гетто — своим довоенным друзьям, у которых они служили нянями. Через несколько минут все оказываются в их гостеприимной квартире.

Жан продолжает лихорадочно соображать и комбинировать, меняет план. Срочно нужны велосипеды! План и действия у него одновременны. Нельзя терять больше ни минуты. Упущено слишком много драгоценного времени. Гестаповцы могут в любую минуту начать поиски и нагрянуть с облавой. Жан исчезает, но вскоре появляется весь взмыленный, тяжело дыша, с тремя велосипедами в руках. Он их раздобыл за бесценок где-то на соседнем Матвеевском рынке. Жан быстро предлагает порядок следования — кому за кем ехать на определенном расстоянии друг от друга.

— Жмите, парни, что есть силы, — напутствует он беглецов и вместе со всей компанией пускается в опасный путь.

Дорога идет через Елгаву. Из центра доносятся звуки медных труб и дробь барабанов — у немцев сегодня парад. Жан велит увеличить интервалы и прижаться к обочине. В празд-

ники не принято обращать внимание на «чернь», и учредители и охранники парада требуют быстрее убраться с дороги. Сбоку рывкает команда: *“Ein, zwei, drei...”* («Раз, два, три...»). Глубже натянув на глаза свои батрацкие шляпы, все на велосипедах с Жаном во главе благополучно проскальзывают мимо церемонии прусского парада. Еще 25 километров пути, и вот, наконец, появился заветный хутор Милтини!

По одному все входят в дом, знакомятся с хозяевами. Затем Жан постучал три раза по полу: приоткрылся потайной люк, и из укрытия показались Смолянский, Либхен и Ульман. Все очень обрадовались встрече.

Вот нас уже шестеро...

— Что такое?! Это мелочь! Чепуха! — воскликнул Жан. — Вот ежели бы 60, 600, а еще лучше — 6 тысяч! — глаза его прищурились и заискрились озорным огнем. — Завтра снова поеду в гетто. Теперь буду привозить людей каждый день, вот увидите.

И действительно, в ту же ночь он спланировал очередную рискованную операцию и в ближайшие дни начал ее реализовывать.

Таким был этот необыкновенный Жан Липке.

Жан Липке был гуманистом в самом высоком смысле этого слова, который не мог видеть несправедливость и насилие над незащитными людьми, независимо от их национальности, идеологических воззрений или принадлежности к каким-либо политическим организациям или группам.

Как рассказано выше, до войны он помогал латышским коммунистам-подпольщикам, во время войны организовывал побег и укрывал многих евреев, помогал пленным красноармейцам, а после войны, охраняя и сопровождая пленных немецких солдат в Риге, тайком снабжал их продуктами, лекарствами, а в дальнейшем все годы до конца своих дней был не в ладах с советской властью.

Характер Жана, побуждения, мотивы его поистине героических поступков лучше всего отражает следующий короткий эпизод, рассказанный мне им самим.

В своих воспоминаниях Жан многократно возвращался к неведомому мальчику лет трех-четырёх, которого хотел вывести из гетто накануне акции в конце ноября 1941 года. Он не помнил ни имени мальчика, ни фамилии родителей. Жан договорился с матерью и объяснил ей, чтобы мальчик ручками дал ему сигнал, что увидел Жана и готов спуститься к нему. И вот в назначенный час Жан подошел к дому, мальчик стоял у окна, в нетерпении ожидая Жана, и стал ему сигналить. Но

в этот момент там, как назло, стоял шуцман и Жан должен был пройти мимо. Покрутившись какое-то время, Жан вернулся к тому дому, мальчик все еще стоял и ждал Жана. Но возле дома разыгрался скандал, заварушка, — немцы застали шуцмана, похищавшего ювелирные изделия. Пришлось снова уйти ни с чем с этого места. Когда немцы закончили разборательство с шуцманом и убралась, Жан снова подошел к дому, но мальчика уже не было — всех жителей дома выгнали на акцию.

Жан всю жизнь грыз себя и терзался совестью, что не сумел спасти того мальчика...

* * *

Благодаря удачному контакту с братьями Розенталь и Янисом Ундулисом Жан знакомится и входит в доверие к Фрицису Биненфельду, волостному старосте в Добеле, который, занимая официальную должность в немецком аппарате, в душе ненавидел карателей, всячески помогал своим землякам и выгораживал их. Жан Липке открылся ему и попросил новые места для убежищ. Того, что имелось в Аннасмуйже и Милтини у Путрини, явно было недостаточно.

Биненфельд хорошо знал всех сельчан в окрестности и после недолгой дружеской беседы указал на владельцев хутора Межамаки Миллеров, людей честных, но очень простых, совершенно не понимающих происходящих событий. Результаты этой встречи не заставили себя долго ждать, и вскоре в Межамаки было устроено новое большое надежное убежище.

Однако действовать Жану становилось все тяжелей. С осени 1943 года в соответствии с новым нацистскими планами «окончательного решения еврейского вопроса» Рижское гетто ликвидировали¹. Немногих оставшихся в живых после селекции и кровавых акций распределили по различным концлагерям, расположенным в пригородах Риги, — Кайзервальд²,

1 21 июня 1943 года рейхсфюрер СС Г. Гиммлер издал приказ о ликвидации всех гетто в Остланде и переводе всех евреев в концентрационные лагеря. До конца октября большая часть узников Рижского гетто была переведена в построенный в Риге концлагерь Кайзервальд. Последнее перемещение произошло 2 ноября, и эта дата считается днем закрытия Рижского гетто.

2 Кайзервальд — концлагерь в рижском районе Межапарк, занимавший территорию между проспектом Виестура и железной

«Лента»¹, Балластдамм², Вецмилгравис³, Страздамуйжа⁴, «Рейхсбан»⁵ и др.

Согласно режиму концлагеря, заключенных приводили и выводили за территорию группами под строжайшим наблюдением эсэсовцев, перед сном проводили вечернюю переключку, так называемый «аппель»⁶. С немецкой педантичностью проверяли общее число узников. За сбежавших фашисты расстреливали определенное число заложников. Но и эти суровые меры не остановили Жана. Мысленно перебрав состав своих друзей из гетто, он остановился на двух, которых наметил первыми перебросить в Межамаки, — на молодом докторе Фрише

дорогой, начал строиться летом 1943 года силами заключенных, привезенных из концлагеря Заксенхаузен (в 30 км севернее Берлина), — преимущественно немцев и поляков, и в основном ничем не отличался от других нацистских лагерей массового уничтожения. Первые две группы узников гетто были перемещены в Кайзервальд пешком в июле 1941 года, а затем узников перевозили на автомашинах. Лагерь имел 11 филиалов — в Риге и за пределами города.

- 1 «Лента» — основанная в 1880 году в Задвинье (левобережная часть Риги) текстильно-галантерейная фабрика (ул. Елгавас, 68/72). В период нацистской оккупации в созданном на фабрике трудовом лагере «Лента» в разное время находились в заключении 600—1000 человек.
- 2 «Балластдамм» — филиал концлагеря Кайзервальд, размещавшийся в левобережной части Риги на острове Кипсала. Около 300 его узников в основном работали на ближайшей лесопилке “Zunda” (сортировали лес, вытаскивая из воды бревна, работали в столярных мастерских).
- 3 По всей вероятности имеется в виду лагерь АВА (служба обмундирования), размещавшийся в Милгрависе (предместье Риги), где около 2000 евреев, в том числе подростки и дети, занимались сортировкой и транспортировкой одежды.
- 4 Стразденгоф — филиал концлагеря Кайзервальд, располагался в большом фабричном здании на территории бывшего имения Стразденгоф (латышское название — Страдумуйжа, ныне в рижском микрорайоне Югла). Узники работали на близлежащих ткацких фабриках “Rīgas audums” и “Juglas manufaktūra”, на кожевенных заводах, в кабельном и телефонном цехах.
- 5 Лагерь, получивший название от государственной железной дороги (Reichsbahn), располагался вблизи станции Рига-Товарная. В нем находились в заключении около 850 мужчин, женщин и детей.
- 6 Нем. *Appell* — поверка, переключка, построение, сбор.

и инженере Раге. Оба они прекрасно владели латышским языком — он был для них родным, и внешне они ничем не отличались от латышей. И Жан начал действовать.

Попасть к Жану в группу для побега было в сущности просто — достаточно было рекомендации или просьбы его знакомых или друзей. Но Жан часто сам подыскивал себе кандидатов для своих спасательных акций и тогда старался находить преимущественно молодых врачей и инженеров. Впоследствии Жан признался, что планировал создать со временем из своих подпольных групп партизанские отряды и переправить их в леса, а в случае боевых действий, полагал он, понадобятся специалисты — инженеры и медицинские работники.

В один из темных вечеров глубокой осени 1943 года Жан Липке осторожно ослабил несколько досок в ограде концлагеря Балластдамм, расположенного недалеко от его дома, напротив канала. В условленное время Жан подъехал на грузовой машине, и под покровом непроглядной тьмы из лагеря вышли известный в Латвии терапевт доктор Шмульян, инженер Раге и Гордон. Машина направилась в центр и остановилась на улице Лачплеша, у дома баптистов — друзей Жаниса Бриедиса, его единоверцев. Двоих из этой группы, Гордона и Шмульяна, Жан поместил в этом временном перевалочном укрытии, а Раге повез в Межамаки. Через некоторое время Жан привел туда и Вилли Фриша.

Прибыв на место и представившись родственниками Жана Липке, Фриш и Раге сочинили хозяевам историю, будто бы они скрываются от бомбежек в Риге, а так как приближается линия фронта, то нужно срочно вырыть погреб-бомбоубежище.

Напуганные хозяева поверили, сами включились в дело, и работа закипела.

* * *

Вскоре после страшных зимних акций 1941 года в «большое гетто» хлынул поток евреев, депортированных из Германии, Чехословакии, Австрии. Известно, что основную часть депортированных нацисты гнали прямо из вагонов поездов к заготовленным заранее ямам в Бикерниеки и Румбуле. Но геббельсовской пропаганде в Европе было необходимо, чтобы немецкая почта доставляла в оккупированные страны письма о «благополучном прибытии евреев в Ригу...». Поэтому небольшая часть человеческой лавины направлялась в Рижское «большое гетто», которое стало называться с тех пор «немецким». Улицы этой части Рижского гетто переименовали по названиям

городов Германии, Австрии, Чехословакии. В дальнейшем, систематически проводя селекцию и акции в гетто, нацисты постоянно обновляли состав депортированных. Так продолжалось до 1943 года.

Снова появились в гетто дети. Жана тогда часто можно было встретить перед колючей проволокой, огораживающей мир обреченных, где он, воспользовавшись удобным моментом, раздавал в протянутые худые детские ручонки что-нибудь съестное.

Большая группа депортированных работала в то время на острове Закюсала¹ на Даугаве. Жан появляется и там.

Имя «Жан» среди заключенных стало магическим, как спасительное заклинание, оно передавалось из уст в уста. О нем складывались легенды, как о неуловимом спасителе. Но далеко не каждый в гетто относился к нему с доверием, некоторые даже боялись Жана, считая его фантазером или авантюристом, настолько рискованны были его планы и действия. Но люди, близко знавшие Жана, были уверены, что этот человек не подведет, скорее сам погибнет, чем выдаст.

По просьбе доктора Шмульяна Жан начал разыскивать среди узников депортированную из Германии женщину по фамилии Штерн с семилетней дочерью. Незадолго до этого в концлагере расстреляли ее мужа и 15-летнего сына. Шмульян познакомился с ней в лагере и искренне привязался — оба они потеряли свои семьи. Это был короткий и трагический концлагерный роман...

Через узников Кайзервальда, работавших в городе и по вечерам возвращавшихся в свои бараки, Жан кое-что узнал об этой женщине и передал ей записку, в которой предложил побег и наказал держаться неразлучно с дочкой, а сам начал пристально изучать систему вывода заключенных из лагеря и доставки их обратно.

1 Закюсала (латыш. букв.: Заячий остров) — остров в дельте Даугавы, в черте Риги, практически в центре города. Сообщение с островом до и во время Второй мировой войны осуществлялось по Железному (Земгальскому) мосту (был построен в 1872 году, восстановлен после Первой мировой войны), который использовался не только для железнодорожного, но также для автомобильного и гужевого транспорта и пешеходов (разрушен во время Второй мировой войны и больше не восстанавливался). После войны, до завершения строительства Островного моста (1976 год), остров был связан с берегом только водным транспортом (зимой передвигались также по льду).

Наступил решающий день. Группа заключенных работала вблизи лагеря — ремонтировала железнодорожные пути на перегоне Саркандаугава—Браса. Охранник-эсэсовец методично ходил взад-вперед вдоль насыпи железнодорожного полотна метров на 100—200, обходя всех работающих. Жан незаметно пробрался к этому месту и в тот момент, когда охранник оказался к нему спиной, подал Штерн знак, чтобы та зашла в будку-уборную. Там уже лежал пакет с одеждой для обеих — матери и дочери. Когда эсэсовец вновь ритмично зашагал назад, они, сбросив полосатый арестантский наряд и переодевшись, по сигналу Жана прыгнули к нему в обочину. На миг все замерло. Сквозь бурьян Жан осторожно посмотрел в сторону заключенных — все старались продолжать работать, как обычно, чтобы не привлечь внимания охранника, но, затаив дыхание, наблюдали за побегом.

Небольшими переходами, по задворкам, Жан вывел Штерн с дочерью к улице Дунтес. Девочка от голода и истощения совершенно обессилела, пришлось усадить ее на плечи, и все трое направились было к трамваю. Но вдруг Жан увидел следовавшего сзади за ними человека, а навстречу им в это же время приближалась колонна узников. Жан резко свернул в закоулок, чтобы переждать некоторое время, а затем, когда ничего подозрительного не обнаружил, наконец, вывел их к каналу Саркандаугава. Далее с помощью рыбаков, старых друзей Жана, они благополучно переплыли канал и Даугаву, а от цементного завода добрались до его дома пешком. Через несколько дней предстоял дальнейший путь. На сей раз в Межамаки.

* * *

Жан часто навещал старосту Добельской волости и добивался от него новых хуторов для убежищ. И вот Биненфельд преподнес своему новому другу Жанису Липке сюрприз: недалеко от Добеле, в стороне от шоссе, стоял запущенный особняк — хутор Решни, принадлежащий латышу Клембергу, полковнику немецкой армии. Дела у немцев пошли из рук вон плохо — фронт безостановочно катился на запад, и полковника переводили на передовую. Биненфельд предложил Жану стать официальным арендатором усадьбы Клемберга. Для Жана эта усадьба было просто находкой. Помимо возможности устроить бункер на территории этого хутора, сам факт наличия большой недвижимости давал Жану возможность получить легальное освобождение от мобилизации в немецкую армию. До этого он ухитрялся отделяться от призыва всяческими «липовыми» бумажками, часто меняя официальные места работы.

Жан настаивал на немедленном оформлении документов на аренду. Вскоре состоялись торги, завершившиеся большой выпивкой. В пьяном угаре полковник бормотал слова благодарности старосте и новому управляющему. Жан заверил его, что в имении будет полный порядок, и они дружески расстались.

Жан начал играть свою новую роль — роль землевладельца. Для проформы он сначала даже затребовал у местных властей рабочую силу, однако в дальнейшем об этом не заикался. Она ему, понятно, не была нужна. Затем он пустил слух, что будет якобы самостоятельно подыскивать добросовестных, трудолюбивых работников. Вскоре этот старый запустелый хутор ожил. Жан спешил соорудить убежище — времени было в обрез.

Первым поселенцем на хуторе Решни стала жена Эпштейна — Дагарова Андриена Георгиевна, которая в связи с побегом мужа из концлагеря опасалась ареста. Для помощи ей в ведении хозяйства Жан привез вскоре старика Карла и еще одного рабочего — оба его хорошие знакомые. В Риге, кроме того, он нашел нужную для дома официальную хозяйку, зарегистрированную у властей, — Марию Келлер с двумя сыновьями. Из Милтини он ночью перевел группу «землекопов и строителей», ставших уже мастерами своего дела, и они немедленно принялись за подземное строительство.

Жан старался не упустить ни одной мелочи и детали. Известно, что в любом курляндском поместье положено быть батраку. Для этой роли лучше всего подходил доктор Зяма Дризин с его «арийской» внешностью. Его обули в лапти, продели грубый канат вместо ремня в многократно залатанные дырявые брюки, и весь этот маскарадный костюм завершила выдавшая виды ветхая деревенская шляпа на взлохмаченной голове. Поначалу это выглядело смешно, но скоро все привыкли к его виду. В обязанность доктора Дризина входило предупреждать остальных особыми сигналами на случай опасности. Он должен был быть постоянно начеку, находясь вне дома.

Вскоре работа закипела. Необходимо было, чтобы на соседних хуторах заметили, что в усадьбе полковника произошли большие перемены — стоит образцовый сельский порядок. Несмотря на то, что Жан всю жизнь был городским жителем, он хорошо понимал деревенскую жизнь. Кроме того, он ожидал, что полковник будет интересоваться и посещать свое имение.

Тем временем строительная бригада, накопившая богатый опыт, лихорадочно копала бункер и соорудила в невероятно короткие сроки — всего лишь за несколько дней — хорошо оборудованный тайник с несколькими потайными ходами, толстой изоляцией, печью, отверстиями для вентиляции, электриче-

ством, радио. Это был самый совершенный из всех построенных Жаном бункеров.

* * *

Теперь одна операция следует за другой. Жан полон забот и планов. У него нет ни единой свободной минуты. Он не ходит, а буквально летает, покрывая ежедневно десятки километров: к одному лагерю приходит с запиской, к другому — с узлом одежды, в третьем месте назначает встречу — всюду надо успеть с точностью до минуты. Он целиком поглощен заботами об обеспечении беглецов, разбросанных по разным убежищам в городе и селах. С риском для жизни, словно балансируя над пропастью, Жан придумывает все новые и новые варианты и комбинации, входит в азарт, не замечая того, что стал виртуозным подпольщиком и конспиратором. В свои смелые, зачастую на грани безумия, операции он вовлек десятки людей — своих помощников.

Умело поддерживая связи с начальством складов Люфтваффе, особенно поначалу, пока управляющим там был Якубовский, Жан Липке вывозит оттуда массу ценнейших материалов: стальной прокат, древесину, крепеж, жель, рулоны проволоки и пр. Часть материалов использует на строительстве бункеров, остальные обменивает в селах на сотни килограммов продуктов, необходимых для десятков людей. Он помогает многим своим знакомым в общей беде и, конечно, не забывает ублажать свое продажное начальство, чтобы иметь возможность делать основное дело — спасать узников, обреченных на смерть, содержать десятки беглецов в убежищах.

Начальник складов в Красных амбарах Якубовский регулярно посылал Жана в Добеле к Фрицису Розенталю, с которым, как уже было отмечено выше, тот делал свои «гешефты», обменивая складские материалы и оборудование на продукты, особенно на ценные тогда мясо, шпик, колбасы.

Помимо Жана доверенными шоферами у Якубовского были также Гринвалдс (тот самый, который так неудачно вывозил Дризиных и Шейнензона) и еще один шофер (его имени Жан не запомнил).

Однажды Жан поехал к Фрицису Розенталю с большой партией товара и оттуда привез масло, молочные продукты, муку, но не привез мяса. Якубовский обозлился на Жана и велел немедленно отправиться назад и обменять еще какие-то материалы на мясо.

Мария Келлер и Жан Липке. Рига 70-е гг.

На месте оказались Гринвалдс и тот самый третий доверенный шофер. Кто-то из них должен был поехать. У Жана были назначены какие-то встречи в городе, и он под всякими предложениями избегал второй поездки, а у Гринвалдса машина была в неисправности (как обычно и очень часто!). Поехал тот самый третий шофер. Но на беду в дороге он попался на проверке в руки полевой жандармерии и после короткого разбирательства был передан в гестапо и расстрелян.

— Я всегда чувствовал, что у меня за спиной стоял Ангел-хранитель и берег мою душу, — объяснял Жан после войны причину счастливых исходов своих многочисленных безумных операций. — Так уж было суждено...

Помимо сотрудничества с Якубовским, которое было жизненно важно для Жана, чтобы прокормить, содержать десятки людей и тайно обеспечить их всем необходимым для строительства бункеров, следует также отметить неизвестное до сих пор сотрудничество Жана Липке с комендантом концлагеря «Лента» Фрицем Шервицем¹, благодаря которому Жан спас

1 Фриц Элиас Шервиц (1903—1962) — офицер СС, в ведении которого находился концлагерь «Лента». По этническому происхождению был евреем. По мнению немецкого автора Аниты Куглер, Шервиц был из Каунаса, по другой версии, он родился в Риге в 1903 году, в 1925-м переехал в Берлин. В 1939 году по подложным документам,

значительную группу людей, при этом не подвергнув опасности оставшихся в лагере. Все дело было в необычной личности коменданта этого лагеря, оберштурмфюрера СС Фрица Шервица, еврея по рождению, который из-за невероятной своей судьбы, смог войти и подняться во время войны в нацистской эсэсовской структуре.

Благодаря ему в казернирунг-лагере¹ «Лента» не было жестокого обращения с заключенными евреями. К ним относились как к обычным работникам, нормально кормили, не унижали и не издевались. В случае побега там не брали и не расстреливали заложников.

Подробно необыкновенную историю превращения еврейского подростка из Шяуляя в Литве, Элки Сиревица в нациста Фрица Шервица описал и документировал израильский историк Александр Левин в сенсационной книге «Оберштурмфюрер Фриц Шервиц, или Элке, сын Янкеля и Сары».

В советской литературе подобные факты, как правило, замалчивались или извращались. Возможно, объективная история пересмотрит деятельность Фрица Шервица на посту коменданта «Ленты», похожую и вполне сравнимую с делами знаменитого Оскара Шиндлера², и вознесет его, пусть посмертно, на достойное место спасителя сотен обреченных евреев...

подтверждающим его «арийскую чистоту», вступил в ряды СС. По мнению Аниты Куглер, Шервиц руководствовался двойной мотивацией — обогащаться и спасти евреев. Есть доказательства, что как минимум четырем евреям он оформил арийские идентификационные документы, изъял из очереди на расстрел двух евреек. В конце войны в Германии, проходя фильтрацию у американцев, назвался евреем — бывшим узником концлагеря. Однако кто-то из бывших заключенных опознал его. Оказалось, что, будучи комендантом концлагеря в Риге, он застрелил трех евреев за попытку побега, за что в 1948 году получил шесть лет тюрьмы. До конца жизни ему так и не удалось добиться реабилитации. Подробнее см.: Левин А. Оберштурмфюрер Фриц Шервиц, или Элке, сын Янкеля и Сары. Бат-Ям, 1988; Kugler A. Scherwitz: Der jüdische SS-Offizier. Köln, 2004; Kugler A. Šervica noslēpums: Ebrejs, SS virsnieks Rīgā: Biogr. R., 2007.

- 1 Казернирунг (нем. *Kasernierung* — перевод на казарменное положение) — поселение узников в доме-казарме вблизи места работы (вид трудового лагеря у нацистов).
- 2 Оскар Шиндлер (1908—1974) — немецкий промышленник, спасший почти 1200 евреев во время Холокоста, устроив их работать на своих заводах в Польше и Чехии.

Через доверенных Шервицу людей с «Ленты», как в Красных амбарах, Жан вывозил и широко обменивал пошивочные товары «Ленты» на сельские продукты и, таким образом, ему в значительной степени удавалось вывозить людей по полулегальным документам. И в то же самое время это объясняет, на какие средства мог простой портовой рабочий, получая скромное жалование, содержать около полусотни нелегальных скрывающихся узников.

Это был поистине объединенный подвиг героя-борца и уникального, необычайно талантливого подпольного бизнесмена!

* * *

Успехом многих отважных дел Жан был обязан своему близкому помощнику, шоферу складов Люфтваффе Карлу Янковскому. Когда они вместе работали в Красных амбарах, им приходилось по распоряжению немецкого начальства развозить по городу и окрестностям различное оборудование для воинских учреждений. (Грузчиками, как правило, были евреи из гетто.) Пользуясь плохим учетом, они систематически надували немецких хозяев, и тяжело нагруженные машины с ценными строительными материалами и мебелью нередко меняли курс, а груз использовался для оборудования бункеров и сооружения новых укрытий в городе или на хуторах. Подвал под гаражом Карла Янковского на улице Марияс, 101, был также приспособлен под убежище, в котором к приходу Красной Армии находились 12 человек

Карл Янковский. 1942 г.

Вместе с Карлом Янковским Жан провел однажды чрезвычайно рискованную и смелую операцию. Им удалось похитить эсэсовскую грузовую машину с вооружением — автоматами, патронами и взрывчаткой, а также большим количеством бланков проездных разрешений, так называемых «фарбефель», которые им особенно

пригодились для фабрикации фальшивых пропусков на проезд автомашин.

Двоюродный брат Карла Янис Янковский, сотрудничавший с нацистами, работал водителем в одной из эсэсовских частей. Большею частью он бывал пьян. Беспринципный и безвольный, он вполне устраивал своих хозяев, доставая им шнапс и составляя компанию в бесконечных кутежах. Жан с Карлом часто пользовались этой слабостью Яниса и спаивали его, а в пьяном состоянии он нередко многое выбалтывал и давал им ряд очень важных сведений. Так, однажды в сильном подпитии Янис Янковский проболтался о нагруженной оружием машине, стоявшей без присмотра с ключами на улице Марияс. Жан и Карл тотчас помчались туда и угнали машину в Бикерниекский лес. Перетащив в свою машину драгоценный груз, они безнадежно испортили немецкий грузовик и оставили его в лесу. Лишь через пару часов, обнаружив пропажу, гестаповцы учинили облаву, но Жан с Карлом уже были далеко, на другой стороне Риги.

* * *

После полутора лет службы в Люфтваффе, когда истек срок брони (освобождения от воинской службы), Жан в начале 1943 года переходит на работу в порт боцманом на буксир. Работа была удобной — после дежурства в течение суток полагалось два дня выходных, и Жан это время использовал для всевозможных операций и поездок. За крупную взятку ему удалось еще раз получить отсрочку от службы в армии. В том же 1943 году Жан устраивается на следующую работу, в контору на улице Марияс, 101.

Это учреждение занималось вербовкой рабочей силы для сельских работ, и Жан получил на некоторое время легальную возможность ездить в районы по своему усмотрению, что было для него крайне важно, поскольку именно тогда началось создание на селе разветвленной сети убежищ, и необходимо было поддерживать постоянную связь с находящимися там людьми. Однако учреждение вскоре перестало существовать. К осени 1943 года, после Сталинграда и Курска, когда советские войска перешли в наступление по всему фронту, немцы стали заметно нервничать, принялись поспешно заметать следы своих преступлений. К этому времени им уже было не до подобных контор и служб, и работавшие там латыши постепенно разбрелись. Жан своевременно приобрел ключи от конторы и впоследствии устроил там еще одно временное убежище, куда ненадолго приводил спасенных заключенных из концлагерей перед тем, как направить их в постоянные и надежные места.

Каждый спасенный Жаном человек — это подвиг, неповторимая страница его замечательной жизни. Ради каждого из них он не раз глядел смерти в глаза, но она оказывалась бессильной перед его бесстрашием...

Вот что рассказал врач-дантист Герман Ноим о своем удивительном спасении Жаном Липке.

«Из концлагеря «Межапарк» (или Кайзервальд), откуда ежедневно под стражей направлялась в город бесплатная рабочая сила, меня в числе нескольких заключенных — зубных врачей немцы привели на работу в стоматологический институт на улице Стабу. Перемещаться внутри здания мы, заключенные, могли только под наблюдением стражи, получая каждый раз специальный контрольный талон-пропуск. Все же кое-какая возможность коротких встреч с посторонними у нас там была. Этим и воспользовался Жан Липке.

Братья Казинец, заключенные вместе со мной в Межапарке, попросили меня установить связь с Андриеной Дагаровой, женой заключенного Эпштейна, который не имел возможности бывать в городе. Дагарова была русской и поэтому проживала в Риге легально. По совету братьев Казинец она встретилась с Жаном Липке у Веры, служившей ранее няней в семье Казинец. Жан хорошо знал Веру и навещал ее время от времени. Там Жан обо всем и условился с Дагаровой, а она была для нас связной.

Кстати, несколько слов об Андриене Дагаровой. Это была молодая симпатичная женщина. Постепенно она стала верной помощницей Жана. Обычно ее сопровождал небольшой мохнатый черный пудель, она всегда было модно одета, ярко накрашена, словом, это была типичная «дама с собачкой». Где было нужно, она умело подкупала стражу и передавала знакомым заключенным пакеты, записки, сообщения. Поэтому понятно, что она была хорошо примечена стражниками, и в дальнейшем, с побегом ее мужа Эпштейна она, разумеется, не могла более оставаться дома и должна была тоже скрываться, но об этом — в дальнейшем.

А пока, в один из последующих дней, когда я в сопровождении охранника поднимался по лестнице на чердачный склад, чтобы взять там нужный для работы гипс и прочий зубопротезный материал, параллельно со мной, среди прочей публики, проследовал мужчина средних лет. Поравнявшись со мной, он шепнул, что его зовут Жан и что бежать надо сейчас же. Он сообщил также, что в подвале дома лежит уже приготовленный для меня пакет с одеждой, в которую необходимо переодеться

и незаметно выйти из подъезда на улицу Вейденбаума¹, а встретимся мы на другом углу — на улице Бруниниеку.

Меня охватило непередаваемое волнение — все было так неожиданно. Как только охранник отошел в сторону чем-то поживиться для себя, я бесшумно сорвался с места и понесся по лестнице вниз, в заветный подвал. Быстро надев на себя одежду из пакета Жана — не моего размера пальто, темные очки и фетровую шляпу, я вышел из подъезда. В теплый солнечный день в этом наряде я выглядел, наверное, более чем странно. Но зато в таком виде меня не узнали даже работавшие со мной немецкие военные врачи, которые, как назло, в это же время выходили из ворот 1-й городской больницы. Им и в голову не могло прийти, что заключенный из гетто, их раб, мог решиться на такой, казалось бы, нелепый поступок, как бегство среди белого дня. Бросив на меня беглый взгляд, как на чудака, они, продолжая разговор, прошли мимо. Я быстро зашагал прочь от больницы, обливаясь ручьями пота и с нетерпением ожидая встречи с Жаном. Наконец он показался и шутливо спросил:

— Ну, как твое самочувствие на свободе?

Я попытался было улыбнуться, но по его виду понял, что ему тоже не до шуток — он был напряжен до предела. Через несколько минут Жан завел меня в погреб одной из своих конспиративных квартир в конце улицы Марияс, напротив парка Зиедоня². Сунув мне в руку заряженный пистолет, он приказал подождать здесь, и стрелять только в крайнем случае, если накроют. Оказывается, это была лишь часть операции, которую Жан осуществлял в тот день. Одновременно с этим он организовал исключительно сложный побег адвоката Гарри Ицигсона прямо из концлагеря Кайзервальд.

Жан долго готовился к этой операции, обдумывая различные варианты, как вырвать Ицигсона, находящегося за колючей проволокой под эсэсовской охраной. Ицигсон чем-то проштрафился у фашистов, и из лагеря его не выводили — очевидно, он был в числе очередных жертв в ближайшей акции. Чтобы вырвать его из рук эсэсовцев, Жан прибег к хитрости. Через одного заключенного, нашего общего приятеля, работавшего в самом лагере (в так называемом «Арбайтсамте»³) и поэтому сталкивавшегося с охраной, по совету Жана был пущен слух, будто в одном доме, в центре города, у местного жителя,

1 Ныне улица Базницас.

2 Имеется в виду Зиедоньдарзс (*латыш.* «Цветочный сад») — один из парков в центре Риги вдоль нынешней улицы А. Чака (разбит в 1937—1939 годах).

3 Бюро труда или биржа труда.

старого друга Ицигсона, спрятаны принадлежащие заключенному большие ценности — бриллианты и золото. Если приехать туда с охранником, их можно было бы получить, отдав хороший куш сопровождающему эсэсовцу, а остальное использовать для обмена на продукты. Приманка подействовала. Позарившись на драгоценности, фашист-охранник охотно согласился организовать такую поездку. Предварительно Жан с Дагаровой подыскали подходящий дом с проходным двором, на углу улиц Бривибас и Матиса, куда эсэсовец должен был привезти Ицигсона за «драгоценностями».

Подъехав к дому по указанному адресу, эсэсовец хотел было подняться в квартиру вместе с заключенным. Организатор этого побега предполагал именно такой поворот событий. Ицигсон поспешно объяснил охраннику, что в квартиру должен подняться он один, ибо в противном случае его приятель испугается, увидев полицейского и, конечно, станет отрицать, что у него имеются драгоценности.

Стражник согласился с доводами Ицигсона и тот пошел один. Именно это и было нужно. Пройдя двор, Ицигсон очутился на другой улице, где его уже ждал Жан. Не прошло и нескольких минут, как Жан осторожно завел Ицигсона в парк Зиедоня и замаскировал в кустах. Вскоре туда же Жан привел и меня, но велел спрятаться в другом конце парка, так как вдруг заметил у погреба дома велосипед с номерным знаком полиции. Необходимо было срочно перебазироваться.

Некоторое время мы оставались в кустах, со страхом наблюдая за улицей. Это длилось недолго, но нам показалось целой вечностью. Вскоре к тротуару возле парка подрулила машина. В кабине сидел Жан. Он махнул нам рукой, мы вмиг выскочили из кустов, быстро влезли в машину и понеслись дальше по елгавскому шоссе в убежище — к хутору Решни возле Добеле».

* * *

В июле—августе 1944 года, когда советские войска загнали фашистов в «Курляндский котел»¹, Жан оказался в Риге

1 16—20 октября 1944 года, после освобождения Риги, советскими войсками была блокирована крупная группировка германских войск в Курземе. В результате образовался так называемый «Курляндский котел» с длиной фронта около 170 км. Германское командование всеми силами стремилось удержать этот район, придавая ему значение стратегического плацдарма на Балтийском море. Кроме того, там оставались значительные силы Красной армии (11 армий). Но фактически находившиеся здесь германские войска

оторванным от своих добельских баз — Милтини, Решни, Аннасмуйжа, Межамаки. Но и в этих условиях он не прекращал искать любые возможности, чтобы спасти обреченных людей. С удивительной настойчивостью и отчаянностью он продолжал бороться за каждого человека в условиях постоянных облав, когда озверевшие эсэсовцы с овчарками оцепляли улицы и подготавливаемых расстреливали прямо на месте.

Вот что рассказал музыкант Семен Островский о своей встрече с Жаном Липке. После долгих трех лет мучений в гетто он бежал, и во время скитаний после побега, в жаркие дни конца сентября 1944 года, ему удалось через знакомых в конце концов выйти на Жана Липке.

«Жан повел меня на улицу Марияс, 101, в контору, отомкнул ключом дверь и провел в помещение. Я очутился в небольшой комнате, в углу стояли раковина с краном и маленький туалет. Каково же было мое удивление, когда в этой комнатке я увидел группу людей, сидящих в углу на корточках и тихо перешептывающихся. Это были Федя Лев, Ногалер, двое братьев Вагенгейм и женщины, Шварц и Долгицер с дочкой — всех их Жан вывез из разных концлагерей.

Наш друг велел нам вести себя очень тихо, так как за стеной находилась парикмахерская, в которой днем работали. Напротив дома — парк Зиедоня, там немцы установили зенитные орудия, стрелявшие по налетающим на Ригу советским самолетам. Лопались стекла в окнах, кругом все дрожало от канонады. Так проходили дни. Как-то днем пришел Жан и предупредил, что немецкие жандармы рыщут с овчарками по всему городу, по чердакам и погребам, в поисках подозрительных лиц. Укрытие становится опасным и придется перекочевать в другое место. На прощание он добавил, как обычно, с юмором:

уже не могли оказывать влияние на ход войны. Поэтому в начале 1945 года большая часть советских войск была перебросена из Курземе на решающие участки советско-германского фронта, хотя бои продолжались здесь до конца войны. Командование Красной армии предприняло шесть наступлений, стоивших обеим сторонам десятков тысяч жизней. В боях в Курляндии на стороне советских войск участвовали более 57 тысяч бойцов из Латвии. В то же время в «котле» вместе с гитлеровцами находились около 230 тысяч местных жителей, 150 тысяч беженцев из других районов Латвии, а также около 35 тысяч беженцев из освобожденных от нацистской оккупации других регионов СССР. Курляндская группировка гитлеровцев сдалась только после безоговорочной капитуляции Германии 9 мая 1945 года.

— Если до темноты вас отсюда не выкурят, я приду и выведу вас в лучшее место. Ждите.

Томительным было ожидание — каждую минуту могла нагрянуть полиция. Но к великой нашей радости с наступлением вечера появился наш славный Жан в темном бушлате, в морской фуражке на голове, подтянутый, аккуратно застегнутый. Его спокойствие и уверенность передались и нам. Жан построил нас в колонну и смело повел мимо немецких зенитчиков. Те не обратили особого внимания на будничную картину — шествие заключенных с работы под командой моряка. Для большей убедительности Жан даже прикрикнул на одного из нас, чтобы тот не отставал, и смачно выругался по-немецки.

Мы вошли во двор на Марияс, 104, спустились в гараж, затем попали в небольшое полуподвальное помещение. Когда глаза немного привыкли к темноте, мы увидели, что Жан вынул из внутренней стены большой кусок кирпичной кладки. Оказывается, это была дверь в лаз, сделанная из дерева, но искусно разрисованная под кирпичную кладку. Наш спаситель предложил всем влезть в образовавшуюся дыру, и мы остолбенели от неожиданности: в небольшом помещении, куда мы попали, вместе с нами оказались 12 человек. Внутри стояли сколоченные из досок трехъярусные нары, на стене висели пистолеты и было припасено немало продовольствия. Впервые после долгого времени мы услышали радиовещание из Москвы и передачу Би-би-си¹ из Лондона. Жан позаботился обо всем.

Верная помощница Жана, Мария Фрицевна Линденберг, жившая тогда в полуподвальном помещении напротив, ежедневно приносила нам горячую еду, свежие продукты и воду и

---

1 Би-би-си (BBC) — Британская радиовещательная корпорация, начала передачи в 1922 году. После вступления Великобритании в войну в сентябре 1939 года в структуре корпорации была создана Европейская служба, на которую возлагались задачи информационно-пропагандистской поддержки военных действий стран антигитлеровской коалиции на европейском театре военных действий. Передачи велись как на английском, так и на немецком, французском, португальском, испанском и других европейских языках. Чтобы пресечь влияние зарубежного вещания на население, нацисты с 1 сентября 1939 года запретили прослушивание иностранных радиопередач, была введена смертная казнь за распространение почерпнутых из них сведений. Стремясь нейтрализовать воздействие британского вещания, государства нацистского блока организовали глушение радиопередач Би-Би-Си.

уносила ведра с нечистотами (в этом убежище не было ни водопровода, ни канализации).

Безгранична была наша радость, когда через несколько дней Жан, придя снова в наше подземелье, сообщил, что немцы в панике бегут, весь город заполнен отступающими частями. Он приказал терпеливо ждать его сигнала и не выходить из убежища, так как отступающие фашисты зверствуют. Выйти с боем было бы бессмысленно и равносильно самоубийству. Жан был против методов обреченной борьбы.

И вот, наконец, наступило 13 октября 1944 года — день, который запомнился нам на всю жизнь. Со слезами радости на глазах бросились мы обнимать советских танкистов, первыми ворвавшихся в Ригу, и нашего славного спасителя Жана Липке, имя которого навсегда останется в наших сердцах».

* * *

Далеко не всем, кто встретился в то суровое время оккупации с Жаном, довелось испытать радость освобождения. Не дождался ее и депортированный из Австрии горный инженер — пули эсэсовцев изрешетили его в тот самый момент, когда он отчаянно пытался перерезать проклятую многорядную колючую проволоку, за которой его ждал с одеждой Жан. Пули просвистели и над головой Жана, не задев его — видно, суждено ему было жить. В наших беседах Жан не раз уверял, что к нему был ниспослан Ангел-спаситель, который в минуты опасности заслонял его своими Божественными крылами... Таково было его глубокое убеждение. Может быть это и так. Кто знает!

Не дожидаясь конца войны и знаменитый профессор Минц, который в 1918 году оперировал раненого Ленина¹. В ответ на

1 Владимир Михайлович Минц (1872—1945) — выдающийся врач-хирург и ученый-медик. Родился в Динабурге Витебской губернии (ныне Даугавпилс в Латвии), окончил Юрьевский (ныне Тартуский) университет, после чего стажировался в Германии. По возвращении в Москву (1897), работал в хирургической клинике, с 1906 года — приват-доцент Московского университета, с 1917 — профессор. Один из основоположников анестезиологии и грудной хирургии в России, создатель хирургической школы; занимался проблемами нейрохирургии и пластической хирургии, травматологии, ортопедии, гинекологии, урологии, онкологии; автор более 100 научных трудов. В годы Первой мировой войны (1914—1918) руководил хирургическим отделением Главного московского госпиталя. В 1918 году оперировал В. И. Ленина после покушения

предложение Жана совершить побег Минц прислал записку: «Спасибо, дорогой друг! Я никогда этого не забуду. Но поймите, как я могу покинуть своих больных в гетто? Я им так нужен, они ведь без меня все погибнут. Про себя я уже давно решил — что будет с моим народом, будет и со мной...» Читая эти строки, Жан не мог сдержать слез.

Профессора Минца нацисты депортировали из концлагеря Кайзервальд в Германию, в Бухенвальд¹, где он скончался от истощения и болезней. Его сожгли в крематории лагеря.

Не все операции, организованные Жаном, прошли удачно, были и неудачи, гибли люди. Не все намеченные дерзкие планы ему удалось осуществить. Не удался, например, побег группы из 10 человек, находившейся до 24 августа 1944 года в Риге, на улице Пелду, 15, у Алмы Полис. После провала все скрывавшиеся беглецы были убиты в перестрелке, а Алму Полис арестовали и впоследствии зверски замучили в гестапо. Незадолго до этого Жан намеревался переправить эту группу в сельские убежища под Добеле, но посчитал, что она находится в безопасности, и занялся организацией другой операции.

Не удался побег и группы евреев из концлагеря *НКР*² на улице Гану: в день запланированной операции все они были расстреляны в лагере как заложники.

на него. С 1920 года жил в Латвии, заведовал хирургическим отделением рижской еврейской больницы «Бикур-Холим» (с 1924 года), в 1940—1941 годах — кафедрой на медицинском факультете Латвийского университета. В 1941—1943 годах находился в Рижском гетто, где организовал медицинскую помощь узникам. Погиб в концлагере Бухенвальд.

- 1 Нацистский концентрационный лагерь Бухенвальд, расположенный в Тюрингии, был основан в 1937 году. Данные о числе узников в Бухенвальде и его филиалах в разные годы противоречивы. В октябре 1944 года в лагерь начали прибывать заключенные из нацистских концлагерей на территории Латвии, прежде всего Кайзервальда и Дондангена. Всего их прибыло туда около 2000 человек. После освобождения советскими войсками в январе 1945 года концлагеря Освенцим (Аушвиц) Бухенвальд стал крупнейшим концлагерем. Освобожден американскими войсками 13 апреля 1945 года. С августа 1945 года до 1950 года — советский спецлагерь для нацистских преступников, с 1958 года — мемориальный комплекс.
- 2 *НКР* (*Heereskraftpark* — военный моторизованный парк) — один из первых казарнирунгов, созданных немцами в Риге. Предприятие, принадлежавшее вермахту, состояло из множества заводов

Пытался Жан организовать побег из лагеря либавчанки¹ Ани Гакель и депортированной из Германии Рут Ланг, но они не смогли выскользнуть незамеченными из лагеря.

Много было всего... Запущенная на полную мощность нацистская машина смерти ежедневно косила тысячи и тысячи людей, и горе было тому безумному смельчаку, который отважился вырвать обреченного на смерть из кровавых лап — его самого уничтожали. Однако Жану все-таки удалось провести 54 удачные операции — сколько людей он спас от неминуемой смерти!

Жан Липке вдохновенно и бесстрашно шел на риск во имя спасения каждого человека. Мысли об организации побега не оставляли его в покое ни днем, ни ночью. И как подлинный творец, который никогда не бывает полностью удовлетворен результатами своих дел или творений, Жан Липке уже после войны рассказывал с болью и сожалением, что можно было все организовать лучше и спасти гораздо больше обреченных людей.

Он очень переживал, что через несколько дней после побега Гарри Ноима, летом 1944 года, расстреляли как заложника зубного врача, бок о бок работавшего с Ноимом в стоматологическом институте. Всего там работали 18 врачей-евреев, заключенных Кайзервальда. Жан предложил им всем вместе совершить побег. Решился один Гарри Ноим. Другие сомневались и возражали:

— А какой процент удачи?

— Я не знаю, что такое процент, — ответил им Жан. — Если хотите идти — идемте, будем вместе пробиваться, гарантий я не даю — это война...

— Это авантюра! — говорили они, не поверив Жану. И все впоследствии погибли.

С болью в сердце Жан узнал, что спустя день после прихода советских войск отступающие бандиты-шутцманы расстреляли четверых из спасенных им — доктора Шмульяна, 18-летнего Изю Ютера, Шнайдера и Гиршмана. Погиб при бомбежке сын Марии Келлер и не стало добрых хозяев хутора Межамаки Миллеров — Жаниса и его сестер Эльзы и Лидии.

Жанис Розенталь скончался от разрыва сердца после ночного побега из немецкой тюрьмы в Елгаве, незадолго до вступления в нее советских войск.

и мастерских по ремонту техники. Там работали в основном специалисты.

1 Либава — историческое название Лиепая.

Через несколько лет после войны ушел из жизни Фрицис Розенталь, а вскоре после него умер Жанис Ундулис.

Бывший староста волости в Добеле Фрицис Биненфельд, так много сделавший для спасения евреев на добельских хуторах, был осужден советским судом как предатель и заключен в тюрьму. Ценой больших усилий и хлопот друзья и бывшие узники концлагерей сумели добиться его реабилитации. После недолгого тюремного заключения он не захотел вернуться в Добеле, где сельчане не сумели его отстоять перед советской властью, и переехал в Ригу к своим новым друзьям.

Фрицис Биненфельд. 1965 г.

Карл Андреевич Янковский жил и работал после войны в Елгаве. Однажды мы с Жаном договорились его проведать. Застали мы Карла во вновь отстроенном им собственном доме на улице Бебру, 6. Я стал спрашивать его о том времени, но отвечал он неохотно:

— Да что вспоминать, плохо было людям, вот и помогали. Разве мы были одни?..

В другой раз в выходной день я вместе с Жаном навестили старого друга семьи Липке Жаниса Бриедиса, тогда уже пенсионера. Этот был заядлый охотник и рыболов, живший на окраине Риги в небольшом домике, как и много лет назад.

— Как вы все же решились вывозить евреев из гетто, вы же знали, что рискуете своей жизнью и жизнью всей семьи? — спросил я его, пытаясь понять мир этих удивительных благородных людей.

— Конечно, знал, а что было делать? — возразил он мне. — Жаль мне их было, потому и ехал. Я все годы живу в Бикерниеки, рядом с лесом, и все видел, что творилось, начиная с лета 1941 года. Да и Жану не мог отказать, очень уж был он тогда настойчивый, вернее сказать, одержимый, прямо-таки ненормальный...

Вильгельмина Екабовна Путриня вместе с приемным сыном Фрициса Розенталя — Бруно и его семьей после войны поселились в Риге на Бруниниеку, 123. Меня рекомендовал ей Жан, и она была со мной очень откровенна, много рассказы-

Бруно Розенталь, Иоганна и Жан Липке. Рига 70-е гг.

вала о «несчастных мальчиках из гетто», как они впервые прибыли к ней на хутор Милтини, о том, как братья — мальчишки Бруно и Эдгар, таскали все из дому на сеновал и долго скрывали от нее целую ораву новых жильцов.

— А куда делся весь хлеб, мясо, где яйца и все молоко?! Что вы строите из меня идиотку! Если у вас есть люди, то, конечно, их нужно кормить, а не надувать женщину, я ведь вам не девочка! — сердито говорила она ребятам.

Я терпеливо ее расспрашивал, и она подробно поведала мне об одной облаве. Ее «мальчишки» как-то всю ночь готовили колбасу, а чуть свет, часов в 5 утра, нагрянули шуцманы — видимо, донесли соседи. «Мальчишки» только что до этого спустились в подвал, а вся комната была увешена гирляндами красной копченой колбасы. Мясо в то время было привилегией только немцев!

Заметив полицейских, Вильгельмина Путриня растерялась и так опешила, что ноги подкосились. Она не смогла скрыть своего волнения, и это было слишком очевидно.

— Ты что так расстроилась? Наверное, еще что-нибудь есть, еще что-нибудь спрятала, а ну выкладывай! Сразу вижу, твоя совесть нечиста! — начал угрожать ей главный полицейский.

А в тот момент под полом разыгрался припадок у Смолянского. Он в истерике начал рыдать и чуть было не

погубил всех, его схватили и почти придушили подушками. Сначала Вильгельмину словно парализовало, потом ее стало лихорадить. Собрав последние силы и взяв себя в руки, она сказала полицейским, выпроваживая всю банду из комнаты, где был вход в тайник:

— Да, правда, еще что-то есть, но не здесь. Идемте в хлев. Что делать, у меня есть еще свинья и корова. Это все, что осталось. Берите все, только оставьте меня, ради Бога, в покое.

В другой раз в Милтини прибыла повестка Сергею, русскому военнопленному, которого Фрицис Розенталь взял к себе на хутор на работу вместе с девушкой Настей, насильно вывезенной из Белоруссии. В повестке значился вызов на регистрацию и перевод в другое место. Что бы это могло значить? Волнение передалось и всем остальным. Сергей хотел было спрятаться в бункере со всеми, но на общем совете было единодушно решено, что он должен пойти на регистрацию, отметить во избежание обыска на хуторе и постараться вернуться назад.

Наутро Сергей отправился по указанному адресу, а спустя два дня прибежал назад в Милтини в разорванной одежде, голодный. С риском быть застреленным на месте он улизнул из колонны пленных и прибежал в бункер. События не замедлили себя ждать. Через пару дней утром в страшном смятении вбежал хозяин хутора Фрицис Розенталь. Мгновение — и открытый бункер закрыли жестяным листом у кухонной плиты — это был замаскированный вход. Встретив полицейских у калитки, Фрицис Розенталь поспешно сказал им, что только сбегает за домашней книгой. Таким образом, он успел подать остальным сигнал. Вслед за ним ворвались полицейские — искали сбежавшего пленного. В бункере все притаились, замерли, почти не дышали. Предводитель банды начал внимательно осматривать комнату. Вдруг хозяин Фрицис Розенталь специально скрипнул ключом в соседней комнате, чтобы отвлечь внимание полиции. Сломя голову, захлопнув дверь, полицейский бросился на подозрительный звук. Обшарив все укромные углы в доме, — а комната с потайным входом уже считалась проверенной, — полицейские перешли в хлев. Никого не найдя и там, они вскоре убралась с угрозами, бранью и обещали вскоре нагрянуть снова. К счастью, с шуцманами не было собак-ищеек. Но и на случай провала беглецы были подготовлены — в бункере хранилось оружие.

В начале 60-х годов как-то раз Жану стало плохо с сердцем — война не прошла бесследно. Поток посетителей осаждал его больничную палату, в приемной надрывался телефон: «Как самочувствие больного Липке?» Медсестры и персонал искренне удивлялись — откуда это у простого пенсионера так много именитых гостей — известных врачей, юристов, инжене-

Жан и Иоганна Липке. Рига 1960 г.

ров, музыкантов. Да разве их всех перечтешь!

Все годы после войны в доме Липке не нарушался установленный торжественный обычай, ставший традицией: дважды в год — зимой под Рождество и летом в Янов день (именины Жана) у них собирались гости — множество друзей. За длинным столом — зимой в доме, а летом в саду — рассаживались убеленные сединами те самые «ребята

и парни», некогда прятавшиеся под бидонами и скамейками в грузовых машинах, которые везли их к жизни в убежища Жана в окрестностях Добеле. И рядом располагалась молодая поросль — их дети и внуки, а также много других гостей и друзей, которым были близки и дороги прошлые дела хозяев.

Рождественский вечер, 1965 г. в доме Жана Липке. В первом ряду слева направо: Сильва Залмансон, Давид Гарбер, Абрам Либхен, спасенный Жаном, Жан Липке. Во втором ряду: Виестур, внук Жана, Зига, сын Жана, Давид Зильберман.

Жан Липке с группой еврейских активистов на митинге памяти погибших в Румбульском лесу. 1963 г.

Из года в год Жан бывал неизменным участником всех еврейских траурных поминовений на месте массовых казней в Румбульском лесу, принимал активное участие в различных других еврейских общественных мероприятиях Риги и Латвии.

Составлено по воспоминаниям участников и свидетелей событий:

*Аренсбурга Григория
Бриедиса Яниса
Вагенгейма Льва
Вагенгейма Якова
Дагаровой Андриены
Дризина Исаака
Дризина Залмана
Дризина Михаила
Крама Лео (Исаака)
Либхена Абрама
Липке Жаниса и Иоганны*

*Ноима Гарри
Островского Семена
Путрини Вильгельмины
Раге Михаила
Смолянского Хаима
Цесвана Бориса
Фриша Виллиса
Фриш-Абеле Эмилии
Ютера Роберта
Янковского Карла*

На митинге памяти погибших в Румбуле. Слева направо: Давид Зильберман, Жан Липке, Борис Шперлинг, Иосиф Шнайдер.

Иоганна и Жан Липке перед их домом. Рига. 70-е гг.

Послесловие

После выхода на пенсию по болезни в 1955 году (из-за инфаркта) Жан с Иоганной в одиночестве доживали свою старость в Риге, в том самом ветхом домике, где произошло в прошлом немало драматических событий. С большими усилиями друзья сумели добиться для Жана в 60-х годах от советских властей звания персонального пенсионера Латвии. (Особенно следует отметить настойчивое участие в этом деле Буби — Шмуэля Цейтлина, самоотверженного активиста латвийского еврейства, столь много сделавшего для увековечения памяти погибших евреев.)

В латвийской периодической печати в советский период неоднократно появлялись статьи и очерки о подвиге Жаниса Липке во время нацистской оккупации Риги. Однако в них умалчивалось все, что было связано со спасением евреев, — на этой теме лежало табу. Именно поэтому в них были смещены акценты — выделялась активная деятельность Жаниса Липке в подпольном движении Латвии и лишь вскользь упоминалось о спасении им «людей из гетто», без упоминания национальности спасенных.

Жан и Иоганна Липке в гостях у семьи Зильберман

Жан и Иоганна Липке дома. Телефонный звонок из Израиля. 70-е гг.

ные представители, в том числе раввин Рижской еврейской общины и друзья семьи Липке. Многие газеты Латвии, а также пресса Израиля и стран Запада опубликовали некрологи и очерки о героическом жизненном пути Жаниса Липке.

Архитектор Яков Вагенгейм, проживавший тогда в Торонто, в Канаде, спасенный в свое время Жаном Липке, предложил проект памятника на его могиле. Известная в Латвии скульптор Лея Новоженец активно включилась в создание монумента на могиле Жана, символизирующего идею подвига этого необыкновенного человека.

В новую советскую эпоху так называемой «гласности, открытости и перестройки» 2 февраля 1988 года в зале Латвийской государственной филармонии в Риге состоялся благотворительный концерт, посвященный памяти Жаниса Липке, организованный еврейскими активистами Риги. В концерте исполнялись произведения еврейской фольклорной и классической музыки. Весь доход от концерта был перечислен культурному фонду для создания памятника Жанису Липке.

7 июня 1988 года в Тель-Авиве состоялся благотворительный концерт, организованный группой бывших рижан по ини-

Похороны Жана Липке на 2-м Лесном кладбище в Риге. 20 мая 1987 г.

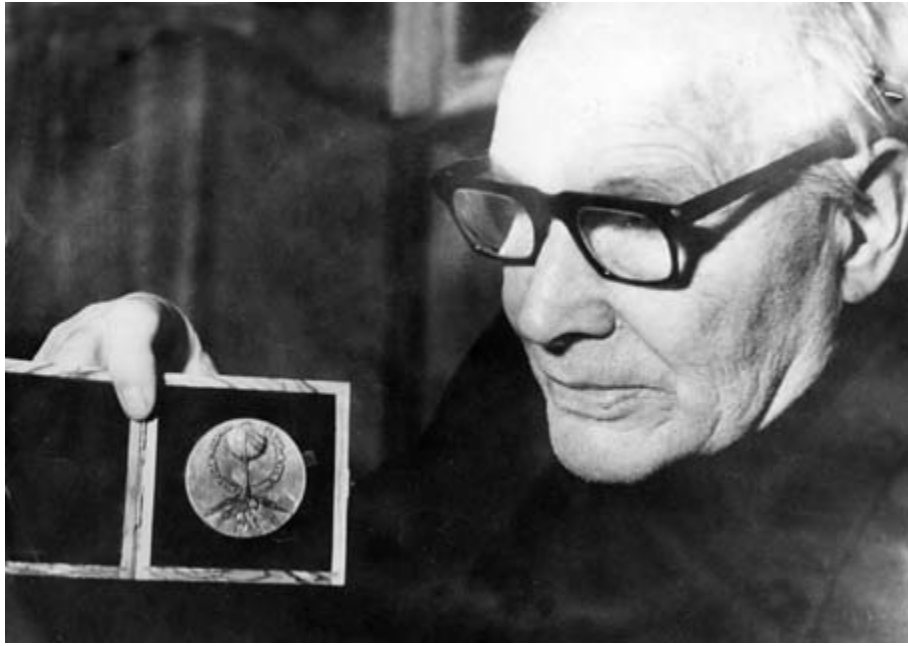

Иерусалим, музей Яд-Вашем. Дерево Жаниса и Иоганны Липке в Алее Праведников.

Мизерная персональная пенсия не могла принести семье Липке материального достатка. Но большинство людей, спасенных Жаном в период гитлеровского террора, живущих в Риге или уехавших в Израиль и другие страны, никогда не забывали семью Липке и поддерживали ее, как могли.

Большинство материалов о подвиге семьи Липке в 60-х годах было передано в израильский музей Катастрофы и Героизма — Яд-Вашем в Иерусалиме.

В 1977 году советские власти после долгих и настойчивых ходатайств разрешили, наконец, сначала Жану, а потом и Иоганне навестить их сына (после 33 лет разлуки!), который после войны оказался в Австралии.

Жан Липке с медалью праведника. Иерусалим, 1977 г.

На обратном пути домой Жан Липке гостил в Израиле, где ему оказали восторженный прием. Он был почетным гостем в Яд-Вашем, где собственноручно посадил в аллее Праведников в Иерусалиме дерево имени его и Иоганны. Имя Жаниса Липке

занесено в Золотую Книгу еврейского народа. Он был принят во многих израильских организациях, государственных учреждениях и обществах, встречался с теми, кого спас от рук нацистов, и с сотнями других людей, которым дорога память о подвиге Жана во время войны и которые пожелали видеть этого удивительного человека-гуманиста.

Дети Жана Липке

Старший сын Жана Липке, Альфред, по примеру отца помогал евреям, скрывающимся от смертельной опасности. Он рыл убежища, заботился о нуждах беглецов, часто стоял на страже в случае опасности.

В начале 1944 года Альфред был насильно мобилизован в немецкую армию. До этого ему как-то удавалось отсрочить мобилизацию. Одно время он служил у немцев матросом на лоцманском судне в рижском порту и получил освобождение от армии. Однако по истечении срока брони немцы стали настойчиво вербовать «добровольцев» в вермахт.

Как-то раз в перепалке Альфред швырнул военную форму прямо в немцев, за что был избит и посажен в карцер. Ему еще здорово повезло — за такие выходки обычно расстреливали, а его послали в штрафную рабочую бригаду в районе Волхова. Однажды при переправе через Чудское озеро в Эстонии бомба попала прямо в буксир, на котором их транспортировали. Буксир затонул, а Альфред едва выплыл из ледяной полыньи. После этого он заболел, и несколько месяцев от него не было никаких известий — он оказался в каком-то пересыльном лагере в Эстонии. Когда немцы отступали из Эстонии, его перевезли в Ригу и поместили в госпиталь с острым лейкозом.

Узнав, где находится сын, Жан намеревался устроить ему побег и спрятать в деревне. Однако в те дни Жан был настолько поглощен своими бесчисленными операциями по спасению евреев и организацией тайников, что для себя и своей семьи у него просто не оставалось времени.

Немецкий военный госпиталь, в котором находился Альфред, был неожиданно эвакуирован в Германию. Так Жан с Иоганной оказались в разлуке с сыном и ничего не знали о нем в течение нескольких лет, пока не выяснилось, уже после войны, что в 1945 году его освободили американцы и он оказался в Западной зоне Германии. Впоследствии Альфред поселился в Австралии и живет там поныне.

Вскоре после освобождения Риги следователи НКВД стали таскать Жана на допросы из-за сына-невозвращенца, которого

Жан Липке с сыновьями. Альфред Липке — в центре — приехал из Австралии. Рига 1986 г.

считали коллаборантом. Не сломленный нацистами, бесстрашный Жан остался таким же прямым и несгибаемым и перед лицом сталинских следователей. На одном из оскорбительных допросов в НКВД он в гневе заявил следователю:

— Вы, коммунисты, такие же звери, как и нацисты! Только они стреляли спереди (и указал пальцем на свой лоб) — вот сюда! А вы сзади, в затылок, по-подлому!

Следователь был ошеломлен. За такое заявление Липке мог быть надолго осужден, но имя его было столь известно в Риге, что энкаведисты на это не решились, зато долгие годы умышленно замалчивалась история его героических подвигов во время немецкой оккупации Латвии.

О трагической судьбе дочери Айны в семье Липке избегали говорить — слишком больно было беречь старую рану. Но однажды они мне все же поведали ее печальную историю.

Айна с открытым сердцем, восторженно восприняла марксистское учение. С приходом советской власти в 1940 году она стала активной комсомолкой, а впоследствии какое-то время работала личным секретарем члена ЦК Компартии Латвии, председателя Совета министров Латвийской ССР, знаменитого латышского писателя и общественного деятеля Вилиса Лациса. Когда началась война, она была мобилизована в Красную Армию

и находилась при штабе Латышской дивизии¹. После войны, в 1945 году, Айна Липке вернулась в Ригу, но уже совсем другим человеком. Как рассказывала Иоганна, они с трудом узнали Айну после четырех лет разлуки. Она совершенно не могла найти себе места в жизни, приспособиться в обществе подозрений, доносов, страха и слезки. Разочаровавшись в советских идеалах и пережив личную драму (мужчина, которого она полюбила и идеализировала, скрыл от нее, что имеет семью), Айна 6 апреля 1947 года бросилась с моста в Даугаву... Все члены семьи Липке всегда были слишком прямые и бескомпромиссные.

Младший сын Жана, Зигфрид Липке, или Зига, как его обычно звали друзья, семилетним мальчуганом уже все понимал и помогал отцу прятать людей в бункере. При появлении шуцманов он бежал к сараю и стучал два раза, предупреждая шепотом: *"Poliki atnāca!"* — что означало: пришли полицаи, прячьтесь в бункер! К сожалению, тяжелые годы и испытания во время и после войны сказались на его здоровье. У него были болезнь сердца и другие недуги — последствия тех трудных лет. Все годы Зигфрид Липке жил с женой и сыном, тоже очень больным, в старом родительском доме, он вел огромную переписку с людьми со всех континентов, с теми, кого спас от смерти его отец, Жанис Липке, и кто чтит память этого замечательного латышского героя. Зигфрид Липке умер от инфаркта 11 сентября 1994 года.

* * *

14 мая 1987 года после очередного, девятого инфаркта перестало биться сердце Жаниса Липке. Печальная весть молниеносно разнеслась среди многочисленных его друзей в Риге, Москве, Ленинграде и других городах Советского Союза и далеко за рубежом — в Израиле, Соединенных Штатах, Канаде, Австралии, Западной Германии.

20 мая 1987 года в 4 часа дня грандиозная траурная процессия, около тысячи человек, провожала Жаниса Липке в последний путь на Второе лесное кладбище в Риге. Его могила утопала в цветах, было много ораторов, выступали официаль-

¹ Имеется в виду 201-я Латышская стрелковая дивизия, решение о формировании которой Государственный комитет обороны СССР принял 3 августа 1941 года. К концу сентября 1941 года в Гороховецких лагерях (ныне в Нижегородской области) дивизия насчитывала 10 тысяч бойцов, 70 % которых были добровольцы. С 25 октября 1942 года - 43-я гвардейская Латышская стрелковая дивизия.

Памятник Жану Липке

в Риге имени Жаниса Липке и об основании в доме Липке музея, посвященного героической истории спасения им обреченных евреев из Рижского гетто и концлагерей. Декан архитектурного факультета Латвийского университета профессор Иварс Страутманис подготовил эскизный проект этого музея, который планируется соорудить над бункером, где семья Липке скрывала в течение всей войны семерых узников Рижского гетто. Восстановленный старый бункер в сарае возле дома Липке станет экспонатом музея, доступным для обозрения посетителей. Запланировано также создать там экспозицию о героизме и других жителей Латвии, спасавших в период гитлеровской оккупации евреев — жертв геноцида. На встречу, посвященную памяти этих мужественных людей, в дом Липке был приглашен Альфред Адольфович Банкович, прибалтийский немец, спасший пять человек (его жена была еврейкой). В Латвии по сей день ведутся исследования и готовятся для публикации документальные материалы о подвигах других латышей, русских, немцев, поляков — мужественных спасителей обреченных узников гетто.

Наконец, имя скромного героя Жаниса Липке получило достойное признание и на его родине — в Латвии. К сожалению, посмертно!

*Давид Зильберман,
Рига—Нью Йорк, 2005 год*

циативе и при участии Израиля Фейгельсона (бывшего солиста рижского оперного театра). Сбор от концерта (2100 долларов) был послан в Ригу, в культурный фонд имени Жаниса Липке.

Когда Латвия вернула свою независимость, рижский городской совет (дума) принял решение о присвоении одной улицы

МОЙ ПУТЬ ИЗ РИЖСКОГО ГЕТТО

Вспоминает Гриша Аренсбург

В первый же день оккупации немцами Риги, когда сразу началась дикая травля и охота на евреев, меня схватил на улице вооруженный латыш-айзсарг¹, пригнал в префектуру и бросил в камеру. Находясь в заточении, я слышал душераздирающие крики — бандиты пытали евреев, издевались, расстреливали.

Через некоторое время появились шуцманы, меня избили, а затем с группой из восьми человек погнали в Вецригу (Старую Ригу) убирать помещение министерства финансов. Мы собирали битое стекло, мешки с песком, груды мусора — ликвидировали последствия бомбежек. Под вечер появился старший айзсарг.

— Что с ними делать? — спросил его наш охранник.

1 Айзсарги (латыш. *aizsargs* — защитник) — массовая военизированная националистическая организация в Латвии, созданная в марте 1919 года для борьбы с большевиками. Действовала сначала на обязательной основе, а с 1921 года — на добровольной. Послужила основной силой в осуществлении антиконституционного государственного переворота 15 мая 1934 года и была главной опорой авторитарного режима К. Ульманиса. Вместе с женскими и детскими организациями к июню 1940 года достигла численности около 68 тысяч человек и практически пронизывала все общество. Была разоружена и ликвидирована советской властью в июле 1940 года, часть членов организации были репрессированы. Во время германской оккупации бывшие айзсарги явились одним из основных резервов коллаборационистских формирований. В мае 1990 года организация возобновила деятельность как общественная, однако она малочисленна и ее популярность ничтожна.

— В яму, в Бикерниеки! — сразу последовал приказ.

Я случайно услышал их разговор и незаметно юркнул из помещения и побежал задворками домой. Мне повезло, остальных в тот же вечер расстреляли.

15 июля на мой адрес пришла повестка — явиться в префектуру. Опасаясь за семью, я решил подчиниться приказу и прибыл в указанное время. Из префектуры с небольшой группой евреев меня направили на вспомогательные работы по восстановлению взорванного моста через Даугаву. Нас распределили в помощь немецким саперам. Работа была тяжелая, под непрерывным надзором конвоиров-садивов: чуть замешкавшись они кололи специально заостренными металлическими стержнями или стальными заостренными металлическими насадками на стальные стержни в воду. На моих глазах так разбилась насмерть мой знакомый рижанин Лифшиц, упав на металлические обломки моста. Я не выдержал этого зверства и в ярости закричал на них. Меня ударили и тоже столкнули вниз, но, к счастью, в стороне от разрушенных ферм моста. Я упал в воду, вынырнул и поплыл к другому берегу. Через некоторое время, измученный, я вылез на берег и поплелся к другому, расположенному рядом понтонному мосту. По дороге я наткнулся на случайно встретившегося пьяного немца, получил несколько оплеух, но в конце концов все-таки благополучно добрался до дома.

Вскоре мне пришлось с группой евреев сортировать и складывать кипы топографических карт в доме на набережной, недалеко от Домского собора. Изредка приходили немецкие штабные офицеры, отбирали некоторые карты и тщательно изучали проставленные особые знаки. Увидев это, мы сговорились, и один из нас при содействии остальных незаметно для охранника наносил наобум всякие кружки, крестики и стирал помеченные — мы были рады хоть этим малым навредить ненавистному врагу — спутать его ориентиры.

Каждый день нас перебрасывали на разные уборочные работы. Как-то мы работали впятером в поликлинике напротив понтонного моста и сортировали лекарства, предназначенные для фронта. Мы лихорадочно, не спуская глаз с латыша-надзирателя, принялись их смешивать, выливать и заполнять склянки водой или просто срывать этикетки. Где бы ни работали — мы старались вредить фашистам.

Некоторое время я работал чернорабочим на грузовой машине, а в дальнейшем, с осени 1941-го, меня перевели в так называемые «Красные амбары» — склады на улице Маскавас, 6, в распоряжение немецкого интендантства Люфтваффе. К этому времени, в соответствии с приказом, мы перебравшись в гет-

то, специально огороженный колючей проволокой район улиц Маскавас, Лудзас и Садовникова. С утра за нашей группой в гетто приходили сопровождающие и уводили в Красные амбары, оттуда нас перебрасывали в разные места — перегружать из вагонов в автомашины мебель, оборудование и пр., и развозить все это по немецким воинским частям.

Складами заведовал латыш по фамилии Якубовский, а в управлении Люфтваффе, которое находилось в другом месте, в здании старой биржи, были только немцы. В амбарах работали, помимо нас, человек 20 евреев, несколько вольнонаемных латышей и среди них замечательный человек Жан Липке, кому впоследствии были обязаны жизнью десятки обреченных евреев.

Он резко выделялся среди остальных своим человеческим отношением к нам. Ежедневно приносил на работу что-нибудь съестное или предупреждал об опасности. Некоторые его хорошо знали еще до войны как честного и доброго человека. Поначалу нам это казалось странным и необычным на общем фоне разгула жестокости и подлости. Большинство знакомых латышей, даже бывшие друзья, изменились в это время до неузнаваемости, многие отвернулись от нас: одни из трусости, другие — в результате нацистской антисемитской пропаганды. Другое дело — Жан. Вскоре мы искренне привязались к нему, доверились, мы знали, что с нами был настоящий друг.

В Красных амбарах не было строгой охраны, жестокого обращения и расправ. Самое страшное — пройти ворота гетто, где у контрольного поста стояли вооруженные резиновыми дубинками бандиты, которые обыскивали и нещадно избивали евреев даже из-за пустяка, иногда до потери сознания.

Однажды избитый я свалился в беспамятстве тут же у ворот. К моему счастью, друзья подхватили меня и уволокли домой — упавших, обессиленных охрана, как правило, добивала на месте.

30 ноября 1941 года немцы провели первую массовую акцию по уничтожению рижских евреев. Нашу рабочую бригаду расчетливые палачи заблаговременно угнали пораньше на работу. В тот день в Румбульском лесу были расстреляны десятки тысяч беззащитных еврейских детей, женщин, стариков.

8 декабря акция убийств повторилась в еще больших размерах. В тот день убили мою мать, сестер и всех родственников. Стало совершенно очевидно, что нас, мужчин, оставили в живых лишь временно, чтобы использовать как бесплатную рабочую силу. Каждый думал лишь об одном — о побеге из гетто и мести.

Сразу после тех страшных дней Жан Липке предложил вывести несколько человек из Красных амбаров и спрятать. Я оказался в этой группе — мне суждено было жить.

Жан указал нам адрес укрытия, и 16 декабря после работы мы не вернулись в гетто. Он повел нас к дому напротив кинотеатра «Лачплесис». Желтые звезды мы заблаговременно оторвали. Жан привел нас в темный подвал. Там уже несколько дней находился Хаим Смолянский, с которым Жан был дружен еще задолго до войны, и именно по его просьбе вызволил нас четверых — Либхена, Шнайдера, Ютера и меня.

Стоял тридцатиградусный мороз, подвал покрылся инеем, мы дрожали от холода. Благодаря помощи Яниса Бриедиса, шофера с мясокомбината, старого верного друга Жана Липке, мы соорудили в подвале укрытие. Бриедис привез нам электрическую плитку, чайник, подключил их к электропроводке, затем помог выгородить в глубине подвала небольшое помещение — словом, благоустроил нашу «малину». Вскоре Жан Липке привел еще одну группу людей, и нас стало 10 человек, но находиться долго в этом укрытии мы не могли — оно было ненадежно.

Когда приходил Жан, то, открывая ключом дверь, он дважды кашлял — это был предупредительный сигнал о его приходе. Как-то раз дверь открылась, но кашля не последовало. Мы замерли от страха в ожидании разоблачения. Какой-то незнакомец порылся в кучах хлама, прихватил что-то с собой и вскоре ушел. Когда пришел Жан и мы рассказали ему о происшедшем, он объяснил, что этот погреб когда-то принадлежал магазину и с тех времен тут хранились кое-какой инвентарь, бутафория и другие случайные вещи. До войны Жан работал здесь складским рабочим и поэтому у него имелись ключи. Сюда, вероятно, навещивался бывший работник магазина, надеясь чем-то поживиться.

Через неделю, 23 декабря, мы оставили это место. Жан позаботился о нас и распределил по другим адресам. Мы втроем — Изя Ютер, Шнайдер и я — перебрались на несколько дней в столярную мастерскую, находившуюся во дворе на улице Стабу, 61, поскольку на рождественские праздники все рабочие разъехались и помещение пустовало. Другие перешли в подвал кафе «Флора» на улице Бривибас на попечение Розенберга, давнишнего приятеля Жана. А своего старого друга Смолянского Жан повел к себе домой; впоследствии они соорудили под сараем подвал, где скрывались семь человек.

Еще через неделю, накануне Нового года, Жан перебрал нас к другому своему другу, Занде, жившему на углу улиц

Бривибас и Матиса, который прятал нас некоторое время и искренне помогал. Позже к нам присоединился мой дядя Гиршман. 12 января 1942 года Жан снова меняет убежище — мы перешли к дворнику Андрею Граубиню, на улицу Авоту, 75. В этом угловом доме, на стыке улиц Лиенес и Авоту, Жан оформил аренду небольшой мастерской на имя некоего Зариньша, но фактически хозяином мастерской стал его друг дворник Граубинь. Там мы прожили вчетвером до мая 1942 года.

Постепенно наши средства и запасы стали иссякать. Кроме того, в это время участились облавы — фашисты искали брошенных к ним в тыл парашютистов и партизан. Мы решили вернуться в гетто и сбежать в подходящий момент, как только будет найдено более безопасное место.

Мы втроем, неразлучные Изя Югер, Петя Шнайдер и я, вернулись в гетто, а один из нашей компании, Альтхаузен, еврейский парень из Латгалии, которого Жан привел впоследствии, решил остаться у Граубиня. Наше место заняли еще несколько человек. В дальнейшем Граубинь перевел их на другое место, на Стабу, 72, но там они попали в облаву. Будучи вооруженными, они оказали гестаповцам сопротивление, и в перестрелке все погибли. Андрей Граубинь был пойман и брошен в тюрьму. Впоследствии его казнили, но он никого не выдал.

В гетто мы вернулись с нашей командой из Красных амбаров.

Как мое отсутствие, так и возвращение никто не заметил. В то время в гетто стать на учет было сравнительно просто, списки составляли свои же ребята из юденполицай¹.

Меня определили на работы на железнодорожной станции Шкиротава под Ригой. Там мы были приставлены к саперной части «Тодт», и с 5 утра человек 100 отправлялись из гетто на изнурительные работы, где трудились без перерыва допоздна. Мы обязаны были прокладывать, перестраивать и ремонтировать железнодорожные пути, таскать на себе рельсы, шпалы, крепить их и так далее. Но и здесь мы находили возможности для саботажа: незаметно подсыпали песок в буксы стоящих рядом вагонов, портили железнодорожные стрелки и другое станционное оборудование.

Часто приходилось разгружать вагоны. Разгружая бочки с продуктами, мы незаметно просверливали в них отверстия, а некоторые просто ломали. В другой раз грузили прессованное сено, предназначенное на корм скоту, который шел на мясо для армии. Через своих людей, работавших в ветеринарной группе,

1 Т. е. из еврейской полиции.

мы раздобыли сильный яд для животных — стрихнин и посыпали этим порошком сено.

К концу лета 1942 года меня перевели работать в Милгравис на суперфосфатный завод. Одетые в тряпье, мы отбивали слежавшиеся в камень куски суперфосфата, сыпали их в дробилки и грузили в вагоны. Работа была тяжелая и вредная, вся кожа покрылась язвами, трудно было дышать — фосфатный яд проникал в легкие. За работу, конечно, ничего не платили. Мы трудились как рабы, находясь все время под угрозой уничтожения.

В это время в гетто начало организовываться Сопrotивление: тайно добывалось оружие, проводилось обучение стрельбе. Мои друзья Давид Матисон и Лейзер Кристал из юденполицай, однажды сказали мне, что в гетто создана организация, которая состоит из независимых небольших групп, по пять человек в каждой, не больше. Они мне тоже порекомендовали подобрать ребят, готовиться к выступлению и ждать их сигнала. Я без труда организовал пятерку ребят (оружия у нас было достаточно на всех) и стал наблюдать за развитием событий.

К концу октября 1942 года была сформирована группа из девяти человек и все подготовлено для побега к партизанам в район Пскова.

Подобрали специально таких людей, которые внешнеюстью не походили на типичных евреев, чтобы в случае необходимости им легче было раствориться среди местного населения. Была назначена дата побега. После успешной операции по сигналу мы должны были соединиться с ними.

Накануне операции двое из этой группы — Якобсон и Тэдди Даненман вышли из гетто с нашей командой из Красных амбаров.

Я им помог пронести мешки с бельем, сухарями и прочим, а ночью они остались на «арийской» стороне города, чтобы с самого утра, 27 октября 1942 года, пуститься в опасную дорогу.

В тот день я, как обычно, работал с командой в Красных амбарах, и мы с нетерпением ждали результата этой операции. Вдруг к полудню в амбары прибежал бледный как полотно Тэдди и умолял спрятать его. Он рассказал о полном провале.

Дело было так. Когда крытая брезентом машина оказалась у «Красного квадрата»¹, они вдруг услышали громкое «Хальт!» («Стой!») и, хотя по договоренности с шофером, машина должна была прорываться через посты и патрули и мчаться вперед,

1 «Квадрат», «Красный квадрат» — завод резиновых изделий в Риге (был основан в 1924 году).

она вдруг резко затормозила. Сзади подбежали немцы и приказали выходить. Это было предательство, в дальнейшем стало известно, что шофер был провокатором. Из машины открыли стрельбу. Немцы в ответ стали стрелять по машине со всех сторон. В самый разгар перестрелки Тэдди прыгнул в канаву прямо на прицелившегося в него немца, сбил его и бросился к Двине. По Тэдди открыли беспорядочный огонь, но ему удалось бежать, и, таким образом, он стал единственным свидетелем разгрома вооруженного Сопrotивления в Рижском гетто¹.

1 В Рижском гетто существовало движение Сопrotивления. Первые подпольные группы появились еще в «большом гетто» в ноябре 1941 года. Считается, что инициаторами движения были предприниматель О. Окунь из Даугавпилса и адвокат Я. Евельсон из Риги. К ним присоединились И. Баг из еврейской полиции, учитель И. Лат, инженер М. Михельсон и механик И. Ботвинкин. После ликвидации «большого гетто» с весны 1942 года подпольщики стали проносить в «малое гетто» и прятать оружие — в основном из Пороховой башни (ныне Военный музей), где немцы устроили склад трофейного оружия. Оружие в разобранном виде пряталось в дровах, ввозимых и вносимых в гетто, и в ящиках для пищевых продуктов. Прятали оружие в разных местах, например на улицах Лудзас, 58, и Лиела Кална, 14. Один из последних и самых крупных тайников находился на улице Лиела Кална, 66, где жил один из руководителей Сопrotивления О. Окунь. Подпольная группа готовилась оказать вооруженное сопротивление в случае ликвидации гетто. На территории «малого гетто» тайно рыли бункеры и потайной ход во «внешний мир» — под лагерным ограждением у улицы Лиела Кална к православному Ивановскому кладбищу, устройтеlem которого узники называли инженера С. Антоколя. В одном из подвалов рядом с кузницей был устроен тир, где учились стрелять. Группа Сопrotивления гетто установила связь с руководителем действовавшей в городе подпольной организации советским офицером-евреем Б. Писмановым, который с группой других бежавших из лагеря военнопленных скрывался в Риге. Связным между группой Сопrotивления в гетто и подпольной организацией в городе был старший одной из рабочих колонн Зандель. Однако СД через своих агентов стало известно о существовании организации Сопrotивления в гетто, ее связи с еврейскими полицейскими, приобретении ею большого количества оружия и намерении группы узников бежать на грузовике в район Аугшпилса (ныне Вышгородок в Псковской обл.), чтобы соединиться с действовавшими там советскими партизанами, а также о дате готовившегося побега. 28 октября 1942 года вооруженная группа в количестве 10 узников

Через несколько дней Тэдди Даненман покончил с собой, чтобы не попасть живым в руки коменданта Краузе. Комендант дознался о нем и поставил гетто ультиматум — если к назначенному времени Тэдди Даненман не явится к нему, в гетто будет расстреляно большое число заложников.

Через три дня после этой неудачной попытки побега, 30 октября 1942 года, здание, где находились еврейские полицейские (юденполицай), было окружено большим нарядом эсэсовцев. Немцы пронюхали, что они вооружали беглецов, и обвинили в сообщничестве. Нагрянув в 3 часа ночи и надеясь застать их врасплох, эсэсовцы под дулами автоматов загнали полуголых парней в развалины дома вблизи центральной площади гетто. Комендант Краузе приказал старосте юденрата Кельману зачитать смертный приговор всем 40 еврейским полицейским, в том числе и своему сыну.

Старик Кельман начал это чудовищное чтение. Вдруг старший из обреченных отчаянно крикнул: «Ребята, бегите! Спасайтесь!» Тотчас все бросились врассыпную. Эсэсовцы открыли огонь. Смерть настигла всех. Сам старшина юденполицай повис на колючей изгороди, изрешеченный автоматной очередью. Пали многие славные ребята...

После расправы с юденполицай эсэсовцы с овчарками методично прочесали каждый уголок гетто, обыскивая дом за домом, и на улице Ликснас раскрыли бункер с оружием и боеприпасами. За это гетто должно было понести наказание. На следующий день фашисты отобрали 100 евреев-заложников и расстреляли их. После этого жестокого провала обескровлен-

---

совершила побег из гетто на грузовике. О готовившемся побеге стало известно СД, и в течение полутора часов группа вела неравный бой с засадой, устроенной немецкой полицией безопасности на шоссе Рига—Мадона. В результате двое беглецов были задержаны и семь убиты. В отместку за это 31 октября в Бикерниекском лесу были убиты несколько сотен заложников, а в гетто были расстреляны молодые еврейские полицейские (34 человека) и более 50 человек старшего возраста. Скрывшиеся еврейские полицейские М. Дамский и Г. Махтус вскоре были найдены и убиты. Арестованный узник гетто И. Израэлович, не выдержав пыток, указал на склад и гитлеровцам удалось обнаружить бункеры и тайники с оружием и продовольствием в доме на углу улиц Виляну и Лиела Кална. Эти запасы были вывезены из гетто на двух грузовиках. Все жители этого дома были жестоко избиты и арестованы, в том числе О. Окунь. 28 июня 1943 года были арестованы И. Лат, И. Ботвинкин и др. — всего 185 человек.

ное Рижское гетто не смогло снова организовать новое вооруженное Сопротивление.

* * *

Весной 1943 года с группой из 70 человек меня послали на торфоразработки возле Олайне. Здесь же находились бараки для жилья. Помимо нас в этом лагере работала в порядке трудовой повинности большая группа латышей-подростков лет по 16—17. Мы начали устанавливать с ними контакт, заниматься антигитлеровской агитацией — рассказывали им правду о нацистских зверствах. Об этом узнало начальство, и нас послали переправить на другой торфозавод в Валгунде, на берегу Лиелупе, у Калнциемса, где у нас уже не было контакта с местным населением.

В Валгунде меня определили на работу плотником, но основная масса работала на болоте. В этом лагере труд был особенно изнурительным. Многие не вынесли испытаний и остались в тех болотных топях, освободившись таким образом от ежедневных ожиданий акций, голода, издевательств и жестокости.

Так прошло лето 1943 года. В сентябре нас вернули в гетто, как раз накануне издания приказа о его ликвидации. Немногих, оставшихся еще трудоспособными, перевели в концлагерь Кайзервальд в Межапарке. А перед этим состоялись отборочные селекции и акции. Врач-эсэсовец осматривал строй. Поворот его большого пальца определял судьбу человека: в одну сторону означал концлагерь Кайзервальд, в другую — яма в Бикерниеки. Я был молод и здоров и по селекции попал в Кайзервальд. Там меня определили в бригаду плотников и каждый день уводили на работу на военный склад связи, расположенный на улице Цитаделес в Старой Риге. Благодаря своим обязанностям плотника, ремонтируя окна, двери, мебель и пр., я сумел подготовить условия для побега. В одном туалете мне удалось незаметно освободить от креплений решетку на окне, которое выходило на улицу Муйтас.

Вскоре с помощью друзей я передал Жану записку, и через несколько дней он пришел к условленному месту — к этому окну. Во время короткой встречи Жан сказал, что Гиршман и Шнайдер казнернированы при фабрике «Лента», но он готовит их побег и одновременно побеги из других концлагерей. Мой побег он назначил на вторую половину декабря и вручил мне пакет с пальто, так как невозможно было бы в лагерной одежде с широкими полосами арестантских крестов, накрашенных для опознания белой масляной краской, появиться в городе.

Я начал готовиться к побегу. На пальто Жана я намалевал мелом кресты и стал его носить поверх своего. Приближался долгожданный день. Но, к несчастью, ночью, накануне побега, у меня похитили бесценное пальто, а через день ровно в 4.30 по договоренности меня должен был ждать на улице, у заветного окна, Жан. Что делать? Я начал в отчаянии лихорадочно соображать, как мне приобрести другое пальто, и решил обратиться к нашему оберюде¹ Альтшулеру, еврею, депортированному из Германии (он мне казался приличным человеком), и попросил его одолжить мне деньги для покупки пальто. Он ничего не ответил, но деньги дал. Однако на другое утро он почему-то не вышел на работу. Я заподозрил, что он испугался стать заложником в случае моего побега.

Приближался конец рабочего дня. Вдруг к четырем часам внезапно выстраивают всех заключенных евреев на дворе у склада. Перед строем прошелся эсэсовец из охраны концлагеря и громко обратился к построенной колонне:

Кто здесь Аренсбург? Прошу выйти вперед!

Я весь сжался и подумал: «Это конец...»

После того как я вышел из строя, эсэсовец распустил остальных, а меня повел в Межапарк прямо к коменданту концлагеря Кайзервальд оберштурмбанфюреру СС Зауэру.

И вот я стою в кабинете перед оберпалачами. Мне стали задавать вопросы относительно покупки пальто. Я сразу понял, что Альтшулер меня «продал». Когда я стал все отрицать и логично врать, на меня посыпались оплеухи. Но я стоял на своем. Тогда взбешенный Зауэр крикнул: а на какие же деньги я купил пальто! Стараясь казаться простаком, я показал ему на свои ботинки, из которых выглядывали пальцы, и наивно возразил:

— Посмотрите, если бы у меня были деньги, то в первую очередь я купил бы себе ботинки.

Вероятно, они все-таки поверили мне. О побеге на допросе вообще не упоминалось — в условиях строгого эсэсовского надзора за заключенными это было равносильно самоубийству. Меня продержали еще какое-то время и отпустили.

На другой день на утренней концлагерной переключке — «аппеле» — перед строем было объявлено, что отныне мне, Аренсбургу, запрещена работа в городе. Позже я узнал, что мне здорово посчастливилось — по установленным правилам меня должны были посадить в карцер-бункер концлагеря, но за час до моего прибытия эсэсовцы посадили туда двух других евреев.

¹ Oberjude (нем.) — старший еврей, возглавлявший рабочую команду.

Их поймали, когда те пытались вынести из лазарета несколько картофеля. В бункере их расстреляли.

Я был зачислен во внутрилагерную плотницкую бригаду.

Наш концлагерь Кайзервальд размещался за железнодорожным переездом в конце улицы Тилта, возле православной церкви. В нем были заключены примерно 5000 евреев и человек 250 поляков и немецких рецидивистов. Вокруг лагеря возвышалась трехрядная ограда из колючей проволоки со сторожевыми постами, прожекторами, охрану несли эсэсовцы с овчарками. По утрам и вечерам велся строгий учет заключенных.

Через несколько дней в нашем лагере стало известно о побеге целой группы заключенных из концлагеря «Лента». Я сразу понял, что это дело рук Жана. Оберюде Альтшулер пустил слух, что их всех поймали и расстреляли. Мне во что бы то ни стало надо было узнать правду — не устроили ли эсэсовцы засаду у Занде, на нашей явке. Я попросил моего приятеля, зубного техника Драпкина, помочь мне связаться с Занде. Драпкина ежедневно приводили из Кайзервальда в стоматологическую поликлинику, и изредка он имел возможность пользоваться телефоном. Разговаривая завуалированно, намеками, он узнал, что операция на «Ленте» прошла благополучно. Мой дядя Гиришман сбежал вместе со Шнайдером и обоими Ютерами — они уже были в укрытии и ждали меня.

С этих пор мысль о побеге не оставляла меня ни на минуту ни днем, ни ночью. Но как это осуществить в условиях концлагеря?

И вот этот решающий день в моей жизни настал. В первых числах января 1944 года заболел заключенный из другой бригады плотников, которая также числилась внутрилагерной, но работала за оградой на строительстве нового барака для комендантуры концлагеря. Нужен был еще один плотник, и я попросил охранника-эсэсовца взять меня. Тот согласился.

План у меня уже созрел в мельчайших деталях. Весь день я только и делал, что усердно строгал, пилил и собирал в большие кучи стружки, щепки и обрезки, а незадолго перед окончанием смены сказал охраннику, что мне нужно принести другую пилу из лагерной мастерской. Барак-мастерская находился рядом, и эсэсовец меня отпустил. Вернувшись с пилой, я для вида еще кое-что распилил и объяснил своему стражу, что обязан ее сразу вернуть, а поскольку рабочий день уже кончился, он решил мне уже не возвращаться на работу.

Как только эсэсовец отошел от меня и скрылся за стенкой для присмотра за другими, я немедленно зарылся в темном углу в горе обрезков древесины и стал ждать. Кончился рабочий

день. Эсэсовец выстроил бригаду, еще раз пересчитал плотников — их было восемь, а меня, девятого, он уже считал находящимся за лагерной изгородью, — привычно рывкнул и повел колонну к воротам.

Когда вокруг все стихло, я осторожно перебрался к оконному проему, выходящему на улицу в сторону железнодорожного переезда, и стал выжидать подходящего момента — интервала во времени между возвращающимися из города многочисленными колоннами заключенных. Я уже заранее убедился, что именно это окно не просматривается со стороны прожекторной сторожевой вышки.

Прежде всего почистил пальто от покрашенных мною мелом арестантских знаков, глубоко вздохнул и благословил свой решительный шаг. Я выпрыгнул из окна и пустился вниз по улице Тилта, мне нужно было попасть к Занде — в центр города, на угол Бривибас и Матиса, где я уже смогу связаться с Жаном.

Предстояло пересечь весь город. За поворотом будет развилка. Пойти ли по улице Ганибу Дамбис, или по более близкой — Дунтес? На улице Дунтес контролер-охранник стоит на узком железнодорожном мосту-виадуке, это опасно. Я решительно избрал Ганибу Дамбис. Когда я быстро шагал мимо товарной станции у Ханзас, ко мне обратился слегка подвыпивший немец в штатском:

— Герр! (Господин!) Не скажете, где тут улица Геринга?

Я сообразил, что вдвоем с ним идти будет безопаснее, и решил провести его к улице Валдемара (тогда — Геринга).

Мы разговорились, немецким я владел свободно, и сочинил ему историю о себе: что родом из Кенигсберга, работаю тут в строительной организации. Мой хмельной спутник бросился обнимать меня как земляка и тут же взял с меня слово приехать к нему в гости в его имение в Восточной Пруссии, под Кенигсбергом, в первый же мой отпуск. Так мы быстро добрались до центра. Мы мило распрощались на углу улиц Ханзас и Валдемара, и я пошел прямо к Матвеевскому рынку. Перед входом во двор «пассажа», где жил Эдгар Занде, я еще раз внимательно осмотрелся вокруг и бросился на четвертый этаж, но хозяина не оказалось дома. Я вышел на улицу и в темноте начал кружить возле дома. Так прошел час. Снова звоню — опять безрезультатно. В раздумье медленно спускаюсь вниз. Приближается ночь. «Куда бы пойти? Кто не выдаст? Может, пойти к моему довоенному знакомому латышу на улицу Авоту, 54? Кто знает...» Вдруг мимо меня проскользнул навстречу человек, по одежде похожий на Жана. Неужели он? Я торопливо

спустился этажом ниже и негромко позвал: «Жан!» Он откликнулся, и я сразу узнал этот столь знакомый голос.

Мы радостно обнялись, и Жан немедленно повел меня к улице Лачплеша, где напротив 4-й городской поликлиники временно скрывались Цесван, Шмульян и Гордон. Я остался ждать на лестничной клетке, а Жан вошел в квартиру. Через несколько минут он вышел, захватив для меня большой кусок хлеба с мясом. Я жадно принялся за еду. В квартире были чужие, и Жан предложил пойти в другое место — на улицу Марияс, 101, к его знакомому шоферу из Люфтваффе Карлу Янковскому. Однако и там нельзя было приютиться — засиделись посторонние. Пришлось опять идти к Занде. Чтобы не привлекать внимания прохожих, Жан ослеплял встречных карманным фонариком, а мы изображали крепко подвыпивших гуляк — шумели, громко разговаривали по-латышски и даже задевали проходивших мимо женщин. Жан был в ударе и выступал, как артист на сцене.

На этот раз Эдгар Занде оказался уже дома. Он радушно принял меня, и я пробыл у него пять дней, ни разу не покидая пределы квартиры. Затем вместе со Шмульяном, Гордоном и Цесваном Жан отвез нас на машине на хутор Межамаки, недалеко от Добеле.

Переезд был большим риском. В назначенный час машина Жана ждала меня в центре. Я забрался в кузов и примостился на сиденье. Вскоре, к моему удивлению, мы остановились у бензоколонки, как раз напротив префектуры, у вокзала, в нескольких десятках шагов от охранников-эсэсовцев. Шофер занялся заправкой машины, а Жан, с виду беспечный, не спеша забрался в кузов, вытащил какую-то рухлядь, поставил на землю и шепотом велел мне спрятаться под сиденьями. Я это сделал и оказался в компании со Шмульяном, Гордоном и Цесваном; мы едва сдерживали радость встречи — ведь в нескольких шагах от нас прохаживались эсэсовцы. Сам Жан, маскируя «груз», то забирался, то спрыгивал с машины, что-то перевязывал, мастерски проявляя озабоченность по поводу слабо закрепленного груза. Он не случайно избрал именно это место, так как, тонко изучив повадки эсэсовцев, многократно убеждался, что надуть их легче всего у них же под носом. Полицаи-охранники бросали лишь рассеянные взгляды в сторону нашей машины, шагали взад-вперед, ничего не подозревая.

Жан еще раз аккуратно разложил поверх нас брезент и всякое тряпье, так что, сгорбясь под низкими скамейками, мы едва не задохнулись. Наконец все приготовления закончились, Жан уселся в кабину рядом с шофером, и мы понеслись по Елгавскому шоссе. В дороге дважды у контрольных постов

скользил по «грузу» луч электрического фонарика, но, не обнаружив «контрабанду», охрана пропускала машину.

В Межамаки мы прибыли уже поздно ночью. Жан остановил машину на расстоянии километра от хутора и велел нам, захватив с собой материалы, вещи и инструменты, пойти пешком к хутору в обход через лесок. Жан понимал, что было бы подозрительно заехать с нагруженной грузовой машиной на бедный запустелый хутор, хозяева которого не имеют ни знакомых, ни друзей и в жизни дальше Добеле нигде не бывали. К этому времени там уже пару недель скрывались восемь человек. Потайной бункер был готов наполовину, и поэтому мы расположились на ночь на сене в сарае.

За несколько дней после лихорадочной стройки по ночам, обеспеченные инструментами и материалами, мы соорудили под хлебом погреб-подземелье для всей нашей команды, которая к концу января 1944 года насчитывала 14 человек. Благодаря инженерным знаниям Миши Раге мы своеобразно решили ряд строительных задач — прокладку и укрепление потайного хода под фундаментом дома с выходом в комнату хозяев, чтобы шаткое здание не рухнуло в пропасть тоннеля. Решили мы и другие технические проблемы, связанные с канализацией и грунтовыми водами, хотя в жизни никто из нас не занимался ни физическим трудом, ни строительством.

Наш бескорыстный и преданный друг Жан Липке проявлял заботу обо всем — систематически обеспечивал нас продуктами, а также оружием на случай провала. У нас имелись два автомата, два пистолета, несколько гранат и предостаточно патронов. Добыл он нам и радиоприемник, и мы регулярно слушали сводки о положении на фронтах. Постоянно несли охрану два поста, просматривая все возможные подходы к хутору.

Тянулись томительные месяцы в ожидании освобождения. Под Янов день, 23 июня 1944 года, Петя Шнайдер, Изя Ютер и я перешли на хутор Решни, расположенный в четырех километрах от Межамаки. Там мы построили новый бункер для следующей группы евреев. Эту усадьбу Жан снял в аренду у латыша-полковника благодаря протекции волостного старосты Фрициса Биненфельда.

Отчаянный Жан привозил все новых и новых людей из концлагерей, хотя каждая такая операция сопровождалась смертельным риском. Мы с замиранием сердца расставались с ним — вернется ли снова?..

Чувствуя, что приближается расплата за содеянное, нацисты свирепствовали: терроризировали все население систематическими облавами, подозреваемых расстреливали на месте.

Шло лето 1944 года. Красная армия загнала гитлеровцев в «Курляндский котел». Жан перестал к нам приезжать. Однажды к нам приехал староста Фрицис Биненфельд и сообщил, что Добеле уже в руках советских войск. Мы ликovali — вот-вот наступит наше освобождение. И действительно, на следующее утро в Межамаки пришла группа красноармейцев и офицеров, и на другой день тоже. Мы были счастливы. Часть наших сразу ушла в Добеле. Мы сняли охрану, полагая, что фронт ушел далеко, но дорого заплатили за ошибку. Оказывается, наш хутор находился как раз на нестабильной линии фронта.

Обычно неразлучные Шнайдер, Изя Ютер и я решили пойти в Добеле и выяснить обстановку — возможно, удастся пойти добровольцами в армию. Перед дорогой мы решили искупаться в речушке Берзе. Я был босиком и попросил моих друзей подождать, пока сбегаю в подземелье за сапогами. Возле хутора сидели Гиршман, Раге и хозяин с сестрами. Старший Ютер чистил картошку. Я спустился в бункер, обул сапоги и двинулся было по тоннелю вверх. Вдруг вижу — навстречу мне несется бледный как полотно старший Ютер, показывая знаками: иди назад. Оказывается, во дворе эсэсовцы накрыли Гиршмана, Раге

Жан Липке у могилы Рувима и Израйля Ютеров Гиршмана и Шнайдера погибших в Межамаки. Еврейское кладбище в Шмерли. Рига 1986 г.

Жан Липке и Григорий Аренсбург в доме Липке. 1980 г.

и хозяев. Я схватил автомат и побежал на выручку. В это время с чердака спускались перепуганные насмерть Штерн с дочкой. Они увидели, что Гиршман и Раге стоят с поднятыми руками, окруженные 12 эсэсовцами. В этот момент раздались частые выстрелы. Мы поняли, что они значат... Принять бой было бессмысленно. Мы захлопнули потайной люк. Вскоре над нашими головами забарабанили кованые сапоги: эсэсовцы обыскивали дом. Потом все стихло. Мы поднялись и поняли, что случилось.

Очевидец Миша Раге рассказал, что к нам нагрянула отступающая банда эсэсовцев и шуцманов. Подкравшись к хутору, они окружили всех, кто был во дворе, и выстроили под дулами автоматов. В это время ничего не подозревавшие Петя Шнайдер и Изя Ютер возвращались с речки. Когда они, приблизившись к хутору, поняли, в чем дело, было уже поздно. Они бросились бежать. Застреляли автоматы. Изя сделал лишь несколько шагов и упал, а Петя Шнайдер, изрешеченный пулями, дотянулся до речки и плюхнулся в воду.

— Как тебя зовут? — с садистской ухмылкой спросил латышски у Гиршмана предводитель этой недобитой банды. Гиршман назвал какую-то литовскую фамилию, уверяя, что он литовец-беженец.

— Ты врешь! Ты жид, и тебя зовут Гиршман!

Оказалось, это был эсэсовец из охраны лагеря «Лента», откуда Гиршман совершил побег. Грянул выстрел. Свершился приговор и над ним. Лишь Раге, безукоризненно разговаривавший по-латышски и внешне похожий на латыша, благодаря настойчивым заверениям хозяев сумел выдать себя за жениха хозяйки.

Бандиты приказали немедленно закопать трупы. Через пару часов они нагрянули снова. В Добеле они убили еще одного из нашей группы — доктора Шмульяна, который накануне ушел с Биненфельдом погостить у него пару дней, будучи уверенным, что местность уже очищена от гитлеровцев.

Невозможно передать отчаяние старого Ютера, потерявшего после гибели всей семьи единственного сына. Мы видели за эти годы много горя, слишком много, но стояли потрясенные над телами товарищей, с которыми только что разговаривали и так радовались освобождению...

Надломленные после всего случившегося, мы вдвоем с Робертом Ютером, совершенно разбитым и осунувшимся, пошли в сторону Литвы. Большую часть пути мы молчали. Что мог я ему сказать в утешение? У Шяуля мы расстались: он остался в Литве, а я пошел в Даугавпилс. Город лежал в руинах. Я нашел там несколько чудом уцелевших евреев. Встретил я в Даугавпилсе и Гордона с Цесваном, ушедших из Межамаки днем раньше меня.

Я хорошо знал, зачем пришел сюда, к своим: я должен был мстить. Быстро покончив с формальностями, я записался добровольцем в Красную Армию. Нас сразу отправили на ликвидацию курляндской группировки гитлеровцев. И уже рядовым со своим полком в составе Латышской дивизии я снова прошел по знакомым дорогам через Добеле, мимо Милтини, Решни, Межамаки в глубь Курляндии.

В боях у Ауце 18 ноября 1944 года, к сожалению, меня ранило осколком в ногу, и я был переправлен в госпиталь в Елгаву, а оттуда — в Ригу. Как только нас привезли в Ригу, я загорелся страстным желанием — во что бы то ни стало повидать Жана Липке. И ночью, когда весь госпиталь спал, я с ногой в гипсе вылез из окна, перемахнул через забор и поковылял на костылях к левому берегу Даугавы на Кипсалу.

Вот и знакомый дом. Я постучал. Жан проснулся, выглянул в окно и узнал меня. Я радостно стиснул его в своих объятиях. И так, не скрывая слез, мы долго стояли на пороге, ничего не говоря, только плакали. Он стал мне дорог, как самый родной человек. Постепенно я вернулся к жизни. Стоит жить, если есть на земле такие люди, как Жан Липке, пусть их и немного!

* * *

Юрист Давид Гарбер из Израиля, специализирующийся по документации о нацистских преступниках, в комментарии к этому эпизоду, описанному в рассказе И. Каплана «Оружие в Рижском гетто» в книге «Немые голоса»¹, пишет следующее:

«Документально доказано, что шофер-латыш, который вез евреев из гетто якобы в лес к партизанам, на самом деле был агентом гестапо. В рижском архиве Меер Вестерман обнаружил докладную записку, в которой тот сообщал, что прикрепит к радиатору своей машины зеленую ветку — отличительный знак для эсэсовцев, засевших в засаде. Этот факт в свое время также подтвердил Бенья Каплан...»

МЕЖАМАКИ

Вспоминает Вилли Фриш

Осенью 1943 года Рижское гетто было ликвидировано, а многих евреев, оставшихся в живых после многочисленных об-лав, селекций и кровавых акций, фашисты начали перемещать в концлагерь Кайзервальд в районе Межапарка. Я понял, что ничего хорошего в Межапарке меня не ждет, и решил во что бы то ни стало скрыться. Но куда податься? В те дни я встретил в гетто Мишу Свердлова, с которым познакомился еще до войны, когда работал в Лимбажи начинающим зубным врачом. Он предложил бежать вместе с ним в его родное селение и искать там убежища у его старых знакомых. Трудно объяснить, почему, но интуитивно я был против этого плана и отказался. Он отправился туда один. Я же стал искать местные рижские связи. Впоследствии я узнал, что Мишу выдали в его родном селе, и он был расстрелян.

С помощью моей подруги студенческих времен, латышки Эмилии Абеле, мне с товарищем по несчастью Абрашей Давидсоном удалось найти временное пристанище за Даугавой, в конце улицы Калнциема. Нашим убежищем был пустой (на время зимы) большой железобетонный резервуар, предназначенный для поливки сада, квадратной формы, метров четыре-пять в длину и ширину. Возвышался этот резервуар над заброшенной котельной и был прикрыт легкой скатной крышей. Цементный пол мы застелили соломой. Помещение было низким, всего метра полтора в высоту, перемещаться при моем росте можно было, лишь сильно согнувшись. Низкорослый Абраша Давидсон в этом смысле значительно выигрывал. В таком полусогнутом состоянии нам предстояло пробыть долгие месяцы.

¹ Muted voices: Jewish survivors of Latvia remember / Ed. G. Schneider. N. Y., 1987.

Наш хозяин, латыш-садовник, согласился приютить нас за большую плату, которую он получил от Давидсона, так как у меня не было ни денег, ни ценностей. Мы предполагали, что к началу 1944 года нас освободят, но время шло, а наши расчеты не оправдались.

Наступили холода, ветер дул из щелей крыши и пронизывал до костей, от недоедания я страшно исхудал и вдобавок из-за холодного цемента заболел ревматизмом. Постоянно испытываемый страх быть пойманными и уничтоженными превратил нас в загнанных беспомощных существ. В довершение всего однажды садовник потребовал от меня покинуть убежище, так как наличных, полученных от Давидсона, как он сказал, едва хватает, чтобы расплатиться за содержание его самого. Положение стало для меня безысходным. С отчаянием я думал днями напролет, что бы предпринять, куда бы пойти, где найти кров.

Ходили слухи, что в Риге живет некий легендарный латыш по имени Жан, который, проявляя чудеса храбрости, спасает узников гетто и концлагерей, вывозит их в деревни и в леса к партизанам.

Я попросил мою Эмилию узнать об этом Жане и как-то связаться с ним. Наконец, после длительных поисков Эмилия нашла его через заключенных в гетто братьев Дризиных, с которыми она была знакома еще до войны, и сразу направилась на другую сторону Даугавы по указанному адресу. Встретили ее приветливо. Выслушав ее просьбу, Янис Янович Липке (Жан) попросил принести мое фото, чтобы удостовериться, действительно ли, как она говорит, этот Фриш настолько не похож на еврея, что с ним можно даже появиться на улице, не вызвав подозрения. На другой день она отнесла Жану мою фотокарточку. С нее глядел юнец в гимназической форме — моя студенческая довоенная фотография.

— Черт побери! Разве можно дать такому парню погибнуть! Звери! — потрясая фотографией негодовал Жан. (У меня до сих пор хранится эта фотография как бесценная реликвия). Эмилия поняла, что все будет в порядке. Придя к нам в убежище, она с волнением рассказала мне о встрече, а через несколько дней состоялось мое знакомство с Жаном Липке.

Он пришел в условленное время — ровно в 5 часов утра.

Это был мужественный, крепко сложенный мужчина, лет 40—45, во флотской тужурке и морской кепке. Он пристально посмотрел на меня, вероятно, оценивая, достаточно ли в моем лице «арийских черт», можно ли ехать со мной в городском трамвае или следует «упаковать» в машину, как он это проде-

лывал с другими евреями. (В эти первые минуты знакомства, как я позже узнал, он принял решение использовать меня для подготовки новой базы для беглецов из гетто.) Я полностью доверился ему сразу, всем нутром чувствуя, что этот человек не подведет и не выдаст. Его спокойствие вселяло уверенность и надежду. Жан сказал, что уходить нужно сейчас же. Куда? Это уже было неважно. Я был целиком во власти моего спасителя. Он намекнул, что мы поедем в лес, там, может быть, встретим партизан... Я хотел быть с ним предельно честным и откровенно выложил, что денег у меня нет, даже нечем заплатить за трамвай, и я ничем не смогу его отблагодарить. Жан резко и грубо оборвал меня:

— Что ты плетешь! Разве я пришел к тебе за деньгами?! Могу уйти!

Мне стало стыдно, я извинился и постарался его успокоить. Наскоро собравшись, мы вышли на улицу и направились к трамвайному кольцу у станции Засулаукс, недалеко от нашего убежища. В целях конспирации я шел на некотором расстоянии позади Жана. Мы вошли в трамвай, встали на задней площадке, не глядя друг на друга, делая вид, что незнакомы.

Через пару остановок какой-то мужчина вдруг громко обратился ко мне по-латышски:

— Здравствуй, Вилли! Как поживаешь? Я давно не видел тебя!

Жан стоял спокойно, глядя в сторону, ничем не выдавая своего волнения; ведь из-за этой глупой встречи мог случиться провал в самом начале нашего следования.

Я постарался как можно скорее отделаться от случайного знакомого, которого знал еще до войны. Быть может, он и не подозревал, что я еврей, преследуемый «унтерменш»¹, человек вне закона, подлежащий уничтожению. На следующей остановке мы с Жаном вышли. Вторым трамваем мы добрались до улицы Виенибас гатве за Торнякалнсом и вскоре сели на попутную грузовую машину, следовавшую в елгавском направлении. Машина была битком набита пассажирами, в основном немцами в форме вермахта и СС, вероятно, это были отпуски или возвращающиеся в свои части. Мы примостились в затененном углу. Перед въездом в центр Елгавы нас остановил немецкий патруль и потребовал, чтобы все вышли из машины для проверки документов. В машине было много народу, все высыпали на дорогу и разбрелись в разные стороны. В плотном

1 Недочеловек (нем.).

людском потоке мы незаметно протиснулись вперед и в суматохе улизнули от полицаев.

От Елгавы Жан повел меня пешком в сторону Добеле. Стоял трескучий двадцатиградусный мороз. За четыре месяца, проведенных почти без движения, мои ноги еле передвигались. Через пару километров ходьбы я растер их до кровавых мозолей. Чтобы как-то приободрить меня, Жан с присущими ему юмором и оптимизмом начал рассказывать по дороге историю, как еще в 1918 году солдатом дивизии красных латышских стрелков¹ ходил в атаку босиком в такие же трескучие морозы.

— Сейчас мы совершаем только прогулку. Разве это мороз?! Нет, это не мороз! — многократно повторял он, утешая меня. — Потерпи еще немного, зато я приведу тебя к целой компании таких же, как ты сам, — из гетто. Там вы будете жить в безопасности: сообща трудиться, питаться вместе, а если понадобится, то и сражаться здесь, в этих местах, или пойдете дальше в лес, к партизанам. Об оружии не беспокойся! Смотри, за кусок шпика у немцев можно достать любой парабеллум или автомат. Только язык держите крепко за зубами и подальше от местных девок. Понял?!

Мне рисовались приятные картины встречи с боевой коммуной...

Наконец, уже под вечер мы приплелись к хутору Милтини, недалеко от Добеле. Здесь у хозяев Фрициса Розенталя и Вильгельмины Путрини усилиями Жана был оборудован тайник, где скрывались семь человек. Встретив нас с Жаном, хозяева забеспокоились, стали нервничать — убежище было переполнено, а фашисты могли нагрянуть в любое время с облавой.

Жан пытался было шутить, стараясь развеять атмосферу скованности, напряжения и страха. Понятно, это мало утешало хозяев, пожалуй, они были возмущены бесцеремонным вторжением Жана с очередным беглецом из Рижского гетто — им трудно было скрывать и тех семерых, которых он привез совсем недавно. Поэтому в Милтини я мог только переночевать. В ту ночь Жан растянулся на нарах потайного подвала вместе

1 Красные латышские стрелки — солдаты и офицеры латышских стрелковых полков, сформированных во время Первой мировой войны для борьбы с германскими войсками, которые в 1917 году поддержали большевиков и сыграли важную роль в установлении Советской власти, создании Красной Армии и советского государственного аппарата.

с нами. Мы ни о чем больше не говорили. От усталости и пережитого я тут же провалился в тяжелый сон.

Наутро хозяин хутора Фрицис Розенталь запряг лошадь, и мы отправились в Добеле. Куда, к кому? Я не имел никакого представления об этом. Раньше Жан говорил, что мы поедем на хутор Межамаки. Не доезжая до центра городка Добеле, Фрицис Розенталь нас высадил, сухо попрощался, и дальше мы пошли пешком.

— Может, зайдем попьем чайку к старосте волости? — деловито предложил мне Жан, будто я мог иметь какое-то мнение на этот счет, когда любое, даже вскользь брошенное Жаном слово являлось для меня приказом командира. Мы постучали и вошли в богатую избу. Нас встретила средних лет женщина и провела в гостиную к хозяйну. Староста Биненфельд любезно поздоровался, ничего не стал расспрашивать и предложил перекусить. Впервые за два с лишним года я сел за стол как полноценный человек — на белоснежной скатерти была разложена на тарелках всякая снедь, показавшаяся мне невиданными яствами.

Я ждал серьезного разговора, который решил бы мою дальнейшую участь, но дальше общих расспросов о здоровье, самочувствии и замечаний о погоде беседа не шла. Так прошел обед. Когда мы поднялись из-за стола, Жан шепотом напомнил о Межамаки и спросил, безопасно ли привести меня туда, а также и других, и как представиться хозяевам. Вся деловая часть разговора обо мне состояла в сущности из одной-двух фраз, которыми обменялись Жан с Биненфельдом, — вероятно, они уже все согласовали заранее. На вопрос Жана Биненфельд не задумываясь, ответил:

— Пойдите к Миллерам и скажите им, что вы прячетесь от мобилизации и бомбежек, и ничего больше.

Так мы и поступили. Придя к хозяевам хутора Межамаки, Жанису Миллеру и его сестрам Лидии и Эльзе, мой спаситель Жан поздоровался просто, словно встретил старых знакомых, и бодро завел разговор о здоровье, морозе, ценах, зарплатах и пр., будто его случайный визит не имел никаких других целей, как только отогреться и поболтать по-приятельски. Но вскоре он, неожиданно засуетившись, сказал хозяйну, что очень спешит и просит разрешения остаться переночевать его родственнику. Указывая на меня, Жан объяснил, что я растер ноги до крови и не в состоянии двигаться. Наскоро попрощавшись с ошеломленными хозяевами и со мной, пообещав вскоре навеститься, мой спаситель повернул назад в Милтини.

Расчет Жана Липке был прост. Направляясь в Межамаки по рекомендации Биненфельда, он знал, что хозяева хутора — простые и добрые люди, живя на отшибе, совершенно не представляли, что творится вокруг, едва ли они знали, что фашисты преследуют и поголовно истребляют евреев. Кроме своего Добеле, других городов и мест они в жизни не посещали и лишь по рассказам представляли себе большую Ригу. На другой день тем же беспардонным образом Жан привел к нам из Милтини инженера Мишу Раге. Он, как и я, свободно владел латышским языком, да и внешне мы ничем не отличались от латышей. По замыслу Жана, мы вдвоем должны были войти в доверие к Миллерам и соорудить у них подземелье-бункер для новой большой группы беглецов.

Флегматичный и глуховатый хозяин часами сосал свою трубку и поначалу пристально изучал нас, видимо, он кое о чем все-таки догадывался. В первые дни он даже запросил наши паспорта для прописки. Для чего это ему понадобилось, я так и не понял, — то ли он хотел удостовериться, что документов у нас доподлинно нет, то ли в самом деле совершенно не понимал жестокой действительности. Мы сказали, что все наши документы утеряны и если немцы нас обнаружат, то могут расстрелять. Это объяснение его как будто несколько успокоило.

Вся жизнь семейства Миллеров протекала на захлавленной кухне, которая служила им одновременно и гостиной, и спальней. Две другие комнаты в доме были недостроены. Оставляя нас вдвоем на хуторе, Жан, внимательно осмотрев все углы в доме, шепнул мне на прощание:

— Ты смотри, как здесь просторно, сюда можно привести 25 человек. Действуйте!

И мы начали осуществлять дерзкий замысел Жана.

Несколько ночей мы ночевали на полу, нас нещадно кусали голодные клопы, и повсюду ползали тараканы. Поэтому сначала мы решили сколотить наскоро нары, а затем приступили к рытью погреба. Хозяев мы уже успели хорошо запугать, сообщив, что приближается фронт и под обстрелом могут быть разрушены дома в городах и селениях, поэтому, если они хотят выжить, нужно срочно строить бомбоубежище. Это возымело свое действие. Миллеры активно включились в дело. Появились несложные инструменты, инвентарь, и стройка закипела. Вскоре яма была готова. Там мы разместили двое нар. Раге лег на верхние, а я расположился внизу. Закрыв люк, Лидия замаскировала вход. Мой друг из-за астмы не смог там спать — он задыхался. К середине ночи, не выдержав, он перебрался на чердак. Я же обнаружил, что вода подбирается почти

к уровню моих нар, и перешел на свободные верхние. Стало очевидно, что наше убежище в таком виде не годится для жилья. Его нужно было перестроить и зацементировать.

С другой стороны, Миллеры, убедившись в нашей добропорядочности и заботе, искренне привязались к нам и полностью доверились. Это было самым важным. В дальнейшем все, сказанное нами, они принимали на веру, без тени сомнений. В целях безопасности Жанис Миллер целыми днями стал кружить вокруг дома, осматривая всю окрестность — у него было исключительно острое зрение. Постепенно мы стали фактическими хозяевами положения в доме, а сами хозяева беспрекословно выполняли все, о чем бы их ни попросили.

Убедившись в надежности хутора Межамаки, Жан Липке через некоторое время привел туда еще пятерых беглецов — Шнайдера, двух Ютеров, Аренсбурга и Гиршмана. Вместе с новыми жильцами он привез нам инструменты и строительный материал — доски, бревна, цемент и пр. для новой большой подземной стройки. Я поражаюсь неутомимости Жана, его редкой предприимчивости и изобретательности. Он пребывал в беспрестанном движении, вечно спешил, был переполнен самыми необычными и, казалось, безумными идеями и планами. Говорил он с нами мало, но каждое его слово было равноценно приказу. Всякий раз он привозил все новых и новых людей, не спрашивая согласия хозяев.

Имея уже немалый опыт в строительстве и получив значительное людское подкрепление, мы создали опытную строительную бригаду. В кратчайший срок был сооружен надежный бункер для большой группы. К концу января 1944 года нас стало уже 14 человек.

Хозяин хутора Жанис Миллер промышлял шорными работами: он изготавливал упряжь, колеса для телег и другие изделия, продавая их окрестным крестьянам. Прежде свои заказы он выполнял месяцами и даже годами — к большому неудовольствию своей немногочисленной клиентуры. Мы стали ему помогать, и вскоре удивленные соседи отметили, что он стал необычно трудолюбив и продуктивен. Вырученные деньги шли в общий котел, на питание нашей разросшейся оравы. Хозяева были свободны от всяких забот о пропитании: провизией большей частью нас обеспечивал Жан, часть продуктов мы закупали через Биненфельда. Мы установили строгое круглосуточное дежурство и постоянно контролировали все подходы к хутору.

Помимо Биненфельда, Миллеров и некоторых других замечательных людей, не говоря уже о самом Жана Липке, с которыми судьба свела нас в тот суровый год, следует сказать

несколько добрых слов в адрес главного врача Добельской больницы латыша Францмана.

После перенесенных лишений в гетто и концлагерях Миша Раге страдал многими недугами. Острые боли в желудке вконец измотали его. С нами был очень опытный терапевт, доктор Шмульян, но без анализов и лекарств он ничем ему помочь не мог. Видя мучения Раге, Лидия однажды предложила ему пойти в поликлинику в Добеле, где главным врачом работал, как она утверждала, добрый человек и знающий доктор Францман. Она посоветовала пойти к доктору прямо домой и все откровенно рассказать. Лидия, видимо, договорилась о визите заранее.

Миша пошел один. Доктора Францмана дома не оказалось, но Мишу приветливо встретила его жена. Объяснив ей, что он скрывается от нацистов, Миша попросил оказать ему медицинскую помощь — он страдает сильными болями. Женщина обещала помочь, но предварительно попросила зайти в соседнюю комнату и подождать, а сама вышла. Наступили тревожные минуты. Не выдаст ли? Вскоре жена доктора вернулась с подносом еды и, несмотря на Мишины возражения, заставила все съесть и только после этого повела его к доктору. Францман оказался во дворе дома. Она тихо сказала мужу несколько слов, и доктор повел Мишу в поликлинику, которая располагалась поблизости. В поликлинике доктор Францман указал Мише Раге на окошко, где тому следовало пройти регистрацию. По недоуменному взгляду своего пациента доктор догадался, что у того нет документов, и посоветовал: «Скажите, что ваш паспорт у меня», — и пошел в свой кабинет. Регистрация прошла благополучно — сестра поверила, что паспорт у врача, записала вымышленную фамилию, названную Мишей, и дала ему очередной номер. Миша встал в очередь к врачу. Вдруг в поликлинику вошли двое военных в мундирах СС, осмотрелись и направились мимо ожидающих в очереди прямо к Мише. «Это конец! Меня выследили и пришли забирать!» — подумал он, и сердце его бешено заколотилось. Один из эсэсовцев приблизился и... спросил, как пройти в такой-то кабинет. Получив ответ, немцы подняли руки и выкрикнули: «Хайль Гитлер!» Объятый страхом Миша, сам того не ожидая, машинально выпалил в ответ: «Хайль Гитлер!» Эсэсовцы ушли.

Доктор Францман внимательно обследовал его, сделал нужные анализы, рентген и снабдил необходимыми лекарствами. После этого визита Миша был еще два раза в поликлинике, а уже потом доктор Шмульян смог сам продолжить лечение. Помощь доктора Францмана очень пригодилась и другим нашим товарищам.

Подобно доктору Францману, хочу упомянуть добрым словом и доктора Кактыньша, жившего тогда на Закюсале. С ним поддерживала контакт моя подруга-спасительница Эмилия Абеле, она работала во время войны медсестрой в центре города, на улице Дзирнаву. А однажды случилось вот что.

В кожмастерской Барнета Розенберга один из работавших там евреев из гетто заболел тяжелой экземой, он был страшен на вид, изуродован до неузнаваемости (таких немцы как правило немедленно ликвидировали) — нужны были срочно специальные лекарства. Наш доктор Шмульян подробно описал его болезнь, симптомы и передал эту запись Жану, а Жан — Эмилии, и она тут же направилась к доктору Кактыньшу, к нему домой на Закюсалу.

Доктор Кактыньш, понимая всю нелегальность ситуации, ничего не расспрашивая, выписал нужный рецепт и помог достать это лекарство, и таким образом, они спасли этого человека. (После войны доктор Кактыньш оказался в США и умер в Чикаго.)

Постепенно Эмилия Абеле стала незаменимой помощницей Жана Липке. Она всегда и во всем работала очень усердно, добросовестно, это высоко ценили в ней все ее начальники. Одевалась она всегда люкс-элегантно, и немцы, как правило, были с ней очень корректны, а где было нужно она умела их «смазывать» необычными подарками — рыбой. Ее первый муж был рыбаком, и у них в доме всегда водилась свежая и копченая рыба.

Пошел 1944 год. С приближением фронта оккупанты стали еще больше терроризировать население. Они систематически совершали облавы в поисках сомнительных лиц, дезертиров и просто в целях мародерства. Мы могли в любой день подвергнуться нападению. На случай провала Жан привез нам несколько автоматов, пистолетов и патроны. С замиранием сердца слушали мы по радиоприемнику сводки с фронта, с нетерпением ожидая счастливого часа освобождения.

В последнее лето перед освобождением Жан просто творил чудеса — постоянно рискуя жизнью, он регулярно привозил из концлагерей узников, готовил побеги, устанавливал связи. Мы мало знали тогда о всех его делах — свои мысли и планы Жан утаивал от других.

В июне 1944 года благодаря Биненфельду Жан Липке взял в аренду хутор Решни, в нескольких километрах от нашего Межамаки. Немедленно там было начато сооружение убежища. Темной ночью из Межамаки и Милтини пришли наши строители, ставшие профессионалами по части подземных тайников,

и через несколько дней интенсивной работы был готов отличный бункер. Там в Решни спаслись семеро.

Наступило горячее время. В конце июля 1944 года шли тяжелые бои у Елгавы. Город переходил из рук в руки несколько раз. Окрестность оглушалась канонадой. Но исход, конечно, уже был предрешен. В те дни к нам пришел Биненфельд с радостной вестью — советские войска взяли Добеле. Вскоре и к нашему хутору Межамаки пришла первая группа советских солдат и офицеров — нашему счастью не было предела. Со слезами радости мы благодарили и обнимали наших освободителей.

Теперь нужно было принять решение, как поступить в дальнейшем, куда направиться. Я предложил всем пойти в Добеле, легализоваться, получить какие-то документы, если возможно, — паспорта в советской военной комендатуре, а потом попроситься в Латышскую дивизию или хотя бы держаться в зоне советских войск. Мы с Цесваном и Гордоном ушли в тот же день, остальные не хотели спешить — были уверены, что фронт безостановочно движется вперед, на запад от нашего района. Но они глубоко просчитались и жестоко поплатились за это.

7 августа 1944 года в Межамаки нагрянула недобитая банда отступающих фашистов и расстреляла троих из нашей группы, находившихся в это время во дворе хутора. А чуть позднее те же бандиты убили доктора Шмульяна, гостившего у старосты Биненфельда. Эта трагедия омрачила наше освобождение.

Позднее, уже в освобожденной Риге, мы узнали о гибели наших добрых хозяев — Жаниса Миллера и его сестер Лидии и Эльзы. Они погибли при воздушном налете от прямого попадания бомбы. Их хутор оказался как раз в прифронтовой полосе. По злой иронии судьбы в наш первый приход к ним мы так напугали их бомбежками, что с тех пор они больше всего боялись воздушных налетов. И, к несчастью, погибли именно от бомбы.

Прошла война, я вернулся в свой дом. Он был пуст — все родные погибли. Шло время, я начал снова работать врачом, женился на моей подруге Эмилии Абеле. У нас родились дети, и я постепенно вновь стал чувствовать себя полноценным человеком, но от пережитого навсегда осталась в душе глубокая, непроходящая боль.

Вспоминая те мрачные годы нацистской оккупации, я часто думаю о человеке, который меня спас, рискуя жизнью, спас многих обреченных на смерть узников гетто, — Янисе Яновиче Липке. Жаль, что таких людей тогда было мало.

РЕЧЬ ПЕРА АЛЬМАРКА, бывшего заместителя премьер-министра Швеции 4 июня 1995 года в Риге на открытии улицы Жаниса Липке

Спасатели евреев! Лица, пережившие Холокост! Ваши Превосходительства!

Дорогие Друзья !

Я вышел из народа, который так мало сделал в 30-е годы и в первые годы Второй мировой войны, чтобы спасти еврейские жизни. Это мрачнейшая страница истории Швеции в этом столетии. Но Швеция также является родиной Рауля Валленберга¹. Он спас тысячи евреев в Будапеште, пока сам не исчез в Гулаге².

1 Рауль Валленберг (1912—?) — шведский дипломат, спасший жизни тысяч венгерских евреев в период Холокоста. Будучи на службе в Будапеште и пользуясь своим дипломатическим статусом, он выдавал многим евреям шведские «защитные паспорта», дававшие владельцам статус шведских граждан, ожидающих репатриации. После взятия Будапешта советскими войсками был вывезен в СССР, где исчез при невыясненных обстоятельствах.

2 Гулаг (Главное управление исправительно-трудовых лагерей — трудовых поселений и мест заключения) в СССР в 1934—1956 осуществляло руководство системой исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) в разных районах страны. В лагерях были тяжелейшие условия содержания узников, не соблюдались элементарные человеческие права, применялись суровые наказания за малейшие нарушения режима. Заключенные бесплатно работали на строительстве каналов, дорог, промышленных и других объектах на Крайнем Севере, Дальнем Востоке и в других регионах. Чрезвычайно высокой была смертность от голода, болезней и непосильного труда. Термин «Гулаг» стал собирательным обозначением советских лагерей и тюрем.

Здесь в Латвии многие граждане помогли немцам в их машине убийства в Холокосте. Но Латвия является также родиной Яниса Липке, который снова доказал, что один человек может многое значить.

В моем понимании Рауль Валленберг — это величайший из когда-либо живших шведов, а Янис Липке — это латвийский Валленберг.

Сегодня мы говорим миру: здесь было место, где один из великих героев нашего времени спас один за другим по крайней мере 50 евреев, он тайно вытаскивал их из Рижского гетто, затем прятал и содержал годами до конца войны, каждый раз рискуя своей жизнью а также жизнями своей семьи, жизнью своего сына Альфреда Липке, который сегодня стоит здесь с нами.

В наши дни все знают о списке Шиндлера. В будущем мир будет знать столько же о списке Липке.

Я призываю правительство побудить учащихся школ всей Латвии посетить это место по крайней мере раз за время их школьных лет. Пусть они прибудут сюда и послушают лекцию о Янисе Липке и узнают о его делах и убеждениях. Молодым людям нужен пример. Нет в Европе лучшего примера — образца, чем образ Яниса Липке.

Когда Латвия страдала под советским режимом, я работал с балтийскими друзьями в изгнании по всему миру за будущую свободу Латвии, Эстонии и Литвы. Я очень ими восхищался, как я восхищался и теми, кто боролся за демократию в самой Латвии.

Я надеюсь и молюсь, чтобы мои латвийские друзья присоединились к нам, чтобы в сознании миллионов людей имя Яниса Липке трансформировалось в синоним слов «Смелость, Сострадание и Спротивление злу».

Ибо, как часто говорил нам Эли Визель¹, лауреат Нобелевской премии мира: «Противоположность любви — это не ненависть. Противоположность любви — это безразличие». Визель прав — если мир будет спасен, то это будет свершено людьми, которым небезразлично человеческое страдание.

1 Эли Визель (р. 1928) — еврейский, французский и американский писатель, журналист, общественный деятель. Родился в Румынии. В годы Второй мировой войны — узник концлагерей Освенцим и Бухенвальд. После освобождения попал в Париж, изучал философию в Сорбонне, начал работать журналистом. В 1955 году эмигрировал в США, где начал литературную карьеру на идише. Пишет также на иврите, французском и английском языках. Автор более 40 книг. Преподавал в Йельском, Бостонском и Джорджтаунском университетах в США. Лауреат Нобелевской премии мира 1986 года.

ЛИБАВСКИЕ ТЕТРАДИ

I. Трагедия евреев Либавы

Вспоминают Рахиль и Овсей Соркины

Либаву немцы начали бомбить за день до начала войны — 21 июня 1941 года¹. Никто не понимал, что происходит. Когда рев самолетов стих и немного рассеялся дым от пожарищ, люди увидели, что весь город объят пламенем, а улицы Витола, Юрас и несколько прилегающих к ним превратились в сплошные руины.

В городе началась паника. На следующее утро, 22 июня, к Либаве уже вплотную подошли немцы. Красная армия поспешно отступала без боев. Почти никому из мирных жителей не удалось эвакуироваться. Успели уехать лишь советские учреждения, руководство партийных и комсомольских организаций. Упорное сопротивление немцам оказали лишь моряки, перебравшиеся на берег после потопления на ближайшем рейде их флота, а также наскоро организованная Рабочая гвардия². Целую неделю шла неравная схватка обреченных защитников

1 В действительности в ночь на 22 июня 1941 года, а именно в 3 часа 55 минут состоялся первый налет люфтваффе на Лиенау.

2 Рабочая гвардия — военизированная организация сторонников советской власти в Латвии. Создана по решению секретариата ЦК Коммунистической партии Латвии для охраны объектов народного хозяйства и поддержания порядка на публичных мероприятиях. Распущена в мае 1941 года, однако в первые дни войны начала формироваться вновь. 16—18 июля из остатков Рабочей гвардии и из других жителей Латвии были сформированы в эвакуации два добровольческих латышских стрелковых полка Красной Армии,

города с вооруженной до зубов наступающей немецкой армией. Только 28 июня¹ немецким частям удалось ворваться в Либаву, усеяв трупами подступы к городу.

На второй день оккупации, ранним утром 29 июня, немцы согнали большую группу евреев и повели всех к сахарной фабрике убирать трупы убитых немцев, гвардейцев-либавчан и «черных чертей», как оккупанты прозвали моряков за беспримерное мужество и за их форму — черные морские бушлаты. Там же на поле фашисты приканчивали раненых и расправлялись со случайно уцелевшими защитниками города — в плен никого не брали. По окончании работ они расстреляли и всю группу евреев — «могильщиков».

Так оккупанты начали устанавливать в Либаве свой «новый порядок». По радио читались приказы, бесконечные сообщения о «преступлениях жидов-коммунистов и чекистов», антисемитские пасквили. На улицах появились первые «зеленоповязочники»² — латышские фашисты, добровольцы «нового порядка».

Согласно приказу, евреям следовало явиться по месту своей старой работы. По наивности многие подчинились ему, и большинство из них в тот же день были расстреляны. Зеленоповязочники хватали людей прямо на улицах, врываются в дома, расправлялись на месте или уводили на расстрел за город. Такое «неорганизованное» уничтожение длилось примерно до 10 июля. Вероятно, в эти дни немцы предоставили Либаву местным бандитам для грабежа и расправ в награду за их сотрудничество с оккупантами.

Затем последовал приказ: всем работоспособным евреям ежедневно являться на центральную площадь у пожарного депо для распределения на различные работы. Представители немецких воинских частей приезжали на грузовых машинах и набирали нужных им специалистов или определенное количество людей для неквалифицированной работы. Работавшим тогда выдавали специальное удостоверение-пропуск, так называемый «аусвайс». Этот пропуск давал евреям хоть какую-то временную гарантию выжить, хотя позднее, во время массовых расстрелов, многих забирали на уничтожение и с «аусвайсами».

которые в дальнейшем участвовали в обороне Таллина, а затем Ленинграда.

- 1 В действительности город был захвачен полностью вечером 29 июня.
- 2 Имеется в виду латышская вспомогательная полиция, носившая зеленые нарукавные повязки с надписью *“Hilfspolizei”*.

С этой поры «зеленоповязочники» стали охотиться на тех, кто не работал и не имел «аусвайса». Их вылавливали по домам и укрытиям, увозили в тюрьму или тут же расстреливали, после чего начинался разнузданный грабеж.

Поначалу нацисты убивали евреев-мужчин, способных оказать вооруженное сопротивление, затем стали методично уничтожать женщин, стариков, детей. Массовые убийства совершались по определенным дням, приуроченным к каким-либо событиям или датам. Эти массовые расстрелы получили название «акций».

С 21 по 24 июля, вероятно, по случаю годовщины установления советской власти в Латвии в 1940 году, фашиствующие латыши с одобрения своих немецких хозяев организовали подобную акцию в Либаве. В течение этих четырех дней, оцепив центральную площадь и окрестные улицы, они врываются в дома, хватали евреев и увозили на расстрел. В эти дни было уничтожено свыше тысячи человек, в основном здоровых молодых мужчин, способных оказать сопротивление. Расправиться с остальной затравленной массой — женщинами, детьми и стариками, было уже нетрудно.

Осенью 1941 года, в день Йом-Кипур, в Либаве произошла так называемая «малая акция», ставшая репетицией «большой» — декабрьской. Началась акция, как всегда, внезапно. Моментально в городе возникла паника. Шуцманы начали ловить на улицах первых попавшихся евреев, даже с «аусвайсами». Все бежали как очумелые, прятались кто где мог.

В течение часа шуцманы выловили более сотни человек, запихнули в несколько машин и увезли на расправу. Однако после этой акции родственники некоторых арестованных получили от них записки — как доказательство, что их родные якобы живы. В тот день, например, две немки принесли записку жене либавского портного Браумана, в которой тот писал, что он жив и работает на строительстве шоссе. Он просил жену не волноваться, прислать ему халу¹, шерстяные вещи и написать ответ.

Быть может, еще не успели просохнуть чернила на предсмертном письме Браумана, как пули скосили его вместе с другими, но для несчастных уцелевших такие письма давали основание надеяться, что их родные живы. Затравленные несчастные жертвы уже не способны были здраво мыслить,

-
- 1 Хала — сдобная белая булка, обычно плетеная, употребляемая евреями в субботу и праздники.

и письма-записки стали символом жизни — если написал, значит, жив...

О будущем тотальном уничтожении, как произошло во время «большой акции», никто, конечно, не мог подумать, предсказать или вообразить, что будут убивать без разбора детей, женщин, стариков — поголовно весь народ. Этому не хотели верить даже после 15 декабря, когда с «большой» либавской акции в морозную ночь сбежали несколько голых женщин и в страшном возбуждении, с безумным выражением на лицах, рассказали об ужасных злодеяниях нацистов, убеждая, что они сами видели, как бандиты убивали всех либавских евреев, от мала до велика, и клялись, что это все правда. Большинство сочли, что женщины помешаны, и сохранили надежду, что этого не может быть, хотя жестокая правда была слишком очевидна...

Накануне 15 декабря 1941 года местная латышская пронацистская газета «Курземес вардс»¹ напечатала приказ оккупантов, гласивший, что «ни один еврей под страхом смерти не имеет права 15 декабря покинуть свое жилище и появиться на улице». Распускались слухи, будто этот приказ был связан с прибытием на инспекцию рижского начальства — рейхскомиссара Лозе², который, как говорили, доложил уже в Берлин, что город Либава — «юденфрай», т. е. «очищен от евреев». Это объясняло, почему евреи не должны появляться на улицах, мазать немцам глаза, а должны скрываться по своим щелям. Обреченные попрятались по погребам, сараям, чердакам. Во всем чувствовалось приближение катастрофы, все предвещало зловещую акцию, царил гнетущая атмосфера «дикое люфт» — тяжелого воздуха.

Хотя некоторые евреи и были заранее предупреждены своими латышскими знакомыми и доброжелателями о гонимости акции, они были бессильны что-либо изменить или

1 “Kurzemes Vārds” («Слово Курземе») — газета, выходившая в Лиепае с 1918 года.

2 Хинрих Лозе (1886—1964) — один из организаторов и руководителей оккупационного режима на территории СССР, рейхскомиссар Остланда. Оккупированная Латвия в качестве генерального округа (во главе с генеральным комиссаром) входила в рейхскомиссариат Остланд (с центром в Риге), включавший помимо нее Эстонию, Литву и часть Белоруссии. Территория Латвии была поделена на шесть областей, возглавлявшихся гебитскомиссарами: город Рига, Рижский сельский район, Либава (Лиепая), Митава (Елгава), Вольмар (Валмиера) и Динабург (Даугавпилс).

предотвратить, лишь немногим удалось на некоторое время где-то укрыться.

С раннего утра 15 декабря группы шуцманов-айзсаргов с длинными списками ходили из дома в дом, выгоняя поголовно всех евреев на улицы и формируя длинную колонну для убийства. Дети и даже грудные младенцы были поименно скрупулезно внесены в списки наравне со взрослыми, с указанием фамилии, имени, отчества, точной даты и места рождения. Было что-то страшное в этой холодной немецкой пунктуальности, в лаконичном эсэсовском приказе о «переселении всех евреев в трудовой лагерь». Спасением был лишь аусвайс, выданный или подтвержденный в СС—СД, и то по усмотрению полицеев. На всю Либаву таких завизированных аусвайсов было выдано всего 350.

После нескольких минут, отведенных на сборы, семью бесцеремонно выбрасывали из жилища на улицу в морозную стужу, строиться в длинный черед. Стояли плач и стон, но никто не молил о пощаде. Попадались, однако, и «галантные» убийцы, или «интеллигенты», которые выносили на руках малышей, неспособных самостоятельно передвигаться, или вежливо помогали выйти на крыльцо и на улицу беспомощным старикам и старушкам, чтобы совершить свой последний путь к заранее заготовленным песчаным ямам в Шкеде, на берегу залива¹.

И вот итог трагедии в цифрах. К приходу немцев в Либаве насчитывалось 10 тысяч евреев. 1 июля 1942 года в гетто вошли 800 человек, войну пережили лишь 100. Погибло 99 % еврейского населения, спасся всего 1 из 100! Таков трагический «рекорд» Либавы среди других оккупированных нацистами крупных городов Восточной Европы.

Рига, 1965—1966 года

1 Дюнная зона на берегу Балтийского моря примерно в 15 км севернее Лиепаи. Здесь 15—16 декабря 1941 года прошла основная акция по уничтожению евреев Лиепаи. Арестованных евреев собирали в женской тюрьме, а оттуда на санях перевозили в Шкеде и размещали в конюшнях бывшей латвийской армии. Ров был выкопан параллельно морю длиной 100 м и шириной 3 м. Из конюшни евреев выводили по 20 человек, за 40 м до ямы заставляли раздеваться и по 10 человек подводили к яме, где, уже голые, они становились на краю ямы лицом к морю. По немецким документам, в те дни здесь было уничтожено 2754 человека.

II. «Кибуц»

Вспоминает Овсей Соркин

В первые дни войны во время бомбежек сгорел наш дом, и мы перебрались к нашим старым друзьям Нибургам, жившим в двухэтажном доме на углу улиц Апшу и Рамавас. Кроме нас, к Нибургам перебрались также их родственники, друзья, родственники их друзей и просто знакомые, как это бывает у евреев в годину большой беды. В этом же доме, в соседней квартире за стеной, жили семья Банов — Иосиф и Фрума с двумя детьми, а также родственники Нибургов. Обе эти квартиры стали «обетованным пристанищем» еврейских погорельцев Либавы, основанных «кибуц»¹ — коммуны в тот роковой кровавый 1941 год.

Мужчины по утрам уходили на площадь. Туда приезжали немецкие машины из различных воинских учреждений и развозили людей на работы. Лишь двое, Лейба Марк и Абраша Нибург, не смели выходить на улицу и прятались в доме, где на случай облавы было сделано потайное место в углу уборной.

Абраша Нибург, бывший член МОПРа², при светской власти видный профсоюзный активист, а в латышское время известный сионист-социалист, как и Лейба Марк из семьи коммунистов, могли стать первыми жертвами разнузданного террора латышских фашистов, получивших в те дни полную возможность свести старые политические счета.

В двадцатых числах июля, в первый месяц оккупации, по Либаве прокатилось несколько страшных акций — организованных убийств евреев. В первую очередь нацисты уничтожили многих молодых мужчин, потенциальное ядро борцов Сопротивления.

21 июля, вечером, только вернувшись с работы, мы, четверо Соркиных, находились в нашей комнате у Нибургов, а к Банам, где, как назло, в то время на обед собрался почти весь «кибуц»,

1 Кибуц (ивр. «группа») — поселение-коммуна сельского типа в Израиле.

2 МОПР — Международная организация помощи борцам революции, созданная в 1922 году и действовавшая до Второй мировой войны. Латвийская секция МОПРа называлась «Красная помощь» (латыш. *Sarkana palīdzība*) и действовала в 1925—1941 годах (до 1940 года — нелегально). Оказывала материальную, моральную, юридическую и медицинскую помощь политзаключенным и их семьям.

ворвались айзсарги и приказали всем мужчинам последовать за ними. Полицаи подошли и к нашим дверям. Мы с тестем едва успели прижаться к косяку, когда айзсарг, распахнув дверь, закрыл нас. Он спросил у моей Рахили: “*Te nav neviena?*” («Здесь нет никого?»), — и, хлопнув дверью, убрался. А четверых — Нибурга, Марка, Бана и Иммермана — всех мужчин, кто был застигнут врасплох, увели. Болезненный Лейба Марк, никогда не расстававшийся с пальто и шарфом, посмотрел с отчаянием на айзсаргов, в нерешительности помял в руках свой неразлучный шарф, сорвал его с плеча и бросил в сторону — он ясно прочитал в ледяных глазах вооруженных полицаев свою неизбежную смерть.

На другой день к нам прибежал с безумными глазами, бледный, как полотно, Нохем Бан, брат Иосифа, и принес страшную весть — всех расстреляли. Он жил на третьем этаже и видел, как с наступлением темноты вывозили большую группу евреев, лежащих связанными в открытых машинах головой вниз. Их сопровождали айзсарги, вооруженные винтовками и лопатами. Через некоторое время те же машины ехали обратно, но там сидели лишь айзсарги и лежали вразброс лопаты со следами свежеприлипшей земли. Все было ясно... Потрясенный Нохем Бан всю ночь простоял у окна.

В тот же день, 22 июля, я случайно немного опоздал к назначенному часу явки на площадь. Подойдя к центру, я увидел, что «зеленоповязочники» хватают без разбора людей из рабочих колонн и затаскивают несчастных в машины. Я попытался убежать, но площадь была оцеплена притаившимися за углами домов айзсаргами. Я начал метаться, перебегать в суматохе от одной группы к другой, пытаюсь найти свою, но тут внезапно ко мне подбежал вооруженный верзила-латыш и стал тащить к машине. С силой оттолкнув его, я вырвался и, к счастью, увидел ефрейтера Виммера, подкатившего в тот момент на грузовике за нашей группой. Увидев меня и сориентировавшись в обстановке, Виммер спрыгнул с машины и с криком «Это мой человек!» подбежал к преследовавшему меня полицая. Он выругался и отогнал его прочь, вдобавок пригрозил кулаком, а мне велел живо залезть в его грузовик.

Из всей нашей группы, работавшей в *Kriegshafen'e*¹, тогда спаслись только двое. Второй, как и я, тоже опоздал; все остальные попали в лапы к айзсаргам и были расстреляны.

1 Военный порт (Военный городок) — гавань и уникальный комплекс военно-фортификационных сооружений на берегу Балтийского

Виммер, однако, был редким исключением. Другие сопровождавшие рабочих немецкие солдаты безразлично наблюдали из машин, что творится на площади с людьми из их групп, поворачивали назад или набирали других, случайно еще уцелевших. Так длилось еще два дня — до 24 июля, затем наступил перерыв, после чего все началось с новой силой и в невиданных размерах...

Перед декабрьской бойней в Либаве появилось объявление в газете о переселении евреев в трудовой лагерь. Я сразу понял, что это значит, и твердо решил не ждать смерти сложа руки. Пока дышишь, нужно бороться и делать для спасения все, что возможно, — это стало тогда моим принципом. Работая с тестем-скорняком в рабочих группах, мы получили драгоценные «аусвайсы». На весь «кибуц», на 22 человека, мы имели всего пять документов — лишь пять человек могли оставаться в доме, а всем остальным нужно было скрыться по разным местам. Некоторые ушли к своим знакомым-«арийцам». Роза Нибург с дочкой Авивой направились к Георгу Шкирову, человеку редкой доброты и благородства, и он их спрятал. А ее сестра Рахиль, наоборот, едва не погибла из-за своей доверчивости.

Стоял лютый тридцатиградусный мороз, но я потребовал, чтобы все без исключения, будь то дети или женщины — все без аусвайсов, перешли из дома в укрытия, которые были подготовлены мною заранее. Из всего «кибуца» я остался единственным здоровым мужчиной и, конечно, в деле сооружения убежищ мог полагаться только на силу собственных рук и свою сообразительность.

Дом, двери и сарай я изучил досконально, как каплю под микроскопом. Перебрав и проанализировав все варианты, я наметил себе три подходящих места для тайников. Под лестницей, в двух отдельных хранилищах для дров, я приспособил укрытия для двух групп. Освободив места в поленнице, я утеплил тайники матрацами, одеялами и подушками, затем завел людей и «замуровал» их, заложив отверстие тяжелыми корявыми кругляками, сдвинуть которые одному человеку едва ли было под силу. Мне нужно было создать видимость давнего запаса дров и исключить возможность обыска.

Третью группу женщин я спрятал во дворе, в сарае, за трехрядным штабелем дров, который сложил ступенчатой формой, каким обычно выглядит штабель, когда постепенно разбирают дрова. Из-за моих продолжительных работ в сарае и

моря в северной части Лиепаи (латыш. *Karosta*), построенные во второй половине XIX века.

изобретательных сооружений за мной тогда закрепилось дружеское прозвище *“Stallmeister”* — мастер хлева. Каждые два часа я осторожно спускался к людям в укрытия и проверял, понимают ли они мои сигналы, приносил им еду, питье или менял туалетный горшок.

В то страшное утро 15 декабря в наш дом ворвались пятеро латышей из местных бандитов и из Риги — из группы палачей Цукурса¹ и Арайса². Не найдя никого без завизированного «аусвайса», они пришли в ярость и побежали рыскать по всему дому и двору. Чтобы меня расслышали в укрытиях, я кричал во всю мочь, размахивая ключами:

— Можете всюду искать, я вам еще раз говорю — здесь никого нет, наверное, их схватили на улице!

Я снова и снова повторял это как можно громче.

Под лестницей меня расслышали, но один шуцман все-таки ткнулся в сарай и начал шарить лучом фонарика по щелям. С губ Маши Эпштейн, как она потом рассказала, едва не сорвался шепот: «Сика, не свети!» Она думала, что это я зашел предупредить их. Но, к счастью, она сдержалась, а полицией быстро ушел.

К приходу айзсаргов я все продумал до мелочей, всевозможные вопросы и свои доводы, стараясь до конца сохранить выдержку и самообладание. Выпроводив шуцманов, я посмотрел, что творится на улице. По мостовой двигалась сплошной лавиной гудящая толпа, с обеих сторон подгоняемая ээсовцами и айзсаргами, я многих узнавал.

Вдруг на другой стороне улицы, совсем недалеко от нашего дома, среди общей суматохи и крика я увидел, что подвыпивший шуцман гонится за Рахилью Вайнберг, сестрой Розы Нибург. А мы были уверены, что она надежно спряталась у своей старой приятельницы-латышки. Не могу до сих пор объ-

---

1 Герберт Цукурс (1900—1965) — летчик, журналист. На самодельных самолетах совершил перелеты в Африку и Японию, публиковал путевые очерки. Во время нацистской оккупации Латвии сотрудничал с германскими секретными службами, служил в «команде Арайса». В 1946 году бежал в Бразилию. Убит в Монтевидео сотрудниками израильских спецслужб за преступления против евреев, совершенные в 1941 году в Латвии.

2 Виктор Арайс (1910—1988) — военный преступник, штурмбанфюрер (майор) СС (1942). Под его командованием в 1941—1944 годах действовало латышское вспомогательное подразделение немецкой полиции безопасности и СД (*“Sonderkommando Arajis”*). В 1979 году осужден в Германии на пожизненное заключение. Умер в тюрьме.

яснить, как мы с Фрумой Бан оказались на улице и, подобно отчаявшимся диким зверям, бросились спасать своего детеныша. Схватив айзсарга и Рахиль, мы поволокли их обоих к нашему дому, осыпая оторопевшего от неожиданности латыша потоком бессмысленных объяснений.

Втащив Рахиль в дом, Фрума мигом всучила полицая бутылку шнапса, припасенную в доме «на черный день». Она была на редкость мастерица выкручиваться из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций. (К сожалению, Фрума позднее погибла в концлагере.) Так мы отделались от айзсарга. На этот раз наш «кибуц» уцелел полностью, но я почувствовал, что больше не владею собой, сдали нервы, и я не мог сдержать рыданий...

Позднее Рахиль Вайнберг рассказала нам, что остаться у своей знакомой она не могла: той было неудобно ей отказать сразу, но в то же время она боялась прятать еврейку и рисковать. Вместо прямого честного отказа ее приятельница решила напугать гостью, чтобы та сама ушла. Она подговорила своего знакомого или родственника, чтобы тот под видом полицейского явился в дом с обыском. Прогрел коваными сапогами по комнатам, он громко спросил:

— Не прячутся ли у вас жидаи?

Хозяйка пролепетала:

— Нет.

Как только захлопнулась дверь, она сразу прибежала в укрытие к Рахили и велела ей немедленно покинуть свой дом, а в это время на улице шла облава и творился кошмар. Рахиль пустилась бежать к нам задворками, держась подальше от улиц, по которым гнали колонну евреев, избегая встречных, озираясь на расставленных по углам постовых. Она была уже совсем недалеко от нашего дома, когда вдруг услышала за спиной пронзительный истеричный женский крик:

— *Turiet! Seit ir židiete!* (Держите ее, это жидовка!)

За ней сразу погнались...

* * *

Перед акцией 15 декабря 1941 года в СС—СД Либавы евреям было выдано 350 «аусвайсов». Получили их в основном работоспособные ремесленники и специалисты, которых оккупанты запланировали временно использовать на необходимых им работах и в основном для нужд армии. Но, не набрав запланированного количества людей для уничтожения, эсэсовцы провели акцию такого же размера и в феврале. А между акциями они систематически выезжали к местам работ, требуя от

администрации выдачи определенного числа евреев. Как правило, им шли навстречу и отдавали на расстрел пожилых, болезненных, слабых людей, изнуренных непосильным трудом, голодом и непрерывным террором.

Однажды эсэсовцы подкатили к складам одежды для вермахта у линолеумо-пробковой фабрики, где работала довольно большая группа евреев, и отобрали для расстрела 25 человек. Вдруг один эсэовец увидел девочку — десятилетнюю Гиршберг, которая в это время проходила по двору с едой для отца. Немец подозвал ее, дал конфету и предложил «покататься на автобусе». Час спустя машина вернулась пустой, а в ворохе одежды уничтоженных лежало и платье девочки Гиршберг...

* * *

Единственным убежищем на время кровавых акций в Либаве был для работающих там евреев *Kriegshafen* — Военный порт и городок при морской гавани. Туда эсэсовцы, а шутцманы и подавно, врываться не смели. Причиной тому была то ли грызня между местной верхушкой вермахта и СС—СД, то ли, как полагали, это было просто политикой одного из немногих немцев, не утративших в нацистской истерии человеческого облика, — морского капитана Хофшмидта, начальника гавани, обладавшего тогда большой властью в Либаве.

Еще летом 1941 года Хофшмидт, по примеру коменданта Либавы Брюкнера, подыскивал себе квалифицированного скорняка, чтобы пошить женскую шубу люкс-класса в подарок своей жене в Германии. Так как мой тесть уже работал скорняком у Брюкнера, либерального немца старой веймарской школы¹, то, чтобы получить побольше «аусвайсов», он отрекомендовал меня капитану Хофшмидту для выполнения этого заказа. Убедив начальство, что нам необходимы помощники, мы добились официального оформления и получили еще три пропуска — для моей жены, тещи и матери Рахили. Так мы набрали пять «аусвайсов», а немцам объяснили, что женщины работают на дому.

Когда в декабре перед акцией началась паника и стали забирать людей с «аусвайсами», если только они не были выданы

1 Имеется в виду Веймарская республика — так в историографии называют Германское государство в 1919—1934 годах. Учредительное собрание, созданное в Веймаре после крушения Германской империи приняло новую демократическую конституцию.

или зарегистрированы в СС, я решил в ту морозную субботу под покровом вечерних сумерек направиться в Военный порт. Там многие матросы знали меня в лицо, и штабс-фельдфебель беспрепятственно пропустил через охрану — «ваху». Я подошел к штабу, остановился неподалеку от входа и стал ждать Хофшмидта. Через некоторое время показался капитан с каким-то флотским офицером. Бросив в мою сторону словно невзначай беглый взгляд, он, ничего не сказав, прошел с посетителем к себе в кабинет. Когда офицер вышел, Хофшмидт подошел ко мне, выразив удивление по поводу столь неожиданного позднего визита, пригласил войти и внимательно выслушал мою взволнованную просьбу о регистрации наших «аусвайсов» в СС.

Капитан, конечно, отчетливо представлял себе всю серьезность нашего положения — угрозу предстоящей расправы. Взяв мои «аусвайсы», Хофшмидт велел ждать в кабинете и принялся звонить по телефону. Затем, несмотря на темноту и поздний час, он вызвал машину, немедленно поехал в СС с нашими документами и вскоре все устроил.

Мы пережили большую акцию, просидев несколько дней дома взаперти и по убежищам, не подозревая, что акция уже кончилась и все стихло. Наконец, мы вывели людей из убежищ, надо было жить дальше, каждый день ожидая смерти...

С самого начала, когда с приходом немцев начались дикие расправы над евреями, я был глубоко убежден, что мы все до единого погибнем. Я бы никогда в те дни не поверил в то, что останусь жить, и потому внутренне перестроил себя: перестал бояться смерти. Я научился дорожить каждым прожитым днем. Мне это тогда очень помогло, быть может, и сохранило жизнь, кто знает... Тогда же я выработал для себя железный принцип и повторял его всем, как лозунг или кредо, что умереть с голоду не легче, чем пасть от пули. Это заставляло нас думать о жизни, презирать смерть, ежедневно бороться за свое существование.

Неся ответственность за весь наш голодный «кибуц», мы пускались в отчаянные вылазки за продуктами, рискуя каждый раз не возвратиться домой.

По примеру отважной Фрумы Бан, я, бывало, входил в «арийские» магазины, пристраиваясь к очереди. Чаще всего это кончалось каким-нибудь истеричным скандалом взбесившейся от возмущения «патриотки»:

— *Nestāvēšu ar žīdu vienā rindā!* (Не буду стоять с жидом в одной очереди!)

Как только в магазине подымался такой шум, я поспешно выскальзывал и исчезал.

Зачастую мы отправлялись без желтых звезд в рыбацкий поселок или за город, рискуя при аресте быть немедленно рас-

стрелянными. Там мы добывали рыбу, хлеб, картофель и другую провизию в обмен на наши скорняжные изделия, табак или шнапс, которые, в свою очередь, выменивали у моряков в гавани за кожаные перчатки, жилеты, ушанки и прочее, сшитые нами из так называемых «отходов».

С первых же дней войны, после того как несколько наших семей объединились в «кибуц», горе нас всех спаяло, мы жили удивительно дружно. Дети и те не произносили лишнего слова, не жаловались, не ныли. Живя до гетто единой семьей, мы честно делились каждым куском, оставляя лучшее детям. В том же составе сообщая мы держались в либавском гетто, и только после депортации в Кайзервальд нас разбросали по разным концлагерям.

Перед основанием либавского гетто, в начале июня 1942 года, мы пережили еще один удар, поставивший наш «кибуц», как и остальных уцелевших либавчан, на грань катастрофы.

Это произошло из-за провокации местного латыша-рыбака, обещавшего в обмен на драгоценности переправить в Швецию небольшую группу евреев. Ювелир Шнайдер, агроном-учитель Гликман и врач Барон связались с рыбаком, их довоенным знакомым. Свобода, казалось, была так близка — всего лишь три часа хода на моторной лодке до ближайшего шведского острова.

Лейб Гликман поделился со мной этим планом и предложил принять участие в побеге. Выслушав его, я попросил ответить только на один вопрос: хочет ли рыбак тоже бежать в Швецию или намерен вернуться?

— Нет, это сделка. Он потребовал за этот риск много золота и обещал довести до нейтральных вод, где шведские патрульные суда нас интернируют, а он на лодке поплывет обратно, — с жаром отстаивал свой план Гликман. — Пойми, — говорил он без передышки, — это единственный шанс, мы все равно здесь погибнем, надо попытаться!

— Это авантюра! — возразил я ему. — Если рыбак не намерен сам бежать в Швецию, а из наших несчастий делает бизнес, то грош цена всей этой затее. Это не операция спасения. Не стройте иллюзий — вас хотя бы ограбят и ничего больше. Помяните мои слова: вы сами погибнете и погубите других!

— Ты ничего не понимаешь, Сика, ты стал труслив и пассивен, — с волнением убеждал меня Гликман. — Вы будете здесь сидеть, сложа руки, пока вас всех не перережут, как телят!

Его нельзя было ни за что переубедить, он был ослеплен своей идеей и непоколебим в своем решении.

В назначенный день участники побега должны были прийти на берег в 10 вечера, как только стусытся сумерки.

Попрощаться с «кибуцом» пришел восемнадцатилетний Перец Цимблер, живший в нашем доме. Энтузиаст-комсомолец в прошлом, он был на редкость наивен и доверчив. Я отговаривал его как мог, разбивая логичными рассуждениями в пух и прах все их воздушные замки, всю их наивную затею.

— Я не один, там солидные люди, они лучше знают, что делают. Давайте прощаться, я спешу, у меня мало времени, там будут ждать, — заторопился он.

Мы с тяжелым сердцем распрощались, потому что были абсолютно уверены — парень добровольно идет на смерть.

В 12 ночи мы проснулись от громкого стука в двери, топота сапог и криков полиции: в нашем доме, за стеной, начался обыск — уже искали у Цимблеров. Я представил себе эту страшную картину на берегу — так она и разыгралась в действительности.

Рыбак-provokator ждал своих обманутых жертв у лодки. Когда пассажиры собрались, из укрытия выскочили гестаповцы и началась расправа. Всех обыскали, забрали ценности, золото, надели наручники и увели в гестапо. Один лишь доктор Барон в самую последнюю минуту раздумал и не явился на пристань. Все из захваченной группы погибли после страшных мучений и пыток. Фашисты старались втянуть в сети этой провокации как можно больше людей. В газетах и расклеенных объявлениях всячески комментировали «преступную попытку побега жидов», обосновывая этим свое право на жестокую расправу над всем еврейским населением.

Перед казнью в камеру к Перцу Цимблеру посадили provokatora, его бывшего однокашника-комсомольца, который прикинулся пострадавшим якобы за вооруженное сопротивление немцам. По наивности Перец ему доверился и многое рассказал, в частности, что Нохем Бан из нашего «кибуца» со Штейном и еще одним приятелем ежедневно слушали радио в потайном месте и распространяли сводки о положении на фронте. Разболтал он также в деталях весь план побега в Швецию, назвал инициаторов и многое другое. Когда через некоторое время поздно ночью к нам ворвались шуцманы и забрали Бана, я решил, что теперь наступила развязка — это будет и наш конец. Нохем Бан мне казался слабым, эгоистичным и малодушным человеком. Однако, как впоследствии выяснилось, никакие бесчеловечные пытки гестаповцев не выжали из него и двоих других ни слова, пока их в конце концов не растерзали. Об их мужестве впоследствии рассказал нам Давид Зивцон, работавший в то время при СД чернорабо-

чим, а Калман Линкемер сложил в те дни в память о них поэму «Песня о трех героях».

С тех пор я сделал для себя вывод, ставший жизненным правилом, которого придерживаюсь все оставшиеся годы: никто не вправе судить о человеке, основываясь лишь на его высказываниях, суждениях, или делать определенные и окончательные выводы при его жизни — это никому неизвестная человеческая тайна. Внешне слабые в минуты испытаний могут стать героями, а кажущиеся львами, наоборот, могут оказаться трусливыми щенками. Таких примеров я видел в гетто и лагерях немало.

* * *

В начале октября 1943 года фашисты объявили через совет гетто (юденрат), что всех либавских евреев перевезут в Ригу. До сих пор всякий «переезд» означал для нас уничтожение. Всем стало ясно — пробил наш час, которого следовало ожидать. Фрума Бан самым серьезным образом заявила, что сама позаботится о легкой смерти всего нашего «кибуца», обещала достать сильный яд — она была фармацевтом. В ее тоне не было ничего трагичного, словно речь шла о поисках простого лекарства или продуктов питания.

В последующие дни она получила у коменданта гетто Кершнера разрешение пойти в город за картофелем. Вообще говоря, это было, конечно, незаконно, но коменданта подкупили, и он смотрел сквозь пальцы на такие вылазки евреев на «арийскую» сторону. Вскоре Фрума Бан благополучно пронесла в гетто небольшой пузырек. Она тотчас опробовала свое смертоносное средство на кошке, которая на наших глазах сдохла после недолгих конвульсий. Теперь Фруме никто не был страшен — пусть гитлеровцы отправляют нас в Ригу, куда угодно...

8 октября 1943 года, накануне Йом-Кипура, с 4 часов утра всех евреев-либавчан под сильным конвоем погнали из гетто на железнодорожную станцию. Там их уже ожидал товарный состав. Несколько шуцманов перед посадкой в вагоны носились с ведрами, куда заставляли под дулом пистолета складывать часы, кольца и прочие драгоценности. Я уже имел опыт и хорошо понимал намерения бандитов, поэтому вместо сборов в дорогу занимался тем, что безжалостно уничтожал вещи, ломал мебель, бил посуду и пр., — я был абсолютно уверен в том, что мы едем навстречу смерти.

В пульмановский вагон втиснули человек 40, со скрежетом закрылась дверь, и громко звякнул засов. Снаружи еще

доносились заключительные приказы и рапорты стражников о количестве людей в вагонах. Вскоре стража ушла, шум стих, растворившись в частых гудках паровозов, и, наконец, состав тронулся, унося нас навстречу зловещей неизвестности — большинству предстояло погибнуть в бесконечных селекциях, от голода, мук, болезней и бомбежек, напоить кровью ямы в Риге, Германии, Польше, превратиться в пепел и дым крематориев...

Почему-то в пути латыши-эсэсовцы, охранники вагона, заподозрили нашего отца в том, что он везет с собой много денег и золота, — якобы за стенкой у буфера они слышали его разговор об этом. На одном полустанке полицаи ворвались к нам в вагон, угрожая отцу отцепить вагон, расстрелять его самого и всех его родственников, если он не отдаст ценности. Не добившись ничего угрозами, бандиты начали обыскивать наши узлы. Ничего они, конечно, не нашли, но зато издевались в течение оставшегося пути, не переставая пугать отца расстрелом на следующей же остановке

Припадая к щелям в обшивке вагона, мы с тревогой минутно проверяли, везут ли нас действительно в Ригу или сразу куда-нибудь на расстрел, в газовые камеры, душегубки. Но здравый смысл убеждал, что убить нас могли и в Либаве. Не станут же мастера-палачи стесняться местного населения. После убийства многих тысяч евреев, что им стоило уничтожить еще каких-то несколько сотен!

Позади оставались знакомые станции, поезд медленно, но неуклонно тащился в рижском направлении. Становилось темно, наступала Судная ночь, пришел Эрев-Йом-Кипур¹. Люди начали поститься. Мужчины стали в кружок, образуя *миньян*², и стали молиться. Хаим Эйдельман запел Кол-Нидрей³, наполнив вагон мелодией боли и страданий вечно терзаемого народа, звучавшей в ту ночь как реквием по павшим и живым, идущим на казнь. Из воспаленных глаз струились горькие слезы, вызванные из глубины души возвышенными, неземными словами святой молитвы. Мы словно произносили по себе заупокойный молебен Кадиш. Глубоко за полночь нас привезли в Ригу,

1 Вечер накануне Судного дня.

2 Миньян — кворум, необходимый для произнесения определенной молитвы, который составляют десять совершеннолетних (в религиозном смысле), т. е. достигших 13-летнего возраста еврейских мужчин.

3 Кол Нидрей (др.-евр. букв. «все обеты») — вечерняя молитва в Судный день, с которой начинается богослужение по этому случаю.

в прославившийся уже своей жестокостью, печально знаменитый концлагерь Кайзервальд.

Рига, 1965—1966 годы

III. Могикане Рижского гетто

Вспоминает Роза Нибург

Еще не открылись засовы вагонов, а снаружи уже доносились площадная немецкая ругань и разноголосый крик, тонувший в сплошном лае свирепых овчарок. Мы замерли в гробовом молчании, в ожидании чего-то невероятно страшного, всем существом прислушиваясь к происходящему по ту сторону вагона. Когда дверь распахнулась и нас стали выгонять на голое, покрытое росой поле, сразу возникла единственная мысль — здесь нас будут расстреливать. Эсэсовцы выволакивали стариков, больных, во всю силу работая нагайками, сапогами, чем попало. Особенно доставалось тем, кто не успел быстро покинуть вагоны, — несчастных нещадно стегали, сгоняя в длинную колонну. Вдруг я увидела, что в воздух полетела коляска с пожилой парализованной женщиной. От удара при падении больная скончалась на месте, издав короткий душераздирающий вопль. Эшелон опустел. Наша колонна, оцепленная охранниками и эсэсовцами с овчарками, тронулась в осеннюю тьму. После недолгой ходьбы по дорожке вдоль полотна нас, наконец, привели к месту назначения — центральному рижскому концлагерю Кайзервальд. По команде мы остановились. Ожидавшие либавскую колонну блокковые¹ старосты разделили нас на небольшие группы и развели на ночь по холодным, грязным и вонючим баракам.

Наутро, чуть забрезжил свет, бараки содрогнулись от лязгающих металлических ударов — сигнала подъема. Все заключенные быстро высыпали на аппельплатц — площадь переключек и показательных казней. Было еще непривычно видеть, как «старые» узники на ходу натягивают свои арестантские одежды, шарахаясь в сторону от размахивающих плетками надзирателей. Мы тоже смешались с толпой. Какой-то эсэсовец из охраны взревел: «Ахтунг!» (Внимание!) Шум смолк, все присмирели. Началась переключка и сортировка — селекция. Бездетным

1 Блоками в нацистских концлагерях называли бараки.

работоспособным было приказано стать в одну сторону, всем остальным — в другую. Мы с матерью и сестрой оказались отсортированными с группой стариков и детей, предназначенных для прохождения «обработки», т. е. уничтожения. По окончании аппеля подкатили грузовики и нам велели влезть в кузов. Когда машина заполнилась до отказа, на борт поднялась стража, исполнители «грязной работы» и среди них знаменитый убийца Мистер Икс¹, о котором в лагере говорили, что это известный немецкий уголовник-рецидивист, убивший всех своих родственников из-за наследства. Убить человека для него пустяковое дело — это было его ремеслом.

Машина тронулась. Взорвались криком и плачем различаемые родственники. За нашей машиной погналась Рахиль Соркина — в машине сидела ее мать. Она умоляла палачей, чтобы ее взяли на казнь вместе с матерью. Машина прибавила газу, и на миг я увидела, что Соркина, остановившись, рвет на себе волосы, одежду и рыдает...

Нас повезли загородными закоулками. Женщины с плачем стали просить бандита Мистера Икса пощадить их, а четырехлетняя летняя Авива Ринг по наущению своей матери обняла ноги палача и, целуя сапоги, умоляла, плача навзрыд, не убивать их.

— Мы ни в чем не виноваты, — клялась и плакала девочка.

Мистера Икса это забавляло. Он гримасничал и улыбался, как манекен на витрине, обнажая напоказ свои белоснежные зубы-клыки. В машине по соседству со мной сидели две иссохшие старушки — Рита Вольфсон со своей родственницей. Я услышала, как они перешептываются между собой:

— Где твои вкусные вещи? — они говорили об ампулах с ядом. В пути они отравились.

Я машинально следила за дорогой, глубоко убежденная, что это последние минуты нашей жизни, и все время повторяла, прижимая к себе дочку Авиву и прощаясь с ней навсегда: «Вот за этим углом машина свернет, и тогда начнется...» Перед глазами вырастали лес, ямы, пулеметы, и вот мы стоим перед глубокими могилами...

Вдруг машина остановилась. Мы были где-то в черте города. Это нас вконец ошеломило, мы не могли понять, что бы это могло значить.

¹ Настоящее имя и фамилия — Ксавер Абель. Один из немецких уголовников, присланный в концлагерь Кайзервальд, чтобы терроризировать там узников-евреев.

— Приехали! Всем вылезать! Быстро! Быстро! — выпалил главный стражник, и охранники тотчас спрыгнули вниз. Как только мы сошли, машина, не переставая тарыхтеть мотором, повернула назад. Охрана уехала. Мы остались одни, не в силах поверить, что нас оставляют в живых. К нам немедленно подбежали люди, окружили, кто-то бросился обнимать — это были свои. А мы все еще стояли в оцепенении, пугливо озираясь во круг, не понимали происходящее.

— Вас привезли в гетто! Здесь же центр! — видя наше недоумение, пытались нам объяснить наши гостеприимные хозяева — последние уцелевшие обитатели Рижского гетто. Выяснилось, что они уже каким-то образом узнали о нашем эшелоне из Либавы и ждали приезда в гетто машин с либавскими евреями. После недолгих расспросов нас повели в многолюдный дом. Там нам устроили нечто вроде приема, накормили, очевидно, поделившись своими скудными запасами, старались успокоить, приободрить, а затем занялись распределением по квартирам — все это было очень душевно и трогательно.

Я немного пришла в себя после шока и готовности к смерти. И только сейчас по-настоящему почувствовала пустоту в душе и боль — зачем нас оставили жить? Чтобы убить немного позже? Внутренне я уже совершенно подготовилась к смерти, простилась с Авивой, и почувствовала, что больше не владею собой. Наступило полное безразличие ко всему, полнейшая апатия и пустота... Я не могла отвечать ни на какие вопросы, участвовать в разговорах. Единственно, что хотелось, — плакать и плакать. В последующие дни я старалась не поддаваться депрессии, твердила, что не имею права так вести себя — ведь со мною маленькая Авива, старая мама, сестра, друзья, ставшие родными. Нужно держаться. Если нам суждено жить, горе легче пережить сообща... Приходили все новые и новые люди, засыпали вопросами, интересовались судьбой своих либавских родственников, знакомых, друзей. К сожалению, судьба этих людей в большинстве случаев была общей — расстрелы и ров в Шкеде.

В день нашего прибытия Фруму Бан пришел проведать двоюродный брат ее погибшего мужа, по имени тоже Иосиф Бан. Это был человек кристальной чистоты, редкой доброты и честности. Светлая память о нем для меня священна до гроба. Месяц спустя после нашего прибытия в Ригу он вывез Авиву из гетто и этим спас нас обеих.

Иосиф Бан был совершенно одинок. В первой, или большей, акции зимой 1941 года в Риге он потерял свою семью — жену, двух взрослых дочерей и тринадцатилетнего сына.

Бывший бундовец¹, он был когда-то идейным врагом моего мужа Абраши, принципиально не здоровался с ним, — они, что называется, были «на ножах», а теперь бывшие довоенные воспоминания, старые наивные идейные распри растрогали его до слез, всколыхнули его израненную душу. Он загорелся мыслью помочь нам спрятать Авиву у надежных людей, а заодно спасти еще нескольких детей.

Нас распределили на жилье в каком-то небольшом одноэтажном домике, и мы, человек 10 либавчан, направились к своему новому пристанищу. На улицах было безлюдно, пустовало много домов, в беспорядке под открытым небом валялись разные вещи — видно было, что гетто доживает свои последние дни. Все готовились к переселению в лагерь на работы, эсэсовцы могли в любой день ворваться в гетто с облавой. Ситуация для всех была очевидна: гетто — это верная смерть, покинуть гетто — это шанс выжить.

В ближайшие дни нас застал очередной аппель. Всех стали выгонять на «блехплатц»² — центральную площадь Рижского гетто. Здоровых молодых отделяли для работ в лагерях и казернациях³, всех остальных, не выдержавших «экзамен» селекции, увозили на «обработку». Когда мы стояли в ряду, вытянувшись перед проходящими на осмотр эсэсовцами, сам комендант гетто Рошман подошел и с недоумением уставился на мою шестилетнюю Авиву. Специально для аппеля мы надели ей боты с высокими каблуками, намалевали розовой краской личико, чтобы

1 Бунд (идиш «союз» — Всеобщий еврейский союз в Литве, Польше и России) — социал-демократическая организация, объединявшая еврейских рабочих и ремесленников западных областей Российской империи; основана в 1897 году в Вильно (ныне Вильнюс). В 1898—1903 и с 1906 года автономная организация Российской социал-демократической рабочей партии, стоявшая на меньшевистских позициях. После Октябрьского переворота в организации произошел раскол: часть членов выступила против советской власти, а часть вошла в партию большевиков. В 1921 году Бунд в России самоликвидировался, а в Польше просуществовал до конца 30-х гг. На территории Латвии до 1918 года организации Бунда существовали в ряде городов, после Бунд действовал как автономная организация в составе Латвийской социал-демократической рабочей партии до 1934 года, когда после государственного переворота в Латвии была запрещена деятельность всех партий.

2 Так называемая Жестяная площадка — место наказаний и казней в Рижском гетто.

3 Т. е. казнериунгах.

она казалась взрослее, и приделали из ваты бугорки грудей. Переводя вопросительный взгляд с Авивы на меня, комендант спросил о ее возрасте. Я принялась объяснять ему с жаром, что дочке уже девять лет, она крепкого здоровья, энергично работает и очень прилежна, умеет шить. Рошман еще раз мельком смерил взглядом Авиву, словно проверяя правдивость моих слов, и, ничего не ответив, ушел дальше сортировать людей: на Жизнь или Смерть...

На небольшой площади гетто творился невообразимый хаос, раздавались крики и вопли разлучаемых семей, плач детей, отнятых от родителей. Эсэсовцы и шуцманы с трудом удерживали толпу, ни о каком учете, конечно, не могло быть и речи. Отобранных неработоспособных сразу гнали в машины.

В эти же дни нацисты уничтожили школу в гетто, расстреляв учителя вместе с учениками, имени его я не запомнила. Учитель-рижанин собрал у себя в доме группу сирот. Он не только учил их грамоте, письму и чтению, разучивал с ними стихи и песни, но с помощью друзей из гетто кормил, утешал, ухаживал, заменяя им погибших родителей. В последние дни существования Рижского гетто в непрерывной цепи облав и селекций этот учитель отказался перейти в какую-нибудь рабочую казернацию и остался неразлучно со своим классом сирот до последней минуты... до расстрела.

В один из вечеров, вскоре после нашего поселения в гетто, к нам пришла Рая Майзель, работавшая в юденрате. Она предупредила, что гетто должно быть очищено в ближайшие дни — таков приказ. Немедленно нужно было решить, что делать с детьми, а самим уйти на работы — другого выбора не существовало. Она показала укрытие на чердаке нашего дома, где можно было отсидеться на случай внезапной акции. Чердак не был связан ни с одним входом. Туда можно было попасть только из прихожей, вскарабкавшись с помощью столов и табуретов к единственному небольшому входному отверстию, закрытому плотно подогнанной крышкой. Главное — не выдать себя неосторожным шумом или детской возней. Авива была смысленной девочкой и в отличие от двух неугомонных малышей-мальчишек понимала меня с полуслова и мгновенно замирала по одному лишь моему знаку.

В 20-х числах октября 1943 года на Рижское гетто обрушилась новая акция. Уже вторую неделю мы сидели взаперти на чердаке в ожидании страшного. В преддверии акции к нам вскарабкались остальные, мы замаскировали следы и притаились, соблюдая полное молчание и неподвижность. Моя мать не захотела подняться (да, пожалуй, и не смогла бы физически).

— Все равно я не выживу, — безнадежно твердила она и вместе со старенькой Иммерман осталась внизу, чтобы предупредить нас о приближении полицаев. При облове их обеих увели на аппель. Мы видели через щели, как эсэсовцы и шуцманы носились по пустому дому, хлопая дверьми. Не найдя никого, кроме этих двух наших старушек, они выгнали их на улицу к толпе, а сами побежали к следующему дому.

Окончилась акция, снова стало тихо, некоторые спустились вниз. Мы оказались в западне — не сегодня, так завтра, но смертельный капкан непременно захлопнется. Каждый пытался всеми силами устроиться на работу, уйти из гетто, как из тисков смерти. Пожилые старались выглядеть помоложе, здоровее, красили седину, замазывали морщины, следили за одеждой. Горький опыт селекции учил быть внимательным даже к мелочам. Бывало, случайно вскочивший фурункул, очки или лысина служили причиной «непригодности» и вели к смерти.

Будучи связанной с Авивой, я стала совершенно бездейственной и полностью отдалась воле судьбы. Мне оставалось единственное утешение — надежда, что Иосиф Бан ищет для девочки место у добрых людей, которые отважились бы ее приютить. И он сдержал свое слово, совершив почти невозможное. Вот как это произошло.

В Рижском гетто осенью 1943 года Иосиф Бан бывал у нас три-четыре раза, приезжая всегда на открытом грузовике в компании целой оравы немецких солдат. Латышские шуцманы — охранники у ворот гетто, пропуская через «ваху» машину, в крайнем изумлении наблюдали заключенного еврея в дружеской компании немецких солдат. Дело в том, что его знакомые немецкие солдаты охотно соглашались привозить Иосифа в гетто, рассчитывая на богатую добычу — вещи или ценности, имевшиеся в покинутых домах гетто. Пока немцы были заняты сбором добычи, Иосиф успевал забегать к нам, передать кое-что из еды и наскоро переговорить. Во время одного из таких посещений он сообщил мне, что договорился об Авиве с Фридрихом Кумеровым, местным немцем, женатым на либавской еврейке Жене Зумберг. Иосиф Бан уже давно был в большой дружбе с этими обаятельными людьми. И когда он попросил, чтобы они спрятали дочку покойного друга (мой покойный муж Абраша был соучеником Жени Зумберг), они сразу же согласились, хотя отлично понимали, на какой риск идут.

В жизни каждого человека бывают даты большого значения и смысла, как вехи судьбы на дороге жизни, от которых отсчитываются годы, события, жизнь... Такую дату в те страшные

дни определил мне Иосиф Бан. Это было 6 ноября 1943 года — эту дату я никогда не забуду.

Иосиф приехал к нам в гетто на грузовой машине вдвоем с подкупленным им шофером — якобы за вещами для их воинской части. Получив от Иосифа несколько золотых монет — «екатеринок», шофер обещал «ничего не видеть и не слышать», лишь сопровождать его куда нужно.

Начались лихорадочные сборы — в самую последнюю минуту мы наскоро сорвали со всех Авивиных вещей желтые звезды. Я еще и еще раз напомнила девочке, что она должна быть очень тихой и послушной, а в награду обещала прийти к ней через три дня в гости, к ее новым тете и дяде. Под шепот моих обещаний Авива безропотно дала себя закатать в перину, одела и простыни, превратившись в аккуратно связанный постельный тюк. Когда все было готово, Иосиф взвалил себе на плечи этот нелегкий живой груз, вынес и уложил в кузов вместе с другим собранным хламом. Мы распрощались. Не помню, что со мной было в те минуты. Наверное, молилась и шептала, как безумная: «Только бы прошли “ваху”, только бы их не задержали там...» А потом долго как вкопанная стояла за углом, прислушиваясь к стуку мотора, как к биению собственного сердца, — не остановят ли машину охранники, не будет ли проверки...

Шум мотора, не прерываясь, становился все глуше и стих вдаль — машина вышла из гетто... «Счастье, счастье, — лепетала я, как замороженная, захлебываясь беззвучными рыданиями. — Теперь только бы миновали мост, один мост, а там уже близко и больше проверок не будет».

*По рассказу Розы Нибург,
Рига, 1965—1966 годы*

IV. Люди и варвары

Вспоминает Фридрих Кумеров

*Не убий!..
Библия*

Будучи немцем, женатым на еврейке, я с первых же дней прихода нацистов в Ригу испытал на себе всю жестокость их расового учения и законов. Приведу примеры нескольких правил из этого бесчеловечного нацистского расового кодекса, непосредственно касавшихся моей семьи.

Первое правило: при смешанном браке национальность детей определялась по национальности отца. Следовательно, оба мои сына считались немцами, хотя и не совсем полноценными, но имели право на жизнь. Их не должны были заключать в гетто.

Второе правило: низшая раса, или «унтерменшен», т. е. евреи, по толкованиям Нюрнбергских законов¹ не имели права на потомство. На этом основании нацисты требовали, чтобы еврейки в возрасте до 45 лет, состоящие в браке с арийцами, в обязательном порядке прошли стерилизацию.

Первым шагом немецких нацистов на пути осуществления этих бредовых идей было требование, чтобы все еврейки, состоящие в браке с арийцами, непременно прошли регистрацию у местных властей.

Кое-кто пытался уклониться от этого приказа. Так, в соседнем доме, на Баложу, 14, молодая еврейка, жена местного немца, не явилась на регистрацию к установленному предельному сроку. Некоторое время она скрывалась, выдавая себя за латышку, затем вновь появилась. По доносу соседей к ним нагрянули гестаповцы с облавой. Ее арестовали и расстреляли. И это был далеко не единственный случай трагической развязки смешанного брака, решенный по-нацистски.

Сейчас, через десятилетия, трудно передать словами то смятение и ужас перед грядущим, когда мы с женой Женей думали и решали, как поступить: пойти на регистрацию или спрятаться в городе или в какой-нибудь деревне? И к кому обратиться за помощью?

Мы жили в Риге много лет, и многие хорошо знали нашу семью и обстоятельства нашего смешанного брака. Просто так скрыться, исчезнуть незаметно или тайком жить в доме тогда было практически невозможно.

В июле 1942 года мужа-арийца, состоящие в смешанных браках с еврейками, получили повестки явиться в гебитско-миссариат², где мне какой-то начальник предложил развестись с женой, чтобы вся семья не была направлена в гетто. Я наотрез

1 Нюрнбергские законы — два антиеврейских законодательных акта: «Закон о гражданстве Рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести» от 15 сентября 1935 года, по которым евреи лишались германского гражданства, а также права на вступление в брак и внебрачное сожитие с неевреями и пр.

2 Т. е. бюро гебитскомиссара — руководителя области, входившей в состав генерального округа (в данном случае Латвия) на территории, оккупированной нацистской Германией. Гебитскомиссаром Риги,

отказался, тогда он заявил, что в таком случае моей жене придется подвергнуться стерилизации.

— Что вы можете еще предложить? — спросил я в отчаянии.

Фашист разозлился докрасна и заорал на меня:

— Я с вами не торгуюсь!

Домой я вернулся ни с чем.

— Я пойду на это, мы не имеем права рисковать детьми, это единственный выход. Так многие поступают. Я не одна, — настаивала жена.

Что мог я ей предложить или возразить?! Из двух зол мы выбрали меньшее — стерилизацию. 26 июля 1941 года она принесла наши документы в 10-й полицейский участок, находившийся на углу улиц Вентспилс и Марупес, и получила специальную бумагу за номером 393 с направлением в больницу на операцию... Этим она купила себе право жить, растить детей, избежать гетто, легально появляться на улицах «арийской» части города, не носить желтых шестиконечных звезд — символа отверженного народа, обреченности и смерти.

Через несколько дней мне позвонил один знакомый из нашей группы (из тех, кто состоял в смешанном браке) и сообщил, что все отказались от развода, кроме одного. Узнав имя и адрес этого человека, я поехал к нему, прихватив с собой стартовый спортивный пистолет, который выглядел как настоящий. Зайдя в квартиру, я поздоровался, положил пистолет на стол и предложил хозяину:

— Застрелите свою супругу!

Он в изумлении уставился на меня. Я забрал пистолет и добавил:

— Согласием на развод вы подписали своей жене смертный приговор!

Оказалось, что этот добрый, в сущности, человек просто не знал, что его жена может пройти стерилизацию и этим спастись.

— Что же теперь мне делать? — спросил он.

— Попробуйте взять обратно ваше заявление, — посоветовал я.

Так он и сделал. Его дело слушалось в суде, где он отказался от развода. Старый судья, местный латыш, с удовлетворением отметил:

— Нашелся все-таки один порядочный человек! — это было очень смелое заявление со стороны судьи.

входившей в генеральный округ Латвия, был Хуго Витрок (он же являлся обер-бургомистром города).

Возвращаясь к нацистским расовым «законам», следует привести еще одно «правило», которое непосредственно вытекало из «Майн кампф»¹, из всего безумного расового бреда: в отношении евреев вообще не существовало ни правил, ни законов. С первых же дней оккупации нацисты и их латышские приспешники стали применять любые бесчеловечные методы, способствующие скорейшему истреблению евреев.

В разных городах Латвии нацистское оккупационное начальство, однако, по-разному трактовало положения расовых Нюрнбергских законов.

В то время как в Риге еврейские жены арийцев получали все-таки право на жизнь после прохождения стерилизации, то в соседней Либаве, с которой нас связывали многочисленные родственники и друзья, еврейки в смешанных браках обязаны были развестись и перейти в гетто на верную смерть.

Ко мне в Ригу из Либавы приехали срочно посоветоваться по этому вопросу старые друзья — доктор Калнынь и Ридник, также женатые на еврейках. Оба были растеряны и глубоко потрясены. До глубокой ночи мы бились над неразрешимым вопросом, перебирали многочисленные варианты. В конце концов решили, что они прежде всего должны с семьями перебраться в Ригу. У меня была пишущая машинка, и мы немедленно засели строчить прошения во все местные инстанции, варьируя лишь кое в чем тексты. Написали мы тогда рейхскомиссару Лозе, командиру Латышского добровольческого легиона Бангерскому², епископу Гринбергу, гебитскомиссару Альтмайеру, префекту Гринвальду и многим другим.

В одном случае мы просили об аудиенции по «важному вопросу», не объясняя, однако, существа дела; в другом — указывали на различные толкования законов в разных областях рейха, приводя конкретные случаи и примеры; в третьем — клялись в верности фюреру, но просили лишь об одном, и так далее и тому подобное в том же духе.

Наконец, после переписки, я добился приема у начальника Латышского легиона Бангерского.

— Хайль Гитлер! — приветствовал я его, войдя в кабинет.

Он ответил мне так же.

1 «*Mein Kampf*» («Моя борьба») — книга, в которой А. Гитлер изложил свои основные идеи (написана в тюрьме после поражения нацистского «пивного путча» 1923 года в Мюнхене).

2 В действительности группенфюрер СС Рудольф Бангерский был генеральным инспектором Латышского добровольческого легиона СС с неясными полномочиями.

— Что вы делаете! — напустился я на него с громкой тирадой, принимая позу и тон немца, переживающего за дела и судьбу Третьего рейха. — Вы вербуете нас в солдаты умирать за Германию на фронтах, а сами грубо разбиваете наши семьи!

После такого вступления я перешел уже спокойно, по деловому, к нашим прошениям. Бангерский задумался, не стал возражать, видимо, я произвел на него соответствующее впечатление. В конце концов я все же немец, а он только латыш, а это тогда кое-что да значило по новым расовым законам... Бангерский обещал просмотреть наши дела и разобратся и, прощаясь со мной за руку, велел прийти за ответом через две недели. Епископ Гринберг также обещал свое содействие, заверив, что специально по этому поводу будет хлопотать в гебитскомиссариате.

Примерно через две недели меня вызвали в помещение управления города, расположенное на бульваре Райниса, в гебитскомиссариате. Едва услышав о сути моего дела, на меня с возмущением набросился какой-то немецкий начальник (видимо, это был сам гебитскомиссар Альтмайер).

— Смотрите, что творится! Просто безобразие! Из-за каких-то нескольких жидовок меня совершенно завалили бумагами! — он потрясал в воздухе толстой подшивкой и швырнул ее с раздражением на стол. Оказывается, все наши письма из самых различных инстанций, большей частью без всякого просмотра, пересылались в это заведение — специальный отдел при гебитскомиссариате, ведающий расовыми вопросами, фактически, еврейскими делами. Я дал ему выговориться, молча слушая, а затем настойчиво стал доказывать нашу правоту, ссылаясь на расовые законы, общие для всего рейха, которые я к этому времени тщательно проштудировал. Он же пытался вообще отделаться от проблемы смешанных браков людей из чужого города, т. е. Либавы.

Тем не менее, мы выиграли дело и добились легального проживания наших либавчан в Риге, однако при условии получения ими квартир, вернее, ордеров, в «Вонунгсамте» — жилищном отделе города.

Либава считалась у нацистов уже «юденрайн» (чистой от евреев), и потому юридически, как я понял, они боялись ставить эти вопросы перед высшим берлинским начальством.

Путем хитросплетенных махинаций, с помощью знакомых и за крупные денежные взятки мы в конце концов достали восемь фиктивных ордеров и, делясь своим жильем, разместили кое-как наших либавских друзей, оказавшихся в беде. Все последующие годы оккупации мы были с ними единой семьей, и,

как только обстановка начинала сгущаться, звонили друг другу, передавая условное предупреждение: «Погода ухудшается...» И сообщение шло дальше по установленной цепи. Услышав такой «прогноз», мы с Женей быстро одевали детей и уезжали ночевать в мою контору на улице Вальню, напротив универмага, чтобы переждать тревожное время.

Особенно я опасался соседа по дому немца Фельдмана, репатрированного из Прибалтики¹ и прибывшего назад с нацистами. Моих детей и жену он совершенно не выносил. Увидев их во дворе или на улице, он уже издали демонстративно отворачивался, изображая свое пренебрежение к «неполноценным тварям» («унтерменшен» — «недочеловекам»). Он категорически не разрешал своим детям даже близко подходить к моим, как к прокаженным. Одно время Фельдман подыскивал в нашем районе квартиру для своего друга, какого-то военного чинуши. Мы, естественно, могли стать его первой жертвой. Я решил опередить его планы. В течение одной ночи мы до неузнаваемости изуродовали квартиру: налепили черные обои, ободрали потолки, стены, захламили вход, спрятали лучшую мебель. Когда через несколько дней Фельдман поднялся ко мне якобы по какому-то делу, а фактически осмотреть квартиру и обстановку, то открывшийся вид, понятно, оттолкнул его с первого же взгляда, и он потерял в дальнейшем интерес к нашей квартире.

— Это же разбойничья дыра! — буркнул он брезгливо, спускаясь к себе, и оставил нас на время в покое.

В начале декабря 1941 года, сразу после кровавых массовых акций в Риге, я встретился с Иосифом Баном, либавским родственником моей жены. Он беспрестанно терзался мыслью, что сам повинен в гибели своего единственного сына Виктора, любимца семьи, был совершенно безутешен, не находил себе места от отчаяния. Он полагал, что по примеру Либавы и в Риге в первую очередь будут уничтожены работоспособные мужчины-евреи, и поэтому в те зловещие дни конца ноября 1941 года, накануне акции, отправил своего сына из казерны домой, в гетто. А через пару дней Иосиф Бан узнал о трагической гибели всей семьи, расстрелянной во время неслыханной по размерам человекоубийства массовой казни евреев в Румбульском лесу. За несколько дней он буквально почернел, осунулся, со-

1 Репатриация прибалтийских немцев из Латвии в Германию осуществлялась по инициативе нацистского руководства Германии в октябре—декабре 1939 и в начале 1941 года. Всего из примерно 62 тысяч местных немцев Латвию покинули около 55 тысяч.

старился до неузнаваемости, стал совершенно безразличен к жизни и смерти, даже подумывал о самоубийстве. Мы как могли его утешали, и благодаря нашим настойчивым уговорам он отказался от этой мысли, пересилил себя и решил найти смысл жизни в спасении близких и друзей. В это время мы с ним очень сблизились. Иосиф часто звонил мне во время отсутствия начальства. Он работал одно время истопником в городе. Порой по делам работы его возили в центр, и мы виделись. Иногда мне самому удавалось встретиться с ним прямо на его работе, чтобы передать продукты или какие-либо вещи по его просьбе кому-то.

Конечно, мы оба рисковали головой. Однажды я пришел к Иосифу на работу на улице Валдемара, 23. Иосиф работал там кочегаром в подвале. Я спустился к нему в котельную. Но только успел передать ему сверток и переброситься несколькими словами, как вдруг мы услышали приближающийся сверху грохот солдатских сапог. Я, как мышь, забился в угол и нырнул в кучу хлама. Иосиф набросил на меня какие-то тряпки, пустые мешки и успел отскочить в сторону. Влетел эсэсовец и заорал:

— С кем ты разговариваешь, еврейская свинья?!

— Ни с кем, сам с собой, — так работа легче спорится, — ответил ему Иосиф, стараясь казаться спокойным, и бросил в топку несколько лопат угля. Эсэсовец обвел взглядом закоптелую котельную и повернулся к выходу.

— Гнать надо отсюда этого проклятого «юде», с ума сходит! — пробурчал он и убрался восвояси.

После этого случая мы стали при встречах более осторожными.

Через некоторое время Иосифа Бана перевели на работу в склады дефицитных товаров на углу улиц Бривибас, 110 (тогда Адольф Гитлер-штрассе) и Таллинас. Там хранилось большое количество продовольствия и товаров для снабжения фронта, и в числе работающих, помимо заключенных, была большая группа вольнонаемных латышек, занятых упаковкой подарочных пакетов для фронтовиков вермахта.

Во главе этого заведения был поставлен немецкий армейский офицер по фамилии Эссер, глубоко в душе ненавидевший нацистов, эсэсовские порядки и самого фюрера, — мы это вскоре поняли. С первых дней своего назначения Эссер почти открыто выгораживал заключенных, предупреждал Иосифа Бана об акциях и шел ему навстречу во многих его делах и просьбах.

Однажды в 1943 году, когда я пришел к Иосифу с каким-то поручением и что-то передал ему, это заметили латышки, комплектующие пакеты — табак, вина, сладости и пр. Они

тотчас донесли обо мне, и немедленно явился Эссер. Я очень испугался, заметался по складу, лихорадочно придумывая, что бы сказать в свое оправдание — каким образом я очутился на их складе. Однако Эссер, видя меня впервые и, понимая, что я гость Иосифа Бана, неожиданно разыграл перед женщинами сцену, будто давно уже ждет меня — электрика с электростанции — и для проформы попросил исправить какой-то пустяк в проводке. Он сам побаивался гестаповцев и был осторожен со своими подчиненными. Благодаря ему я впоследствии довольно часто навещался к Иосифу уже как всем знакомый «электрик».

Пользуясь покровительством Эссера, Иосиф Бан позже получил возможность приезжать в гетто на грузовой машине — якобы по делам службы, и таким образом поддерживал со своими людьми постоянный контакт.

Накануне полной ликвидации Рижского гетто осенью 1943 года туда привезли на селекцию и уничтожение несколько сотен еще оставшихся в живых либавчан. Среди них были также друзья и родные Бана. В один из рейсов Иосифу удалось вывезти из гетто маленькую Авиву Нибург, ставшую нам впоследствии близкой, как родная дочь. До конца оккупации мы с женой скрывали Авиву и искренне полюбили ее.

Как мы решились на это?

Трагедию нашего друга Иосифа Бана я тяжело переживал, как свою собственную. Меня мучила совесть, что мы не сумели вовремя спасти его семью или хотя бы сына. Поэтому, когда Иосиф попросил нас спасти и приютить дочь его близких друзей, я был поистине счастлив сделать это ради него, хотя сознавал, что это смертельный риск для всей нашей семьи.

В назначенный день я ждал Иосифа с Авивой с пяти вечера недалеко от нашего дома, на углу улиц Баложу и Слокас. Примерно через час появился долгожданный грузовик. Машина резко заскрежетала тормозами и остановилась возле меня. Из кузова машины показался Иосиф. Он был очень взволнован и озабочен. Не проронив ни единого слова, он внимательно оглядел вокруг малолюдную улицу и бережно подал мне сверху толстый тук, затем крикнул что-то шоферу; машина дала газ и укатила. Я прижал к себе драгоценную ношу и поспешил к дому.

С волнением и трепетом мы бережно размотали одеяла и простыни, аккуратно сложенные для образования воздушных складок, и на нас глянуло маленькое запуганное существо с черненькими глазками, осужденное бесноватым фюрером на смерть, как «опаснейший враг Германии и германской нации»...

Это была Авива Нибург. Но с этой минуты в наш дом ворвались тысячи новых проблем и забот и, прежде всего, страх, нескончаемый страх из-за любого шороха, незнакомых шагов, чужих взглядов. Начались бесконечные тайны — комбинации, выдумки, сигналы, пароли, знаки.

Первым делом мы оборудовали за трюмо потайное место, куда Авива должна была спрятаться при любом звонке или стуке в дверь. Может, нам удалось бы ее выдать за русскую или украинскую беженку-сироту, зарегистрировать официально и держать легально в доме, но она, как на грех, не знала ни единого русского слова и говорила только по-немецки и по-латышски, да и внешне была чернявенькая — все, вместе взятое, было слишком подозрительно, и мы были вынуждены ее прятать.

В первые дни после прибытия к нам, еще надеясь на приход матери, она играла в свои игры, порожденные детскими впечатлениями в гетто. Разложив на полу круг из кубиков и лоскутков, она расставляла фигурки и начинала нам деловито и совсем не по-детски объяснять:

— Смотрите, вот наше гетто, видите — проволочный забор. А вот тут вокруг ходит айзсарг, — и пальцем указывала на кубик. — А чуть дальше, в этом доме мы живем. А отсюда приходят немцы и стреляют...

Нам стало жутко. Мы строго запретили ей играть в эту игру и постарались отвлечь ее внимание, настрого потребовав, чтобы она никому не рассказывала, откуда прибыла. Такие же строгие инструкции получили и наши сыновья, Георг и Рома. Авива отныне стала для них сестричкой Майей, а ее настоящее имя все должны были абсолютно вычеркнуть из памяти.

Отныне мы завели в доме порядок, которому дети должны были беспрекословно подчиняться, без всяких вопросов и объяснений. Они, конечно, чутьем понимали все сами и догадывались, не спрашивая никого, что происходит, хотя мы всячески скрывали от них подлинную обстановку. Невозможно же объяснить малышам, почему они вдруг стали «неполноценными», почему им нельзя дружить с соседскими ребятами, ходить наравне с другими детьми в школу и многое, многое другое, непостижимое и для взрослых... Стены нашей квартиры должны были стать границами их мира. Лишь с наступлением темноты перед сном я по обыкновению вывозил детей в саночках на прогулку на свежий воздух, и то недалеко от дома. Я стал брать на вечерние прогулки и Авиву, надевая на нее цигейковую шапку и пальто младшего сына Ромы, чтобы в темноте соседи думали, что это я по обыкновению гуляю с сыновьями.

Немало тревожных дней пришлось нам пережить, когда, казалось, наша тайна раскрыта и мы неизбежно должны были ожидать страшной развязки. Приближалась весна 1944 года. Был теплый день, таял снег, и ослепительно переливались на снегу солнечные блики. Соседские дети играли в снежки, резвились, катались с обледенелой горки. Забыв про осторожность и все наши запреты, Авива подошла к окну и во все глаза уставилась на играющих детей. Мы оттащили ее от окна, но было поздно. Какая-то девочка скорчила ей гримасу и показала язык. А нас с этой минуты обуял ледянящий страх. Какие будут последствия? Кто были эти дети во дворе? Долго ли Авива стояла у окна? Масса безответных вопросов не оставляла нас. Мы не могли найти себе покоя.

Наступил вечер. Слышим звонок в дверь. Не за нами ли? Не гестаповцы ли уже нагрянули по доносу? Мы были готовы и к этому, никто не ложился спать, для каждого была приготовлена одежда. Входит сосед, вежливо спрашивает:

— Кто эта черненькая девочка у вас? Моя дочка видела ее в окне и не дает нам покоя, все не ложится спать, хочет поиграть с ней.

— Это гостила моя племянница из деревни, Маечка, — отвечаю. — Жаль, что вы поздно зашли, мы только что проводили ее с мамой на вокзал. Очень жаль, что они не успели поиграть, мы бы с удовольствием... — а сам стою, словно окаменелый, боюсь, как бы Авива не кашлянула, не чихнула за трюмо.

— Прошу прощения, спокойной ночи, — сосед разочарованно распрощался и вышел.

Так в ежечдневном трепете и страхе перед чем-то неотвратимым медленно тянулось время до лета. Чувствовалось, однако, что освобождение уже не за горами, даже дети это понимали, нужно было во что бы то ни стало продержаться, не допустить неосторожной ошибки.

В 1944 году нацисты провели в Латвии тотальную мобилизацию. Я тоже получил повестку явиться на призывной пункт и стал лихорадочно действовать, чтобы избежать армии. Так как я работал в немецкой экспедиционной компании Рижского пароходного общества, мне удалось получить на несколько месяцев отсрочку — бронь. С истечением ее срока — в начале июня 1944 года — мне снова прибыла повестка, но я и не думал являться на призывной пункт, чтобы бессмысленно погибнуть в пекле Восточного фронта, а семью оставить на «милость» нацистов. Таким образом, с наступлением 1 июля я стал фактически дезертиром. Нам необходимо было срочно покинуть квартиру и скрыться в неприметном месте до освобождения Риги. Авиву было опасно брать с собой и держать на виду,

и я заблаговременно переправил ее к моим надежным друзьям Вере и Лидии, жившим на улице Виландес, 5. Мы же вчетвером переехали в Иманту под Ригой. Я снял особняком стоящий домик на глухой улочке у старика-садовника как дачу на летний сезон. А в нашей городской квартире мы поселили знакомую старушку, чтобы в случае побега Иосифа Бана из концлагеря или его телефонного звонка она могла бы направить его в убежище на Виландес, 5, к Авиве. Туда же я отнес перед отъездом в Иманту все наши ценности, деньги, а также костюм и другие вещи для Иосифа, договорившись обо всем детально с хозяйками квартиры. По моему плану Иосиф должен был у них оставить свои арестантские лохмотья, переодеться в гражданскую одежду и получить ключ от моей конторы. В глубине конторы, в погребе, я заранее подготовил тайник с запасами сухой пищи на продолжительное время. Здесь Иосиф мог отсидеться до освобождения, которое, как мне казалось, вот-вот наступит.

Однако все мои усилия и расчеты оказались тщетными. Иосифу не удалось бежать. Его вывезли пароходом в Германию, и весной 1945 года, через несколько дней после освобождения, он умер. Смерть наступила из-за болезни и истощения — следствие невыносимых условий долгой жизни в концлагере. Об этом нам впоследствии рассказали очевидцы, его сокамерники.

Но тогда, в июле 1944 года, я продолжал надеяться на его побег и спасение. Однажды я решил рискнуть и поехал на велосипеде в город, проверить, все ли благополучно у Иосифа с побегом. Тихими улицами добрался я без особых происшествий до центра, свернул в нужный переулок и осторожно спустился в замаскированный подвал, где прятались мои друзья с Авивой. Иосиф к ним не приходил. От такого сообщения у меня потемнело в глазах. Жив ли он вообще? Иосиф обещал дать знать о себе, как только представится малейшая возможность. С тех пор, как нацисты издали в 1943 году приказ, запрещающий оставлять работающих евреев при учреждениях, я знал лишь, что Иосифа заключили в концлагерь Кайзервальд (Межапарк). Но в этом случае я был бессилен что-либо предпринять. Трудно было на что-либо надеяться.

Я поговорил немного с друзьями, справился об их самочувствии и нуждах, приласкал и приободрил Авиву. Нужно было возвращаться. Настроение у меня было, как после похорон. Мысли об Иосифе не оставляли меня ни на минуту. Он наверняка погибнет, точило меня предчувствие. При его подорванном здоровье, после всего пережитого пройти еще один концлагерь — для Иосифа это верная смерть. Так оно впоследствии и случилось.

Совершенно расстроенный и разбитый, я отправился в обратный путь через понтонный мост в Иманту. Но только я подъехал на своем велосипеде к скверу у старинного замка, бывшей резиденции Ульманиса¹, чтобы пересечь набережную, сразу понял, что попал в ловушку. Вся площадь с несколькими прилегающими кварталами была оцеплена шуцманами. Оказывается, в тот день, как назло, проводилась массовая эвакуация гражданского населения в Германию. Кто попадал в кольцо облавы, того уже не отпускали и на машинах увозили в порт, где грузили на пароходы. В толпе было много женщин, мужчин, даже детей, но большинство было молодежи. Мне сразу стало ясно, что всех пойманных отправят в какой-нибудь лагерь и ничего хорошего их не ждет. Я пришел в отчаяние. Так глупо попасться после всего, что пришлось выдержать! Красные уже совсем близко, под Елгавой, освобождена вся Литва и большая часть Латвии, со дня на день могут освободить Ригу. Нет! Надо во что бы то ни стало вырваться отсюда!

Я начал пререкаться с задержавшим меня шуцманом, тот приказал мне пристроиться к толпе для регистрации. Тогда я показал ему свои бумаги, как доказательство, что я работаю для нужд армии, в том числе пропуск за подписью генерала СС Еккельна². Не взглянув на них, он цинично выругался и с силой толкнул меня прикладом к галдящему людскому скопищу. Не знаю, откуда у меня взялось тогда столько сил и решительности, чтобы пробиться сквозь сплошную толчею к начальству. У самых дверей старинного ульманисовского замка еще издали я увидел щеголеватого немецкого майора, очевидно, он возглавлял операцию эвакуации. Я заметил, что он заигрывал с какой-то симпатичной блондинкой, и подумал, что настроение у него сейчас самое подходящее и вряд ли он будет

1 Имеется в виду Рижский замок, до войны и в настоящее время — резиденция президента Латвии.

2 Фридрих Еккельн (1895—1946) — один из руководителей нацистского оккупационного режима на территории СССР. Участник Первой мировой войны. С 1929 года член нацистской партии, в 1930 году вступил в СС. С 1941 года, высший руководитель СС и полиции в рейхскомиссариате Остланд, один из организаторов террора, массовых убийств мирного еврейского населения, депортаций местного населения и прочих преступлений. 2 мая 1945 года взят в плен советскими войсками в Берлине. На судебном процессе в Риге (26 января — 2 февраля 1946 года) за военные преступления приговорен военным трибуналом Прибалтийского военного округа к смертной казни. Казнен 3 февраля 1946 года.

слишком внимательно изучать мои просроченные бумаги. Я решил разыграть перед ним свой старый номер, который всегда меня безотказно выручал, — прикинуться германским патриотом. Я с силой протиснулся к майору, во всю мочь работая локтями, и протянул ему из-за чьего-то плеча свои документы, прокричав во весь голос:

— Что за безобразие у вас творится! Я не могу пройти к месту работы! Господин майор! Из-за меня может задержаться отправка на фронт целого состава. Я обещаю вам большие неприятности, — я кричал что было силы. — Мне придется немедленно доложить об этом, как только я свяжусь со штабом!

Майор мельком пробежал глазами по моим листочкам и, возвращая их, отрапортовал твердо, по-военному.

— Можете идти! Я вижу, что вас ждут важные дела! — и снова занялся своей белокурой фрейлейн.

Сзади напирала толпа, была давка и неразбериха, стояли крик и плач. Я начал пробиваться назад, но шуцман с тем же остервенением стал гнать меня обратно в толпу. К счастью, майор все еще стоял там же, на ступенях, самодовольно улыбаясь блондинке. Происходящее вокруг, казалось, совершенно его не интересовало. Я крикнул во всю силу легких, стараясь перекричать толпу и показывая рукой в сторону шуцмана:

— Смотрите, что он делает! Смотрите! Я же опаздываю! Помогите же, наконец! Нам всем вместе за это попадет!

Майор, словно получив удар электротока, как разъяренный бык, соскочил с крыльца, с пистолетом в руке прорезал толпу, приблизился к шуцману и так взревел на него, что тот от неожиданности пошатнулся и со страху уронил винтовку.

Я кинулся без оглядки бежать в свою контору в Вецриге. Она была на замке. Я осторожно открыл дверь и заперся на ключ. Здесь все говорило о лихорадочном бегстве моего начальства. Все имущество в основном было вывезено или перебито. Однако мой тайник под полом сохранился в целости. Я стал обдумывать свое положение. Что делать? Как выбраться из этой мышеловки? В городе происходят сплошные облавы, патрулируются все углы, тем более опасен понтонный мост через Даугаву — это единственная пешеходная магистраль, связывающая город с районом Задвинья. И тут меня осенила мысль обратиться к одному моему приятелю-немцу, который недавно тоже был призван в армию, но остался служить в Риге и занимал довольно высокое положение. Я помнил его служебный номер телефона и позвонил ему. К счастью, он оказался на месте, и я коротко объяснил, в чем дело:

— Дорогой друг, выручай! Я в своей конторе на Вальню, как в клетке, не могу выбраться отсюда домой.

— Не волнуйся, Фридрих, это пустышки. Оставайся на месте и не выходи, — ответил мне голос в трубке. — Я сейчас пришло солдат, и они тебе помогут.

Договорившись, мы перешли болтать на житейские темы — здоровье, успехи, погода, — чтобы гестаповцы, перехватывающие телефонные разговоры, не заподозрили моего дезертирства.

Примерно через полчаса ко мне ввалились три здоровенных солдата. Я угостил их шнапсом из своих запасов, консервами, предложил закурить дорогие сигары. Все это быстро привело солдат в хорошее расположение духа. Мы разговорились, и время пролетело незаметно. Приближался вечер, начало темнеть, пора было уходить. Домой я возвращался на этот раз в сопровождении надежной охраны — двое верзил-солдат шли сбоку, а один впереди. Мы продолжали непринужденную беседу, вспоминая «доброе старое время». Когда наконец-то опасный понтонный мост остался позади, я остановился, стал прощаться и благодарить своих провожатых за услугу. Один из солдат, который был особенно неравнодушен к шнапсу, добродушный толстяк, лицом и походкой очень напоминавший бравого солдата Швейка, несколько раз вставлял в разговор:

— Когда вам снова нужны будут провожатые, вы только позвоните, мы сразу придем. Мы будем ждать...

Я вскочил на велосипед, они дружно помахали мне вслед, и я, что было силы, закрутил педалями и понесся домой.

После этого приключения в течение почти трех месяцев, вплоть до освобождения Риги 13 октября 1944 года, я более не высывал носа с нашей дачи в Иманте. На другой день после освобождения я сразу помчался за Авивой. Она была очень бледная, но за это время заметно вытянулась и повзрослела. Увидев меня, она бросилась мне на шею:

— Дядя! Мой миленький дядя... Я вас так ждала...

Ком подступил к горлу. Мы все плакали от радости, как дети. Не надо было больше бояться, прятаться, что-то скрывать. Черные годы нацизма остались позади. Я не знал, как отблагодарить моих добрых друзей, они тоже не могли долго успокоиться, были счастливы, что мы наконец свободны.

* * *

Через пару дней мы вернулись в наш дом, по которому истосковались, словно по живому существу. Квартира представляла собой страшное зрелище: все мало-мальски ценные вещи были разворованы или поломаны, все комнаты изгаже-

Семья Кумеровых и спасенные мать и дочь Нибург. Впереди слева направо: Роза Нибург, Фридрих Кумеров, Женья Куменова; сзади: Роман Кумеров, Авива Нибург, Георг Кумеров. 1955 г.

ны. Видно было, что перед отступлением фашисты устроили себе на прощание «пир во время чумы»: повсюду валялись пустые бутылки, засохшие объедки и банки из-под консервов. Были разбросаны немецкие военные знаки отличия: ордена, медали, погоны, свастики, нацистские эмблемы и пр. И среди всего этого хлама выделялся начищенный до блеска Железный крест — высшая военная награда гитлеровцев, который нелепо лежал на полу, как распятие, видимо, брошенный в самую последнюю минуту перед бегством.

Мы начали вычищать квартиру.

Блестящий крест все время стоял у меня перед глазами, словно символическое надгробие на могиле похороненного нацистского рейха с его варварством и неслыханной жестокостью. Я был уверен тогда, что это конец страданиям, начало долгожданного подлинного мира, несущего людям покой и счастье. Реальная жизнь, однако, внесла серьезные коррективы в наши иллюзии. Но это уже другая тема.

Рига, 1965—1966 годы

* * *

В мае 1989 года ко мне в Нью-Йорк пришло письмо из Риги от Фридриха Кумерова. К письму были приложены две фотографии Фридриха Карловича с женой Женей — одна, сделанная сразу после освобождения Риги в 1944 году, вторая — в 1989 году.

В письме среди прочего Ф. К. Кумеров пишет: «...Прошло много лет после победы над фашизмом, а также со времени наших встреч. Мы, слава Богу, живы и здоровы, на пенсии, дожили до глубокой старости — мне уже 85 лет, а Жене 83 года. От наших двух сыновей у нас три внуки и два правнука, которые доставляют нам много радости. Словом, мы счастливы».

Фридрих и Женя Кумеровы после освобождения Риги. 1944 г.

Фридрих и Женя Кумеровы. 1989 г.

И в заключение.

Фридрих и Женя Кумеровы тихо ушли из жизни — оба в 1991 году в Риге. Благословенна их память навеки! Их сыновья Роман и Георг живут благополучно в Риге со своими семьями.

Роза Нибург скончалась в Израиле в 2004 году. Ее дочь Авива Бравер (Нибург) живет в Израиле, в Бат-Яме, у нее две дочери и четыре внука. Мира вам и счастья, дети пережившие Холокост!

Рига—Нью-Йорк, 2006 год

КОМЕНДАНТ КРАУЗЕ

Комендант Рижского гетто Краузе был прирожденным садистом. Не совершив с утра нескольких убийств, он чувствовал себя целый день не «в форме».

С немецкой пунктуальностью ежедневно ровно в 9.00 он прибывал на машине в комендатуру гетто, поднимался в свой кабинет, усаживался за стол и выслушивал рапорт Вандта, начальника бункера — тюрьмы гетто, еврея, депортированного из Германии. Короткий доклад ставил Краузе в известность о количестве заключенных в бункере и причинах их ареста. Затем он забирал у Вандта список и наобум ставил рядом с фамилиями арестованных семь-десять галочек. Далее он давал кое-какие указания Вандту, вставал, в хорошем настроении гладил своего пса Рольфа и не спеша направлялся вниз по улице Ликснас к Старому еврейскому кладбищу¹. Там он надевал свои белые лайковые перчатки, прогуливался с собакой у ограды, смотрел

1 Старое еврейское кладбище существовало с 1725 года и находилось в Московском форштадте между улицами Самарина (ныне Ломоносова) и Маскавас. В 1883 году были возведены кладбищенские ворота, а годом позднее территория кладбища была обнесена кирпичной стеной. В 1903 году на кладбище была построена молельня, а в 1905 году — покойницкая. 4 июля 1941 года были сожжены все имевшиеся на кладбище строения. На протяжении существования гетто оно было одним из мест казни «провинившихся». Вместе с убитыми на улицах гетто и по пути на расстрел в Румбуле 30 ноября и 8 декабря 1941 года, а также казненными участниками группы Сопротивления (31 октября 1942 года) на нем захоронены около 2000 узников гетто (кладбище входило в его черту). Кладбище не сохранилось: в 1960 году надгробия на нем были снесены и на его месте устроен Парк коммунистических бригад. В 1994 году там был установлен

на часы и ждал. Вскоре появлялась под стражей группа заключенных, отмеченных в списке галочками. Краузе выстраивал обреченных на смерть у забора, засекал секундную стрелку и, как в тире по мишеням, целился им в головы. Это был его знаменитый *“Kopfschuss”* — «выстрел в голову». Не совершив этой утренней разминки — стрельбы по «живым мишеням», Краузе не брался ни за какие дела.

Записано по свидетельству Левы Вагенгейма

Цена хлеба

Однажды комендант Краузе заметил на углу улиц Виляну и Лудзас у одной еврейки из Германии подозрительный сверток. Та спешила с дочкой лет трех-четырёх. В два скачка безумный комендант подбежал к жертве и вырвал сверток. Там оказался кусок хлеба.

Ребенок от испуга расплакался и вцепился в подол маминого платья. Несчастливая мать пыталась объяснить коменданту, что получила хлеб для ребенка в награду за хорошую работу у «арийцев». Краузе был в бешенстве, ему не нужны были объяснения, он ежедневно жаждал крови, расправа опьяняла его.

Нешадно избивая женщину коваными сапогами, Краузе погнал ее вниз к воротам Старого еврейского кладбища. Я все это видел из окна нашего трехэтажного углового дома. Раздались выстрелы. Все было кончено, но садисту мало было убийства. Он с наслаждением слушал истеричные крики ребенка над застреленной матерью.

Окоченевшую, обессиленную от слез и ужаса девочку позже подобрали и пригнали в гетто.

Записано по свидетельству Михаила Геймана

Девушка из Германии

Правой рукой коменданта гетто Краузе был технический руководитель Тухель. По части садистских выдумок он не отставал от своего шефа.

Однажды зимой 1942 года Тухель схватил за пределами гетто еврейскую девушку лет 18 в тот момент, когда она обмени-

---

памятный камень и восстановлено название «Старое еврейское кладбище».

вала какое-то платье на хлеб. В Ригу ее привезли из Германии вместе с другими немецкими евреями, которым обещали «свободное поселение в Прибалтике».

Жертву привели под конвоем в комендатуру гетто, остригли наголо, раздели до легкого платица и прицепили на шею доску с текстом: *“Trotzdem es verboten war, habe ich doch getauscht”* («Несмотря на запрет, я занималась торговым обменом»).

Так она стояла неподвижно на улице Лиела Кална в нацидании и устрашение остальным обитателям гетто, маленькая, щупленькая, с большими испуганными глазами, съездившись от холода, придавленная тяжелой вывеской, не спуская взгляда с дежурного полиция. Весь ее вид молил о пощаде.

На третью ночь ее, полуживую, увели в бункер, а наутро расстреляли на кладбище, избавив, наконец, от мучений.

По рассказу Завеля Каплана

Эсфирь и Суламифь

В бывшем здании Еврейского театра в Риге, на улице Сколас, 6, расположились гестапо и гостиница для немецких военных *“Unterkunft”*. Уборщицами и посудомойками среди прочих еврейских женщин и девушек из гетто работали две сестры-рижанки, на редкость красивые, стройные, с большими грустными глазами.

Взгляд таких глубоких, выразительных библейских глаз, гордая царственная осанка с древних времен вдохновляли поэтов, художников, музыкантов, создавших бессмертные стихи, полотна, скульптуру, музыку. Девушки были похожи на легендарных Эсфирь и Суламифь, а в гетто сестры были бесправными рабынями немецких господ.

В один из вечеров лета 1942 года подвыпившая группа офицеров вермахта, проживающих в гостинице, велела сестрам немедленно закончить работу, одеться и следовать за ними. Их привели к погребку-ресторану и заставили войти.

— Нам нельзя, мы не имеем права, это место только для арийцев, — робко пытались сопротивляться девушки. — Мы погибнем, пожалейте нас.

— Не бойтесь, идите, вас никто не узнает, мы за вас отвечаем! — прервал их с раздражением офицер, один из зачинщиков предстоящего кутежа.

Они зашли в зал и только сели, как их тотчас опознали эсэсовцы из охраны гетто, как назло пировавшие там в тот вечер. Эсэсовцы, словно ошпаренные, вскочили со своих мест, окружили вошедшую компанию и всех арестовали. Связь с еврейка-

ми была тягчайшим преступлением против «чистоты немецкой расы».

Офицеров вермахта на второй день разжаловали в солдаты и немедленно отправили на Восточный фронт, а девушек передали в распоряжение коменданта гетто Краузе для наказания.

В тот же день комендант в сопровождении своего неразлучного пса Рольфа вывел их из бункера гетто, привел на кладбище и поставил перед свежерыкопанной ямой:

— *Küsst euch!* (Расцелуйтесь!), — великодушно разрешил им палач, держа наготове вынутый из кобуры пистолет.

Местные жители из окрестных домов приникли к окнам, со страхом наблюдая за сценой казни.

Сестры молча обнялись, расцеловались и, не отпуская друг друга, застыли в ожидании смерти.

Краузе выстрелил им в затылок, и они, словно подкошенные цветы, скатились в могилу.

По рассказу Завеля Каплана

СТАРИЧОК В АКЦИИ

Вспоминает Жанис Липке

У меня перед глазами так и стоят всю жизнь несколько страшных картин, как после только что просмотренного фильма ужасов. Вот одна из них.

Это было накануне 30 ноября 1941 года. Я стоял перед оградой гетто, когда сгоняли рижских евреев на акцию уничтожения. Местные жители были возбуждены и взволнованы, со страхом наблюдали за тем, что творится за колючей проволокой. Как набат на пожаре, оглушительно звонили колокола православной церкви напротив гетто, создавая зловещую атмосферу. Нацисты умышленно нагнетали страх, чтобы парализовать волю и исключить всякое сопротивление своих жертв.

В гетто начался хаос — люди беспомощно метались, кричали, плакали; одни волокли узлы, свертки, чемоданы, другие тащили детей — кто на руках, кто в колясках. Пьяные полицаи орала, сквернословили, дубасили людей, выволакивая их из домов, а некоторые из шуцманов, тупым взором глядя на мечущуюся в ужасе толпу, стреляли направо и налево в самую ее гущу, не разбираясь, кого настигнет пуля.

И на фоне этой чудовищной суматохи мне навсегда запомнился один старичок. Помню, он метался по улице, держался подальше от других людей, видимо, у него не было семьи, озирался, как затравленный зверек, искал в ограде лазейку, хотел, очевидно, пролезть. Он бросил на меня дикий взгляд и, видимо, испугавшись, шархнул в сторону. Я мигом отбежал на противоположный угол квартала, чтобы его не смущать, и стал выжидать — мне хотелось ему чем-то помочь, что-то для него сделать. Я тоже метался, как помешанный, видя, как людей

сгоняют на бойню. Через минуту я выглянул, но его уже не было у ограды.

Много раз бывая после этих акций в гетто, я всегда искал глазами того старичка, все не хотелось верить, что его больше нет.

Вот уже 25 лет прошло, а он все стоит у меня перед глазами, словно это страшное зрелище было только вчера.

ЭЛЕКТРИК В ГЕТТО

Вспоминает Беня Каплан

Электрик в гетто

В гетто я много раз бывал на грани гибели, но можно сказать, что мне просто везло — в самые опасные критические минуты мой мозг быстро и четко соображал, принимая, как потом я оценил, единственно правильное решение, все другие вели бы к неминуемой смерти. Вот один эпизод.

В начале января 1942 года, вскоре после больших акций, меня послали в один дом в «женском гетто»¹ исправить проводку — произошло короткое замыкание и не горело электричество. Когда я поднялся по лестнице к распределительному щиту, чтобы найти неисправность, вдруг, как из-под земли, появился Данцкоп², айзсарг, бывший латышский офицер, из-

---

1 Вечером 29 ноября, накануне первой акции уничтожения около 300 женщин, которые записались портнихами, перевели в Срочную тюрьму (латыш. *Terminācietums*), т. е. тюрьму предварительного заключения, у железнодорожной станции Браса в Риге. Примерно 2—3 декабря к ним присоединились еще около 200 женщин. 5 декабря женщин из Срочной тюрьмы привезли обратно в гетто и поместили в двух строениях через улицу от «малого гетто», на улице Лудзас, 68—70. В дальнейшем это место стало известно как «женское гетто».

2 Альберт Данцкоп (1911—?) — бывший лейтенант латвийской армии, учился на медицинском факультете Латвийского университета. С 1 октября 1941 года добровольно находился на службе в латышском полицейском батальоне, начальник внешней охраны Рижского гетто (окончательно утвержден в этой должности 16 февраля

вестный своей жестокостью и участием в многочисленных массовых расстрелах евреев в Риге и по всей Латвии.

— Куда лезешь! — заорал он на меня. Я спокойно, деловито объяснил, что меня послал начальник полиции гетто Вандт исправить электропроводку.

На шум в коридоре из соседней двери вышла женщина и по-латышски сказала ему, что уже несколько дней в доме не горит электричество. Он зашел в ее комнату и захлопнул дверь.

«От этого типа нужно быть подальше, — подумал я. — Приду в другой раз». И бросился во двор. Видимо, Данцкоп услышал мои шаги и выскочил за мной. Я помчался что было силы. Вдгонку Данцкоп наобум два раза выстрелил. Я выбежал на улицу — кругом пустынно, двери всех домов закрыты, в окнах приспущены маскировочные шторы.

«Тут где-то рядом, на улице Виляну, должна быть открыта аптека», — начал я соображать и, задыхаясь, влетел в небольшую комнатку, уставленную рядами разнообразных скляночек и пакетиками порошков в газетных и обойных обертках, с характерным резким запахом лекарств и карболки. В этой кустарной аптеке гетто провизоры буквально из ничего, из «воздуха», ухитрялись изготавливать лекарства. Правда, многим пациентам они никогда не понадобились...

— За мной гонятся! — еле произнес я, задыхаясь, оторопевшему провизору. — Спрячьте меня!

Сообразив в чем дело, аптекарь моментально сорвал с меня очки, шляпу, куртку и напялил не по размеру большой белый халат. Я встал перед стойкой, взял в руки какой-то пузырек, уткнулся в лежащую на столе книгу с колонками каких-то цифр и записей и стал ждать. Не успел я как следует отдышаться, как ворвался Данцкопф, обвел нас всех своими бешеными глазами и грозно обратился будто не к нам, а в пустоту:

— Где он? Не забежал ли сюда посторонний еврей?

— Нет, сюда никто не входил, — ответили ему.

Данцкоп выбежал из аптеки в ярости, как хищник, жаждущий крови, в погоне за жертвой, и помчался рыскать по дворам.

Кого-нибудь он непременно убьет сегодня, иначе не успокоится...

1942 года). С 12 мая 1942 года по 13 ноября 1943 года находился на фронте, где 17 октября 1942 года был ранен под Ленинградом, но остался в части. В конце войны бежал с гитлеровцами. По некоторым сведениям, умер в 90-е годы в Канаде.

Часы

Однажды в мою каморку-мастерскую ворвался эсэсовский офицер с небольшим будильником в руках. Тут же за ним выросла фигура Розенфельда, моего хозяина.

— *Jude*, почини будильник! — приказал мне строго офицер. Я взял в нерешительности будильник, повертел в руках, поштал, послушал — механизм был мертвый.

С часами я сталкивался впервые. По специальности я инженер-электрик, всю свою довоенную трудовую жизнь занимался преимущественно лифтами, электрическими машинами, электрозашитой и пр., а в общем — больше всего чертежами, а не монтажом.

— Не знаю, смогу ли я это сделать, — начал я робко, и слова застряли у меня в горле — я увидел, как лицо эсэсовца налилось кровью, он выхватил пистолет и поднес дуло к моему лицу. Розенфельд, стоя позади офицера, начал делать мне знаки, усиленно мигая, что означало — надо соглашаться.

— Если к утру не будет готов мой будильник, готов будешь ты сам! Мое слово верное! — и обер-эсэсовец резким движением всунул свой пистолет назад в кобуру, затем повернулся и так хлопнул дверью, что все затряслось и мои инструменты полетели с полок на пол. Было слышно, как, чеканя шаг, он удалялся. Мы остались вдвоем. Такая манера заказа задела даже моего эсэсовца Розенфельда, хозяина нашей казарны.

— С этим шутики плохи, он из гестапо. Часы надо починить. Никуда не денешься, — вздохнул Розенфельд. — Вот что, — начал он рассуждать, пытаюсь найти решение, и его маленькие крысиные глазки еще больше сощурились. — Я тебя отпускаю в гетто, пойдешь и найди там еврея-часовщика, и выпутайся как-нибудь из этой истории. Запомни, он наш полномочный хозяин. До завтра часы должны быть готовы, ни дня больше! — и он ушел.

Я остался наедине с блестящим немым будильником и своими невеселыми мыслями.

Удивительное, однако, существо — человек! Когда жизнь в опасности и до конца остаются считанные часы, каждая минута, как и сама жизнь, становится безумно дорогой, и вопреки всему цепляешься, словно утопающий за соломинку. Что делать? Зайца спасают ноги, а я должен полагаться только на свои голову и руки. Попробую сделать сам. Это мой единственный шанс.

Я взял чистый белый лист бумаги, осторожно выкрутил все винтики и вынул часовой механизм. Стараюсь не волноваться,

чтобы не забыть ничего потом, при последующей сборке, внимательно разглядываю массу колесиков и рычажков, пытаюсь понять тайну хода, тиканья, звона — что к чему. Я пробую закручивать все заводные пружины. Ход не заводится. Теперь мне становится ясно — лопнула главная пружина. Проходит час за часом, я не встаю с места. Уже полночь, а я все еще вожусь со злосчастными часами. Их ход и звон для меня означают жизнь.

Прокалив конец пружины, я аккуратно припаял ее и собрал остальной механизм. Как будто все на месте. В заключение заливаю внутрь машинное масло, завожу. Идут. Я слышу равномерное тиканье — часы идут! Еще и еще раз проверяю завод и окончательно убеждаюсь — часы в исправности. Теперь можно лечь спать.

С самого утра ко мне влетает озабоченный Розенфельд и выпаливает:

— Ну что? Нашел часовщика? Не то господин офицер убьет тебя, а ты для нас очень нужный человек!

Я победоносно указываю ему пальцем на столик, откуда на него смотрит начищенный до блеска будильник.

— *Schauen Sie! Sie gehen!* (Посмотрите! Они идут!)

Не веря еще своим глазам, Розенфельд осторожно снимает со стола будильник и прикладывает к уху. Он еще немного послушал ход, а затем хлопнул меня по плечу.

— Недаром из всех евреев я выбрал именно тебя! Часы я отнесу сам, а то господин офицер выкинет с тобой еще какой-нибудь номер.

Вскоре он вернулся и торжественно поднял вверх указательный палец:

— Господин офицер назвал тебя *“Universalmechaniker”* (универсальным механиком). Радуйся!

Побег

Сегодня 23 июля 1943 года. Мы, четверо евреев, в казарнированных *“Offizierunterkunft”*, работаем последний день — получен приказ о расформировании казарнаций. Все работающие там заключенные евреи обязаны перейти в концлагерь Кайзервальд в Межапарке.

«Туда я не пойду! — решил я твердо, — это верная гибель. После всего пережитого мне не выдержать этот свирепый концлагерь». Я принял решение, и мне нужен был лишь подхо-

дящий случай, чтобы добраться до моей старой доброй няни Аксиньи Папковой. Она уже была предупреждена обо всем и должна была ждать меня.

День выдался как будто удачный. Фельдфебель Розенфельд с утра ушел на дежурство в гестапо, остались лишь несколько охранников из «вахы». Внимательно осмотревшись, чтобы не заметили стражники, я позвал в свою мастерскую на совет Кремера и Шапиро, четвертый — Ицик Гольфман — к этому времени ушел в *“Soldatenheim”* — солдатскую казарму на улице Дзирнаву за супом (там нам изредка давали остатки еды — вознаграждение за изнурительный труд).

Я посвятил друзей в свою тайну:

— *Хевре*¹, я ухожу. Что вы думаете делать — пойдете в лагерь или будете скрываться?

Марик Кремер тут же решил присоединиться ко мне:

— Я иду с тобой, Бенья!

Моисей Шапиро, напротив, наотрез отказался:

— Вас тут же схватят на первой же улице и расстреляют. Сколько уже было таких случаев!

— Гарантий я тебе, конечно, дать не могу, — сказал я, — но в любом случае из-за моего побега ты не пострадаешь.

(Я был оберюде — бригадиром, и по нацистским правилам подчиненные не несли ответственности за побег руководителя, а он за них отвечал. Считалось, что между любым руководителем и подчиненными стоит стена недоверия и враждебности, следовательно, они не могут быть соучастниками.)

Я выждал момент, когда двор опустел, и бесшумно отпер ворота ключом, который заблаговременно подделал, затем дал сигнал Кремеру. Мы вдвоем незаметно выскользнули из нашего заключения и быстро направились в Московский форштадт, в сторону гетто.

За первым же углом мы наскоро переоделись во все лучшее, что у нас имелось и что давно приготовили в расчете потом обменять на провизию. Малолюдными закоулками, петляя и внимательно озираясь, не следят ли за нами, мы подошли, наконец, к намеченному укрытию. Стучим в дверь. Она на замке — хозяйки нет дома. Очень досадно. Мы стали бессмысленно бродить взад-вперед поблизости, стараясь избегать встреч с прохожими. Мой товарищ по несчастью Марк Кремер — музыкант, до войны известный саксофонист, вдруг остановился:

1 Товарищи (*увр.*).

— Знаешь что, Беня, вдвоем ходить подозрительно и очень опасно. Тут недалеко за Даугавой живет мой довоенный ученик по музыке, я уверен, он не откажет мне в ночлеге на одну ночь, а завтра мы встретимся у твоей старушки.

Мы расстались. Начало смеркаться. Я уже несколько раз подходил с разных сторон к дому Аксины, а ее все нет. Куда же она могла уехать или уйти? Я пытался вспомнить всех ее родных и знакомых. Теперь от встречи с ней зависела моя жизнь. Ее лицо возникало в памяти, стояло перед моими глазами, мне казалось, что она то появляется из-за угла, то выплывает из-за кроны деревьев. Измученный от волнения и несбывшихся надежд, я буквально грезил, рисуя приятные картины встречи.

То ли в полусне, то ли в грезах, но я потерял, очевидно, на минуту свою привычную бдительность. Вдруг из-за угла прямо на моей стороне тротуара появился патруль из трех жандармов, вооруженных автоматами, в военной форме СС с металлическими нагрудниками и большими желтыми свастиками. Я хорошо знал шуцманов, носящих такую форму, — это звери, они убивают на месте без всякого разбирательства. Мне стало жутко, ком подступил к горлу, заныло под ложечкой, новые туфли, засунутые в карманы, стали почему-то невыносимо жечь. Я заметался на месте и стал лихорадочно шарить глазами, где бы укрыться на пустынной улице.

И вдруг я увидел сияющий крест церквушки. Инстинкт самосохранения мигом сработал. Вот мое спасение! Круто, почти бегом, завернул я к дверям часовни, сорвал шапку, буквально упал на колени и начал истово креститься, изображая православного богомольца.

Полиции подошли поближе, на минуту остановились около меня, и, хотя я стоял к ним спиной, я отчетливо ощутил ледяной душой холод от впившихся в меня взглядов.

— *Tev ir taisnība, tagad es tev ticu, ka tas nav žīds, bet krievis.* (Ты прав, теперь я тебе верю, что это не жид, а русский), — отчетливо услышал я сказанное по-латышски. Видимо, они искренне поверили, что я молюсь. Звуки шагов затихли — жандармы прошли мимо. А я еще долго не мог подняться и прийти в себя от внезапной встречи со смертью. На этот раз она прошла стороной.

Алик Каплан

Памяти сына

В период латышского "*Carte Blanche*"¹, с первых же дней прихода немцев в Ригу, местные погромщики, поощряемые нацистской пропагандой, зверски расправлялись со своими соотечественниками-евреями якобы за прошлые дела «чекистов, коммунистов, буржуев» — грабили, издевались и убивали, опьяненные безнаказанностью и диким произволом.

В этот период наш единственный сын Алик стал незамеченной опорой всей нашей семьи. К началу войны ему было 10 лет, он окончил четыре класса немецкой школы и прекрасно говорил по-немецки и по-латышски. В то время, когда евреи не смели выгнать на улицу, а тем более пойти в магазин за продуктами или поехать куда-нибудь на трамвае, наш Алик, невысокий коренастый блондин, смело становился в очередь среди «стоцентных арийцев». И ни разу ни у немцев, ни у латышей не возникало подозрений, что он чистокровный потомок иудеев. Он как нельзя лучше подходил под определение представителя «нордической расы» в соответствии с учением нацистских идеологов — по цвету волос, коже, форме носа, черепу и прочим анатомическим данным.

Языковые и математические способности и особенно уникальная память этого мальчугана всегда вызывали удивление и восхищение его учителей. Помню, накануне установления советской власти, в 1939 году, мы решили отдать сына в еврейскую школу с обучением на иврите. Все лето он интенсивно и с интересом занимался древним языком, а осенью директор гимназии Гарфинкель, экзаменуя его в присутствии комиссии из нескольких преподавателей, обнаружил у него такие прочные знания иврита, что сыну не нужно было догонять тех, кто уже несколько лет изучал этот язык. А начал ведь он с азав, с алфавита. Благодаря своим удивительным способностям и необычайной памяти Алик всегда был в центре внимания своих сверстников, забавляя их нередко следующим образом: брал чистый лист бумаги, графил на клетки и давал своим приятелям либо сам под их диктовку заполнял их разными цифрами.

1 Период с 1 по 8 июля 1941 года в Риге, когда оккупанты, по крайней мере явно, не вмешивались в действия бандформирований латышских коллаборационистов, давая им тем самым "*Carte Blanche*" (фр. букв. «чистый бланк»), т. е. полную свободу в обращении с гражданским населением, в том числе с евреями.

Затем минуту-две он внимательно всматривался в цифры, поворачивался спиной и начинал называть цифры в любом порядке — слева направо, сверху вниз или по диагоналям. Довольная детвора радостно аплодировала маленькому фокуснику.

Не зная дробей, он каким-то своим методом умел безошибочно извлекать квадратные корни, а если получалось дробное число, то результат он давал приближенно, например так: «Это будет между 11 и 12, чуть-чуть ближе к 12, и т. д.»

После установления советской власти в Латвии в июле 1940 года он за пару месяцев прекрасно освоил русский язык, и к сентябрю мы отдали его в 80-ю русскую школу на улице Грециняку, организованную в бывшей женской гимназии «Виндзерайз». Прибывший однажды инспектор из Наркомпроса¹ познакомился с ним по рекомендации учителя математики и тут же предложил нам отдать мальчика для продолжения учебы в школу при Московском университете. Я согласился. Моя жена, безумно любя сына, не хотела с ним расставаться. Она не могла предвидеть, что оставляет его здесь для румбульской ямы...

Накануне прихода немцев в Ригу Алик тяжело заболел — сначала скарлатиной, потом корью. Во время кризиса болезни он несколько дней бредил из-за высокой температуры, а когда, поправившись, узнал, что в городе немцы, безудержно разрыдался и никто не мог его утешить. Его недетская интуиция подсказала ему смертельную опасность.

— Нам, евреям, здесь будет конец, — не переставая твердил он. — Это наша погибель.

Успокоился он немного лишь в гетто и даже как будто повеселел, увидев многих таких же несчастных, как мы сами. Зато к осени, когда мой отец вконец пал духом, Алик серьезно, как маленький философ, задумчиво сказал ему:

— Дедушка, что ты нервничаешь! Ведь тебе 70 лет, ты же пожил и видел свет. А я вот ничего еще не видел и то не нервничаю. Не переживай, прими все спокойно.

Дорогое дитя! Он глядит на меня ежедневно с портрета. Его грустные глаза — это моя жгучая отцовская боль и несмысленный позор варварскому, так называемому «цивилизованному XX веку».

Рига, 1965 год

¹ Народный комиссариат просвещения — ведомство образования в СССР до 1946 года.

ЗАЛОЖНИКИ

Вспоминает Завель Каплан

Как-то из нашего *TWL (Truppen Wirstschaftslager)*¹ — лагерь для обеспечения фронта продовольствием и обмундированием — сбежал Хона Залкиндер, паренек из Талси (ныне он проживает в Риге). Сразу после войны я узнал, что это был организованный побег трех братьев, разбросанных по трем разным казернам.

Было ясно — немцы этого не простят. Чувство надвигающейся беды охватило всех нас заключенных — по правилам концлагеря все оставшиеся в лагере отвечали за побег одного.

Наутро, в 8 часов, наш старшина, обершарфюрер Фрике, выстроил всех 120 заключенных у того продуктового склада, где работал беглец. Подошли и застыли по стойке смирно, по-прусски, как манекены, трое эсэсовцев из администрации лагеря. Фрике зачитал короткое объявление:

— Вчера сбежал *Jude* из лагеря *TWL*. Он пойман и расстрелян. По оккупационным законам должны быть расстреляны десять заложников. Следовательно, из вашей группы мы выберем остальных девять. Я буду подходить к каждому: если подниму большой палец вверх — значит, тому жить и строиться в правую колонну, если опущу вниз — это один из девяти заложников, он должен встать налево».

И Фрике начал эту страшную лотерею. Прежде всего он направился к прямо к Иосифу Вестерману, высокому атлетически сложенному парню, и ткнул перед ним свой большой коварный палец вниз, к земле:

¹ Филиал концлагеря Кайзервальд, где в основном работали евреи, депортированные из Германии.

— *Raus!* (Вон!)

Его выбор был мне ясен. По расовым законам красивыми и стройными могут быть только арийцы, таких евреев быть не может, это ошибка природы, которую Фрике исправляет в духе современных немецких расовых законов.

119 человек с замиранием сердца следят — кто следующий смертник.

Мне кажется, я стал почти равнодушен к смерти, за эти два года уже привык — не нынче она придет, так завтра. А сегодня мои шансы выжить совсем невелики. Фрике меня терпеть не может, и сейчас это самый подходящий для него случай разделаться со мной. Так и есть. Фрике быстро проносится по рядам и останавливается передо мной:

— *Oh, mein Freund! Ich will dich gut einordnen!* (О, мой друг! Теперь я тебя хорошо пристрою!), — злорадно усмехнулся он.

Я не спускаю глаз с его пальца. Фрике чертовски высок и худ, как жердь, я же низкорослый и широкоплечий, и оттого задираю высоко голову, как птица во время питья. Палец Фрика поднят вверх, его крысиные глаза лукавы, он вроде улыбается, и на мгновение я прочел в них — «жить». Сердце на мгновение забило надеждой, как вдруг его палец-закорюка начал медленно поворачиваться и стал колом вниз.

— *Du bist noch nicht heraus!* (Ты еще не вышел!), — взревел он.

Оглушенный, не совсем понимая происходящее, не веря еще в окончательный приговор, быстро выхожу из ряда и направляюсь к левому краю, к одиноко стоящему Вестерману. Тут же мне вслед Фрике вывел Кутковича из Литвы, который стоял со мной рядом.

— Из-за тебя и меня приговорили к смерти, — зло прошептал мне Куткович, — это потому что он тебя ненавидит.

Я промолчал, лишь беспомощно развел руками. «Ну, чем я виноват, что так получилось? Несчастный случай. Могло ведь быть и наоборот». Я понимаю, что это не утешение, но что мне остается сказать?

Четвертым смертником Фрике выбрал пожилого еврея из Германии. Кто следующий? Азарт, как на скачках, невольно передается и нам, приговоренным, хоть мне совсем безразлично, кто будут остальные — все они мои товарищи и со многими проведено вместе два года мучительной жизни.

Игра окончена. Наша девятка смертников определена. Короткий приказ, и остальные разбредаются по своим рабочим местам. Двор пустеет. Начальство лагеря — Гленц, Зейдель, Хозе и Фрике — сошлось сзади нас в кружок и стали пере-

шептываться. Я наострил ухо и из обрывков фраз уловил: они совещаются, какую бы оригинальную казнь придумать для нас.

Гленц, не спуская глаз с нашей группы, заметил, что я прислушиваюсь. Подбежал и немецкой лающей скороговоркой выпалил:

— Ты что шпионишь за нами! — и я получил такой оглушительный удар в челюсть, что с трудом устоял, отхаркнулся кровью и выплюнул зуб.

Наконец Фрике объявил:

— Ровно в час за вами придут, а сейчас марш наверх — работать!

Ну что ж? Рейх должен был выжать из нас все силы до последней минуты жизни.

Рыжего Хозе поставили с автоматом на вахту у входа на склад, а нам приказали перелопатить кучу муки. Я подошел к окну. Третий этаж. Что стоит жизнь? Может броситься вниз, и конец всей этой свистопляске страха и нервов? Нет, это я всегда успею. Я когда-то учился в хедере¹, и сейчас, не переставая, монотонно стучит в ушах молотом заученное библейское изречение: «Чудо может явиться внезапно...»

Смерти я не боюсь, я видел много всяких убийств. Хорошо представляю, например, весь процесс вешания — эту казнь наблюдал много раз, даже мысленно ощущаю на своей шее грубые тиски затянутой петли, вижу последние конвульсии человека на рубеже жизни и смерти. Но сейчас, когда жизнь на исходе, до боли хочется жить...

Уже ровно час. Приехала машина, очевидно, за нами. Нас, девятерых, снова вывели во двор и построили.

Сам начальник, оберштурмфюрер Зейдель, однофамилец нашего обершарфюрера, решил лично осмотреть заложников — как мы выглядим, хороши ли для бойни. Он спокойно, не спеша, подошел, оглядел нас, смертников, построенных в линейку, и негромко спросил у Фрике:

— *Die Jungen wollen Sie vernichten?* (Этих молодых вы хотите уничтожить?)

— *Ja, die sind faul and schwach!* (Да, они ленивы и слабы!) — четко отрезал Фрике.

Я вдохнул, затаил дыхание и демонстративно выдвинул вперед свою широкую грудь — как бы в ответ на утверждение Фрике.

1 Хедер (др.-евр. «комната») — еврейская частная начальная религиозная школа для мальчиков.

Зейдль недовольно поморщился — он, оказывается, терпеть не мог лжи своих подчиненных.

— *Wieviel kannst du tragen?* (Сколько ты можешь нести?), — неожиданно спросил он у меня.

— *Zirka zweihundert Kilo!* (Примерно 200 килограммов!), — не раздумывая, ответил я Зейдлю, хотя достаточно было поднять всего 100 килограммов — это лагерный «ценз» на жизнь, мера здорового человека.

— *Er lügt!* (Он врет!), — перебил меня Фрике с плохо скрываемым страхом перед начальством.

— *Aufladen!* (Нагрузить!), — коротко приказал Зейдль, едва взглянув на него.

Если я не выдержу, сорвусь — конец. Сегодня же меня не будет, да и остальных проверять не станут, тогда прав будет Фрике. Он сейчас только это и хочет доказать. Я должен непременно выиграть, я здоровее других и не зря, рискуя жизнью, ловко воровал у немцев колбасу и консервы со склада. Это должно спасти меня сейчас.

Пока по приказу Зейдля взвешивают груз — два мешка муки по 100 килограммов — и отмеряют 25 шагов, я туго затягиваюсь поясом и вспоминаю свой давний спор в лагере Спилве¹ с еврейским доктором из Литвы — я выиграл у него четыре пачки махорки, подняв четыре мешка с цементом по 50 килограммов. Я знал свою меру, вот почему так уверенно отрапортовал Зейдлю о 200 килограммах.

Принесли мешки. Звучит команда. Это старт. Я начинаю экзамен на жизнь. Широко расставляю ноги, думаю только о равновесии — сейчас взвалят груз. Один мешок есть. Вот и второй. Глухо закрихтев под тяжестью второго мешка, я выпрямляюсь и, осторожно переступая, трогаюсь. Только бы не споткнуться — второй попытки не будет. Иду. Еще шаг, еще один, обливаюсь градом пота, смотрю только под ноги, уже и черта. Поворачиваю назад.

На площадке гробовая тишина. А для меня решается вопрос — жить или нет. Вот и финиш. Боюсь сбросить мешки. Могут не засчитать.

— Идти мне дальше? — спрашиваю, пытаюсь из-под мешков бросить хоть беглый взгляд на начальника, уловить выражение его лица.

— *Genug!* (Достаточно!), — слышу я и, не спеша, чтобы не испортить впечатления, разгружаюсь.

— *Hau ab von hier!* (Убирайся вон отсюда!), — кричат мне, и я понимаю, что оставляют жить...

Мои товарищи по приговору должны пронести по 100 килограммов — один мешок, это минимум. Борьба за жизнь продолжается.

У ворот около машины стоят, покуривая, четверо латышей. Они приехали за нами, чтобы выполнить черную работу — убить и закопать. А пока что они с интересом наблюдают за «спортивной игрой», весело перебрасываются отдельными словечками, видимо, держат пари.

Спектакль окончен, все выдержали экзамен. Обершарфюрер Фрике озабочен, мечется около Зейдля, что-то объясняет. Нам он, конечно, этого не простит, отыграется в другой раз.

Нас, девятерых заложников, распускают по баракам, а машина у ворот гулко заводится, и четверо активистов «нового порядка» уезжают ни с чем.

Позднее мы узнали, что эта машина после нас поехала в концлагерь Кайзервальд, там погрузили десять пожилых евреев и увезли на расстрел. Немецкий порядок был соблюден...

1 Спилве — район лугов в нижнем течении Даугавы (Западной Двины), на левом ее берегу, где с 20-х годов существовал аэродром. Работавшие там евреи-узники были размещены неподалеку, в помещениях Ильгюциемского пивоваренного завода.

АКЦИЯ В ДОБЕЛЕ

Вспоминает Вильгельмина Путрина

Однажды, в середине июля 1941 года, я по обыкновению пошла в Добеле. Мой хутор был в нескольких километрах от города, где стоял густой дым, и я подумала, что это пожар. Покупая газету и открытки, я обратилась к продавцу почтового киоска, расположенного на центральной улице:

— Что это горит в городе?

За него ответила какая-то прохожая:

— Это горит синагога. Сегодня расстреляли всех жидов, наконец-то избавились от них, какой прок от их молельни!

Меня охватили ужас и смятение, когда я представила эту бойню. У меня было много хороших друзей среди добельских евреев, со многими я ходила в школу, дружила с детства.

— А как же дети? — крикнула я в ответ.

Я не знала, что делать — кричать ли, возмущаться, и побежала в правление волости. Там я увидела много вооруженных айзсаргов, большинство которых были пьяны, еле стояли на ногах и сквернословили. Стараясь скрыть свое волнение, я почти спокойно спросила:

— Что это сегодня здесь у вас происходит?

Навстречу мне поднялся добельский бездельник и бандит Янцеп — верзила с красным мясистым лицом, заплывшим от водки:

— Вашего Лейбку Герсона я уложил первой же пулей.

— Бандиты! Что вы наделали, а что с его ребенком? — с отчаянием закричала я, уже не владея собой, я хорошо знала семью Герсонов.

— Стану я тратить на него пулю? Я схватил его за ноги и раскрошил его *Köpfchen* (голову) о первое дерево...

И он стал мне подробно рассказывать, что там происходило...

Всю ночь накануне группу карателей поили, как скотов, водки не жалели — хлебай, сколько хочешь. Руководили этой бойней трое специально присланных немецких эсэсовцев-головорезов, а вся команда исполнителей-убийц была набрана из местных бандитов.

С пяти утра они стали загонять в грузовики всех евреев Добеле и окрестностей, и направились к лесу. Там перед расстрелом жертвам приказали выкопать длинный ров, после чего их выстроили у пропасти под дулами пьяных и озверевших бандитов.

Они все знали друг друга в лицо — и убийцы, и жертвы. Им часто приходилось сталкиваться в мирной жизни: теперешние бандиты лечились у врачей-евреев, ходили к дантисту-еврею с больными зубами, у еврейских хозяев лавок покупали все необходимое. Теперь же эти люди стояли напротив своих палачей в ожидании смерти.

Загремели выстрелы. Пули не достигали цели, обреченные подолгу не могли получить желанной смерти — палачи были пьяны и плохо стреляли. Уроженец и старожил Добеле кантор синагоги Утенос выстроил всю свою семью перед ямой и вознес руки к небу — он принимал это убийство евреев как кару Всевышнего. Затем он отошел от рядов и направился прямо к пулеметам.

— Боже! Я должен все это видеть! — бормотал обезумевший старик. Никто из обреченных уже не понимал происходящего, жертвы лишались рассудка до расстрела. Кантора Утеноса убили последним — перепившиеся палачи с удивлением обнаружили подле себя того, чье место было в яме...

Я знаю — Янцеп и его дружки отсиживаются в Швеции! Не забываете этого!

Я очень стара, мне 79 лет, уже скоро сойду в могилу, но я не хочу, чтобы эти страшные картины ушли вместе со мной. Пусть все узнают, как убивали евреев в Добеле.

Рига, 1966 год

ПО ТУ СТОРОНУ ЖИЗНИ

Вспоминает Семен Пейрос

I. Западня

Много лет отделяют нас от того рубежа, когда мирная жизнь с ее привычными радостями и заботами была неожиданно прервана 22 июня 1941 года.

Много примечательных событий произошли в нашей жизни до и после войны, но память неотступно возвращает на десятилетия назад, именно к тому времени, когда нацисты ввергли мир в чудовищную войну, которая принесла миллионам людей неисчислимые страдания и смерть.

С первой же минуты, когда пришла страшная весть, все мои мысли были прикованы к фронту, я почти не отрывался от радиоприемника. Постоянные сообщения о мощи Красной армии, штампованные фразы-лозунги «Если враг нападёт — будем бить врага на чужой территории...» и широко популярные бодрые песни-марши типа «Броня крепка и танки наши быстры» вселяли уверенность и оптимизм.

Но уже дня через три многие наши знакомые стали говорить, что надо срочно эвакуироваться. Я не спешил, считая, что, в соответствии с радиосообщениями, фронт еще далеко, и к тому же мне была памятна Первая мировая война 1914 года, когда лишь через полтора года после начала войны немцы подошли к Риге. А сейчас не прошло еще и недели и такая паника.

Все же было тревожно на душе. А тут еще, как назло, 18 июня моя жена с сестрой, обе учительницы, уехали со своими коллегами в Москву на экскурсию. Я был уверен, что, услышав о начале войны, они непременно примчатся домой, но от них не поступало никаких вестей.

Справа налево Миша и Люся Пейрос. Май 1941 г.

Так, в ожидании жены я остался в городе с двумя детьми — 16-летней дочкой и 13-летним сыном. Как-то в один из тех дней дочка неожиданно мне заявила:

— Папа! Я звонила в райком, и мне сообщили, что нас, всех комсомольцев, мобилизуют на работы и мы будем жить на казарменном положении. Я буду тебе ежедневно звонить по телефону. Не волнуйся!

Она ушла и три дня действительно звонила. Но 29 июня, обеспокоенный двухдневным молчанием, я решил пойти в Московский райком комсомола и выяснить, в чем дело.

В райкоме было пусто.

— Товарищ! Иди, домой, — сказал мне добродушно красноармеец, единственный дежурный. — Всех комсомольцев эвакуировали, видишь — никого нет.

Это был плохой симптом, должно быть, немцы действительно уже близко, и я твердо решил срочно эвакуироваться с сыном.

Отправились мы с ним на вокзал. Там стоял длинный состав без паровоза, набитый беженцами. Ни железнодорожные служащие, ни пассажиры — никто толком ничего не знал: ког-

да отправится поезд, в каком направлении, к кому обратиться. Проторчали мы так в бесплодном ожидании часа три и решили искать попутную машину, но тоже безрезультатно. Вернулись мы домой ни с чем, в волнении и дурном предчувствии.

Через пару часов донесся грохот нескольких сильных взрывов с военного склада в Межапарке, расположенном примерно в километре от нашего дома. Стало ясно — это отступают последние советские воинские части и взрывают боеприпасы, чтобы не достались врагу. Мы были уже в западне. Через два дня в город ворвались немцы. Так мы оказались под нацистской оккупацией.

II. Рабы

Декабрь 1941 года. Мы находимся в «малом гетто» на улице Лудзас. В двух метрах от дома протянулась высокая ограда из колючей проволоки. Глянешь в окно — маячит отвратительная морда часового. Чтобы не видеть его и не дать ему возможность заглядывать в комнату, я занавесил окно шторой. Хорошо еще, что в доме имеются ставни. Как начинает смеркаться, я их закрываю.

Мы живем втроем в одной комнате, и вся наша обстановка состоит из трех кроватей, трех стульев и одной этажерки. Этажерка книжная, но мы используем ее как буфет. Там лежат хозяйственные принадлежности и запасы продуктов. Их, понятно, немного, и все наше богатство легко размещается на трех полках.

Каждое утро к шести часам я иду вместе с сыном на невольничий рынок на улице Ликснас, к воротам гетто. Здесь мы все собираемся, чтобы примкнуть к какой-нибудь команде до того, как на проверку придет комендант.

Встреча с комендантом всегда сулит мало хорошего, поэтому многие из нас, в том числе и я с сыном, предпочитаем недоспать час-полтора, проторчав здесь на холодном ветру или морозе, и выйти с одной из первых команд в город. Я стараюсь найти уголок около какого-нибудь дома или забора, где ветер не так силен; подпрыгиваю, делаю гимнастику, чтобы согреться, и стараюсь втиснуть сына Мишу в людскую гущу — там, в середине, чуть теплее. Время тянется медленно. Мы все ждем, пока не явится за нами немецкий солдат и не погонит на работу.

Невольно вспоминаешь картины из прочитанных в юности повестей о рабах, невольничьих рынках, насильственной

разлуке, когда отцов угоняли в одну сторону, матерей — в другую, детей — в третью. Глядя на эту толпу, приходит на ум мысль, что это вовсе не улица Ликснас, а тот самый невольничий рынок, но не прошлых веков, а нашего XX века. Но тут же возражаю сам себе: глупости, по сравнению с нашим гетто, рабство — это всего лишь детские шалости колонизаторов. Какие тут могут быть сравнения, если нас, четыре с половиной тысячи человек, заперли в клетку, ограниченную территорией из нескольких кварталов, отделенную от всего живого мира густой колючей проволокой, морят голодом, бьют без всяких причин и разбора, расстреливают ни в чем неповинных людей. Детей и женщин угнали, неизвестно куда. Живы ли они вообще? Какие мы были наивные глупцы! Могли ли мы себе представить, что можно убить без всякой вины в один день десятки тысяч женщин, детей, стариков?!

«Да, — думаю я, стоя в толпе, — мы можем позавидовать рабам. По сравнению с нами, они были просто счастливцами».

Но вот приезжают немцы, быстро набирают нужное им количество «рабов» и увозят. Куда и что делать — это не важно, да и спрашивать нельзя. Увидишь на месте. Тут выбирать нечего.

Иной раз думаешь: может, вовсе не пойти на работу, забраться куда-нибудь на чердак или в погреб и отсидеться денек-другой. Но этого делать нельзя: поймают — крышка, расстреляют на месте. Таких случаев было немало.

Поначалу мне не везло: все попадались такие работы, что целыми днями приходилось торчать на улице, а зима 1941—1942 года выдалась на редкость суровая. Ни теплой одежды, ни рукавиц ни у кого не было, а о валенках и мечтать нечего, их бы немцы все равно немедленно отобрали. Вот и терпи, ухитрайся, как можешь!

Наш сосед по комнате, Аксенцов, предложил пойти к нему в команду, которая работает в Межапарке. Работа не тяжелая, за городом, отсюда километров восемь. Туда и обратно отвозят на машине. Это уже большой плюс, раз не надо в мороз ходить далеко пешком, и я соглашаюсь. Кроме того, может быть, и удасться хоть издали посмотреть на наш дом, увидеть кого-либо из знакомых.

На следующее утро я вместе с сыном Мишей примкнул к команде «Межапарк» — название, данное немцами по месту работы.

Нас привезли на железнодорожную ветку какой-то воинской части. Работа оказалась несложной: надо перешивать рельсы с широкой русской колеи на европейскую, более узкую. Мы больше копаемся, «тянем резину», нежели работаем.

Но начальство нас не забывает и время от времени подгоняет. А время, как назло, тянется медленно. Присесть, отдохнуть, согреться нельзя. Но вот, наконец, команда: «Сдать инструменты, едем домой!» Собираемся у машины. Кто помоложе и здоровей, быстро вскакивает в кузов, а пожилые, совершенно утомленные, едва взбираются.

— *Los! Los!* (Быстрее! Быстрее!), — громко командует немецкий солдат. Ему тоже надоело целый день ходить без дела. Надо же как-то развлечься. И он развлекается. Поторапливает и «подбадривает» менее расторопных резиновой плеткой, попадает и мне: я тоже не столь проворен и ловок.

— Ну, вот вам, ребята, немцы и заплатили за усердную работу. Старайтесь и дальше, — с иронией замечает один из наших товарищей.

На такую «зарплату» немцы, впрочем, никогда не скупились, и где бы я ни работал, картина в целом была примерно одна и та же.

Мы возвращаемся домой — в гетто. Хорошо еще, что имеем кое-какие запасы продуктов из «большого гетто». Я начинаю растапливать плиту, чтобы приготовить что-нибудь на ужин. Пока похлебка варится, Миша, продрогший, озябший (ему всего же 13 лет!), заваливается на кровать — отдохнуть на минутку, но тут же засыпает мертвецким сном.

Примерно через час у меня готов ужин, но сына не добудиться. Я тормошу его, снимаю куртку, ботинки, много раз повторяю:

— Миша, проснись, ужин готов, поешь! — не помогает. Наконец, намучившись, я брызгаю ему в лицо немного холодной воды, и он приходит в чувство, полусонный поглощает похлебку и заваливается опять спать.

На следующее утро снова идем на сборный пункт, чтобы пристроиться к какой-нибудь другой команде. Видим, что тот же немец опять собирает группу для поездки в Межапарк. Благо еще темно, мы с Мишей отходим в сторону и примыкаем к другой группе под названием «Кабель». Название безобидное, может быть, там будет полегче. Повели нас на набережную Двины. Дует сильный пронизывающий ветер, мороз градусов двадцать, нам вдвоем нужно вырыть большую яму для прокладки кабеля. Дали нам по кирке и лопате, и начали мы долбить промерзшую землю. Она не поддается. Я сбрасываю пальто, снимаю шапку, хотя с Двины дует ледяной ветер. Миша не хочет отставать от меня и тоже «жарит» всю. Эта работа, конечно, не для его молодых силенок — я стараюсь за двоих. Прилагаю все усилия, чтобы добраться до мягкого грунта и поскорее укрыться от

сильной стужи. Ну вот, наконец, и добрался. Сел немного отдышаться. Однако тут, как назло, немец-охранник основательно огрел меня нагайкой.

— Ах ты, ленивый пес! — закричал он на меня во всю глотку.

«Сам виноват, — думаю я, — хочешь отдохнуть, так сперва посмотри хорошенько по сторонам, а уж потом устраивайся в свое удовольствие. Поделом тебе. За науку надо платить...»

Так проходит день за днем. С раннего утра уходишь на «рынок рабов», работаешь целый день, как вол, почти всегда получаешь нагайкой, в лучшем случае отделяешься несколькими пинками. Места работы разные, но делаешь обычно одно и то же: погрузка-разгрузка, рытье, очистка, а плата за труд все та же — плетка. В порту мы разгружаем пароходы, на железной дороге работаем по очистке путей от снежных заносов, разгрузке вагонов или же на перестройке путей. Удивительно, откуда только берутся силы так тяжело работать и не заболеть — в стужу и при столь скудном питании.

Вставать в шесть утра тяжело. Ты еще не отошел от вчерашнего дня, не собрался с силами, а уже нужно снова спешить к воротам. Хочется полежать хотя бы еще несколько минут, но нельзя. Миша постоянно твердит по утрам:

— Папа! Не пойдем сегодня на работу. Я так устал. Давай останемся дома. Я хочу хоть денек отдохнуть.

У меня сердце обливается кровью при этих его словах. Я понимаю: ему несравненно тяжелее, чем мне, но в то же время я знаю, что нельзя поддаваться минутной слабости. Я должен быть злым, бессердечным отцом, у меня еще свеж в памяти «кровавый вторник» — тот день, когда после отправки групп на работу эсэсовцы нагрянули в гетто с облавой и стали выволакивать людей из комнат, сараев, чердаков и других убежищ, сгоняя их к автобусам. В гетто никто из них больше не вернулся. В той акции погибли и наш сосед по комнате Аксенцов, 13-летний Саша Гуревич, товарищ моего Миши, и многие другие — всего человек сто. Поэтому я говорил сыну:

— Мой мальчик, оставаться нельзя, никакого отдыха — прочь из гетто! Когда ты выходишь с командой за ворота, то можешь быть уверен, что до вечера проживешь — этот день уже твой, а в гетто за твою жизнь никто не поручится.

Вечером, возвращаясь с работы, уже при приближении к воротам, тебя невольно охватывает волнение, думаешь: что могло произойти за этот день в гетто? Не было ли очередной акции? Не расстрелял ли кого-нибудь комендант? Не посадили ли кого в тюрьму — это тоже преддверие казни. Но, видя

обычное движение людей за оградой, немного успокаиваешься и идешь за решетку. День прошел удачно.

Моя покойная мать, бывало, не раз говорила: «С горем надо переспать только первую ночь. Утром горе уже не беда. Привыкаешь и становится легче». И действительно, и мороз уже не так суров, и не так устаешь, даже еще хватает сил тащить на плечах полено или охапку дров, которые находишь на железной дороге или на стройке. Тащишь его километров пять-шесть, но пронести не всегда удается. Часто у входа в гетто его реквизирует «своя» еврейская служба порядка — так называемая «орднунгсдинст» на нужды нашего лагеря: для бани, больницы, прачечной. Но, скорее всего, они присвоят мое полено себе. Вот и напрасно тащился с бревном такую даль, злишься, ругаешься — ведь специально выбирал полено покрупнее, тащил через весь город, а тут отдавай его своей полиции. Но потом, подумав и поостыв, успокаиваешься — ну а им откуда взять дров? В гетто уже сожгли все, что было возможно, — заборов давно нет, все дома стали проходными дворами, сожгли даже наружные деревянные ступени и перила внутренних лестниц. Хорошо еще, что подобные реквизиции не часты, скажем, раз в семь-десять дней. Вот и стараешься в ближайшие дни восполнить потерю. Выходит, что и наше своеобразное общество в гетто тоже не может обойтись без налогов. Налог, очевидно, — неизбежная необходимость любого общественного уклада, даже такого странного, как наше гетто.

III. Новости в гетто

Кажется, нам повезло. Я пристроился, наконец, на постоянную работу. Не надо больше каждое утро искать место, куда бы податься, и ждать, что принесет следующий день. Я поступил в команду «Квартирамт». Работа хорошая — не на улице. Обслуживаем немецких солдат, приезжающих на побывку с фронта, иначе говоря, работаем в солдатской гостинице «Унтеркунфт». Солдаты приезжают сюда группами и в одиночку, поживут несколько дней и уезжают. На их место сразу появляются новые. Мы с Мишей обязаны убирать помещения, набивать стружками матрацы, переставлять кровати, пилить дрова, драить полы и т. п. К тому же, работа эта и «доходная». После отъезда солдат во время уборки находишь то кусок хлеба, то остатки мыла, то недокурные папиросы. Иной раз удается кое-что добыть из солдатской кухни. Но что бы ты ни наудил, для гетто это большое богатство.

Все указания по работе мы получаем от нашего старшего, или «оберюде», Розенштейна, а немецкое начальство мы и в глаза не видим — с ним имеет дело он один. Розенштейн — парень неплохой, толковый, не придирается. Словом, нам с Мишей повезло.

На работу и обратно в гетто мы идем большой колонной, человек 80—100, которую собирают по пути из различных рабочих групп. Шагая по дороге домой, узнаешь все важные новости. Вот утренние: вчера не вернулся с работы Илья Райк, его арестовали и отправили в гестапо. Оказывается, знакомая арийка передала ему пару котлет, за что ее избили, а его забрали — разумеется, потом расстреляют. А вот другая новость: теперь наше гетто будет называться «рабочим лагерем». Говорят, будто сам комендант Краузе заявил Вандту, нашему начальнику «юденполицай», еврею из Австрии, что с этого времени без причины никого больше расстреливать не будут. Убивать теперь будут только за преступления. Получил, например, котлеты, вот тебе и пуля в лоб. В какой-то квартире ночью не было как следует зашторено окно — забрали всех жителей этой квартиры, и никто из них не вернулся.

Как-то раз комендант Краузе проходил по гетто, и двое его обитателей не так вежливо поклонились ему, как, по его мнению, это полагалось. Краузе рассвирепел и исполосовал обоих плеткой, но по «причине». В другой раз какой-то чешский еврей резко ответил коменданту, и его тут же повесили, но по «закону» — за дерзость.

Краузе чудовищно жесток, он садист от природы. У него кошачьи повадки — сперва поиграет с жертвой, попавшейся ему в когти, поиздевается, обнадежит, а потом собственноручно расстреляет.

Во время расстрела еврейской службы безопасности гетто в 1942 году одному парню, Дамскому, чудом удалось сбежать с площади, и он скрывался в подвале одного из домов в гетто, где находился тайник с оружием. Его школьный товарищ Виля Кан снабжал его едой и всем необходимым, одновременно пытаясь найти для друга убежище где-нибудь на «арийской» стороне. Все-таки через несколько дней Краузе каким-то образом обо всем пронюхал, нагрянул с облавой и настиг обоих. Беглец был немедленно расстрелян, а Вилю Кана Краузе привел в комендатуру гетто и посадил в бункер для дознания. Как позже стало известно, Вилю Кана допрашивал сам комендант

— Ты спрятал Дамского?

— Да.

— А ты знал, чем это карается?

— Да, знал.

— Так почему же ты это сделал?

— Мы были друзьями юности и состояли в одной студенческой организации. Мы распевали песни о дружбе и взаимной выручке, мы клялись помогать друг другу, даже рискуя собственной жизнью. Вот сейчас я и выполнил эту клятву и не сожалею.

— Да, это хорошо. Это хорошая и красивая традиция. Но у меня есть закон. Я должен поступить иначе. И ты, вероятно, уже догадываешься, как именно...

Через три дня Краузе повел его по улице Лудзас в сторону кладбища. Высоко подняв голову, Виля Кан громко запел еврейский национальный гимн «Хатикву»¹.

Назад Краузе возвращался один. Он был в гетто одновременно и законодателем, и судьей, и палачом...

Возвращаясь с работы в гетто, узнаешь новости о событиях в других лагерях и в «большом гетто». В первую очередь интересуешься положением на фронтах. Наши ребята, радисты-электрики, стараются, чтобы радиоприемники у немцев постоянно нуждались в ремонте. Это дает им возможность во время починки улучшить момент и поймать Москву или Лондон. На худой конец приходится довольствоваться сообщениями из немецких газет и их официальных радиосводок, делая, конечно, корректировку на геббельсовское вранье. Новости быстро распространяются по колонне, от одной группы к другой. Тут же находятся комментаторы по оценке военных действий, и у нас крепнет надежда, что, может быть, удастся выжить. И не так уж пугают угрозы Гитлера, вроде той, что напечатано в одной немецкой газете: «Чем бы война ни кончилась, но после нее в Европе не останется ни одного еврея».

Мы прекрасно понимаем, что мы, все до одного, приговорены к смерти, но удастся ли нацистам исполнить свой приговор? Над большинством, вероятно, да...

Наша колонна движется всегда по одному и тому же маршруту. Когда мы шагаем по улице Маскавас или Гоголя, то встречаем сочувственные взгляды жителей — здесь живут преимущественно русские пролетарии. Они нам ничем, конечно, помочь не могут, но чувствуешь их сострадание и ободряющий взгляд, и на душе становится светлее.

¹ «Хатиква» (также «Гатиква», «Атиква» — ивр. «Надежда») — песня, ставшая в конце XIX века гимном сионистского движения, а впоследствии — Государства Израиль.

Другая картина предстает, когда пересекаешь Старый город — Вецригу по улице Вальню или центр по улице Бривибас. Видишь надменные взгляды латышей верхнего сословия — латвеев «нового порядка» при немцах. Иногда их юнцы отпускают нам вслед глупые шутки, вроде таких:

— Вот они идут, героин Сталина! Смотрите на победителей!

Одна расфранченная мадам как-то ухитрилась даже подскочить к нашей колонне и ткнуть кого-то зонтиком. Какими мерзкими должны быть люди, чтобы так низко пасть — надругаться над смертниками! Мы идем своей дорогой, не обращая на них никакого внимания. К сожалению, их много.

В гетто я встретил доктора Гуревича из Двинска¹, моего земляка. Мы были знакомы с ним давно — он много лет проработал там терапевтом. Отвечая на мой недоуменный вопрос, как он очутился в Риге, доктор Гуревич рассказал, что в Двинске попал в группу, которую вели на расстрел. Но один из конвоиров, латыш, коренной двинчанин, узнал своего врача и решил его спасти в благодарность за то, что в свое время Гуревич вылечил его отца от опасной болезни. Охранник-зеленоповязочник для вида придрался к шагавшему в колонне Гуревичу и набросился на него с криком:

— Как ты ходишь, жид!? Я тебе сейчас покажу, как надо ходить! Живо научись! Подойди сюда!

Когда Гуревич поотстал на несколько шагов от группы, охранник сказал ему, куда их ведут и помог незаметно скрыться в ближайшей подворотне. Удивительный случай! У палача хоть на миг проснулся какой-то признак человечности, хотя, возможно, этот местный доброволец хладнокровно расстреливал других.

Рассказал мне Гуревич о смерти нашего общего знакомого, двинского врача Хачиянца. Доктор Хачиянц, армянин, по нацистским законам не подлежал преследованию по расовому признаку, но его жена Рафальсон, тоже врач, была еврейка. Когда полиция пришла к Хачиянцу, чтобы забрать на расстрел его жену, он решительно заявил шущманам-зеленоповязочникам: «Я не отдам ее вам!»

Когда бандиты стали силой выталкивать его жену на улицу, он закричал:

— Если берете ее, возьмите и меня, я ее одну не оставлю!

¹ Двинск — историческое название Даугавпилса.

Фашисты расстреляли доктора Хачиянца в Погулянке¹ вместе с его женой и другими двинскими евреями. Очень жаль доктора! Он был на редкость благородным человеком.

А вот моему родному брату Грише, врачу-окулисту, не повезло с женой.

В 20-х годах он проходил в Германии практику по глазным болезням и привез оттуда молоденькую миловидную блондинку-немку. В 1925 году они поженились и мирно проживали в Двинске. Однако, когда в начале 30-х годов к власти пришел Гитлер, из Германии потянуло нацистской антисемитской пропагандой и его немочка сразу же этим заразилась. Она, правда, не высказывала откровенно своих симпатий нацистам, но это чувствовалось во всем — и по разговорам, и по ее рассуждениям, знакомствам и дружбе с явными антисемитами.

— Вашего брата Григория забрали в первые же дни после прихода немцев, — ответил мне доктор Гуревич на вопрос о моих родных, оставшихся в Двинске.

— А Елена (так звали жену брата), она что, не пыталась его защитить или спрятать? — допытывался я.

— Что вы, нисколько. Она с немцами была заодно. Впоследствии, уже после войны, соседка моего брата, русская женщина, старожилка Двинска, рассказала:

— Ваша паршивая немка сама пошла в полицию дознаваться, почему не забирают доктора, ее мужа. Его, конечно, сразу же забрали и расстреляли. А она при немцах все время была в Двинске, работала у них и бежала с ними в Германию. Живет, окаянная, там, наверное, и по сей день, — добавила соседка.

IV. Немецкие евреи

Нет, очевидно, в природе существа, лучше приспособляющегося, чем человек! Постепенно и мы как-то приспособились к нашему уродливому существованию, подтянулись, гоним прочь от себя тяжелые мысли и уныние. Надо жить. Мы стараемся возвращаться с работы в гетто не с пустыми руками, хитряемся заполучить пару ломтей хлеба или кусок маргарина, иногда даже наскрести немного консервов, основательно почистив оставшиеся после солдат консервные банки. Все добытое, естественно, кладем в котелок.

¹ Погулянка — историческое название Междиемса, дачного поселка в окрестностях Даугавпилса, где была расстреляна основная часть узников Даугавпилсского гетто.

Милый котелок! Сколько раз он нас выручал! В нем и суп подогреешь, и кофе нальешь — это и кастрюлька, и чашка, и тарелка! Болтается он безобидно сбоку, будто пустой, и редко кто из немцев подумает в него заглянуть. Ты вне подозрений и чувствуешь себя богачом. Голод отодвигается и шагать легче — надеешься, что выживешь. Главное, не попасть под пулю, но от этого никто не застрахован, в том числе и сами наши хозяева-немцы. У них уже кончились фронтовые триумфы блицкрига, наступает тяжелое похмелье — на Восточном фронте перемалываются лучшие немецкие дивизии.

Так, размышляя, подходим к гетто. Проходим мимо забора нашего бывшего «большого гетто», сейчас его называют «немецким» — туда привезли евреев из Германии и Австрии. Больно смотреть на изможденных женщин, голодных детей-сирот. Они стоят, опустив головы, не просят подаяния, но сам взгляд выражает одно: «Дайте кусочек хлеба...» Выбрав момент, когда часовые не видят, наши ребята бросают им через забор хлеб или еще что-нибудь из продуктов, одежды, а иногда даже состязаются, кто больше перебросит. Своим женам и детям они уже ничем помочь не могут, так пусть хоть этим детям облегчатся страдания. Но не всегда это сходит благополучно. Вот за забор летит несколько пакетов с хлебом.

— Хальт! — выкрикивает словно из-под земли появившийся Тухель, заместитель коменданта Краузе.

— Кто бросил? Выходи из колонны!

Мы втроем выходим. Команду отпускают, и она входит в ворота гетто.

Нас ведут в комендатуру и обыскивают. Ничего, кроме пары кусков хлеба, не находят. Не дай Бог, попасться с деньгами, папиросами или другими продуктами — это верная смерть.

— Что ты бросил за ограду лагеря? — строго спрашивает меня Тухель.

— Хлеб, один ломоть хлеба, — стараюсь скрыть свое волнение, отвечаю я.

— Где ты взял его?

— Это были куски хлеба, объедки, оставленные солдатами в «Квартирамте», где я работаю, — объясняю ему.

— Что же, у тебя самого хлеба вдоволь? — Молчу. Пауза. Он снова кричит:

— Я спрашиваю тебя, зачем ты бросал хлеб?

— Там голодные дети, я бросил всего один ломоть хлеба.

— Ну и пусть жрут снег! — резюмирует Тухель, встает, закатывает каждому из нас по затрещине, а затем выталкивает на улицу. Дешево отделались, повезло!

Может ли быть еще хуже, чем нам? Выходит — да, это относится к немецким евреям. Нам невыразимо скверно, но им, должно быть, во много раз тяжелей! Нас немцы мучают, но мы это переносим и воспринимаем как должное. Они наши враги. На то война. Все предельно ясно. Другое дело — немецкие евреи, пригнанные сюда на уничтожение и смерть. Они родились и выросли в Германии, учились, любили, трудились — Германия для них родина — «фатерлянд», они считали себя больше немцами, чем евреями.

Когда их сюда отправляли, не гнали, а именно отправляли — с комфортом, в пассажирских вагонах, они были убеждены, что едут на Восток помогать фронту — рыть окопы, быть в трудовом резерве. Они считали, что совершают большое патриотическое дело для Германии.

— А то, что в Германии притесняют евреев, — рассуждали они, — так это только нацисты. Гитлер пришел, Гитлер уйдет, а «фатерлянд» наш — его надо защищать. Мне все это подробно рассказал один немецкий еврей (я ему как-то оказал в гетто услугу, и мы подружились).

Сборы и проводы проходили у них торжественно, как у самих немцев. Ехали они с семьями, с собой везли большие чемоданы, на каждом отдельный ярлык-этикетка, все аккуратно, по-немецки, не дай Бог, потом перепутать. Провожали их знакомые, соседи, желали добра, удачи, скорейшего возвращения, обещали сохранить оставленную недвижимость и все ценности.

Теперь нетрудно себе представить их разочарование, горечь и отчаяние. Но даже и сейчас во всем происходящем они обвиняют скорее не нацистов, а нас, упрямых восточных, литовско-польских евреев, заскоружлых националистов-фанатиков. Они такие же рабы, как и мы, и, казалось бы, должны чувствовать себя нашими товарищами по несчастью, но, тем не менее, они скорее немцы, чем евреи, и считают нас чужими.

Кроме того, в гетто нам с ними запрещено общаться. На работу нас выводят отдельными командами, живем мы огороженные друг от друга колючим забором.

В отличие от нас фронтовые успехи Красной Армии немецких евреев вовсе не радуют, а массивные бомбардировки германских городов англо-американской авиацией их искренне огорчают: могут погибнуть их друзья, знакомые, могут быть разрушены их родные города, улицы, дома, уничтожено оставленное добро. Эти онемеченные евреи мечтают лишь об одном — чтобы скорее кончилась эта ужасная война и они смогли бы вернуться, наконец, в свой «фатерлянд». Мы же мечтаем как раз о противоположном — чтобы от их «фатерлян-

да» не осталось камня на камне. Что же тогда нас объединяет? Только горькая общая судьба. Но, оказывается, для общности этого мало. Однако помочь людям в беде надо, и мы, проходя мимо, продолжаем перебрасывать через забор что-нибудь съестное для детей, женщин, делясь с ними нашей небогатой дневной добычей.

Но не всегда мы возвращаемся с работы «домой», в свой лагерь-гетто. Иногда остаемся в «юденциммер»¹ на ночь — здесь спокойно и не приходится встречаться с полицией у ворот лагеря. Невесело стоять в колонне, когда ее обходит Тухель или какой-либо иной полицейский, внимательно осматривая пытливым взглядом каждого и указывая то на одного, то на другого, приказывает: «Выходи!» Чувствуешь себя точно мышшь в мышеловке.

Небольшой кусок хлеба, одна-две папиросы, которые у тебя находят, — небольшой грех. Где взял? Убирал, мол, комнату после ухода солдат, там и нашел. Или чистил солдату обувь, он и дал мне папиросы за хорошую работу. Это еще может сойти с рук. Если же удалось достать кусок колбасы, то обсыпь его золой, или, еще лучше, немного плесенью — мол, кто-то выбросил, а ты подобрал. Ну, в крайнем случае отделаешься плеткой. Но, не дай Бог, у тебя окажется пачка папирос, целая буханка хлеба или что-либо другое — не из мусорного ящика, тогда дело плохо — рискуешь головой.

Молодежь есть молодежь, и она всегда безрассудна — ухитряются протасить в гетто все, что попадает под руку. Они входят в азарт, норовят побольше добыть еды и побольше внести в гетто. И рискуют. У них своя философия: мол, риск невелик. Ведь ежедневно, утверждал один парень, все рассчитав «по-научному», через ворота лагеря проходят 4000 человек, и это примерно в течение двух-трех часов. Скольких парней могут прощупать два-три полицейских? Ну, скажем, 40—50. Ведь это всего один процент, так что в конечном итоге риск невелик. Поэтому тащи все, что можешь! И тащат. Кому повезет, а кто и попадется.

Вот мы идем в колонне. Я в ряду стариков. Впереди меня шагает Миша и как будто мирно беседует с соседом. Рядом со мной идет сапожник Фишель, человек философского склада ума и острый на язык, лицом очень похожий на долговязого казака Сыча с картины Репина «Письмо казаков турецкому султану»².

1 Букв.: «комната для евреев».

2 Имеется в виду картина знаменитого русского художника Ильи Репина «Запорожцы», также известна под названием «Запорожцы

— Сегодня, — рассказывает Фишель, — один немецкий унтер-офицер принес мне починить свои грязные порванные сапоги. Я положил крепкую заплату, почистил до блеска и подал ему их. Надел он сапоги, остался очень доволен, выбирает пачку папирос и говорит:

— Ну, ты молодец, хорошо работаешь! Вот скоро войну мы выиграем, опять будет у нас хорошая жизнь. И ты будешь свободен. Не так ли? Скажи! — Я молчу. — Почему ты не отвечаешь? — спрашивает он. Мы уже на Кавказе, к нам уже нефть идет, мы уже у самой Волги. Скоро возьмем Ленинград, потом Москву! Ты что не веришь, что мы войну выиграем? Отвечай! Не бойся.

Посмотрел я на его форму. Вижу, он из вермахта, армеец, не из СС. И решил ответить, что думаю.

— Нет, — говорю я, — войну вы не выиграете. Вы можете идти еще дальше — это не имеет никакого значения. Посчитайте: если вы посадите в каждую русскую деревню только двух своих солдат, то у вас больше ни на что войск не останется. Наполеон тоже на этом погорел. Нельзя объять необъятное — это старая истина.

Он задумался, ничего не ответил, но я почувствовал, что мои слова его крепко задели.

Так, беседуя, мы подходим к гетто. Останавливаемся. Полицейский обходит ряды и указывает на одного, другого, а также на Мишу, и говорит: «Выходите!» — и отпускает колонну.

Не страшно, думаю я, у Миши же ничего нет. Войдя за ворота гетто, я останавливаюсь и ожидаю его. Вдруг Грундман, который шел с Мишей рядом, подходит ко мне и с тревогой говорит:

— Папаша! Молись нашему Богу, чтобы он спас Мишу!

— В чем дело? — спрашиваю его.

— У него револьвер. Я ему дал пронести, думал, мальчишку не будут осматривать...

Я остолбенел — потемнело в глазах, представил, как сына будут истязать в комендатуре. Но жду... Чего — сам не знаю. Прошли две-три минуты, и вдруг вижу — все трое парней, веселые, выходят из здания «юденполицай». Я еще долго приходил в себя, а Миша доволен, очень горд собой — охранники не заметили пистолета.

В гетто было пронесено немало оружия, но эффективно воспользоваться им практически не удалось. После нескольких попыток сопротивления и перестрелок отдельных групп с нем-

цами (погибли всего шесть полицейев) нацисты немедленно обрушили на гетто жестокие карательные акции. Погибли сотни прекрасных ребят, в том числе вся еврейская полиция. Был убит и Грундман.

Потом мы много спорили в защиту и против целесообразности вооруженной борьбы в Рижском гетто в условиях нашей разрозненности, отсутствия связи, поддержки извне со стороны местного населения. Никто из борцов, понятно, не мог рассчитывать на какой-то военный успех, выступая против немецких оккупационных войск. Это была лишь жажда мщения, шаг отчаяния обреченных, которые предпочитали погибнуть с оружием в руках. С другой стороны, это вооруженное сопротивление послужило нацистам поводом для полной ликвидации Рижского гетто.

V. Фабрика «Нитра»

Как-то раз я стоял у ворот гетто в ожидании, пока соберется наша группа и придет сопровождающий — немец из города. Смотрю, организуется новая группа на фабрику «Нитра» (ныне это лакокрасочный завод¹) — шофер, представитель фабрики, набирает команду.

Это неплохо, смекаю я. Производство — именно то, что мне ближе всего. После окончания университета я стал заводским человеком. К черту солдатские окрики и стук кованых сапог! Хватит заботиться об их удобствах, убирать мусор и быть лакеем. И мы присоединились к этой группе. Шофер быстро набрал десять человек, и нас повезли.

Приятно снова очутиться на фабричной территории. Чем-то родным повеяло от обычных фабричных корпусов. Даже как-то веселее стало, словно повидался с давним другом. Мне кажется, я еле удержался в тот миг, чтобы не подойти и не погладить камни здания. На территории тихо, спокойно, нет суеты, гама, окриков охранников. Стою перед главным корпусом и вспоминаю, как, бывало, до войны на обойной фабрике своими руками готовил краски, и перед глазами встают механические барабаны, шаровые мельницы, мешалки, сита и пр., — чертовски приятная картина! Те будни были бы теперь для меня незабываемым праздником. Мы стоим перед входом в контору, размышляем и ждем, чтобы вышел кто-нибудь из началь-

пишут письмо турецкому султану» (1880—1891 годы).

1. Находится в рижском Задвинье, недалеко от железнодорожной станции Засулаукс.

ства. К нам выходит айзсарг в морской форме и спрашивает по-латышски:

— Кто у вас старший?

Минута тишины, затем товарищи подталкивают меня и шепчут:

— Пейрос, выходи!

Я выхожу и говорю:

— Я старший.

— Теперь слушайте и хорошо запомните! — продолжает айзсарг (позже мы узнали, что это был управляющий по кадрам, некий Иванов). — За каждого из вас мы платим управлению лагеря по две марки в день — ровно столько же, сколько мы платим остальным нашим рабочим, и, следовательно, работать вы должны не хуже их. Предупреждаю — от своего рабочего места без нужды не отходить, лишних разговоров не вести. Кто будет заниматься болтовней, агитацией, саботажем — попадет прямо отсюда в гестапо. Поняли?

— Да, — отвечаю за всех. — Нам все ясно.

— Если кому-либо из вас что-нибудь понадобится, то имейте в виду — самим в контору не ходить, передавать только через вашего старшего.

Ну, думаю, попали мы в волчье логово, хрен редьки не слаще...

Такие угрозы нам, конечно, приходилось выслушивать не раз и раньше, но их произносили немецкие военные, эсэсовцы, здесь же работали гражданские лица, в основном латыши и русские. Однако раздумывать некогда. Записав мою фамилию и распределив наших людей к нескольким рабочим, айзсарг ушел, и мы приступили к работе.

Наши ребята, молодые и сообразительные, сразу освоились со своими новыми обязанностями. Работа несложная. Я, например, в тачке подаю мешки с содой в лифт. Нагружаю тачку четырьмя мешками и направляю на третий этаж. Там Миша сгружает мешки и отправляет пустой лифт обратно. И так все время одно и то же.

Минут за 10 до обеденного перерыва рабочий, которому я помогаю, сообщил мне, что я должен явиться к директору фабрики господину Алексееву. «Наверное, уже стряслась беда, — испугался я. — Возможно, кто-то из наших парней не угодил Иванову, и уже заваривается каша». Я спрашиваю одного-другого, не натворил ли чего-нибудь кто-то из наших. Никто ничего не знает, не было никаких инцидентов, все как будто было нормально. С тяжелым сердцем иду в контору.

Директор по-русски любезно отвечает на мое приветствие, и я немного успокаиваюсь.

— Предложил бы вам сесть, но опасаясь, что могут войти посторонние, неудобно, — огорошил меня директор первой фразой. Я давно уже отвык от подобного обращения.

— Спасибо, не беспокойтесь, я понимаю, — отвечаю.

— Чем вы занимались до войны? — спрашивает директор.

— Я инженер-химик, до войны работал на обойной фабрике, готовил краски, аналогичные тем, что производит ваша «Нитра».

— Мне просто повезло, — обрадовался Алексеев, — получил задаром химика. Я хочу сказать, что для меня вы такие же работники, как и все остальные, и я не намерен вас ставить в худшее положение, чем других. У нас имеется своя столовая, рабочие там получают бесплатно одно горячее блюдо. Я запросил, чтобы мне отпустили дополнительные продукты на вашу долю, но мне отказали, заявив, что вы в лагере получаете какой-то паек. Однако я дал указание нашей хозяйке, чтобы она выделила для вас из общего количества 10 порций, поэтому вы должны приходиться в столовую не со всеми в 12 часов, а на 15 минут позже, когда никого из рабочих там уже не будет, — она вам эти порции выдаст, будто остатки. А после работы можете пользоваться горячим душем...

Не в силах поверить сказанному, я поблагодарил директора и на крыльях понесся к своим ребятам. Они с нетерпением ждали меня. Уже наступил обеденный перерыв, и ребята начали беспокоиться. Находясь под тяжелым впечатлением от разговора с айзсаргом Ивановым, они подумывали завтра же перейти куда-нибудь в другое место. Мои новости их, понятно, приободрили и рассеяли тревогу. (Впоследствии рабочие нам объяснили, что айзсарг Иванов следит за порядком, т. е. контролирует фабрику и вершит самосуд на правах представителя фашистских профсоюзов, и его все побаиваются, в том числе и сам директор.)

Мы выждали 15 минут и пошли в столовую, но, к нашему удивлению, почти все рабочие, человек 50—60, сидели на своих местах. Только хозяйка нас усадила, смотрим, рабочие встают, направляются к нам и кладут на стол взятые из дома завтраки, бутерброды — одни молча, другие со словами:

— Ешьте, товарищи, не бойтесь, мы свои, с вами заодно!

После побоев, издевательств, окриков «собака», «свинья», «паршивый жид» услышать человеческие, добрые слова было для нас столь неожиданным, что невольно выступили слезы.

Прошло четверть века. Я многое видел с тех пор и многое стерлось из памяти, но этот светлый день встречи с настоящи-

ми людьми на фабрике «Нитра» я не забуду никогда. И сейчас я иногда встречаю этих славных старичков, ныне пенсионеров — Бигелиса, Рябышко, Фрейманиса, с удовольствием пожимаю им руки, и светло становится на душе. Есть на свете хорошие люди! Не может быть иначе!

В течение всего периода работы на фабрике «Нитра» у нас, естественно, установились дружеские отношения с рабочими — там мы забывали наше унижительное положение рабов из гетто («унтерменшен» — «недочеловеков»).

Директор Алексеев всячески старался облегчить наше положение. Он выделил нам три кубометра дров и по моей просьбе пытался нашу группу казеннировать (перевести на казарменное положение при фабрике), чтобы нас не отводили в гетто. Но в этом ему отказали, так как, по мнению эсэсовцев, на фабрике не было достаточных условий для нашей охраны. Славный он был человек, директор Алексеев, но через полгода его не стало — я узнал об этом из газеты, прочитав сообщение о его неожиданной смерти.

VI. Клейсты

День 16 февраля 1943 года я прекрасно запомнил — меня не выпустили из гетто на работу и объявили, что нас с сыном казеннируют в другой лагерь, в Клейсты¹, при учреждении с громким названием «Научный институт медицинской зоологии». Жаль было расставаться с товарищами из гетто и с фабрики «Нитра», но, с другой стороны, радовала возможность выбраться из гетто, которое неминуемо должно было погибнуть. Это все предчувствовали. Еще задолго до этого рабочие с «Нитры» меня предупреждали, что по городу ходят слухи о предстоящей ликвидации нашего гетто. Постоянное хождение заключенных по улицам несовместимо, мол, со столичным городом, и местные латышские пронацистские круги будто бы уже ставили перед немцами этот вопрос. А что будет с теми, кого не казеннируют, об этом было нетрудно догадаться. Мы уже поумнели — это был не 1941 год.

Весь день прошел в ожидании. Наконец, часов в девять вечера меня с Мишей вызвали в «арбайтсайнзац» — бюро труда гетто, где нас ожидали двое немецких солдат.

— *Nimmt diese Scheiße herunter!* (Снимите это дерьмо!), — сказали они, указывая на наши желтые звезды. Я стою в не-

1 Клейсты — исторический район в левобережной части Риги, примыкающий к бывшему имению Клейстенгоф.

решительности, не зная, что делать. Если еврею попасться без этих звезд, можно поплатиться жизнью. Заметив мое замешательство, один из солдат, не говоря ни слова, вынул нож и срезал наши шестиконечные нашивки с груди и спины, и мы направились к трамвайной остановке.

В трамвае мы встали на задней площадке так, чтобы наши конвоиры закрыли нас от глаз любопытных. Теперь я понимаю, почему им мешали наши звезды: евреям запрещено ездить на трамвае, и стражникам пришлось бы с нами шагать через весь город.

Мы доехали до кольца. Дальше пошли пешком. Куда — не имеем никакого понятия. Начались заборы, затем появились пустыри и, наконец, лес. Так мы шли около часа. Но вот впереди вырастает большой дом — это и есть Научный институт медицинской зоологии, место нашего назначения.

Там я встретил трех парней из гетто. Двоих из них — Перси Гурвича и Давида Долгицера, я знал хорошо. Третьего — Рувима Михельсона, увидел впервые. Ребята показались мне бодрыми, и настроение мое улучшилось — видимо, здесь не так уж и страшно. Вскоре вышел немец, сопровождавший нас, и приказал:

— Оставьте ваши вещи и идите к шефу!

Нас ввели в кабинет, где за столом сидели двое немцев в военной форме, на рукавах красные опояски с черной фашистской свастикой на белом фоне. Один посередине — главный, рядом с ним, очевидно, помощник.

Выяснив анкетные данные, спросили о моем образовании и роде занятий до войны. Узнав, что я инженер-химик, шеф оживился и предложил:

— У нас есть лаборатория, ты сможешь там работать, будешь смотреть в микроскоп, наблюдать за насекомыми и делать зарисовки.

«Нет, — думаю я, — не для вас я учился, не стоит мне для вас стараться, да еще целыми днями торчать у вас на виду». Лихорадочно ищу повод для отказа:

— Я плохо рисую и никогда не работал с микроскопом.

— Но ты же инженер и, наверное, делал чертежи, — парирует шеф.

— Да, но чертил я специальным чертежным прибором, а рисовать я совсем не умею.

— Так чего же ты хочешь? — уже сердито спрашивает он. — Уж не хочешь ли ты колоть дрова или чистить снег на улице?

— Да, да, — отвечаю я, — это как раз для меня.

— Хорошо, пусть будет так! С завтрашнего дня будешь пить дрова. Можешь идти, тебе все объяснят, — уже не глядя на меня, быстро закончил разговор начальник.

Я вышел и услышал за собой громкий раскатистый смех:

— Ну и комичный же этот еврей, отказался от чистой хошой работы!

Мишу они тоже определили, как и меня, чернорабочим — он должен был убирать помещения и топить печи.

Наутро я взял лопату и вышел во двор. Стоял прекрасный зимний день. Вокруг, насколько можно охватить взглядом, лежал ослепительный белый снег. Я невольно зажмурился от яркого света. Невдалеке чернеет лес. Как легко дышится, удивительно чистый лесной воздух, простор! Зачем идет эта безумная война? Почему люди убивают друг друга? *Homo sapiens* — разумный человек! Ничего подобного, люди — глупые твари: при такой красоте так нелепо жить на этой земле, уничтожать друг друга!

Я обошел особняк. Это был большой красивый двухэтажный дом — типичная курляндская помещичья усадьба прошлого века. С одной стороны усадьбы тянулась липовая аллея, с другой — пристроенная к дому большая стеклянная терраса, спускающаяся в сад. Таким я всегда представлял себе настоящее «дворянское гнездо», здесь, видно, когда-то жил важный барон.

Приступаю к своей новой работе дворника. Для начала я расчистил дорогу от снега, проложил лопатой проход и начисто замел ее метлой. Как хорошо, что я отвязался от лаборатории, здесь куда лучше, чем коптеть для их науки, думаю я. Вскоре пришел Давид Долгицер, и мы спустились с ним в подвал пилить дрова. Печей здесь много — восемь на каждом этаже, вдобавок постоянно топится плита на кухне. Все это поглощает уйму дров, поэтому работы хватает. Когда запас дров иссякает, нас отправляют за ними в лес. Ну, а что может быть приятней, чем поездка в лес в погожий зимний день!

VII. Вши

Прошло немного времени. Присмотрелся я и к лаборатории: она небольшая, несколько дезинфекционных камер, «зоопарк» из нескольких клеток для белых мышей, морских свинок и специальный питомник для паразитов — вшей, клопов и пр. Вдоль стен установлены термостаты, в колбах заспиртована разная живность, развешено много картин, на которых изобра-

жены насекомые в гигантском увеличении. Нетрудно догадаться, что основное направление деятельности института — это разведение и исследование разносчиков инфекций. Эта лаборатория, очевидно, считалась центральным объектом института, так как именно сюда часто заходили высокие чины из вермахта и СС. Заведовал всем институтом профессор Берлинского университета, некий доктор Штайнингер, тот самый главный, который распределял нас на работу.

Здесь, в лаборатории, у Перси Гурвича были самые разнообразные обязанности: он кормил животных, чистил клетки, топил печи, мыл полы и, кроме того, часами рассматривал под микроскопом всяких тварей и делал зарисовки.

Особое внимание в институте уделялось вшам. По видимому, это был центральный объект их научных исследований. Вшей содержали в специальных термостатах, где поддерживалась строго определенная температура. Эта обязанность тоже лежала на Перси — вши должны быть сыты, ухожены, чтобы хорошо размножаться. Меня впоследствии тоже обязали кормить вшей. Поэтому на них я должен остановиться подробнее.

Процесс кормления вшей имеет странную аналогию с кормлением грудного ребенка. Разница состоит лишь в том, что грудной младенец питается молоком матери, а вши насыщаются человеческой кровью. И мы, рабы из гетто, служили для них ежедневными донорами. Именно для этого, как я вскоре понял, нас и привезли сюда из гетто. Подсобные же работы по хозяйству, как выяснилось, были делом второстепенным.

Два раза в сутки, ровно в 9 утра и в 8 вечера, сперва один, а потом, когда вшей стало очень много, мы вдвоем или втроем обязаны были являться в лабораторию и кормить вшей. Для этого к нашей руке при помощи ремешка прикрепляли специальные пластмассовые коробочки размером 5 сантиметров, изогнутые по форме руки. Сверху коробочки имели отверстие диаметром в 2 сантиметра, куда из термостатов засыпали вшей для кормления; у основания, у тела, они были открытые. Почувствовав тепло человеческого тела, вши быстро разбегаются по руке, присасываются к коже и начинают питаться.

К началу нашего прибытия в институт вшей еще было относительно мало, и достаточно было одной-двух коробочек, в каждой из которых помещалось по 250—300 штук. Но по мере того, как питомник разрастался, количество коробочек увеличивалось, и часто мы надевали во время кормления по 10—12 коробок. Общее же число вшей в питомнике во время наиболее

интенсивной деятельности института, перед отступлением немцев из Риги, исчислялось многими тысячами.

Итак, после 20-минутного кормления, в соответствии с инструкцией, коробочки можно было снимать, но наш зоолог Абхаген в этом деле был очень строг и часто сам наблюдал, добросовестно ли мы их питаем. Поэтому по прошествии положенных 20 минут, если вши еще не были достаточно сыты, т. е. еще не порозовели, он предупреждал:

— Вши еще голодные! Продолжайте кормить! — Если же зоолог куда-либо отлучался по делам своей «фирмы», то по возвращении он непременно, как бы поздно это ни было, заходил в лабораторию и проверял своих питомцев. И, понятно, его опытный глаз без труда замечал сыты они или нет.

Для него, как и для всего остального немецкого персонала института, они не были отвратительными паразитами. С гораздо большей брезгливостью немцы относились к евреям как к неполноценным существам. А вшей зоолог мог долго и любовно разглядывать и называл их не иначе как ласкательно — «ляйзхен» (вошечки).

Кормлению вшей немцы придавали особое значение, и в эти часы в лабораторию на инспекцию часто заходили многочисленное высокое военное начальство и ученые. Поэтому саботировать это дело было бы равносильно игре со смертью.

Наконец, после того как было установлено, что вши достаточно покраснели, лениво двигаются и, следовательно, сыты, коробочки можно снимать. Далее пинцетом вшей встряхивают, перебрасывают на чистую бумагу, а оттуда пересыпают в стеклянные чашки, дно которых выстлано шерстинками для комфорта их «величеств», чтобы они не скользили по стеклу. И в заключение вшей из этих чашек снова помещают в термостаты. Перси отвечал за то, чтобы температура в термостате была строго постоянной, ни в коем случае не менялась. Разница в 2—3 градуса могла погубить весь выводок. А это, в свою очередь, могло печально кончиться и для нас.

После кормления вшей руки воспаляются до волдырей и долго зудят. Быстро побежишь к топящейся печке, кухонной плите, прислонишься или обдашь пораженное место горячей водой — насколько можешь выдержать. Чем жарче, тем лучше, меньше потом зудит и быстрее проходит. Человек ко всему привыкает, так и мы постепенно привыкли к кормлению вшей. Они кишмя кишат, кусают, сосут, а ты с любопытством наблюдаешь, как они снуют, бегают, суетятся, пока каждая, наконец, не найдет свое место, чтобы присосаться и успокоиться — «господа» вши завтракают...

Мы уже так к ним присмотрелись, что могли по внешнему виду безошибочно определить их возраст. Маленьких, однодвухдневков, едва можно было заметить — они телесного цвета, почти прозрачны, но очень подвижны, так и норовят проскользнуть под коробочку и разбежаться по руке за рубашку. Наблюдаешь за беготней «малышей», снимаешь одну-другую и кладешь назад, в общую массу, — пусть растут. Молодость хороша во всех проявлениях!

Зато противны старые вши. Живут вши примерно дней 35—36. И вот, приближаясь к этому своему закатному, старческому возрасту, они сильно кусаются, щиплются, особенно самки, и если в коробочку попадет много «старух», то знай — кусают как следует, надолго запомнишь.

Если поблизости немцев нет, то смотришь с опаской на дверь и начинаешь понемногу убивать «старух». Ну, подавишь, скажем штук 50—60 — так ведь это капля в море — всего их на тебе не меньше, чем тысячи три-четыре, а то и больше.

Несмотря на то, что мы тщательно следили, чтобы во время кормления вши не расползались, все же некоторое количество их проникало в одежду. Ложась спать, мы ежедневно осматриваем ее и штук 20—30 вылавливаем. Этих, конечно, приканчиваем — они вне учета.

Для чего нацисты завели этот питомник? — задавали мы себе вопрос. Немцы всячески маскировали его назначение и цели, держа деятельность института в полной тайне. Мы знали лишь, что у них в Германии, в Гамбурге, есть еще один подобный питомник, но, видимо, значительно больших масштабов.

Санитар, немец Лоссе, как-то раз объяснил, что при нашем рижском институте медицинской зоологии существуют специальные курсы для изучения методов борьбы со вшивостью в армии.

— Вот для этих целей, — многозначительно резюмировал он, — вши нам и нужны.

Так ли это? Едва ли.

Судя по вниманию, которое немцы уделяли институту, по большой переписке, которую они вели (почтальон ежедневно приносил и уносил большую кипу писем), частым отправкам больших партий насекомых самолетами в Гамбург, можно было сделать вывод, что перед ними стояли куда более важные задачи, чем помощь в борьбе со вшивостью. По-видимому, центральный институт в Гамбурге занимался вопросами ведения бактериологической войны, а наш питомник служил лишь поставщиком насекомых-паразитов — распространителей массового заражения. Это, понятно, были только наши догадки.

* * *

Зимой, примерно в середине января 1944 года, меня как-то вызывает к себе шеф Штайнингер и говорит:

— Пейрос! Мы решили засыпать тебе под рубашку шесть сотен вшей. Рубашку будешь носить десять дней, пока вши не отложат яички. Затем твою рубашку мы вынесем на мороз на трое суток, а ты тем временем вымоешься в бане и через три дня снова наденешь ее. Посмотрим, вылупятся ли вши, убивает ли мороз их яички и при какой температуре. Понял? Только ни в коем случае вшей не дави! Наш санитар будет каждый день проверять твою рубашку. Имей в виду, это очень важный для нас эксперимент!

Я не стал возражать, это было бы бессмысленно. Однако от этого предложения мне как-то стало не по себе. Если попадутся больные вши, то можно подцепить тиф или еще какую-нибудь заразу.

Начался эксперимент, засыпали мне вшей. Все тело стало зудеть, ходишь и все время почесываешься. Днем, за работой, еще было как-то терпимо, но ночью — это был сплошной кошмар. Кусали меня вши неимоверно, заснуть было совершенно невозможно. В конце концов я не вытерпел, снял с себя рубашку, повесил подальше и, наконец, уснул.

Утром просыпаюсь, осматриваю рубашку. Беда! Вшей почти нет! Видимо, почувствовав холод, они разбежались. Что делать? Пошел я к Перси.

— Выручай, — говорю, — досыпь мне 200—300 вшей, не то сегодня-завтра проверят и раскроется моя афера.

В общем десять дней я промучился, пару раз досыпал вшей для покрытия «дефицита» и, наконец, к положенному сроку сдал свою рубашку санитару. Поглядел санитар, покачал головой, остался очень доволен — яичек там была тьма. Я как следует вымылся, продезинфицировал комнату и с облегчением пошел пилить дрова.

Через три дня мне снова вручили рубашку для носки. Теперь меня проверяли ежедневно и очень тщательно — нет ли вшей. Но их, конечно, не было. Перед проверкой я сам предельно тщательно себя проверял и, если находил, что одна-другая вылупилась, немедленно с ними расправлялся — я, разумеется, не хотел подвергаться повторному опыту, если этот будет признан неточным. Да и пусть они думают, что совершили большое научное открытие и продолжают вшивать дальше.

Результатами опыта немцы, однако, остались вполне довольны, так как случайно он приблизительно соответствовал их теоретическим прогнозам.

VIII. Птицеферма

Ранней весной 1943 года немцы начали строить при институте большую птицеферму. Как мы позже узнали, она предназначалась для проведения специальных биологических опытов — получения из свежих белков сырья для вакцин. Кроме того, она должна была служить хозяйственным подспорьем для обеспечения немецкой администрации дополнительными продуктами питания — яйцами и куриным мясом.

Строили птицеферму в основном русские военнопленные. Хотя нам было строжайше приказано не подходить к ним даже на отдаленное расстояние, все же мы ухитрились иногда перебросить изможденным военнопленным немного хлеба, картофеля, даже случалось поговорить минуточку-другую, благо мы работали по соседству на посадке картофеля. Примерно в середине июня строительство было закончено, и пленных в институт больше не приводили.

Меня как-то вызвал к себе шеф Штайнингер и приказал:

— Пейрос, с завтрашнего дня ты будешь работать на птицеферме. Твоя задача: чистить курятники, кормить кур и следить за общим порядком. Но запомни! На ферму никого не пускать! И не только евреев, но также и латышей, и даже немцев! Если будешь уходить на другие работы, ферму обязательно запирай. Жить ты будешь теперь не в «юденциммер», а там же на ферме, в специальной комнате для сторожа. Сын может быть с тобой, но к курам он подходить не должен. Яйца каждый вечер будешь сдавать на кухню или в контору. Ты все понял?

— Да, мне все понятно.

— А теперь иди и немедленно приступай к работе.

На следующий день на ферму были завезено штук 300 кур и примерно 500 цыплят, а также питание для них — специальная мука с примесью извести, отруби, зерно и пр.

Я принял кур и цыплят, распределил их по четырем отделениям, разместил и разложил запасы для кормления и ухода — словом, устроился на ферме и начал втягиваться в новую работу.

Сперва все было хорошо — и начальство было довольно, и наши ребята подкармливались, получая от меня тайком по 1—2 яйца в день. Но оттого ли, что я был неопытным птицеводом, или просто потому, что относился к этой работе на немцев, как и ко всем предыдущим, спустя рукава, лишь бы не сорваться, цыплята вскоре начали у меня дохнуть — на первых порах по две-три штуки ежедневно, а потом и больше.

Поначалу с наступлением темноты я тайком закапывал дохлых цыплят и продолжал докладывать, что на ферме все в порядке. Однако вскоре мне стало ясно, что если так будет продолжаться и впредь, то скоро цыплят совсем не останется и дело может кончиться большим скандалом и плохо для меня и Миши.

После долгих размышлений, посоветовавшись с нашими ребятами, я решил доложить начальству о море в курятнике. Я постарался принять как можно более опечаленный вид и набравшись духу, пошел в контору. Меня встретил зоолог Абхаген. Я тут же выложил ему свою беду.

— Господин зоолог! Разрешите доложить о птицеферме! — Он кивнул головой в знак согласия.

— Вот уже несколько дней я замечаю, что некоторые цыплята стали у меня вялыми и малоподвижными, шейки у них втянулись, да и по внешнему виду они явно отличаются от остальных здоровых. Как только я это увидел, я их сразу же изолировал от здоровых цыплят. Но вот сегодня утром обнаружил, что трое подошли. Я их вынес из фермы и хочу теперь закопать. Что делать дальше — не знаю.

Заклученные из Рижского гетто в Клейстах. Слева направо: Семен Пейрос, Михаил Пейрос, Руди Михельсон, Давид Долгицер, Перси Гурвич. Фотография сделана немецким охранником. 1943 г.

Вижу, мое сообщение он воспринимает спокойно. У меня немного отлегло от сердца. Я очень боялся, что он набросится на меня с обвинениями в саботаже.

— Пойдем на ферму, покажи, как они у тебя там выглядят, — ответил он, и мы вышли из конторы.

Осмотрел он цыплят, сравнил больных со здоровыми, оглядел дохлых, дал кое-какие указания и вышел. В тот же день мне прислали опытного птицевода, местного латыша, который после внимательного осмотра курятника и цыплят объяснил немцам, что цыплята болеют кокцидиозом — широко распространенной в этих местах птичьей болезнью. Болезнь в основном поражает цыплят и чаще всего возникает из-за скученного их содержания. Но в общем-то это дело естественное, и ничего серьезного.

Я вздохнул с облегчением — все кончилось пока благополучно. После этого случая я стал себя чувствовать на ферме намного уверенней, хотя в течение всех последующих месяцев мое «птичье стадо» безнадежно таяло: то одна курица чем-то заболит и отдаст Богу душу, то другую загрызет соседская собака, или вдруг какая-нибудь моя хохлатка загуляет с чужим петухом и переберется на чужой двор. Словом, штук 100 от первоначального стада я наверняка недосчитывал. Но, слава Богу, немцы не знали советских слов «инвентаризация» и «учет»...

Однако, хотя птицеферма всех нас немало выручала, но впоследствии из-за нее я едва не попал в гестапо. Дело было так.

Непосредственным начальником нашей пятерки евреев поначалу был унтер-офицер Кникель, санитар, он же и заведующий всем хозяйством. Мелкий делец, явный мошенник и прощелыга в прошлом, он и на военной службе продолжал спекулировать, разбазаривая направо и налево хозяйское добро немцев, а на вырученные деньги постоянно устраивал кутежи с окрестными пьянчугами.

Когда при институте строили птицеферму, он не сомневался в том, что станет ее управляющим и неплохо на этом нагреет руки. Когда же оказалось, что шеф отдал эту «золотую жилу» какому-то «юде», он меня из-за этого люто возненавидел, но ничего не мог поделать, ибо по делам фермы я подчинился непосредственно Штайнингеру.

Но что могло быть страшней для еврея в то время, чем иметь своим злым врагом немецкого унтер-офицера — начальника над моими товарищами из гетто и над моим сыном. Для мести представился случай, и события не замедлили развернуться.

В одно из воскресений, по обыкновению пьянствуя со своими собутыльниками, Кникель каким-то образом дознался, что я купил у соседа продукты. Следовательно, у меня были деньги, а за это еврей подлежал смертной казни.

Еле дождавшись утра, не протрезвившись еще как следует, он тотчас настроил шефу рапорт, что Пейрос не сдал в гетто деньги и ценности. И, предвкушая удовольствие от предстоящей расправы со мной, не удержался, чтобы хвастливо не поделиться своей радостью с Давидом Долгицером:

— Ваш Пейрос глуп, как осел! — изрыгал ругательства Кникель. — Он должен был все золото и ценности отдать мне, а я бы для вас всех доставал продукты. Было бы хорошо и вам, и мне. А теперь пусть идет, старый дурак, в гестапо, пусть его застрелят или повесят в гетто на виду у всех ваших евреев, будет красивое зрелище!

Прибрав к нам, Давид немедленно сообщил мне эту печальную весть. Стали мы думать, что делать. Бежать — так всем вместе. Если удрать одному, то расстреляют всех оставшихся, в первую очередь Мишу. А место, где можно скрыться, у нас еще не было подготовлено. В конце концов, после мучительных размышлений, перебрав все возможные варианты, я решил совершенно ничего не предпринимать, а довериться судьбе. Что будет, то будет. Лучше погибнуть мне одному, чем жертвовать остальными.

Я теперь думал только о сыне и обратился к Перси, чтобы он не оставил его одного, если я погибну и, если им будет суждено выжить, был бы ему как родной отец. Мы обнялись и расцеловались со слезами на глазах. Весь понедельник я ходил подавленный, вздрагивал от звука каждой подъезжающей к институту машины, особенно со знаками СС, — не за мной ли? Но пока все было спокойно.

Пообедали мы, как всегда, вместе, но чувство надвигающейся беды не оставляло нас. Все молчали. Чтобы рассеять тягостную атмосферу, я пытался, было, что-то острить, но лучше на душе от этого ни у кого не стало. Вечером, как обычно, я отнес в контору яйца. Присматриваюсь, но ничего необычного не замечаю. «Этот день еще мой, — думаю я, — кажется, пронесло». Но не тут-то было!

Перед тем как запереть нас на ночь, Кникель вдруг со злорадством объявляет:

— Всем в «юденциммер», а Пейрос-отец к 10 часам в контору!

— Ну, — думаю, — уже начинается...

Привел я себя в порядок, аккуратно пришил желтые звезды — в Клейстах мы их не носили, а в гестапо за одно это могли бы расстрелять. Стал я прощаться с Мишей и товарищами, обнялись мы, расцеловались. Что было у меня на душе, нетрудно себе представить.

Ровно в 10 вечера я постучал в контору. В ответ на громкое «герайн» я вошел. За столом сидит Штайнингер, рядом его секретарша Елена Фриче с карандашом и бумагой, больше никого нет. Понимаю — будет допрос.

— Явился по вашему приказанию, — сказал я, стараясь казаться спокойным.

Шеф смотрит в бумагу и, не поднимая головы, негромко произносит:

— Пейрос! Сегодня я получил сообщение, что ты имеешь золото, валюту и ценные бумаги. Я понимаю, что это твое, и меня не интересует. Я хочу только знать, правда ли это?

— У меня действительно были деньги. Но когда в гетто был издан приказ об их сдаче, я их сдал. Теперь у меня никаких денег нет, — ответил я, не думая, конечно, ни в чем признаваться.

— Но у меня имеется документ, утверждающий как раз обратное, — посмотрел на меня Штайнингер.

— О полученном вами от господина Кникеля сообщении и его содержании я знаю. В нем все неправда.

Штайнингер, обычно выдержанный, уравновешенный — за все время моего пребывания в институте я редко слышал, чтобы он громко с кем-либо разговаривал, — тут вдруг он изменился в лице и в гневе, с силой ударив кулаком по столу, возмущенно обратился к секретарше:

— Эти «юден» стали настолько нахальными, что контролируют уже мои документы! — и уже громким угрожающим тоном спросил меня: — Откуда ты это знаешь?

— Сегодня утром господин Кникель сообщил об этом Давиду Долгицеру, а тот мне, — спокойно ответил я, стараясь не терять самообладания.

— Выходит, Кникель докладывает евреям о поступающих ко мне бумагах! — говорит Штайнингер в большом недоумении, снова обращаясь к секретарше. — Как это понимать? Он не должен был так поступать, это же нарушение правил!

Теперь я начинаю понимать, что обвинительные материалы против меня отступают на второй план, а настоящим обвиняемым становится Кникель — за болтовню, как немец, перешедший границы дозволенного в обращении с евреями. И тут я решил использовать этот благоприятный момент и бить Кникеля уже без пощады.

— Разрешите мне, пожалуйста, еще кое-что добавить о Кникеле, — поспешно заговорил я. — Быть может, вам это будет неприятно услышать, но это правда.

— Говори! — сказал шеф, утвердительно кивнув головой.

— Я думаю, что вы знаете о систематических попойках, которые Кникель устраивает по воскресеньям с самыми темными людьми нашего района, — начал я свои объяснения, — и это при его относительно небольшом жаловании... Как, по-вашему, откуда он берет на это деньги? Я вам скажу прямо — он ворует казенное добро. Помните, пропал длинный электрический кабель, вы долго искали его и напрасно? Так вот, Кникель продал его. Или другое. После постройки птицефермы остались доски. Кникель и их продал. Приехал на лошади какой-то крестьянин, и Кникель приказал нам с Давидом помочь погрузить эти доски. Мы предполагали тогда, что он возвращает поставщику лишний материал, а оказалось, что крестьянин отвез доски к себе на хутор. Вы были тогда в Берлине, и Кникель мог никого не опасаться. А теперь позвольте мне напомнить вам историю с петухами. Помните, когда впервые на ферму были привезены куры, вы дали мне указание, чтобы я выдал каждому немцу из персонала института по два петуха, но не более. До сих пор никто у меня этих петухов не брал. Но Кникель в первое же воскресенье после вашего приказа потребовал у меня петуха, и я ему выдал. То же самое было и в следующее воскресенье. Но когда через неделю он попросил третьего, я ему вежливо ответил: «Мне кажется, что вы своих двух петухов уже получили». Он рассердился на меня и зло ответил: «Как ты думаешь, я до двух считать не умею?! Нет, я получил всего лишь одного петуха!» Я не знал, что делать, и из боязни выдал ему третьего петуха.

Я рассказываю и смотрю прямо в глаза шефа. Он молчит, слушает и не перебивает, а я продолжаю выкладывать все новые и новые обвинения против моего преследователя.

— Вы мне дали строгое указание, чтобы никого, даже немцев, не пускать на ферму, а если я ухожу на вспомогательные работы, запирать ферму на ключ. Несколько раз Кникель мне приказывал: «Пейрос, беги скорее в поле, там Долгицер один». Я хватаю ключи и собираюсь запереть дверь, а он кричит: «Беги скорее! Никто твою ферму не украдет!» Я обязан подчиняться, мчусь в поле. И что я вижу потом? Перед уходом был полный ящик яиц, а после моего возвращения их стало заметно меньше. Так повторялось не раз. А вот что произошло только вчера. Кникель зашел на ферму с какими-то двумя латышами. Я был очень удивлен. Ведь все знают, что чужим заходить на ферму

нельзя. А Кникель мне тут же приказывает отнести поскорее на кухню дрова. Что мне делать? *“Befehl ist Befehl”* («Приказ есть приказ»). Я, конечно, подчинился и пошел. Возвращаюсь на ферму — нет ни Кникеля, ни гостей. Смотрю — опять недостает яиц.

Штайнингер молчал. Не знаю, откуда у меня взялось тогда столько смелости и красноречия, но я уже вошел в такой раж, словно мне, униженному и бесправному еврею, вовсе не запрещено говорить плохо о немце, моем непосредственном хозяине.

— Сегодня я раб, — продолжаю я чернить моего врага, — но будь я свободным человеком, такой, как Кникель, не был бы офицером моего правительства. Подумайте только! Хорош офицер — ворует у своего сторожа-раба.

Я хорошо знал слабую струнку немцев старого закала — их восторженные воспоминания о старине, о старых традициях и понятии чести. И я закончил так:

— Я в молодости был в Германии и хорошо помню дворец кайзера в Потсдаме и знаменитую ветряную мельницу¹, наверное, вы ее тоже помните. Я знал старое поколение немцев — это были совсем другие люди. Они любили справедливость по отношению к себе и сами были справедливы к другим, не то, что нынешняя молодежь. Все, что я вам сейчас рассказал, каждое слово — одна правда, можете проверить и сами убедитесь.

Я замолчал. Наступила длинная пауза. Штайнингер глубоко задумался.

— А почему до сегодняшнего дня ты мне ничего об этом не сообщал? — прервал он, наконец, тишину.

— Я собирался к вам уже несколько раз, подходил к конторе, но каждый раз возвращался ни с чем. Я видел, вы человек очень занятой — то курсы, то лаборатория, часто летаете в Берлин, постоянно приезжают к вам на легковых машинах важные люди, — а тут я вдруг приду к вам и начну рассказывать истории о петухах и яйцах! Я был уверен, что вы не станете меня слушать и немедленно прогоните...

¹ Рядом с императорским дворцом в Потсдаме стояла ветхая ветряная мельница как символ «немецкой добропорядочности». Согласно преданию, мельник, владевший этим участком земли, отказался уступить или продать кайзеру свое владение, а тот, якобы, не посмел посягнуть на собственность своего подданного, и эта мельница стала предметом национальной гордости старого поколения немцев, приверженцев законности и чести при кайзеровском режиме (*Прим. автора*).

— А кто может подтвердить мне, что все, о чем ты здесь говорил, правда, а не выдумки?

— Перси, Давид, Михельсон...

— Нет, нет, не евреи, а латыши, — прервал меня шеф. — Знаешь ли ты тех латышей, которые были вчера вместе с Кникелем на птицеферме?

Я назвал одного с соседнего хутора, другой был нездешний, его я не знал.

Штайнингер велел мне выйти в коридор и никуда не отлучаться. Я вышел и стал ждать. Смотрю, появляется секретарша и куда-то поспешно уходит, а через некоторое время возвращается с обоими латышами, которых Кникель накануне водил на ферму. Вид у них был очень встревоженный. Секретарша подняла их с постелей в такой поздний час, они не понимали, в чем дело, зачем их ведут в контору института.

Минут через 10—15 крестьян отпустили, и, проходя мимо меня, один из них, мой знакомый, шепнул:

— *Paliec mierīgs, viss būs labi!* (Будь спокоен, все будет хорошо!)

Я, конечно, приободрился. Вскоре меня снова вызвал к себе шеф и объявил:

— Пейрос, я не знал, что ты такой честный человек. Иди спокойно спать. Завтра приступай к обычной своей работе. А Кникель отсюда будет откомандирован с плохой аттестацией прямо на фронт.

Я обомлел. Не во сне ли все это? Я поспешил к нашим ребятам. Чудо, произошедшее со мной, напомнило старую еврейскую историю о Пуриме¹, завершившуюся счастливым избавлением евреев от рук злодея Амана...

В «юденциммер» я влетел за полночь. Никто не спал. Лежа в постели, ребята переговаривались, гадая, что со мной сейчас происходит, и не сомневались, что меня уже отправили в гестапо и пытаются. Я бросился к ним с радостным известием...

Утром, как обычно, я вышел на работу. Увидев меня, Кникель ничего не сказал, дал кое-какие несущественные указания по работе, но я заметил, что мое присутствие его не-

1 Пурим (др.-евр. *пур* — жребий) — иудейский праздник в честь избавления евреев от козней злого царедворца Амана во времена персидского царя Артаксеркса (др.-евр. *Ахошверош*, V или IV век до н. э.), о чем рассказывается в библейской книге Есфирь (Эсфирь); выпадает на февраль—март. Традиционным угощением в этот праздник служат *гоменташен* (букв. «карманы Амана») — треугольные булочки, начиненные маком.

мало смутило. Часов в 10 утра пришла секретарша и позвала его в контору. Через несколько минут Кникель вышел оттуда красный, как рак, угрюмый и озабоченный. Он остановился в растерянности на какой-то миг и крикнул Давиду.

— Долгицер! Где ты? Бросай работу! Иди паковать мои вещи, я уезжаю!

IX. Побег и скитания

В «юденциммер», небольшой комнате бревенчатого домика возле института, нас обыкновенно запирают на ночь около 10 вечера. Единственное окно нашей обители заделано прочной железной решеткой. В остальных двух комнатах по соседству находятся унтер-офицер Лоссе, наш новый санитар и завхоз, сменивший Кникеля. Это, по сути, маленькая тюрьма. Тем не менее, в нашей «еврейской комнате» мы чувствуем себя довольно свободно: никто за нами не следит и не подслушивает, мы откровенно делимся впечатлениями прошедшего дня, обсуждаем фронтовые новости, но каждый день неизменно возвращаемся к мысли о побеге. О том, что отсюда необходимо бежать, в принципе никто не сомневался. И совершенно очевидно, что бежать надо всем одновременно, а затем разойтись в разные места по одному-два человека. Желательно, чтобы никто не знал убежища остальных, чтобы в случае провала под пытками не раскрыть их.

Самое главное, конечно, запастись «малиной» — надежным местом укрытия. Давид Долгицер, например, еще в конце 1943 года не раз говорил нам, что у него есть такое место в городе и он мог бы бежать туда в любой день, но было бы опасно спешить, так как, находясь в укрытии, рискуешь не только собой, но и жизнью семьи, которая тебя приютила. Поэтому, договорившись об общем плане побега, мы начали поиски надежного убежища, а бежать решили в самый последний момент, непосредственно перед уходом немцев.

Мы договариваемся, что каждый должен установить связи со своими знакомыми и друзьями, живущими в «арийской» черте города и готовить место укрытия. Но, несмотря на то, что в Риге мы жили много лет, а некоторые даже родились и выросли в этом городе и хорошо знали своих земляков, знакомых, друзей, в поисках убежища из нас редко кто преуспел.

— Нет, нет, ради Бога, не приходите, это опасно! — отвечали одни, другие ссылались на тесноту, соседей и еще на что-нибудь.

Еще в гетто я часто слышал, как ребята жаловались, что легче, пожалуй, пробраться в какую-нибудь неоккупированную немцами страну, вроде Испании, Швеции или на юг Франции, чем найти убежище в самой Риге. Много было отчаянных до безумия попыток побега из Рижского гетто, но в большинстве они закончились провалом.

Юрист Борис Каплан со своим товарищем, например, почти добрались до Испании, но их задержали на границе, и впоследствии оба погибли. Известный в Риге адвокат Абраша Евельсон¹ забрался было на пароход, отправляющийся в Швецию, но был обнаружен эсэсовцами еще до выхода судна из рижского порта и был отправлен в гестапо, где его расстреляли. Перси Гурвич неоднократно уговаривал меня также предпринять подобный шаг — бежать в Вентспилс, а оттуда на рыбацкой лодке попытаться добраться до шведского острова Готланд (Висбю), до которого всего несколько часов хода. Я не верил в такие заманчивые на первый взгляд планы, а рассчитывал единственно на помощь соседей, полагаться на которых у меня были достаточно серьезные основания.

Дело в том, что по сравнению с другими евреями, заключенными в таких концлагерях, как Спилве, Кайзервальд, *TWL*, *HKP* и др., мы находились в несравненно более благоприятных условиях, так как имели постоянный контакт со многими местными крестьянами и рабочими, проживающими в окрестностях Клейстов.

Вблизи институтского здания стояли крестьянские домики с нехитрыми хозяйственными постройками. Видимо, в старые времена там жила обслуга барона, а в период нацистской оккупации там проживали трудолюбивые крестьяне — Пурины, Каминские и др., из поколения в поколение обрабатывающие здесь землю и разводящие скот. Их небольшие земельные наделы непосредственно граничили с территорией института, располагавшего большими земельными угодьями, а немцы,

1 В действительности Яков Евельсон (1902—1942) — адвокат. Родился в Прекульне Гробинского уезда Курляндской губернии (ныне Приекуле). В детстве получил традиционное еврейское образование и окончил Ломоносовскую гимназию в Риге. В 1921—1927 годах учился на юридическом факультете Латвийского университета, кандидат права. Работал помощником присяжного адвоката, затем присяжным адвокатом в Риге. Основатель и филистер еврейской студенческой корпорации «Хасмонея». Осенью 1942 года вместе с группой узников гетто предпринял попытку побега в Швецию, но был арестован полицией безопасности и убит.

арендовавшие у них сельскохозяйственный инвентарь, нередко обращались к ним за советом — когда, что и на каком участке целесообразнее всего сеять и сажать.

Поскольку крестьяне, как правило, не знали немецкий язык, а немцы — латышский, то мы, владеющие обоими этими языками, были посредниками между ними, и зачастую немцы отправляли нас к крестьянам без всякого надзора — то за пиллой, то за лошадью, чтобы вспахать поле, то принести купленные семена и пр. В свою очередь, по просьбе крестьян, немцы посылали нас им на подмогу, особенно в горячую пору уборки урожая. Мы охотно уходили на целый день в поле и, понятно, старались не отставать в сельских работах от крестьян. Это был и вопрос чести — опровергнуть в глазах местных жителей утвердившееся мнение, распространяемое геббельсовской пропагандой, что евреи, мол, паразиты, не умеющие и не желающие трудиться.

В дни уборочных работ в поле обычно выходила не только семья, которой принадлежал данный земельный участок, но на подмогу приходили и соседи. Работали дружно, а по окончании трудового дня все собирались на ужин за общим столом и, конечно, появлялась бутылка водки — тут не было ни господ-«арийцев», ни «неполноценных» евреев. Крестьянин-труженик уважает добросовестных работников, нас оценили, и это было самым важным.

Впоследствии мы так сдружились с соседями, что, бывало, когда в воскресенье большинство немцев уезжали в город, мы тайком уходили к Пуриням посидеть часок-другой, послушать советскую или английскую радиосводку, узнать городские новости и т. д. А иногда, случалось, и в будний день зайдет Пуринь к немцам и попросит дать ему кого-нибудь из нас поработать на пару часов, а когда приведет домой, скажет:

— А теперь садись, слушай радио, поболтаем, никакой работы для тебя нет, а назад не спеши, никуда твои немцы не денутся.

Шло время. Наступила весна 1944 года, а с убежищем у нас дело не сдвинулось ни на шаг. Стало тревожно, фронт приближался, мы начали нервничать. Вот я и решил раз открыться старушке Пурине и рассказал ей о наших горестях и переживаниях.

— Бежать бы нам пора, а бежать некуда. Прямо беда.

— Да, — сочувственно ответила она, — с этим делом тянуть нельзя, понимаю. Ладно, — говорит, — одного вашего Михельсона я куда-нибудь да засуну. А других не смогу, — как бы оправдываясь, сказала она, — но если вы спрячетесь где-нибудь поблизости, то с едой я вам помогу. Ночью у нас на

дворе вы всегда найдете кусок хлеба, молоко или что-нибудь еще...

Меня очень обрадовали ее слова, я даже не ожидал, что она согласится нам помочь. В общем-то я знал ее плохо, мне разговаривать довелось с ней всего-то несколько раз, и я был приятно удивлен ее добротой и смелостью. Итак, по крайней мере, двое из пяти уже обеспечены укрытием.

Шло время, вот уже конец июня, фронт приближается, а мы трое — я с сыном и Перси — все еще не знаем, куда бежать и где спрятаться. мрачный и удрученный хожу я по двору возле птичника, все думаю об одном и том же. Прямо злость берет. Мир велик, а скрыться негде. Бежать отсюда нетрудно, куда легче, чем из гетто, но на первом же перекрестке тебя схватят, первая же попавшаяся баба тебя выследит и донесет — таких случаев было немало.

Что бы я ни делал, гнетущая мысль ни на минуту не оставляла меня. Но вот неожиданно в одно из воскресений, когда большинство немцев были в отъезде, подзывает меня старушка Пуринь и говорит:

— Я нашла для вас хорошее место — у лесника Купче. Лес он знает, как свой дом, и найдет вам такую дыру, что ни один черт не пронюхает.

— А что он за человек? Можно ли на него положиться? — спрашиваю я.

— Да, человек он хороший, я его давно знаю, не подведет. Завтра я с ним еще раз переговорю, а вы ровно в 7 вечера зайдите ко мне, он будет ждать.

Всю ночь я не спал, не мог дожидаться утра. День тянулся как никогда долго. Наконец, наступил вечер. Предлог для того, чтобы отпроситься к соседям, у меня давно уже был подготовлен: нужно мол отремонтировать тачку. Ровно в 7 часов вечера захожу к Пуриням. Вижу, сидит молодой человек лет 25—30. Это и оказался лесник Купче. Познакомились, разговорились. Он был готов спрятать нас в лесу, где не увидит и не услышит нас ни одна живая душа. Однако сейчас бежать еще было нельзя — стояли белые ночи, надо было пару недель обождать. А перед тем, как мы окончательно назначим дату побега, нужно будет заблаговременно, примерно за два-три дня, сообщить ему, чтобы он успел все подготовить. Конечно, это хорошо, даже блестяще, но почему лесник с такой охотой согласился нам помочь, будто был заинтересован? Это вызывало у меня подозрения. Нет ли тут какого-то подвоха? Что его толкает на такой шаг? Ведь это большой риск и грозит расстрелом.

Вскоре Пуриня рассеяла мои подозрения. Оказывается, с приближением Красной армии к границам Латвии многие латыши, ранее симпатизировавшие немцам и даже сотрудничавшие с ними, решили теперь обзавестись «индульгенциями», чтобы в будущем оправдаться перед советской властью. Ну, а что может быть убедительней, чем содействие побегу заключенных из немецкого концлагеря! Будут живые свидетели, и документ можно составить. Недаром Купче впоследствии просил меня дать ему записку на двух языках — еврейском и русском, — что он, рискуя своей жизнью, спасал евреев.

Побег мы назначили ровно на два часа ночи с 26 на 27 июля. Лесника предупредили заранее, и он обещал приехать на лошади к назначенному времени и остановиться на расстоянии 200 метров от здания института с зажженной папиросой. Это и будет сигналом к побегу. Выбравшись из «юденциммер», мы по плану должны были сесть на подводу и укатить с Купче в лес, чтобы нас не выследили с собаками-ищейками.

Все шло как будто хорошо. Но внезапно произошло событие, едва не спутавшее наши планы. Из лагеря НКР к нам прибежал молодой парнишка Могильников. Что-то сорвалось с его «малиной» — он не смог спрятаться в городе и поэтому решил найти убежище у нас, в Клейстах, помня свой давний разговор с Перси Гурвичем о том, что здесь вполне сносно. Его приход среди бела дня явился для нас полнейшей неожиданностью. Его нужно было срочно спрятать.

Прежде всего, мы велели ему немедленно забраться в скирду сена и дожидаться вечера, а Давид Долгицер снова пошел к Пуриням за помощью.

— Выручайте, — обратился Давид к старушке и рассказал ей о побеге Могильникова.

— Раз он уже здесь, пусть остается, — согласилась Пуриня. — Он будет у меня вместе с Михельсоном, да и вдвоем им будет веселей.

Святая женщина, вечная ей память!

Прибежал Долгицер с этой новостью — слава Богу, удача пока не покидает нас.

Наступил вечер. Руди Михельсон, трудившийся по обыкновению на кухне и разносивший немцам еду, на этот раз, кроме ужина, принес унтер-офицеру Лоссе бутылку водки.

— Откуда ты взял шнапс? — удивился Лоссе.

— Нам подарил сосед за усердную работу.

— А почему вы сами не пьете?

— Ну, какой это для нас праздник. Мы решили подарить ее вам к ужину.

Понятно, Лоссе от шнапса не отказался и позвал к себе в компанию дружка. За первой бутылкой последовала вторая, третья, после чего к полуночи вся компания дружно захрапела. Наступило ровно два часа ночи. Всматриваемся в темень через окошко — вдали на условленном месте мерцает огонек. Это лесничий. Мы бесшумно снимаем предварительно подпиленную решетку, державшуюся уже несколько дней на «честном слове», и осторожно вылезаем через окно. Затем без труда перерезаем колючую проволоку, и вот мы уже на свободе. Целуемся и расходимся.

Давид Долгицер должен был дожидаться в лесу до рассвета, чтобы первым трамваем поехать в свое городское убежище — он блондин, очень похож на латыша. Это и будет его пропуск в городе. Руди Михельсон направился к Пуриням, в так называемую «волчью нору». Для него под хлевом специально подготовлен плавучий плот, покоящийся на коровьих нечистотах. Его там уже ждет Могильников. А нас троих, меня с Мишей и Перси, Купче повез в лес. Он привез нас к какой-то яме, обложенной хворостом, и велел оставаться здесь до следующей ночи, а сам тотчас уехал.

Мы немного успокоились, расположились поудобнее. Прислушиваемся. Стоит теплая ночь. Кругом тишь, лишь доносится откуда-то сверху щебетанье птиц. Голова кружится от приятного хвойного аромата. Первый этап был пройден удачно — дай Бог, чтобы дальше было не хуже.

В лесу мы пробыли два дня, а затем Купче повел нас к себе и разместил в сарае, за перегородкой, за специально устроенной потайной двойной стенкой. Туда, в свою «гостиную», мы проникали через искусно устроенный замаскированный лаз. Теперь целыми днями мы лежим взаперти.

Лесник Купче ежедневно приносит нам в определенные часы еду и свежую газету. Газета местная, нацистская — «Тевия»¹, но мы, прижавшись к щелям, по очереди прочитываем

1 “Tēvija” («Отечество») — нацистская ежедневная газета, издававшаяся на латышском языке на оккупированной гитлеровцами территории Латвии в июле 1941 — апреле 1945 года (сначала в Риге, затем в «Курляндском котле»). Первый ее номер был датирован 1 июля 1941 года (день вступления гитлеровцев в Ригу), но вышел 2 июля. Формальным издателем газеты стал полковник бывшей латвийской армии Эрнест Крейшманис (1890—1965), а фактическим был отдел пропаганды рейхскомиссариата Остланд. Материалы из “Tēvija” широко перепечатавали газеты, издававшиеся в латвийской провинции.

ее от первой строчки до последней. Газета истерично призывает население эвакуироваться в Германию, пугает читателей чудовищной расправой и мстостью красных. Нам, конечно, было ясно, что начинается агония — немцы отступают; кроме того, между строк можно было прочитать и что творится на фронте.

Ночью, внимательно осмотревшись вокруг, мы выходим на 10—15 минут подышать свежим воздухом, не удаляясь, однако, далеко от сарая.

Так прошли две недели. Однажды под вечер мы слышим шум приближающегося мотоцикла и, прижавшись к щелям, видим: к дому лесника подъехал немецкий офицер, что-то говорит хозяину и сразу уезжает обратно.

Вечером, часов в 8—9, пробрался к нам встревоженный Купче и сообщил, что приезжал квартирьер и предупредил о том, что на следующий день сюда придут на стоянку немецкие солдаты. Что делать? Он был в растерянности.

— Ладно, — сказал я ему, — не переживайте. — Как только совсем стемнеет, мы отсюда уйдем.

Посоветовавшись, мы решили отправиться к *Serumstacija* (центр по производству вакцин)¹, а Купче, знающего все здешние лесные лабиринты и тропки, попросили проводить нас туда. *Serumstacija*, или Институт биологии, — нынешний латвийский институт Микробиологии — находился в полукилометре от нашего института научной зоологии. Он тогда состоял из нескольких лабораторных зданий, конюшни, складских помещений и большого жилого дома для сотрудников. При немцах центр *Serumstacija* занимался изготовлением специальных вакцин-сывороток из лошадиной крови, в основном для нужд армии. Этим институтом тогда заведовал доктор Бауман. До войны в советское время это учреждение возглавлял известный латвийский профессор Кирхенштейн.

Поскольку Перси работал в лаборатории, ему часто доводилось приходить сюда то за микроскопом, то за колбами или другими лабораторными принадлежностями, и, таким образом, он познакомился со многими работниками и рассказывал, что народ там неплохой — не выдадут. Вот почему мы решили направиться именно туда, тем более что особенно раздумывать было некогда — земля горела у нас под ногами, надо было немедленно перебазироваться.

1 *Serumstacija* — Серологическая (сывороточная) станция (латыш.) Латвийского университета, в бывшем имении Клейстенгоф (Клейсты) в левобережной части Риги, на базе которой в 1946 году был создан Институт микробиологии Латвийской Академии наук.

И вот в 2 часа ночи мы снова в Клейстах, на небольшом расстоянии от нашего Института научной зоологии. Мы с Мишей залегли в кустах, а Перси пошел в разведку. Лежим, прислушиваемся. Проходит час, другой. Перси все нет. Мы начинаем беспокоиться. Однако вокруг стоит безмятежная тишина. Уже начинает светать. Наконец, приполз возбужденный Перси и прошептал:

— Ребята, ничего не спрашивайте, давайте за мной. Идите только очень тихо, не разговаривайте, потом все поймете.

Мы подкрадываемся к зданию *Serumstacija* и поднимаемся на третий этаж, входим в хорошо обставленную двухкомнатную квартиру. Не слышно ни звука, никого нет. После того, как мы немного осмотрелись в квартире при брезжившем свете раннего утра и расположились, Перси сказал шепотом:

— А теперь слушайте что было, — и начал рассказывать о своих только что пережитых приключениях. — Я постучал в квартиру доктора Баумана. Он сам открыл дверь и очень удивился, увидев меня, но был дружелюбен, предложил зайти, усадил за стол, поставил кофе, и у нас завязалась беседа. Он знал, что наша пятерка сбежала. (Впрочем, об этом уже знали все вокруг в Клейстах.) «Молодцы, дружные ребята! Хорошо, что смылись все разом и следов не оставили», — похвалил он. Когда же я сказал ему, что я не один, что со мной еще двое в кустах, он дал мне ключ от этой квартиры, но предупредил, что мы можем прожить здесь только два дня, не более, а затем должны уйти, так как немецкий офицер, проживающий в этой квартире и находящийся уже более недели в отъезде, на днях должен вернуться. «Кроме того, имейте в виду, что стены в доме тонкие и вас могут слышать из соседней квартиры, — продолжал он, — ходите неслышно, больше лежите, даже воду в уборной спускайте пореже, но народ здесь не вредный, никто вас не выдаст. Опасен только один Широн — ветеринарный фельдшер, он может донести».

Такими были наши дела. В общем, пока все шло хорошо, удача сопутствовала нам. Срок был дан небольшой — два дня, но зато можно спокойно отдохнуть, поразмыслить — мы не где-нибудь в хлеву с коровами, как Руди Михельсон с Могильниковым, а в прекрасной квартире, да еще в немецком научном учреждении! И главное — никто за нас не отвечает и не рискует, никто, кроме нас самих. Но это укрытие только на два дня. Куда бы нам податься потом?

Два дня пролетели, как сон, и начались наши скитания и мытарства: двое суток мы провалялись в соседнем сарае, затем перебрались на чердак дома и спрятались в каком-то водя-

ном баке. Все это было крайне ненадежно — в любой момент могли появиться люди. Невероятно, что в эти дни нам удалось избежать чужих глаз, хотя мы находились буквально под носом у десятков людей.

Спустя несколько дней Перси удалось установить контакт с шофером института Петровским, которого он хорошо знал, и тот согласился помочь нам и быть нашим связным.

Петровский предложил нам убежище в стенах института — на чердаке над лабораторией. Туда никто не заходил, все боялись крыс, которых там было полно. Петровский пояснил:

— Крыс там уйма, но вы их не бойтесь, они сытые и вас не тронут. Только и вы их не трогайте. В начале войны там благополучно скрывался целый месяц русский солдат. Никто его не выдал, он сам ушел.

Мы были согласны на что угодно. Может быть, это и хуже, чем в сарае или водяном баке, но лучше, чем попасть в гестапо...

Мы тотчас перебрались туда, постелили на полу сено и улеглись. Крыс здесь было действительно тьма, они все время шмыгали вдоль настила и стен. Особенно вначале было противно и жутко. Крысы большие, рыжие, жирные, с длинными, словно змеиными, хвостами, непрестанно бегают, суетятся, грызутся. А с наступлением ночи начинается суший дьявольский концерт: пищат, свистят, стаями носятся по чердаку и так беснуются до рассвета.

Первые несколько ночей мы совершенно не могли сомкнуть глаз, но постепенно привыкли и к этому. К чему только не приспособится человек! Лежишь, бывало, спокойно, свет зари пробивается из щелей крыши, а ты с любопытством наблюдаешь за жизнью этих неприятных, но, в сущности, безобидных тварей. А порой просыпаешься от того, что кто-то по тебе скачет или царапает. Отмахнешься, почешешься, прикроешься шинелью плотнее и дремлешь дальше, словно прожужжала или уселась на тебя какая-нибудь назойливая муха.

Этот крысиный заповедник возник из-за овсяного амбара, находившегося под нами. Овес предназначался для кормления подопытных институтских лошадей, служивших источником крови для сыворотки. А поскольку никто с крысами не боролся, они здесь и расплодились в бесчисленном количестве. В этом царстве крыс мы, грязные, завшивевшие, оборванные, провели три недели. Наверняка провалялись бы там и дольше, если бы нас неожиданно не накрыли. Случилось это так.

Еще доктор Бауман предупреждал нас, что в институте *Serumstacija* нам особенно следует опасаться ветеринара Широна. О чем бы тот ни говорил, он ни разу не упустил

случая похвалить Гитлера за то, что фюрер уничтожает евреев, и сожалел, что ему лично не пришлось участвовать в этом деле. Помимо своих непосредственных обязанностей ветеринара, Широн был и завхозом, и электриком, и еще кем-то. И вот однажды, в тот злополучный день, ему для чего-то понадобилось подняться на чердак, где мы скрывались. Он освещал себе путь электрическим фонариком и вдруг заметил Перси. От неожиданности и испуга Широн так опешил, что несколько мгновений стоял как вкопанный, с выпученными глазами, а затем развернулся и, словно ошалелый, стремглав помчался вниз.

Стало ясно, что надвигается беда, но мы были совершенно бессильны что-либо предпринять: случилось это среди бела дня, на дворе толпилось много людей. Что делать? Вскоре к нам поднялся крайне взволнованный Петровский и сказал, что минут 10—15 тому назад в кабинет к доктору Бауману влетел взбодраженный Широн и сообщил, что на чердаке лаборатории он увидел того «высокого черного еврея», который приходил к нам из института зоологии.

— Вы понимаете, доктор, что у нас творится! — захлебываясь от волнения, тараторил фельдшер Широн. — В немецком государственном учреждении скрывается беглый еврей!

Он тут же взял телефонную книгу, начал быстро ее листать и, остановившись на номере гестапо, стал его набирать. Но в этот момент доктор Бауман положил руку на телефонный аппарат и сказал:

— Успокойтесь, господин Широн. Подумайте, как мы с вами будем выглядеть в глазах полиции и как мы с вами выпутаемся из этой истории. Представьте себе на минуту — хорошо, его заберут, арестуют, начнется следствие. А как он сюда попал, кто его поддерживал, кто кормил? И один Бог знает, сколько из-за этого наших людей заберут в гестапо. Попадет и мне, как руководителю учреждения, и вам, как завхозу, потому что этот еврей проник в ваше помещение. Будет скандал на всю Латвию, и сухими нам из этого дела не выйти. Скажите, а вас он видел?

— Да, он смотрел прямо на меня, — все такой же взволнованный ответил Широн.

— Ну, тогда будьте абсолютно спокойны. Завтра, а может быть, даже сегодня его уже не будет. Он сбежит при первой же возможности. Вот завтра поднимитесь снова и проверьте: если он еще там будет, тогда другое дело; звоните в полицию, гестапо, куда угодно...

Когда немного стемнело и на дворе стало безлюдно, мы слезли с чердака, побежали в ближайший лесок и спрятались

в густых зарослях кустарника. Наблюдаем, прислушиваемся — тихо. Перси пошел разведать обстановку. Он решил обратиться к Каминскому: домик у них невзрачный, немцы едва ли позарятся на такое жилище. И действительно, вскоре Перси дал нам сигнал, и мы ввалились к Каминским. Открыл нам дверь сам хозяин и встретил такими добродушными словами.

— Ну, и молодцы же вы! Мы все время опасались, не поймали ли вас, заходите, заходите, не бойтесь.

Умывшись впервые за месяц и немного почистившись, мы уселись за стол и почувствовали себя посвежевшими и бодрыми. Добродушный хозяин нас досыта накормил и рассказал, что произошло после нашего исчезновения.

Оказывается, вскоре после нашего побега институт зоологии поспешно эвакуировался. И теперь в этом здании расположилась небольшая немецкая воинская часть, охранявшая мост. Немцы там новые, никого из окрестных жителей не знают, так что это место стало сравнительно безопасным для нас. Конечно, лучше никому не попадаться на глаза. Каминский велел нам расположиться на сеновале, в хлеву. Лаз он хорошо замаскировал, а на дверь хлева повесил замок.

Мы устроились удобно — мягко, тихо, крысы больше не беснуются. Лишь слышно, как коровы мирно жуют свою жвачку. Словом, рай! После дня тревог и переживаний мы провалились в крепкий сон.

Утром, проснувшись, стали думать, как лучше обосноваться на новом месте, как быть с питанием. Каминские — люди небогатые, у них теперь продуктов, наверняка, в обрез, а тут еще три лишних рта. Надо было так устроить, чтобы наше присутствие не было им в тягость, а наоборот — материальной поддержкой. Так мы поступали, когда прятались у лесничего Купче, так было и с Петровским в институте биологии.

Был у нас здесь, за Двиной, хороший приятель Вердаль, заведующий продуктовым магазином на улице Буллю, который по «липовым» немецким карточкам выдавал нам продукты.

Когда мы были еще на легальном положении и работали в институте, немцы зачастую посылали Мишу в тот магазин за продуктами, которые они получали по специальным талонам-карточкам. Вердаль проникся к нам симпатией и вскоре после нашего прихода в Клейсты без всяких просьб неожиданно стал выдавать нам по два продуктовых пакета — один для немцев, как положено, другой — для нас.

Это был очень добрый человек, убежденный латышский социал-демократ, человек старой, еще доульманисовской закалки. Наша дружба с Вердалем началась сразу после посещения Мишей его магазина.

— Обожди немного, мальчик, не уходи, я скоро освобожусь, — сказал он Мише в один из первых его походов за продуктами по продовольственным карточкам для немцев.

Когда Вердаль отпустил всех покупателей, он сказал Мише:

— Ты не бойся, мальчик, не нервничай, я просто хочу с тобой поговорить. Скажи, пожалуйста, ты не из тех ли в Клейстах, которых немцы привели из гетто для своих опытов?

Видя сочувственное отношение этого человека, Миша ему все рассказал. И с того дня мы стали получать столь ценную для нас продуктовую поддержку. Впоследствии я с трудом добился его согласия брать от нас деньги в уплату за продукты. Как Вердаль отчитывался перед немцами, было известно ему одному.

Мы решили снова обратиться к Вердалю. Я написал ему записку, дал старушке Каминской, чтобы она направилась по указанному адресу в магазин, где получит карточки, а по ним — хлеб, сахар, масло и пр.

Помотрела она на меня скептически, не верит. Должно быть, я показался ей до нелепости странным, если не сказать — полным идиотом: сами мы ходим голодные, босые, оборванные, не можем носа высунуть на улицу, а тут какой-то добрый дядя вдруг выдаст ей по моей записке и карточки, и продукты, и причем все задаром.

— А правда ли это? Не шутите ли вы надо мной? — старушка никак не могла поверить, что такое может быть на самом деле. Но после подробных объяснений Миши и Перси, что они много раз получали так продукты по поддельным карточкам, которые наш друг отлично отоваривает, она в конце концов решила пойти в магазин, откуда вскоре вернулась счастливая, с полной корзиной всяких продуктов.

Наступил октябрь. Фронт подступил к самой Риге. Все дни и ночи напролет раздавалось гудение машин отступающих немецких частей. Удирали также латыши-коллаборанты и многие местные жители, напуганные сообщениями нацистов по радио и в печати о предстоящей кровавой расправе над населением в случае прихода советских войск. А для нас шум отступающих колонн, доносившийся со стороны шоссе, был приятней самой сладкой музыки. Наконец-то дождалось! Стояла осень, а настроение у нас было самое весеннее, полное радостных надежд — вот-вот придет освобождение!

И, наконец, наступило то прекрасное утро — 13 октября 1944. Красная армия вступила в Ригу.

Но у нас, в Клейстах, в те дни было не так-то весело. Лежа на чердачном сеновале, мы слышали нарастающий гул и тараканье военных грузовиков, приближающихся к нашему дому,

Семен и Михаил Пейросы в гостях у своего спасителя Яниса Каминского

затем солдатские немецкие голоса, выкрики команд. Глянули сквозь щели во двор: ужас! Полно немцев — масса офицеров, мужчин, женщин, и все в коричневой эсэсовской форме! Солдаты в спешке затаскивали в помещение института какие-то ящики. До нас долетели обрывки фраз: «Сегодня в 6 утра пала Рига...» Мы еле сдержались от радости, хотелось прыгать, танцевать, петь, веселиться, а тут, совсем рядом, в двух шагах от нас, находилась сама смерть.

Солдаты носились взад-вперед, тянули телефонный кабель. Офицеры орали во все горло, подгоняли солдат, те нервничали, сновали, словно муравьи по муравейнику. По-видимому, здесь временно обосновывался штаб. Мы не спускали с немцев глаз, затаились, лежали не дыша. Вдруг к Каминским вошел какой-то унтер-офицер и приказал хозяину немедленно покинуть дом — он нужен немцам.

Каминский — человек очень скромный, спокойного нрава. Он ни слова не возразил, и солдаты принялись выносить во двор его нехитрые пожитки и устраиваться в доме. Каминский запряг лошадь и начал укладывать свое добро на телегу. Что делать нам? Решение пришло мгновенно: мы тихо слезаем с чердака и незаметно подходим к нашему изгнанному хозяину. Немцы здесь чужие, недавно прибывшие, они никого из

Рядовой Михаил Пейрос.
Конец 40-х гг.

жителей не знали, и мы вместе решили сойти за жителей Клейстов. Изображая местных крестьян, принялись помогать Каминскому упаковывать вещи, вывели из хлева коров, привязали их к телеге и на глазах всей немецкой солдатни, заполнившей двор, благополучно прошли мимо.

Наш обоз направился к лесу и примерно в километре от дома Каминских мы устроили привал. Вскоре к нам присоединились и другие жители Клейстов: одни — тоже изгнанные из домов, другие — из страха перед бомбежками и боязни немецких солдат. Было очевидно, что через день-два немцы уйдут отсюда насовсем.

К вечеру немцы уехали, видимо, боялись окружения, что-

бы не очутиться в «котле». Жители начали возвращаться в свои дома. Крестьяне опасались, что при отступлении немцы будут поджигать дома и хозяйственные постройки. Во избежание гибели скота они решили держать его недалеко в поле. Нашей тройке Каминский предложил охранять и пасти общий скот — и мы будем в сравнительной безопасности, и коровы под надзором. Дали нам теплые тужурки, рукавицы, оделись мы, вооружились кнутами, расположились в поле, скот с нами — словом, нашли себе занятие и новое амплуа — мы теперь пастухи!

Под нашим присмотром были 17 коров и две лошади. Правда, для такого скромного стада трое пастухов многовато, но делать нечего. Зато на свежем воздухе хорошо, а главное, мы чувствовали себя свободно. Никто не обращал на нас никакого внимания. Плохо только, что ночи стояли холодные и некуда было зайти отогреться — сырость пронизывала до костей, хорошо еще, что не было дождя. Целыми днями мы смотрели в сторону Риги. Когда же, наконец, придут наши! Но вот видим: немецкий поезд, идущий в сторону Болдераи, остановился у моста и дальше не идет. Стоял он час, другой, значит, думали мы, мост взорван — это уже для немцев конец, отступление закончилось. А тут появились и пролетели над нами советские

«кукурузники»¹. Мы сорвали шапки и, размахивая ими, приветствовали криками наших летчиков. Наверное, это последняя разведка перед новым броском вперед. Скорей бы! Но радость наша быстро сменилась тревогой. Смотрим, нам машут руками немецкие солдаты, охраняющие мост, которых до этого мы не заметили. Очевидно, мы выдали себя, и они обратили на нас внимание. Быстрыми шагами к нам подошел солдат и закричал:

— Быстро, черт побери, перебирайтесь через мост, сейчас будем взрывать, никакой переправы больше не будет! Ну, скорей! Скорей, черт вас возьми!

Мы погнали скот к мосту. Приблизились к речке. В голове была единственная мысль — как бы отделаться от этих последних немецкий вояк.

У мостика стоял немец с нашивками, в каком-то чине, пристально посмотрел на нас, переводя взор с Перси на меня, на коров, лошадей, снова — на Перси... Ну, подумал я, беда! Только бы не влипнуть в самую последнюю минуту. И тут немец заорал на все горло на Перси:

— Стой! Да ты же еврей! Документы! Чем занимаешься?

Ясно, почему нацист придрался именно к нему: молодой, высокий Перси, лет 25, с характерным еврейским лицом, с большим носом. Я, видимо, был больше похож на латышского пастуха, ну а Миша еще мальчик.

— Я у крестьян работаю, сам из этой деревни, меня все знают... — стал Перси быстро объяснять немцу.

— Хватит! Я сам вижу! Идем в штаб, там разберутся... — и приказал солдатам стоять на мосту и не спускать с нас глаз, а сам взял одного солдата и повел Перси в свой штаб.

Плохо дело. Это уже совсем глупо — погибнуть накануне освобождения. Неужели у нас такая злая судьба?! Но, видимо, так уж было предначертано свыше, чтобы Перси Гурвич остался в живых, окончил после освобождения три факультета, стал ученым, доктором наук, известным педагогом, автором многочисленных трудов на многих языках...

Но именно в эти минуты, когда два нациста под конвоем вели Перси на расправу, Пурия и Каминская шли доить коров и, не найдя скот на обычном месте, почувяли что-то неладное.

Завидев нас издали, они, не раздумывая, пустились почти бегом к мостику, а по дороге встретили арестованного Перси под конвоем солдат.

— Перси, ты куда? — спросила Каминская его по-латышски, чтобы немцы не поняли.

1 «Кукурузник» — одно из названий легких самолетов-бипланов.

— Да вот, ведут в штаб, выручайте, скажите им, что я здешний, ваш рабочий...

Мария Каминская, обычно тихая, как и ее муж Янис, малоразговорчивая женщина, местная прибалтийская немка и, естественно, владеющая немецким языком, поняв, что грозит Перси, моментально преобразилась и во весь голос закричала, обращаясь к главному немцу, тому, кто был с нашивками:

— Ты куда его ведешь?

— В штаб! Это еврей, я же вижу!

— Сам ты еврей! — напустилась на него Каминская. — Он здешний, живет здесь много лет и работает у меня. У него дом сгорел и потому он валяется у кого день, у кого ночь. Поживешь, как он, посмотрим, как ты будешь выглядеть.

— Врешь, старуха! — огрызнулся немец. — Ты знаешь, что тебе грозит за вранье!

— Да, знаю, конечно!

— Тогда идем вместе со мной в штаб.

— Слушай, я сама немка и твоего штаба не боюсь. Вот что я тебе скажу: ты солдат, и у тебя нет другого дела, как только ходить по штабам взад-вперед. А у меня работы много: и коров подоить надо, и в поле поработать, и обед приготовить, и белье постирать, и еще много других дел, о которых у тебя и понятия нет. Некогда мне с тобой возиться. А моего рабочего отпусти, у него тоже всяких дел полно, еле управляется. Вот что я тебе скажу: после того как сменишься, приходи ко мне — я живу вот в том доме — получишь шнапса, сколько влезет, и шпика зажарю, гуляй, можешь и товарища своего с собой привести, к нам и девки приходят. Когда ты сменяешься?

— Через два часа.

— Вот тогда и приходи! А если не хочешь, иди в штаб и получишь вот (она показала ему кукиш) и впридачу тебя еще и отругают, не отрывай, мол, по дурости своей людей от дела.

Солдат, не раздумывая, ответил:

— Ладно, забирай своего рабочего, только смотри, чтобы шнапс был и закуска...

А уже в 5 вечера 14 октября немцы удирали из Клейстов полным ходом. Перед отступлением они подожгли жилой дом и хлев Каминских, а также хлев у Пуриной. Общими усилиями мы отстояли от огня хлев, но дом Каминских был практически разрушен. В дальнейшем им дали в компенсацию квартиру за Двиной.

На следующее утро передовые советские части уже вступили в Клейсты. Мы были счастливы.

Рига 1966—1969 годы

Послесловие

На следующий день после освобождения, 15 октября 1944 года, все евреи из Клейстов уже были в Риге. В городе еще не ходили трамваи, не было электричества, но зато было полно людей, особенно военных. Жизнь начала входить в нормальное русло.

Вскоре в центре города, на улице Гертрудес, 19, на частной квартире была организована инициативная комиссия, которая начала подводить ужасные итоги нацистского пребывания в Риге, регистрировать евреев, переживших оккупацию. Они вылезли из рижских погребов, нор, щелей и ям — 140 чудом спасшихся людей.

По счастливому стечению обстоятельств семья Семена Пейроса полностью уцелела: из эвакуации приехала его жена, а затем домой вернулась дочь, пройдя с Латышской дивизией всю войну.

Жизнь потекла по извечным законам мироздания, обычным ритмом: новые люди рождались, старики умирали. Пришло новое поколение.

Многое изменилось, многое исчезло, но память людей, переживших Катастрофу, хранит историю трагедии еврейского народа. На закате жизни у Семена Пейроса появилось непреодолимое желание поведать страшную правду потомкам. Примерно в это время, в 1966 году, я познакомился с Семеном Ильичем и был под сильным впечатлением рассказа о его спасении из Рижского гетто, полного необыкновенных приключений. Я попросил его последовательно изложить все события, и в течение года с лишним мы часто встречались и интенсивно работали. Для меня особенно важны были все детали, помогающие ответить на оскорбительный вопрос, бесчисленное число раз задававшийся властями тем, кто чудом спасся от фашистов: не как они остались в живых, когда все остальные погибли, а почему?

Может быть, это судьба, выпадающая на долю каждого человека. Но скорее всего, это неведомый нам закон неизбежности, «вечности и незыблемости проходимых нами путей» — как говорят философы. Трудно сказать, почему, но так это произошло. И я изложил все события в этом очерке строго в соответствии с имевшими место абсолютно достоверными фактами.

Через несколько лет после войны умер Руди Михельсон, не стало и добрых хозяев старых Пуриной и Каминских.

Давид Долгицер, безвинно оклеветанный негодьями, после войны немало настрадался в заключении в советских тюрьмах

и лагерях. Он стал очень больным человеком, затем переехал в Израиль, где вскоре скончался.

Миша Пейрос окончил Рижский педагогический институт, защитил кандидатскую диссертацию, стал научным работником и написал несколько книг-учебников. С 1978 года он проживал с семьей в США, был принят на работу профессором Нью-Йоркского университета. Он любезно предоставил мне фотографии, некоторые письма и ответил на многие вопросы, касающиеся его семьи и того времени, когда они были в заключении в Клейстах.

В 2001 году Миша Пейрос неожиданно скончался от инсульта в возрасте 73 лет. Да будет веки мир праху его!

Перси Гурвич стал доктором филологических наук, профессором, заведующим кафедрой педагогического института, сначала в Туле, затем во Владимире. Это на редкость талантливый человек с феноменальной памятью, в совершенстве владеющий 11 языками, он издал много книг. Но в личной жизни он был человек очень сложный, противоречивый, необщительный. Семен Пейрос был единственным человеком из той группы беглецов, с кем он контактировал после войны.

С 60-х годов Перси Гурвич переписывался с бывшим санитаром, унтер-офицером Карлом Лоссе и профессором Штайнингером.

— Как же ты узнал их адреса? — удивился Семен Пейрос, когда Перси Гурвич однажды рассказал ему об этом.

— Ну, что ты, — ответил Перси, — это же было несложно. Адрес Лоссе в Галле — я запомнил на всю жизнь еще в 1943 году, когда заколачивал и надписывал его частые посылки, предназначенные его «милрой фрау в фатерлянде», ну а Штайнингеру я отправил письмо на адрес университета, который узнал из его публикаций.

В первом из ответных писем Карл Лоссе среди прочего пишет:

«А теперь кое-что о нашей совместной жизни в Клейстенхофе. Вы этого обо мне знать не могли. Часто, вспоминая вас, я испытывал страх за вашу жизнь, был обеспокоен, все ли у вас в порядке. Я так рад, что побег ваш удался. Твое профессорство захватывает дух, я уверен, что раз ты вернулся оттуда невредимым, то и в дальнейшем достигнешь больших высот. Разумеется, я тебя сердечно поздравляю...» И далее: «Я переживал всем сердцем и боролся за Давида [Долгицера] с этими бестиями — эсэсовцами из гетто...»

Был еще ранний день, я должен был сделать кое-что в городе. Как всегда, Давиду тоже нужно было побывать с рюк-

заком в гетто. Мы вместе поехали в город. Недалеко от гетто мы разделились. Давид мог войти в гетто один, но не мог выйти из него без сопровождения.

Я завершил свои дела в городе во второй половине дня и должен был вывести Давида из гетто. Я воспользовался задними воротами гетто, в которые входил раньше. Из ворот выехал грузовик, наполненный заключенными. У края сидели два вооруженных палача-эсэсовца. Я предчувствовал самое ужасное и видел, как сотни заключенных, собранные во дворе, ожидали отправки. Мои мысли сконцентрировались тогда только на одном — спасти Давида! Не думая о палачах-эсэсовцах, я подошел к обреченным на смерть, собранным в бараке, и спросил о Давиде. Никто ничего не знал, никто в этот день его не видел. Я подошел к главному палачу — к сожалению, не запомнил его имени. Ты мог бы его вспомнить. Он был очень занят тогда приготовлением нового транспорта смерти. Я предложил ему передать мне Давида, чтобы я сам сделал с ним все необходимое. Я упрашивал этого изверга. Ничего не помогало. Он только пришел в ярость и орал мне в лицо, чтобы я моментально убирался вон, если не хочу, чтобы меня погрузили с ними. С тяжелым сердцем, злой на самого себя за то, что не сопровождал Давида, я вышел из гетто и сел в трамвай. К счастью, я стоял рядом с вагоновожатым. Следующая остановка была главный вход в гетто. И вдруг... я не поверил своим глазам — Давид стоял там со своим рюкзаком. Водитель не мог достаточно быстро затормозить — я выпрыгнул и подбежал к нему. Невозможно передать словами ту радость, которую я почувствовал...

И еще: если ты думаешь, что я не был причастен к вашему побегу, то ты заблуждаешься, мой дорогой Перси. Незадолго до этого я уже знал, что вы хотите «собрать чемоданы». Я увидел случайно в дровяном складе приготовленный вами провиант, который висел на проволоке в печке, принадлежавшей моему

Давид Зильберман беседует с Семеном Пейросом. Рига. Межапарк. 1966 г.

В Румбульском лесу. Слева направо: Семен Пейрос, Давид Зильберман, Перси Гурвич. 1969 г.

предшественнику. Откровенно говоря, это не было надежным укрытием. Но я не хотел, чтобы вы что-то меняли, вы должны были это почувствовать.

Тут наступил кульминационный момент — был “прощальный вечер”. Я никогда его не забуду! Из-за большого количества шнапса, который я вынужден был выпить, чтобы вам ничего не было заметно, мое возбуждение было все же не такое, как у вас. Но если бы я не напился, вы могли бы прийти к абсурдной мысли, что я с вами играю в фальшивую игру. Такая мысль могла бы прийти вам на ум, так как вы имели свое представление обо мне. Итак, я должен был играть роль человека вне подозрений и напиваться, напиваться!

Вы, дорогой Перси, и Давид — “профессиональные беглецы” — устроили мне в ту ночь хорошую “заботу”! Пожилые господа Пейрос и Михельсон и даже “цыпленок” Миша, всегда всего боявшийся, также оказались предметом моей “заботы”. Маленький Миша, я его так жалел! Вы должны были часто его выводить на двор для естественных надобностей. Миша единственный, чье фото у меня имеется. Эта фотография уже мно-

го лет стоит на почетном месте на моем письменном столе. Как часто в тихие часы я близок с вами!

А теперь, дорогой Перси, я вкратце опишу тебе то утро, которое наступило после вашего ночного побега. Я хочу быть с вами честным — кое-что зависело и от моего поведения. Несмотря на “наркоз”, который вы мне подсунули, я был достаточно бдителен и должен был лишь слегка вывести себя из бредового состояния. Я вошел в вашу комнату, и действительность в момент предстала перед моими глазами — опьянения как не бывало. Я сразу же отрезвел. Вы оставили на полу разбитое сырое яйцо. Я сделал шаг к окну и очень обрадовался, что вы додумались уйти через окно, а не через дверь, — это был большой плюс для меня. Так как было еще рано

Софа — жена Михаила Пейроса и Семен Пейрос. 50-е гг.

и все спали, я вел себя тихо, чтобы дать вам еще пару часов. Лишь в 8.00 пришел на кухню тот дьявол, чтобы, как всегда, сожрать лучшие куски. (Я не помню его имени. Ему никогда ничего не нужно было, кроме хорошей жратвы.) И тогда проявился мой настоящий актерский талант. В большом возбуждении, бормоча что-то несвязное, я ворвался на кухню. “Ушли! Ушли!” — повторял я много раз. С серыми окаменевшими лицами они стояли и спрашивали меня: что случилось? “Все, все!” — был мой бессвязный ответ. Тогда они поняли: “Евреи?” — “Да!” — вырвалось у меня, и моя голова поникла.

Евреев сегодня должны были увести под надзором. Потом началось прочесывание гетто. Из-за того, что это произошло так поздно, моя жизнь висела на волоске. Эсэсовский палац был похож на пушку-огнемет. Он с радостью разорвал бы меня своими кровавыми руками. Он кричал на меня, как бешеная собака; я едва мог это выдержать. Я возражал, доказывал, что ничего не мог знать о готовящемся на сегодня уничтожении евреев. Лишь сегодня утром я узнал об этом. Поэтому я не могу нести никакой ответственности, на чем и настаиваю. “Из этого ничего не выйдет! — угрожал он мне. — Ты еще попадешь в тюрьму!” Долго он еще неистовствовал и кричал.

Семен Пейрос и Перси Гурвич в гостях у Вильмы Пурины. Клейсты 1969 г.

Семен Пейрос и Перси Гурвич в бывшем Институте медицинской зоологии в Клейстах. 1969 г.

пени порядочным и был убежден, что именно ему вся группа евреев в Клейстах фактически обязана жизнью, так как накануне эвакуации института Штайнингер предупредил Перси, чтобы евреи не верили никаким басням эсэсовцев, будто бы их намереваются перевести в другие лагеря.

Конечно, Штайнингер в душе не был нацистом, напротив, про себя он возмущался жестокостями гитлеровцев, но из стра-

Вскоре после этого скандала, через три дня, я получил приказ отправиться в рижские казармы, получить оружие и обмундирование и незамедлительно отправиться на фронт. До самой капитуляции в мае 1945 года я участвовал в этой бессмысленной войне, затем попал в советский плен и в ноябре того же года был освобожден.

Моя семья со мной, мой дом остался цел. Что еще нужно маленькому человеку? Итак, мой дорогой Перси, я заканчиваю. Я рассказал, что было после вашего побега и прошу, сообщите, что было с вами после этого. Передай привет остальным...»

В 1973 году Карл Лоссе умер от сердечного приступа. На последнее письмо Перси Гурвича пришел ответ от зятя Лоссе с этим сообщением.

С профессором Штайнингером Перси Гурвич переписывался регулярно по крайней мере до 70-х годов. Перси считал его человеком в высшей сте-

ха вынужден был им подчиняться — типичная судьба ученого при тоталитарном режиме.

До войны Штайнингер был доктором биологических наук, профессором Берлинского университета. С приходом нацистов его назначили экспертом по расовым вопросам, на основании чего после войны комиссией союзников он был причислен к немецким военным преступникам, хотя в своей деятельности в меру своего положения старался помочь притесняемым. Так, в частности, он написал для нацистского расового ведомства в Берлине научный доклад на тему о караимах¹, где утверждал, что караимы ни этнически, ни религиозно не имеют ничего общего с евреями, после чего, начиная с 1942 года, нацисты официально перестали преследовать караимов и многих из них освободили из тюрем и гетто.

В первый же день прибытия Пейросов в Клейсты Штайнингер спросил у Семена, не является ли кто-нибудь из его родителей караимом. Пейрос, не понимая смысла вопроса, ответил чистосердечно, что является чистокровным евреем. По признанию Перси, Штайнингер намеревался дать Пейросу соответствующий документ для СС, на основании которого он мог бы быть освобожден.

Еще до этого, сразу после вступления в силу нацистского циркуляра о караимах, Штайнингер подготовил документы для одного своего приятеля-немца, жена которого была еврейкой. Она была заключена в Рижское гетто, но ее муж старался ее вызволить и хлопотал перед немецкими властями. Через Перси Штайнингер просил ей передать, чтобы она не беспокоилась, если вызовут в комендатуру — это к освобождению. Перси ее предупредил, но в ближайшие дни в гетто была акция, и она погибла в облаве. Узнав об этом, Штайнингер долго не мог успокоиться от возмущения и гневно ругался:

— *Das ist Scheisse! Scheisse!* (Дерьмо это! Дерьмо!) Он имел в виду, очевидно, гитлеровский режим.

Штайнингер рассказал Перси еще одну любопытную деталь: получение им разрешения на казернацию группы евреев

1 Караимы — народ, происхождение которого трактуется учеными по-разному; язык — караимский (относится к тюркской группе алтайской семьи языков), религия — караимизм, основывающийся на Ветхом Завете. Наибольшее их число в Израиле (около 25 тысяч), небольшими группами живут также на Украине (в Крыму), России, Литве, Польше и Франции. Этноним «караимы» (др.-евр. «читающие») восходит к возникшей в начале VIII века в Багдаде еврейской секте.

из гетто в институте в Клейстах. Для этого он специально пригласил к себе в дом на ужин одного из рижских главарей СС и всю ночь с ним пил. Сам Штайнингер был трезвенником и незаметно для своего гостя неоднократно выходил на балкон, вырывал шнапс и снова продолжал вынужденную пьянку. Напившись, они горланили песни. Пьяный эсэсовец подписал все нужные бумаги, хотя формально, по эсэсовским правилам, без надежной охраны, держать заключенных евреев в Клейстах было нельзя.

С заключенными евреями Штайнингер всегда был крайне корректен, никаких наказаний или репрессий за все время их пребывания в институте в Клейстах не было.

Накануне эвакуации института в Германию Штайнингер присутствовал на совещании высших главарей СС и пытался там добиться разрешения взять свою группу евреев, как имеющих опыт в биологических исследованиях, с собой в Германию, но в этом ему было отказано. Это был признак готовящейся расправы, и Штайнингер своевременно прозрачно намекнул Перси, что им следует исчезнуть.

Еще до Сталинграда, в 1942 году, Штайнингер как-то сказал Перси, что после войны он намерен переехать на постоянное жительство в Англию и там продолжить свою научную карьеру. Шеф уважал Перси за эрудицию и позволял себе быть с ним откровенным.

— Вы полагаете, что Германия оккупирует Англию? — осторожно спросил Перси.

— Нет, я думаю, будет наоборот... — ответил Штайнингер очень откровенно и смело.

Его пророчество и собственные планы в большей степени сбылись. После войны он попал в английскую зону оккупации и жил в Ганновере, и в его научной работе по орнитологии, опубликованной в 60-х годах, приведены многочисленные исследования, сделанные Штайнингером в Шотландии.

В 1991 году Перси Гурвич издал в Германии, в Берлине, книгу воспоминаний под названием *“Zahl nicht nur, was bitter war. Eine baltische Chronik von Juden und Deutschen”* («Не считай только то, что горько было. Балтийская хроника о евреях и немцах») — о событиях 30-х годов и времени нацистской оккупации Риги. Немецкая книжная критика особенно отметила чрезвычайно высокий уровень языка его книги — *Hochdeutsch* (литературный немецкий язык), необычайно редкий для немецкого автора, не живущего в Германии.

Весной 1969 года Перси Гурвич гостил в Риге и вместе с Семеном Пейросом отправился в Клейсты, чтобы снова посе-

тить эти места. Много не поминало им о прошлом, но многое уже изменилось или исчезло бесследно.

Бывшее здание Института медицинской зоологии отвели под жилое помещение для сотрудников Института микробиологии Академии наук Латвии, который разросся и занял новые соседние корпуса.

Птицеферму немного перестроили и устроили там питомник для подопытных белых мышей и других грызунов. Зато дома Каминских больше нет, остался лишь кирпичный фундамент на том месте, где некогда стояла деревенская изба — гостеприимный дом простых, сердечных и мужественных людей.

В доме Пуриной, наоборот, царил оживление и веселье. Их дочь Вильма дала жизнь многочисленному потомству. Во дворе резвились ее дети разных возрастов. Почти неизменными сохранились их прежние постройки, словно немые свидетели драматических событий прошлой войны.

А рядом то же поле, где зародилась их верная дружба, и та же горка, а чуть подальше — их последнее убежище — *Serumstacija*, нынешний Институт микробиологии.

Прошли они лесом на кладбище Святого Лазаря и в молчании склонили головы перед могильной плитой Каминских и холмиком, под которым покоятся старые Питер и Мария Пурины.

Семен и Зельда Пейрос с внуками Владимиром и Александром.

Семен и Зельда Пейрос. 1970 г.

Пусть вовеки благословенна будет память о вас, Праведники Земли!

В 1985 году в возрасте 91 года в Риге умер Семен Ильич Пейрос, до последнего дня сохранивший ясность мысли и добрую иронию.

Я испытываю большое удовлетворение оттого, что своевременно откликнулся на его желание поведать людям о забываемом прошлом и благодаря его исключительной памяти и наблюдательности сумел передать его воспоминания о происшедших событиях в этом очерке.

Пусть светлая память о Семене Ильиче Пейросе, мудром человеке, жизнелюбе и оптимисте, навсегда останется жить на страницах этой книги, повествующей о суровых буднях страшного периода жизни нашего народа.

*Давид Зильберман,
Рига—Нью-Йорк, 2005 год*

* * *

При подготовке настоящего издания правнук Семена Пейроса, Дмитрий Недзвецкий проживающий в Риге, поделился подробностями биографии семьи Семена Пейроса в годы войны:

Семен Пейрос вскоре после войны с женой Зельдой и дочерью Люсей (Элеонорой) Пейрос

Жена С. И. Пейроса — Зельда Пейрос родилась в Риге в 1897 г. В 1915 году Зельда закончила коммерческую ремесленную школу Б.И.Олава. Во время Первой мировой войны эвакуируется в Россию. В 1917 поступает на химический факультет в Политехнический Институт (в Москве). В 1918 году возвращается в Ригу. В 1921 году в Нью-Йорке работает в лаборатор-

рии, в том же году заканчивает курсы *City College of N-Y*, изучает работу школ. С 1922 года преподает в Рижской городской еврейской гимназии физику и химию, в 1923 году выходит замуж за Семена Пейроса.

К началу войны Зельда (семейное имя Женя) была с группой учителей на экскурсии в Москве, затем в оказалась в эвакуации. После войны Зельда работала заведующей лабораторией на фабрике «Лайма». Умерла в 1970 г.

Дочь Семена и Зельды — Элеонора (Люся) родилась в 1924 году в Риге. Училась в Рижском коммерческом училище на бухгалтера, но цифры ее не прельщали и она перешла на иностранные языки. В совершенстве владеет английским, немецким, латышским, ивритом, учила французский. В конце 30-х посещала кружки политинформации и была хорошо осведомлена о зверствах по отношению к евреям в оккупированной нацистами Польше. Эвакуировалась Элеонора в спешном порядке с комсомольцами, имея при себе паспорт и легкое пальтишко. Совершенно случайно Элеонора и Зельда встретились на перроне одной станции при пересадке и больше уже не расставались всю войну.

Во время эвакуации Элеонора находилась в Кировской области в городе Котельнич. Начиная с 1943 года сначала в России, а с 1944 г. — уже в Риге, работала в лагерях немецких военнопленных переводчиком. В 1946 году она познакомилась на танцах в Доме офицеров с молодым лейтенантом, участником

Люся (Элеонора) Пейрос

Семен Пейрос на свадьбе Александра Недзвецкого. 1984 г.

освобождения Риги — Недзвецким Борисом Самойловичем. Вся его семья была расстреляна фашистами в Мариуполе (Жданове) и после войны он остался жить в Латвии. Работала в школе классным руководителем и учителем английского языка, затем переводчиком. После выхода на пенсию занималась репетиторством. В настоящее время живет в Риге.

МОЙ ПУТЬ К ПАРТИЗАНАМ

Вспоминает Моня Глезер

Организация вооруженного Сопротивления немецко-фашистским оккупантам стала создаваться в Рижском гетто вскоре после так называемых «акций» — массовых истреблений евреев из гетто в конце 1941 года. В этих акциях погибли и мои родные.

Я был в дружбе или близко знаком со многими руководителями этой организации, и неудивительно, что я примкнул к ней уже на ранней стадии ее создания — в начале 1942 года.

Главными руководителями организации были: Овсей Окунь, Мендель Вульфович и Макс Либерман. Организация, как сугубо подпольная, составлялась из отдельных малых групп, в составе пяти-семи человек каждая. Во главе каждой группы стоял руководитель, который имел связь с руководством всей организации. Группа, в которую я входил, насчитывала 12 человек и считалась самой крупной. Во главе нашей группы стоял мой кузен Иосиф Глезер. Кроме него и меня в нашу группу еще входили: мой младший брат Яков Глезер, Лейзер Минкин, Борис Кассель, Шая Гринштейн, Моисей Гейман, Рувин Друк, Миша Штернин, братья Фоля и Элья Фель и Гозиас. Из этой группы после победы над гитлеровской Германией кроме меня в живых остались Иосиф Глезер, Минкин и Гейман. Все остальные погибли от рук фашистов.

В то время, в начале 1942 года, основной задачей организации было приобретение любыми способами как можно больше боевого оружия, приведение его в состояние полной пригодности, научиться им пользоваться и надежно его прятать. Этой задаче каждый член организации содействовал по мере своих возможностей. Я лично в основном помогал в доставке оружия в гетто. В то время я работал в городе в немецкой военной

организации *“Heeres-Verpflegungs-Magazin”*, или сокращенно *HVM* — «Ха-Фау-Эм» (служба обеспечения), в качестве грузчика при грузовой машине, шофером которой был немец родом из Австрии, некий Ганс Шик. Этот немец был лет 45, невысокого роста, толстый и добродушный, во многом напоминал известного литературного героя — солдата Швейка. По своим убеждениям Ганс был близок к коммунистам и, как рассказывал, состоял в догитлеровской Австрии членом рабочего союза «Шуцбунд» («Объединение защиты»)¹.

Шик много помогал нам, евреям, работавшим в *HVM*. После работы он отвозил нас на своей машине назад в гетто. Однажды он привез в гетто целый ящик с консервами и раздал их особенно нуждающимся евреям, привезенным из Германии. Ящик с консервами он просто взял, точнее, стащил со склада. Ганс вообще не считал грехом обкрадывать гитлеровскую Германию.

На складах *HVM* было много разного дефицитного в военное время добра: спирта, сигарет, мыла и пр. Ганс систематически воровал и продавал эти товары местным латышам. Неудивительно, что вскоре он очень разбогател. С Гансом Шиком я близко подружился, и он мне не только рассказывал о своем прошлом и умонастроениях, но и делился своими тайными помыслами о будущем. Он носился с мыслью бежать со мной на машине через линию фронта в Советский Союз и даже вынашивал фантастический план улететь вдвоем — со мной и своим товарищем-летчиком на военном самолете в Швецию. Денег у Ганса было предостаточно для любой авантюры. Планы Ганса были заманчивыми, но в то время они мне казались нереальными грезами. А пока я старался использовать свою дружбу с Гансом для реализации менее фантастических, земных, но не менее рискованных заданий нашей организации Сопrotивления.

Наша организация снабжалась оружием в основном из складов и мастерских трофейного оружия немецкой организации *“Heeres-Beute”* («Армейские трофеи»)², которая располагалась на улице Торня, около Пороховой башни. В этих

1 *Schutzbund* (нем. «Союз обороны») — военизированная организация Социал-демократической партии Австрии, действовавшая в 1923—1936 годах. Был создан для самообороны социал-демократических и рабочих организаций и их членов от вооруженных отрядов хеймвера (*Heimwehr* — отряды самообороны) — шовинистического военизированного объединения, состоявшего главным образом из демобилизованных солдат.

2 Одна из немецких тыловых служб.

мастерских и складах работали советские военнопленные и евреи из гетто. Группа евреев, работавшая там, так и называлась — «группа *“Pulverturm”*», или группа «Пороховая башня».

Однажды организация Сопrotивления поручила мне доставить с помощью Ганса партию оружия, заготовленную группой *“Pulverturm”*. Оружие было спрятано в поленьях дров. С этой целью крупные поленья были расколоты пополам и в них были выдолблены пустоты, внутрь которых закладывались пистолеты, а затем эти половины вновь скреплялись. Однажды, возвращаясь с Гансом в гетто, я попросил его вернуть на *“Pulverturm”*, чтобы забрать «дрова», которые мои товарищи заготовили для меня. Теперь, мол, зима, и дрова в гетто очень нужны. Моя просьба вызвала у него недоумение. Разве на нашей собственной базе *HVM* мало дров? Зачем из-за каких-то поленьев ехать к чужим? Все же я уговорил Ганса. Товарищи из группы *“Pulverturm”* быстро нагрузили «дрова» в машину и Ганс нас доставил благополучно в гетто, даже невзирая на окрики латышской охраны у ворот. Он заехал в самый центр гетто, где мы с товарищами быстро разгрузили «дрова» и унесли по домам, а оттуда — в надежное место.

Мне часто приходилось ездить с Гансом на разные рижские фабрики и заводы за продовольствием для складов *HVM*. Организация Сопrotивления поручила мне распространить на этих предприятиях заготовленные ею прокламации. Эти прокламации, напечатанные на пишущей машинке на латышском языке, имели, насколько помню, следующее содержание:

«Братья, латыши! Немецкие оккупанты превратили наше дорогое Отечество, нашу Латвию в международное кладбище убиваемых ими евреев. Десятки тысяч невинных евреев из разных стран Европы привозятся в Латвию и зверски уничтожаются. В этой позорной работе немцам помогают наши латышские выродки — латышские фашисты. Мрачная тень несмываемого позора перед цивилизованным миром ложится на нашу Латвию», — и так далее, в том же духе. Заканчивалась прокла-

Моня Глезер

мация словами: «Проклятие и смерть фашистским оккупантам! Национальная латышская лига»¹.

И вот однажды, при очередной поездке на консервную фабрику «Кайя»², я зашел в рабочую уборную и оставил там пачку прокламаций. То же самое я проделал на другой день на шоколадной фабрике «Лайма»³. Там эти прокламации я положил на конвейерную ленту для тары. На консервной фабрике «Геггингер»⁴ я бросил прокламации в пустые бочки. Кстати, в конце 1944 года, вскоре после освобождения Риги, я случайно узнал, что брошенные мною прокламации действительно попали в руки рабочих.

Проходили летние месяцы 1942 года. В положении гетто наступило временное затишье. Как будто улеглись волны массовых уничтожений и репрессий. Евреи осмелели. Связи евреев, работавших в городе, с неевреями расширялись, углублялись. Непрерывно приобреталось и завозилось в гетто оружие. Руководству организации Сопrotивления удалось наладить связи с советскими офицерами, бежавшими из лагеря военнопленных, которые в то время работали нелегально в городе. Они тоже стремились к фронту, к партизанам. Правда, о каких-либо действиях партизан вблизи Риги или даже в пределах Латвии не было слышно, но было известно, что партизанские отряды действуют в районе Пскова—Порхова. Возник план направить в этот район совместную группу из евреев гетто и военнопленных. И вот, ранним утром 26 октября 1942 года первая группа евреев Рижского гетто в количестве 10 человек, членов организации Сопrotивления, хорошо вооруженных, тайно покинула гетто. Вместе с ними в немецкой грузовой машине находились трое русских военнопленных-офицеров, латыш-водитель направил машину в сторону Пскова. Но из-за предательства, видимо со стороны шофера, группа была перехвачена гестаповцами недалеко от Риги. Они оказали ожесточенное вооруженное сопротивление. В результате боя были убиты восемь евреев. Один еврей, Эльяшевич, был тяжело ранен и захвачен гестаповцами. Другому, Данеману, удалось бежать и тайно вер-

1 По всей вероятности, название вымышленной организации.

2 «Кайя» — консервная фабрика, впоследствии рыбоконсервный комбинат в Риге (ул. Атлантияс, 15).

3 «Лайма» — кондитерская фабрика в Риге (ул. Миера, 22), основанная в 1922 году.

4 Основанная в 1881 году консервно-конфетная фабрика «L. V. Goegginger», находившаяся в Риге по ул. Спорта 2. Выпускала конфеты, шоколад, бисквиты и различные консервы.

нуться в гетто, Данеман сообщил, что во время перестрелки были убиты шесть ээсовцев¹.

В отмщение и для устрашения за дерзкую попытку побега евреев к партизанам, за оказанное сопротивление гестаповцы устроили 31 октября 1942 года очередную «акцию» — были расстреляны более двухсот латвийских евреев, в том числе вся так называемая «*Ordnungsdienst*» (еврейская служба охраны гетто — 40 человек)² — за то, что они оказали активное содействие бежавшей группе.

Эти события вызвали большую тревогу и смятение в рядах организации Сопrotивления. Активная деятельность ее на время прекратилась. Совет организации решил перевезти все оружие, которое до этого хранилось отдельными частями в разных местах гетто, в одно место по улице Лиела Кална, 68, где в небольшом деревянном домике жил руководитель организации Овсей Окунь, а в подвале было устроено хорошо замаскированное укрытие. По распоряжению Окуня я лично перенес в это место все оружие нашей группы и передал его активисту организации Борухману.

Скоро напряженность положения в гетто ослабла. Жизнь как будто опять вошла в прежнюю колею. Но зато на фронте произошел резкий перелом в пользу Советского Союза. Великая победа Красной армии под Сталинградом сильно подняла дух и настроение евреев в гетто. Организация Сопrotивления активизировала свою деятельность. Снова стало доставляться оружие в гетто, разрастались новые группы Сопrotивления. Но очередные попытки наладить связь с партизанами оказались тщетными.

Прошла зима 1942—1943 годов. Положение в гетто и в организации Сопrotивления стало неопределенным. Меня такое состояние неопределенного выжидания сильно тяготило. Я не хотел больше оставаться в пассивной роли обреченного раба. Я был молод и во мне горела жажда мести врагу, и жажда жизни на свободе. Я представлял, какой нелегкий путь ведет к этому: надо уйти из гетто и пробиваться к линии фронта или к району, где действуют партизаны.

Я слышал в гетто о действиях партизан в районе Пскова—Порхова. Но как пробраться туда? Это казалось совершенно невозможным делом для евреев в гетто. Разве что чудо или необыкновенный случай.

1 См. прим. 1 стр. 111. (См. также рассказ «Мой путь из Рижского гетто».)

2 Т. е. еврейская полиция.

И такой случай, действительно, ко мне пришел и даже очень скоро. Это было 18 апреля 1943 года. В тот день в гетто проводилась вербовка еврейских рабочих для торфяных работ в Слоке, Олайне и других местах. В связи с этим утром того дня рабочие группы не были отправлены в обычное время на работы в город, а были задержаны в гетто и построены рядами по улице Ликснас. Из каждой группы отбиралось некоторое количество людей для отправки на торфяные работы. Отбор производил оберштурмфюрер Шервиц, руководитель рабочей группы «Лента», в присутствии еврейских бригадиров рабочих групп. Когда Шервиц подошел к нашей группе *HVM*, он сказал бригадиру этой группы Иосифу Глезеру:

— *Du such allein aus Männer aus deiner Einheit* (Ты выбирай сам людей из своей группы).

Будучи в родстве со мной и моим братом Яковом, Иосифу Глезеру было неудобно перед другими евреями не отобрать ни одного из нас, Глезеров, на торфяные работы, а так как я уже раньше был на торфяных работах в августе 1941 года, то он отобрал моего брата. Ему было всего 16 лет, и после недавно перенесенной болезни Яков был очень слаб. Я заявил, что поеду на торфяные работы вместо брата.

Скоро все рабочие группы ушли на обычные работы в город, а люди, отобранные для торфяных работ, были оставлены в гетто для подготовки к отъезду, который был назначен на следующий день. Я собрал свои вещи в пакет. Вечером того же дня я направился к товарищам попрощаться. Во время прощальной беседы явился наш общий знакомый М. Кассель, работавший при «Арбайтсамте» (бюро труда), и заявил, что ему поручено немедленно отыскать одного еврея для отправки в город Порхов в качестве переводчика. Сам Кассель считал, что это обман со стороны немцев. Никаких еврейских переводчиков немцам никогда не было нужно. Они, видимо, отправят человека куда-нибудь для захоронения своих очередных жертв. С таких работ никто живым не возвращался. Что делать? Кассель был в отчаянии. А я понял, что для меня наступил решающий момент — подвернулся редкий случай осуществить свое долгожданное желание — приблизиться к фронту, к партизанам. Правда, поездка связана с громадным риском, но без риска нет и надежды на спасение. И я безоговорочно решил поехать в Порхов. Мой кузен Иосиф Глезер старался отговорить меня, но я был непоколебим:

— Свою судьбу я решаю сам, — заявил я ему.

И меня назначили в поездку. В тот же день, поздно вечером, на конной повозке в сопровождении латышского шуцмана

я выехал из гетто. Кроме друзей и знакомых меня провожала масса народа. И не удивительно: поездка одного еврея, да еще в Порхов была необычным явлением для гетто. Иосиф Глезер, целуясь со мной на прощание, сказал:

— Горячий привет нашим!

И я понял: «нашим» — это значит советским товарищам. Я почувствовал, что и он разделяет мои надежды.

Меня привезли в отделение гестапо по улице Реймерса. На ночь меня заключили в подвальную камеру. Кроме меня там было трое латышей. Их, видимо, привели в камеру с очередной пытки незадолго до моего приезда. Их лица были ужасно окровавлены и изуродованы. Измученные и обессиленные, они только стонали. Поговорить с ними было невозможно. Под впечатлением этого ужасного зрелища пропала вся моя прежняя храбрость, и я горько сожалел о своем поступке, но шаг был сделан, и путь назад в гетто был отрезан.

В 6 часов утра открылась дверь камеры, появился какой-то штурмшарфюрер и спросил:

— *Ist der Jude für Porchov da?* (Здесь ли еврей на Порхов?)

Я отозвался. Меня повели во двор. Там я увидел еще одного незнакомого еврея, невысокого роста, лет пятидесяти. Во дворе стояла грузовая машина, на которую была погружена передвижная радиостанция. В машине сидели двое власовцев. Штурмшарфюрер еще раз крикнул:

— *Sofort die Sterne ab!* (Немедленно снять звезды!)

И мы вдвоем сорвали пришитые к нашей одежде шестиконечные желтые звезды. По приказу мы сели в машину. Шофером машины был латыш, служивший в *SD* (*Sicherheitsdienst*) — (СД, или служба безопасности) в чине ротенфюрера, а по фамилии, как [я] позже узнал, Езукевич. Как только машина тронулась, один из власовцев, провожавших нас, весело предупредил:

— Ну, что, жидки, думаете к партизанам? Ничего не выйдет, при первой же попытке вас отправят на тот свет.

Я с наивным видом ответил:

— Что вы? У меня в Риге осталась жена. Зачем мне бежать? (В действительности я еще не был женат.)

К 6 часам вечера мы уже были в Пскове. Переночевали прямо в машине, а наутро немцы снарядили колонну грузовых машин, 12 единиц, в которые уселись вооруженные немецкие солдаты. Эта колонна машин, в том числе и наша, под охраной бронетранспортера двинулась через город Остров к Порхову. Было ясно, что немцы боялись нападения партизан. По дороге я видел разбитые немецкие автомашины и валявшиеся трупы

немецких солдат. Я с деланной наивностью спросил сопровождавшего нас власовца:

— Это что — убитые в начале войны?

Тот с презрительной усмешкой ответил:

— Ты, что, разыгрываешь идиота или действительно идиот? Не видишь, что ли, что партизаны недавно здесь немцам перцу дали?

По прибытии в Порхов нас, обоих евреев, поселили в хате на окраине города, по Бельскому тракту. Там уже находились несколько евреев, ранее привезенных из Риги. Хату охранял один власовец. Как оказалось, мы, евреи, были предусмотрены как подсобные рабочие на строительстве здания штаба гестапо в Порхове. Руководитель этих работ, немецкий обершарфюрер Бакес сразу заявил нам:

— Не стройте себе иллюзий. Из рук СД еще никто не убежал.

Мы должны были разбивать щебень, готовить бетон, подносить материалы на стройку и т. п. Я лично стал водносом. Непосредственно здание строили советские военнопленные и заключенные. На первых порах нас, евреев, провожал на работу и назад немецкий солдат из СД, но спустя некоторое время мы могли возвращаться без проводника, а еще позднее ходили вообще без всякого надзора. Немцы, видимо, действительно были уверены, что никто из нас не убежит. Такая свобода передвижения в непосредственной близости от партизан обещала неплохие перспективы. В моем уме уже постоянно мерещились заманчивые планы побега. Среди латышских добровольцев, служивших в СД, были некоторые неплохие парни. Уроженец Риги, я иногда вел с ними беседы о Латвии на латышском языке. Когда я узнал, что несколько парней собираются ехать в Ригу, я попросил одного из них взять с собой письмо от меня и передать группе евреев, работавших в Риге на фабрике «Лента». Тот согласился. Позже подтвердилось, что мое письмо, написанное специально на латышском языке, действительно попало по назначению. Своим письмом я, прежде всего, хотел сообщить евреям Рижского гетто, что я жив и нахожусь в Порхове. Кроме того, я знал, что немцы планировали привезти в Порхов значительную группу евреев из Рижского гетто. Я хорошо знал страх, который в гетто евреи питали к поездке в Порхов и хотел этим письмом рассеять их опасения. Я убедился в возможности бегства, пусть с риском, к партизанам, но я хотел вовлечь в это дело побольше своих товарищей. Чтобы увлечь их на поездку, в письме я умышленно представил свое положение в Порхове в хорошем свете. И скоро в Порхов действительно привезли небольшую группу евреев из Рижского

гетто, человек пять-шесть, а несколько позже — другую группу, 18—20 человек. Первая группа состояла исключительно из ремесленников и ее поселили в той же хате на Бельском тракте, где находился я сам. Вторую группу отправили в концлагерь, который фашисты устроили в колхозе «Заполянье», в семи километрах от Порхова. По имени этого колхоза и сам концлагерь стали называть «Заполянье»¹. В этом лагере были заключены местные жители, в основном уличенные или подозреваемые в пособничестве партизанам, а также члены их семей, в том числе и несовершеннолетние. Большинство заключенных по существу были обречены на уничтожение, но временно они, так же как и мы, евреи, использовались немцами как дармовая рабочая сила в бывшем колхозе, который служил теперь подсобным хозяйством для начальства СД Порхова и «Заполянья».

Часть заключенных из этого лагеря приводили в Порхов на строительство здания гестапо. Там мы, евреи, с ними встречались. Среди советских военнопленных мне приглянулся русский паренек, лет 16, блондин, среднего роста, звали его Геннадий или просто Генька. Геннадий Емельянов был простым добрым парнем и внушал мне доверие, я с ним скоро подружился, и мы стали откровенны в разговорах. Говорили мы и о возможности побега. И вот однажды Геннадий мне предложил, чтобы в случае побега я направился в деревню Речица, примерно в полтора-два километра от Порхова. Там проживали его родители и сестра. Вина Геннадия перед немцами была не особенно велика, и он надеялся, что его скоро освободят. И тогда, он сказал, что сможет лично помочь мне добраться до партизан. Но и без него сестра и родители мне помогут. Геннадий описал мне окрестность, вид и подход к избе, и дал мне пароль к сестре.

Но, несмотря на доверие, которое я питал к Геннадию, я все же решил проверить правдивость его слов.

Однажды я с шофером грузовой машины ехал за гравием. Мы проезжали мимо деревни Речица. На обратном пути я попросил шофера, латышского парня по фамилии Пуданс, служившего в СД, разрешить мне зайти в деревню Речицу обменять на продукты мою лишнюю пару брюк. Шофер спросил с подозрением:

— *Vai tu neaizbēgsi?* (Не убежишь?)

1 Концлагерь в деревне Заполянье Порховского района Псковской области просуществовал с марта по декабрь 1943 года. Его узниками были подпольщики, разведчики, красноармейцы, бежавшие из других лагерей, представители гражданского населения, заподозренные в связях с партизанами, а также евреи и цыгане.

Я, будто удивленный его вопросом, ответил:

— *Ko tu? Man tas pat pratā nenāk.* (Что ты? Мне это и в голову не приходит.)

Шофер разрешил мне пойти, а сам остался в машине на дороге ждать меня. По указанным Геннадием ориентирам я скоро нашел избу Емельяновых и зашел к ним. В хате была молодая женщина лет 22, миловидная блондинка с добрыми глазами. Я понял, что это и есть сестра Геннадия. Я сказал ей, что бежал с колхоза «Заполянье», и спросил, можно ли видеть ветеринарного врача Катю, — такой пароль Геннадий дал мне для сестры. Женщина улыбнулась и сказала, что это она. Тогда я признался ей, что еще не сбежал, но хотел проверить правдивость слов Геннадия. Она одобрила мою осторожность. Катя позвала из другой комнаты свою мать и познакомила нас. Я передал женщинам привет от Геннадия и рассказал о себе. Женщины были растроганы до слез. Они обещали помочь мне спастись. Меня они накормили и дали с собой продукты — для меня и Геннадия. Пакет с брюками я умышленно оставил. Это должно было оправдать меня в глазах шофера. Я узнал также, что муж Кати пропал без вести на фронте и она осталась с годовалым ребенком. Катя мне еще сообщила, что в случае побега она намерена направить меня в деревню Козеногово, которая находилась примерно в 35 километрах от Порхова и служила перевалочным пунктом на пути к партизанам. Я стал готовиться. Прежде всего, я должен был найти достоверные сведения про эту деревню Козеногово.

Мне иногда приходилось работать на уборке помещений штаба гестапо. В одной комнате на стене висела топографическая карта района Порхова. Когда представилась возможность и никого в комнате не было, я внимательно осмотрел эту карту и действительно нашел на ней деревню Козеногово. Она была помечена красным флажком, а кругом были вколоты зеленые флажки. Это означало, что деревня считается партизанской, но она окружена немцами. Так подтвердилась для меня правдивость слов Кати.

Примерно через месяц после моей первой встречи с Катей произошла совершенно неожиданная вторая встреча с ней, причем очень необычная. Однажды, производя чистку грузовой машины на площади перед гестапо, мне пришлось работать под машиной. Вдруг я увидел приближающиеся женские ноги. Я вылез из-под машины и к своему большому удивлению увидел перед собой Катю. На мой вопрос, как и зачем она сюда пришла, Катя сказала, что хотела видеть меня и узнать, почему я медлю с побегом, и для этой цели решила пойти в кино шта-

ба гестапо, куда иногда допускалась частная публика. Не без тревоги я стал озираться, не видят ли нас немцы. В этот момент из штаба гестапо вышел начальник хозяйственной части оберштурмфюрер Грейф, он увидел нас и поспешно направился к нам. Я сказал Кате, чтобы она быстро ушла отсюда. Но подоспевший оберштурмфюрер, обращая ко мне, крикнул:

— *Was soll das bedeuten? Wieso kommt diese Frau da? Was hast du mit der zu tun?* (Что это означает? Как эта женщина попала сюда? Какие у тебя дела с ней?)

Я ответил, что женщина спрашивала, как попасть в кино. Тогда оберштурмфюрер крикнул на Катю:

— *Sofort weg davon! Weisst du denn nicht, dass jeglicher Verkehr mit Juden verboten ist?!* (Немедленно убирайся! Разве не знаешь, что общение с евреями строго запрещено?!)

Хотя Катя ничего не поняла из скоропалительной ругани немца, но, испуганная криком, быстро исчезла. Оберштурмфюрер подозрительно посмотрел на меня, и я поспешил опять залезть под машину. Со своими мыслями (но не планами о побеге) я поделился с другими евреями [из] нашей группы, но большинство из них не разделило моих надежд на спасение таким путем. Ремесленники вообще считали, что немцы нуждаются в их работе и что им не угрожает опасность уничтожения. Другие просто боялись риска. Только двое, 20-летний Боря Шейнкман и Вилли Залмансон, лет 30, полностью одобряли мои мысли о побеге. Шейнкман прибыл сюда со второй группой евреев из Риги, первое время он жил и работал в колхозе «Заполянье», потом попал в Порхов. От Шейнкмана мы узнали о чудовищных зверствах и актах уничтожения заключенных в концлагере «Заполянье». С Шейнкманом палачи лагеря тоже готовились расправиться, и только случайный внезапный перевод в Порхов спас его от верной гибели. Неудивительно поэтому, что Боря торопил меня с побегом. В Порхове он тоже познакомился с Геннадием и несколько раз навестил семью Емельяновых в деревне Речица. А Вилли Залмансон, по профессии был художник, когда-то окончивший Латвийскую академию искусств, теперь его немцы использовали в качестве маляра. Вилли прекрасно знал немецкий литературный язык и это мы использовали при изготовлении фальшивых документов — пропусков для побега; в дальнейшем у партизан он стал переводчиком.

Мы с Шейнкманом иногда ездили в лес за бревнами — строительной древесиной, понятно, что всегда в сопровождении шофера СД. В пути мы однажды познакомились с несколькими русскими женщинами, занимавшимся тогда «мешоч-

ничеством», т. е. спекуляцией продуктами. Они предложили нам свою помощь, чтобы пробраться к партизанам в деревню Красный Бор. Боря Шейнкман, по натуре очень горячий, экспансивный, сразу ухватился за эту идею. Мне же план этих женщин показался очень подозрительным. Уж слишком быстро, опрометчиво и неосмотрительно женщины предложили столь рискованную помощь. И мне удалось без труда убедить в этом Шейнкмана. Позже и в самом деле подтвердилось мое подозрение: женщины оказались подкупленными фашистами провокаторами. А когда Красная армия освободила этот район, они были пойманы и расстреляны.

В дальнейшем, работая на стройплощадке вместе с советскими заключенными, мне особенно понравился один пожилой бородатый человек невысокого роста. Я узнал от него, что он из деревни Козеногово и что попал в лагерь за содействие партизанам. Понятно, что этот человек меня очень заинтересовал. Мы скоро подружились настолько, что он мне сказал, что если я решусь на побег, то должен пробираться в деревню Козеногово и обратиться там к женщине по фамилии Турнова. После этого разговора у меня уже больше не было сомнений в отношении деревни Козеногово. Я понял, что эта деревня и является для нас, будущих беглецов, надежным и заветным местом.

Эти новости я сразу рассказал своим двум товарищам по заговору, Шейнкману и Залмансону. Это было в сентябре 1943 года.

Раз на стройке не хватило деревянных балок для крыши здания гестапо. Меня и того же шофера, латыша Пуданса, послали в лес за древесиной. Там мы должны были встретиться с русским лесничим, по его указанию спилить подходящие деревья и доставить их на стройплощадку. По пути в лес, примерно в 15 километрах от Порхова, нам пришлось проехать через деревню Веретины. Там стоял немецкий гарнизон, охранявший шоссе от налетов партизан. В конце деревни стоял шлагбаум и рядом с ним был приколот плакат с надписью на немецком языке *“Achtung! Partisanen!”* («Осторожно! Партизаны!»)

У шлагбаума немцы проверили наши путевки, и мы поехали дальше. Скоро мы свернули в лес. Заехав около километра в глубь леса, машина наскочила на торчащий из земли сук и остановилась. Шофер полез под машину посмотреть, что случилось, а я остался в кабине, где шофер по неосторожности оставил свой автомат. Невольно зародилась коварная мысль: до деревни Козеногово недалеко — взять автомат, пристрелить шофера и айда к партизанам! Ведь более удобного слу-

чая для побега и не придумать. Искушение было велико, но все же, подумав, я отбросил эту мысль — ведь я договорился с Шейнкманом и Залмансоном бежать сообща. В этот момент моих внутренних искушений шофер вернулся к кабине очень возбужденным. Видимо, он спохватился о допущенной им оплошности. И, как бы читая мои мысли, он спросил:

— *Nu ko? Domāji mani nošaut?* (Ну что? Думал меня пристрелить?)

— Что ты! — ответил я с деланным спокойствием. — Я даже не умею обращаться с автоматом.

По-видимому, желая до конца выбить из моей головы всякую «дурь» о партизанах, шофер еще добавил:

— Если партизаны нас схватят, то обоих пристрелят, тебя тоже, хоть ты и еврей!

Я не стал ему возражать и согласился с ним.

Шофер сказал, что от сильного удара о сук из картера вытекло все масло и дальше ехать нельзя. Придется пойти в деревню Веретины и по телефону сообщить в штаб гестапо Порхова о происшедшей аварии и просить немедленно прислать масло. Один из нас должен остаться при машине. Меня он не может оставить одного в лесу с машиной, и поэтому я должен идти в деревню. Я высказал ему свое опасение, что если я появлюсь на шоссе, немцы примут меня за партизана и пристрелят. Тогда он предложил мне надеть его форму — френч и пилотку. Его синие брюки немецкого образца были как раз по мне. Переодевшись, я выглядел, вероятно, как настоящий член немецкой службы СД в чине унтершарфюрера. Когда я вышел на шоссе, меня сразу же окликнули:

— *Halt! Hände hoch! Parole!* (Стой! Руки вверх! Пароль!)

Я увидел приближающихся ко мне австрийских солдат. Я им ответил:

— *Meine Herren, die Parole weiss ich nicht.* (Господа, пароля я не знаю.)

Что! — воскликнули они, и схватились за винтовки.

Они видимо решили, что поймали партизана-шпиона. Я поспешил объяснить им, в чем дело. К счастью, один из этих солдат видел раньше нашу застрявшую машину и подтвердил мои слова. Они меня вели в штаб гарнизона. У стола за телефонным аппаратом сидел немецкий ефрейтор. Увидев меня, он привскочил и выпалил свое приветствие:

— *Heil Hitler!* (Хайль Гитлер!)

Я в ответ:

— *Grüss Gott!* (Приветствую!) — ясно было, что из-за военной форменной одежды меня сочли немецким военнослу-

жацим. Я должен был разыгрывать соответствующую роль до конца.

По-деловому я попросил ефрейтора соединить меня по телефону со штабом гестапо Порхова. Он соединил. На другом конце телефонной линии оказался оберштурмфюрер Грейф. Я ему рассказал об аварии с машиной и очень просил срочно прислать масла. Он обещал, а мне велел остаться ждать.

В заключении разговора я в тоне подчиненного ответил:

— *Zum Befehl, Herr Obersturmführer!* (Слушаюсь, господин оберштурмфюрер!).

В это время в комнату вошло несколько военных. Мое положение стало крайне двусмысленным и рискованным — находиться среди них в роли мнимого немецкого военнослужащего.

Завязалась беседа. Один из немцев, ефрейтор, спросил меня:

— *Woher sind Sie?* (Откуда вы?)

Затрудняясь сразу ответить, я с усмешкой говорю:

— *Raten Sie.* (Угадайте.)

Тот, прищуривая глаза, говорит:

— Судя по вашему говору, вы, вероятно, из района Кельна.

Я сообразил, что, признав себя уроженцем Германии, при дальнейших расспросах я попаду впросак, и ответил:

— Нет, вы не угадали, я из Риги!

— Из Риги? — повторяет тот с удивлением. — А что Вы здесь делаете?

Я говорю, что наша часть занимается строительством в городе Порхове. Чтобы прекратить дальнейшие расспросы, я со своей стороны, спрашиваю того же немца:

— А вы чем занимаетесь здесь?

— Как чем?! Мы боремся с бандитами, — отвечает тот.

— С какими бандитами? — спрашиваю я.

— С партизанами.

— Откуда здесь партизаны? — продолжаю я словно наивно спрашивать.

— *Mensch!* (Человече!) — восклицает немец, подымаясь со стула. — *Komm mal hier!* (Подойди-ка сюда!) — и подводит меня к двери в другую комнату.

Он открывает дверь, и я вижу на полу несколько трупов немецких солдат, очевидно, недавно убитых. Я с деланным удрученным видом качаю головой и спрашиваю:

— Откуда же здесь появляются партизаны?

Немец подводит меня к окну, подает свой бинокль и, указывая пальцем, говорит:

— Смотри хорошо в бинокль. Видишь там, на холме, деревню? Они приходят именно из той деревни, называется она Козеногово.

Я изображаю изумление и говорю:

— Как это большевики осмеливаются в такой близости от немецкого гарнизона устраивать налеты? — а в душе думаю: вот тебе лучшая рекомендация деревни Козеногово из уст самих фашистов.

В этот момент к дому подъезжает мотоцикл. Он привез масло для нашей машины. Я дружелюбно прощаюсь с немцами и уезжаю на мотоцикле в лес к машине. Шофер Пуданс наполняет картер маслом, и мы уезжаем в лес за бревнами.

Когда мы вернулись назад в Порхов, уже спустились сумерки. Я рассказал Шейнкману и Залмансону обо всем, что со мной приключилось за этот день. Они не могли даже поверить рассказанному, настолько невероятным и фантастическим оно оказалось. После этого они окончательно прониклись доверием к моему плану побега. Но когда и как бежать? Дальнейшие события, однако, приблизили срок наших действий.

Примерно через неделю после моей поездки в лес исчез один из нашей группы евреев, некто Менделевич, уже пожилой человек, по профессии сапожник, привезенный в Порхов из Литвы. Так как немцы допытывались у нас, куда исчез Менделевич, то нам стало ясно, что тот сбежал. Это ясно было еще и потому, что Менделевич часто поговаривал, что надо «смотаться», пока не поздно. Хотя немцы сразу после бегства Менделевича и не подали вида, но нас, евреев, все же охватила большая внутренняя тревога. Естественно было ожидать репрессий, и наши предчувствия, к сожалению, оправдались.

Ранним утром следующего дня, перед тем как мы вышли на работу, к нам в барак явился оберштурмфюрер Грейф в сопровождении группы эсэсовцев и объявил, что часть из нас поедут назад в Ригу.

Всех охватило сильное волнение, но больше всех, наверное, лихорадило меня и Залмансона (Шейнкман в тот день рано утром уехал за гравием вдвоем с шофером).

Не попадем ли мы в группу уезжающих? Тогда конец всем нашим планам побега.

Оберштурмфюрер Грейф вынул из кармана листок и со словами *“Die folgenden fahren nach Riga!”* («Нижеследующие поедут в Ригу!») зачитал около 20 фамилий. Меня, Залмансона, Шейнкмана и еще восьми человек-ремесленников в списке не было. Я с облегчением вздохнул, точно камень свалился с сердца. Назначенные же к отъезду, как будто, тоже были доволь-

ны. Это были исключительно пожилые люди без ремесленных специальностей.

Оберштурмфюрер велел немедленно уложить вещи также и нам, остающимся, ибо сегодня же нас переселят на жительство в здание штаба гестапо. Не прошло и часа, как подъехала грузовая машина. В присутствии эсэсовцев мы второпях попрощались с уезжающими товарищами, просили передать приветы друзьям и знакомым в Рижском гетто и пожелали друг другу счастья.

Они уехали вместе с вооруженными эсэсовцами. Наше душевное состояние после разлуки было тягостным. Но размышлять было некогда. Согласно приказу оберштурмфюрера нас скоро переправили в здание гестапо и поместили всех в одной комнате на первом этаже. В тот день нас не послали на работу.

Все мысли и разговоры были, конечно, прикованы к вопросу о судьбе уехавших и о нашей собственной судьбе. Но очень скоро, однако, была внесена полная ясность относительно их трагической судьбы.

Не прошло и трех часов, как уехавшая якобы в Ригу машина вернулась с теми же вооруженными эсэсовцами, с одеждой и вещами. Это были вещи и одежда наших увезенных товарищей. Сомнений не оставалось — их расстреляли. Значит, такая же судьба ожидает и нас. Мы были подавлены увиденным.

Оставалась лишь единственная надежда на побег. Скоро вернулся с работы Шейнкман и узнал от нас эти печальные новости.

Так как остальные члены нашей группы не были склонны к побегу, то мы трое — Шейнкман, Залмансон и я — решили бежать втайне от всех, в том числе и от своих же евреев, бежать при первой же возможности.

Со следующего дня мы опять приступили к нашей обычной работе. Мы старались вести себя очень осторожно, чтобы наше поведение не вызывало подозрений у начальства, у охраны, у разных провокаторов и даже у наших собственных товарищей — евреев. Так прошло три-четыре недели. Было начало октября 1943 года.

Однажды оберштурмфюрер Грейф заявил мне, что надо немедленно разгрузить вагон с углем, который стоит на железнодорожном пути в двух километрах от центра города Порхова. Он поручил эту работу мне и предложил взять на помощь еще кого-нибудь из евреев. Сразу же блеснула заманчивая мысль — взять с собой Шейнкмана и Залмансона и бежать. Но оказалось, что Залмансон занят на какой-то работе и его взять нельзя. Вот

невезенье! Пришлось нам с Шейнкманом идти вдвоем на задание Грейфа.

Когда мы кончили разгружать уголь, мы были совсем черные от угольной пыли. Мы вернулись в лагерь, на огражденную уже к тому времени площадь вокруг штаба гестапо. Нас увидел оберштурмфюрер Грейф и смеясь воскликнул:

— Вы же выглядите, как настоящие негры!

Меня озарила счастливая мысль, попросить у оберштурмфюрера разрешения пойти помыться в русской бане, которая находилась на другой стороне речки. Оберштурмфюрер посмотрел на меня испытующе и сказал:

— Смотри, Вальтер! — так он меня почему-то называл. — Никто от нас еще не убежал!

Я его заверил, что у меня никогда такой мысли и в помине не было. Тогда он дал указание охране у ворот пропустить нас, а нам велел не задерживаться больше двух часов. Сказав, что нам надо взять мыло и полотенце, мы с Шейнкманом быстро побежали к себе в комнату. В действительности мы хотели забрать с собой Залмансона. К счастью, Залмансон был уже после своей работы в комнате, а других евреев случайно не оказалось. Сообщив Залмансону о нашем плане, мы быстро одели на себя все, что только могли. Я прихватил также свой припрятанный советский паспорт.

У каждого из нас была также заранее заготовленная фальшивая справка-пропуск из гестапо. И вот, счастливо миновав ворота лагеря, мы свернули в сторону моста через речку. Нам навстречу шла молодая русская женщина. Мы знали, что она стукачка, доносчица, и насторожились. Поравнявшись с нами, она подозрительно посмотрела на нас и с лукавой улыбкой спросила:

— Вы куда, жидки?

Я ответил, что мы получили разрешение пойти в баню, и пошли вперед. Когда мы перешли мост, длиной около 30 метров, я обернулся и увидел, что стукачка следит за нами, идем ли мы действительно в баню.

Мы вошли во двор бани, перелезли через забор на другой стороне двора и быстро двинулись через весь город в сторону деревни Речицы. Но чтобы попасть в эту деревню, мы должны были обратно пересечь речку через другой, меньший мост, примерно в полутора километрах от бани. Перейдя этот меньший мост, мы оказались около немецкого военного госпиталя. Стоящий поблизости немец подозвал нас. Мы очень испугались. Неужели провал?! Но немец всего лишь попросил нас помочь ему погрузить киноустановку на автомашину. У нас сразу

отлегло на душе. Мы, конечно, помогли ему, и пошли дальше. По главному тракту двигались немецкие машины. Мы залегли в канаве. Когда машины проехали, мы прибавили шагу в направлении Речицы, которая уже находилась совсем недалеко.

Наступили вечерние сумерки. Мы пошли прямо к избе Емельяновых. Я зашел в хату один, чтобы их не напугать. Вся семья была дома. Емельяновы, конечно, сразу догадались, что я сбежал. Я им тотчас сообщил, что со мной еще двое моих товарищей. Это их, понятно, немало встревожило, ибо они находились под подозрением у полиции деревни. Геннадий повел нас троих на чердак избы и накормил. Примерно через полтора часа, когда совсем стемнело, мы приготовились в дальнейший путь.

Емельяновы снабдили нас продуктами, и мы трогательно распрощались. Геннадий повел нас в лес. Мы прошли вместе около семи километров и остановились. Геннадий нам объяснил, как идти дальше и, сердечно распрощавшись с нами, пошел назад. Мы пошли вперед, но вскоре в темноте заблудились. Блуждали мы долго. Когда стало рассветать, увидели деревню. Думали, что это первая деревня, куда направил нас Геннадий, но, к счастью, в последний момент усомнились в этом и не зашли туда. Позже узнали, что в эту деревню в то время наведались власовцы. Пройдя еще километров пять, мы попали в болотистую местность и едва выбрались оттуда.

Усталые, мы залегли в лесу и так пролежали всю ночь. Кормились мы продуктами, которые Емельяновы нам дали с собой. Утром увидели вдаль избу. Подошли. В подвале избы гнали самогон. Все же я спросил у этих людей дорогу на деревню Козеногово, и мне объяснили. Пошли дальше. На лесной тропинке мы заметили подозрительные следы: немецкую обойму с патронами, немецкий индивидуальный перевязочный пакет и другие предметы, указывающие, что здесь недавно проходили люди, и один из них, вероятно, справляя свои естественные надобности, уронил эти вещи. Я подумал, что здесь проходили немцы, но Шейнкман меня успокоил, объяснив, что и у партизан могли быть немецкие вещи. На всякий случай решили быть начеку. Скоро мы увидели на холме деревню, которая, по имевшимся у нас приметам, должна была быть деревней Козеногово. Мы стали подыматься на холм. В поле около дороги работали двое крестьян — мужчина и женщина. Я подошел и обратился к крестьянину:

— Здравствуй, дед! Не живет ли в вашей деревне женщина по фамилии Турнова?

Тот неприязненно ответил:

— Никогда здесь такой не было. И не спрашивайте!

Я пошел назад к товарищам, но успел услышать, что крестьянка, вероятно, его жена, сказала мужику:

— Будь осторожен! Это немецкие шпионы!

Тогда я подумал, что причиной такого подозрительного их отношения к нам была моя немецкая одежда — френч, синие брюки и пилотка. Я снял пилотку, опять подошел к крестьянам и сказал им совсем откровенно:

— Мы не шпионы, мы евреи, бежали из лагеря и теперь направляемся к партизанам.

Последовал ответ:

— Нас не интересуется, кто вы, у нас нет партизан и нет никакой Турновой.

В этот момент мы услышали крик женщины, бегущей со стороны деревни:

— Спасайтесь, немцы идут!

И тут же увидели, что вдаль, с той же стороны деревни, навстречу нам мчатся немцы на подводах с конями. Мы пустились бежать в сторону леса. Но на наше счастье лошади немцев были ломовыми и не особенно быстро скакали. Мы успели забежать в топкое болотистое место, густо укрытое кустами. Однако мы завязли в болоте так глубоко, что не было сил двигаться дальше. К тому же возникла опасность быть затянутыми в болото и совсем утонуть. Мы поневоле остановились. Будь что будет. Казалось, что нам не миновать гибели. Немцы нас поймают и пристрелят. Мои товарищи совсем поникли головами. Боря Шейнкман, который и раньше не особенно одобрял мой план в отношении деревни Козеногово, теперь стал упрекать:

— Куда ты нас завел, Моня?!

Мы услышали близкий топот лошадей — значит, немцы погнались за нами. Далее топот прекратился, и мы ясно слышали слова одного немца:

— *Pass mal auf. Das muss nur eine Spähgruppe gewesen sein. Die ganze Bande muss tiefer im Sumpfe stecken.* (Вот что. Это, видимо, была только разведывательная группа. Вся банда, должно быть, находится подалее в болоте.)

Но немцы не осмелились двинуться в болото и остались на месте до самых сумерек. Затем мы услышали, что они удаляются, но все же ждали до позднего вечера. Куда идти дальше? Мои товарищи стали сомневаться в правильности моего плана, но я решительно заявил, что пойду сам в деревню Козеногово. Я стал выбираться из болота и направился в сторону шоссе. Мои товарищи поплелись за мной. Что им оставалось делать? Мы опять стали подыматься на холм и скоро увидели, что на-

встречу нам валит деревенский люд. Жители деревни видели, как немцы погнались за нами и как позднее они ускакали назад, а теперь жители с нетерпением хотели узнать о нашей участи. Когда они нас разглядели, многие побежали нам навстречу с возгласами:

— Родненькие! Бедненькие!

Встреча была очень радостной. Ясно было, что эти люди понимали, что мы бежали от немцев, хотя и не знали, что мы евреи. Мы им дальше сами все рассказали о себе. Завели они нас в одну избу. После болота и разгрузки угля мы были совсем грязные. Мы почистились, помылись. В это время в хату вошла высокая стройная женщина лет 35—40, с выразительным волевым лицом, в полушубке. Подошла она к нам со словами:

— Здравствуйте, товарищи!

Обращаясь ко мне, она спросила:

— Откуда знаете имя Турновой? — видимо, крестьяне, с которыми мы раньше встретились в поле, уже сообщили ей о нашей встрече. Я рассказал ей о бородатом мужчине из партизанского лагеря «Заполянье», с которым познакомился на строительстве здания гестапо и который мне посоветовал в случае побега обратиться к женщине по фамилии Турнова в деревне Козеногово. Тогда она сказала:

— Это я Турнова, а тот бородатый мужчина — мой муж. А вот и наша дочь! — и показала на девочку, стоящую рядом. Девочка действительно была похожа на отца. Турнова раскрыла свой полушубок, и я увидел на ней советскую военную форму, а на поясе наган; она заявила, что является разведчицей Третьей партизанской бригады¹.

Далее она сказала, что переправит нас к партизанам. А пока велела нас накормить и после этого направить в какой-то сарай поодаль от деревни — туда за нами придут.

Оставаться в деревне Козеногово было опасно, ибо в любой момент можно было ожидать налета фашистов. Нас накормили и через час вывели на дорогу, показали, как идти к сараю, который находился примерно в километре от деревни. Мы пошли по большаку. Было темно. Вдруг увидели движущиеся нам на-

1 3-я Ленинградская партизанская бригада под командованием майора А. В. Германа была сформирована на базе 2-й Особой бригады в июне 1942 года. В ее составе было 520 партизан. Применяла тактику быстрых рейдов и маневров и своими действиями охватывала большую часть территории Порховского, Пожеревицкого, Славковичского, Новоржевского, Островского и других районов Ленинградской и Псковской областей.

встречу зеленые и желтые огни фонарей. Что это? Не немцы ли? Мы бросились в сторону, в лес. Пролежали там всю ночь. На рассвете увидели сарай, который нам описали. Вошли туда и залегли в солому. Пролежали целый день. Никто за нами не приходил. Вечером мы увидели огненное зарево. Поняли, что это партизанская точка и пошли в направлении огня. Увидели хутор, подошли и спросили там мужчину, как добраться до партизан. Он громко в ответ:

— Где вы были вчера?

Оказалось, что этот человек был из партизанской разведки и накануне вечером в освещении разноцветных фонарей приходил за нами в сарай, в то время как мы прятались от него в лесу. Он объяснил нам, как следует идти дальше и что дальнейший маршрут мы будем получать по пути следования. Мы шли долго и прошли километров двадцать. Ходили от одной деревни к другой, и в каждом месте нам указывали, как идти дальше. Наконец, подходя к деревне, стоящей на холме, под названием Иванцы, мы услышали окрик:

— Кто идет?!

Мы остановились. К нам подошли вооруженные люди и спросили:

— Кто вы такие?

В первый момент мы растерялись, затем я спросил:

— А вы кто такие?

Тогда один из них воскликнул:

— А! Это те самые три еврея! Давайте быстро наверх!

Это была партизанская засада. Мы поднялись на холм. У пулеметного гнезда стояли трое пулеметчиков. Те нас встретили с восторгами и возгласами:

— Братцы! Вы свободные люди! — видно было, что про нас уже знали.

Пулеметчики нам сообщили, что через два часа придет патруль и отведет нас в деревню.

Начались взаимные расспросы. Под защитой партизанских пулеметчиков мы действительно почувствовали себя свободными, полноценными людьми. Прилегли немного отдохнуть. Скоро явился патруль и повел нас в деревню. Завел в хату, где базировались партизаны. Те тоже уже знали про нас, радушно приняли и хорошо накормили. Пришли партизаны из других хат. Все очень интересовались нами.

В партизанском полку, расположившемся в этой деревне, были три роты. Каждая из них хотела получить одного из нас, еврея. И вот, я попал во вторую роту, Шейнкман — в первую, а Залмансон — в третью, и мы переночевали тогда каждый в своей роте.

На следующее утро после завтрака меня вызвали в особый отдел полка, к комиссару Луневу. Явившись к нему, я увидел перед собой мужчину лет 40, стройного, высокого, со строгим выражением лица. Он встретил меня словами:

— Ну, немецкий шпион! Выкладывай, какое задание тебе немцы дали? Где твой код, шифр?! — говоря это, он приставил свой пистолет к моему виску. Я остолбенел от такого приема и от растерянности в первую минуту молчал.

Тогда Лунев добавил:

— Не скажешь — расстреляю!

Я стал рассказывать, как мы бежали из Порхова. Лунев обыскал меня. Из моих карманов он извлек мой советский паспорт, фальшивый немецкий документ, немного немецких денег и несколько старых бритвенных лезвий в спичечной коробке. Первым делом Лунев спросил, зачем мне бритвенные лезвия. Я объяснил, что держал их для того, чтобы в случае, если немцы меня схватят, мог бы быстро покончить самоубийством, чтобы под пытками не выдать товарищей. Затем он стал проверять мой паспорт и посмотрел на меня, видимо, проверяя мое сходство с фотографией на паспорте. Наконец он стал рассматривать гестаповский документ. Я поспешил заявить, что документ фальшивый, подделанный нами. Лунев, очевидно, не знал немецкого языка, и со словами «На, переведи, но только правильно!» передал мне бумагу.

Содержание документа, написанное на бланке штаба гестапо, было следующим: *“Der lettische Hilfswillige Janis Gleser ist im Dienste der Porchower SD und hat das Recht sich in der Stadt Porchow und seiner Umgebung frei zu bewegen. Sturmbannführer und Komandeur Poche”*. («Латышский доброволец Янис Глезер находится на службе СД в Порхове и пользуется правом свободного передвижения в Порхове и его окрестностях. Штурмбанфюрер и командир Похе».)

Когда я кончил переводить, Лунев с суровым лицом спросил меня:

— Что это значит?

Я объяснил, что при уборке помещений штаба гестапо в Порхове я украл бланки и совместно с товарищами изготовил фальшивые документы на случай побега. Лунев молчал, что-то обдумывал. Я поспешил сказать ему, что в Рижском гетто состоял членом организации вооруженного Сопротивления.

— Чем ты это докажешь? — спросил Лунев. — Пока я вижу, что ты в немецкой форме и с документами латышского добровольца. Я верю документам, а не словам.

Я указал, что по почерку можно убедиться, что документ я сам лично подписал.

— Ладно, разберутся! — заявил Лунев, позвал часового и велел отвести меня в карцер. Перед тем как меня отвели в карцер, я еще успел сказать Луневу:

— Можете расстрелять нас, но выполните мою просьбу — сообщите при первой возможности в Рижское гетто, что мы трое добрались до партизан.

Лунев ничего не ответил, но видно было, что мои слова на него подействовали.

Моим карцером оказалась просто баня, которая фактически не запиралась. Все же я был крайне удручен. Неужели из-за злополучного документа нам придется погибнуть, да еще от рук советских партизан, к которым всей душой стремились и с таким трудом и риском добрались?!

Я пробыл в так называемом «карцере» почти целый день. Вернулся к своим товарищам Шейнкману и Залмансону в подавленном состоянии и рассказал им о своем допросе.

Утром следующего дня меня повели в деревню Мишкино, где находился штаб партизанской бригады, состоящей из трех полков. Начался новый допрос.

Вокруг сидели командиры и разведчики. Допрос вел начальник особого отдела бригады Виктор Кадачигов, пожилой человек, лет 45—50, среднего роста, блондин, с симпатичным лицом. Вся его грудь была увешана орденами и медалями. Первыми его словами были:

— Мы за это время получили некоторые агентурные сведения о вас. Сейчас их проверим. — По тону, каким были сказаны эти слова, и по всему обращению начальника, я понял, что дело приняло для нас более благоприятный оборот.

— Почему ты в лагере в городе Порхове не вступил в связь с партизанами? — спросил меня Кадачигов.

Я объяснил, что боялся провокации, ибо знал, что в лагере имеются подосланные провокаторы. Мои ответы на дальнейшие вопросы подтвердили правильность сведений, собранных особым отделом. Приободрившись, я уже с улыбкой спросил:

— Ну что, расстреляют нас?

— Нет, об этом речи нет, — ответил Кадачигов. При этом я заметил, что все присутствующие заулыбались.

— Что вы собираетесь дальше делать? — спросил меня начальник.

Я ответил:

— Хотим бороться с фашистами. Дайте нам оружие и мы будем воевать.

— Что? Давать вам оружие? — спросил с удивлением начальник. — Плохое у вас представление о партизанах. Вы не

в армии. Партизан сам себе должен добывать оружие у врага в бою. Мы решили послать вас на проверку на боевое задание. А пока отправляйтесь назад к своим товарищам.

Вернувшись назад, я рассказал товарищам о втором допросе. Шейнкман, в свою очередь, рассказал, как Лунев его допрашивал. Когда Лунев спросил Шейнкмана: «Как докажешь, что вы бежали от немцев?» — Шейнкман показал ему фотографии родителей и брата, расстрелянных в Рижском гетто, свое немецкое удостоверение личности из Риги со штампом *"Jude"*, и справку о работе в качестве еврея в немецкой части в Риге. Все эти документы Шейнкман всегда прятал при себе. Эти документы были веским ответом на вопрос Лунева, после чего он дружески похлопал Шейнкмана по плечу и сказал:

— В общем, вы молодцы, ребята. Надеюсь, будете достойно мстить за свой народ!

В тот же день (это было в последних числах октября 1943 года) начальник разведки товарищ Быков повел нас троих в деревню Подсуха. Там среди других, уже испытанных партизан, находились многие перебежчики с немецкой стороны — эстонцы, латыши, власовцы, которые, как и мы, подлежали проверке. Всего нас таких было около 200 человек. Мы залегли в приготовленные блиндажи. Немцы начали минометный обстрел деревни. Оружия у нас, проверяемых, не было, но нам дали каждому по мешочку с патронами. Согласно приказу нашего командира, мы по сигналу зеленой ракеты должны были с криком «Ура!» выбежать из блиндажей и тем создать у врага мнимое впечатление нашей многочисленности. Скоро в небо взвилась ракета, и мы с криками «Ура!» бросились против немцев. Те укрылись в траншеях, но их корректировщик спрятался на дереве и оттуда давал указания своим немцам. Один из наших партизан его заметил и подстрелил, тот упал с дерева. Партизан, подстреливший немца, мне крикнул:

— Айда! Беги за оружием!

Я побежал. Немец был мертв. Я схватил его карабин и патронташ. Партизан приказал мне стрелять. Я шелкнул, но выстрела не последовало. Партизан мне тогда крикнул:

— Выбрасывай пустые гильзы и заряжай заново!

Я так и поступил и выстрелил. Признаться, при первом своем выстреле меня здорово ошарашило, но быстро привык. Немцы, видимо, действительно решили, что на нашей стороне стоит большая сила и, оставив на поле боя своих убитых, скоро отступили и скрылись. Так завершилось наше боевое крещение.

Тут ко мне верхом на лошади подскакал комиссар Лунев и сказал:

— Ну, братец, я все время за тобой следил. Вижу, что ты действительно хочешь воевать. Хорошо. Будешь мстить за свой народ. Я назначаю тебя подрывником в специальный 31-й отряд подрывников, а твоих товарищей направлю в роту.

Я поблагодарил Лунева за доверие ко мне.

В этот момент вдаль опять показались немецкие воинские части. Партизаны стали поспешно готовиться к новому бою. Началась сильная перестрелка, которая продолжалась до темноты. Немцы понесли большие потери, но на их стороне было многократное превосходство сил, и наше командование решило отступить. Отходя в темноте, мы издали увидели, что вся деревня Подсуха пылает в огне. Это ее подожгли немцы. Мы перешли в другую деревню. Но тут нас троих разделили по разным частям — меня, как предупредил Лунев, направили в 31-й отряд подрывников, а Шейнкмана и Залмансона — в 3-ю роту 2-го полка. Так я расстался со своими товарищами.

Началась моя боевая подготовка. Обучение чередовалось с боевой практикой, т. е. боями с немцами.

В конце ноября 1943 года партизаны взорвали длинный участок Псковской железной дороги. В этой операции участвовали почти все партизанские части. Наш отряд в этой операции действовал у полустанка Локоть. Здесь я лично подорвал железнодорожную водонапорную башню.

Когда по окончании операции партизанские соединения возвращались на свои исходные позиции в Мачковских лесах, я встретился со своими товарищами Шейнкманом и Залмансом, которые тоже участвовали в этой операции. Но поговорить нам тогда не удалось, так как наши соединения быстро разошлись в разные стороны.

В январе 1944 года наша партизанская группа из пяти человек получила первое самостоятельное задание — взорвать небольшой деревянный мост через речку и тем самым отрезать друг от друга два немецких гарнизона, расположенных по обеим сторонам речки. По обоим концам моста расположились немецкие дзоты, а по самому мосту взад-вперед методично расхаживал немецкий часовой. Мы, четверо партизан, каждый с 10-килограммовым пакетом взрывчатки, ползя на животе «по-пластунски», подползли под деревянные фермы моста и заложили взрывчатку. Когда мы отползли назад на безопасное расстояние, командир нашей группы потянул шнур запала и мост взорвался. Немцы были так ошарашены неожиданным взрывом, что подумали, что это был авианалет, что самолет сбросил на мост бомбу. Они стали беспорядочно стрелять из зениток в небо. Мы с большим удовольствием наблюдали за

этой сценой и вернулись в свою часть с сообщением, что задание успешно выполнено.

Во время одного из партизанских рейдов я имел удивительную встречу. Наше партизанское соединение в дороге встретилось с другим. Среди партизан я увидел человека, лицом и фигурой очень похожего на Менделевича, того самого из нашей группы в Порхове, который сбежал до нас. Когда я убедился, что это действительно он самый, я его окликнул по имени. Он оглянулся и, увидев меня, радостно побежал навстречу. Мы обнялись и расцеловались. Все партизаны с изумлением смотрели на нашу встречу.

Но долго задерживаться мы не могли. Я успел только сообщить Менделевичу, что Шейнкман и Залмансон бежали со мной и тоже участвуют в партизанском движении этого района. А на мой вопрос, как ему удалось бежать к партизанам, он смог только лаконично ответить:

— Видишь, я здесь!

Обнявшись на прощание, мы разошлись, но, возбужденные встречей, еще долго махали друг другу рукой.

22 февраля 1944 года наша партизанская группа получила почетное задание в честь Дня Красной Армии взорвать немецкий военный эшелон в пяти километрах от Порхова. Самой важной и рискованной частью этого дела было именно добраться до самой железной дороги, ибо все пространство вокруг, а особенно само полотно, охранялось немцами исключительно сильно.

Мы добрались до шоссе и залегли под насыпью, дожидаясь подходящего момента, чтобы пересечь шоссе и направиться дальше к железной дороге. У каждого из нас была толовая взрывчатка. Мы видели, что немецкий транспортер (бронированная машина) с установленным на нем пулеметом, регулярно передвигается по шоссе взад и вперед. Мы убедились, что это движение транспортера происходит с интервалами в один час. Улучив момент, когда транспортер был довольно далеко, мы быстро переползли через шоссе, пробежали с полкилометра и залегли за снегозащитными барьерами. До самой железной дороги оставалось всего метров тридцать. Но это было самым опасным местом. На этом участке немцы протянули проволоку между сучьями спиленных деревьев, на проволоке были нанизаны пустые консервные банки. Когда кто-то задевал проволоку, раздавался звон. Поэтому этот участок следовало пересекать с исключительной осторожностью. Кроме того, большую опасность представляли для нас немецкие овчарки-ищейки. Но партизаны нашли верное средство против собак. Свои белые

маскировочные халаты мы прокипятили с табаком-самосейкой. Мы видели, что стаи собак с лаем и воем проносились совсем близко от нас, но ничего не почуяв, пробежали мимо. Перед тем как должен был пройти железнодорожный эшелон, по путям прошел немецкий патруль, внимательно вглядываясь, не заложены ли в путях мины или взрывчатка. Я ясно услышал слова одного из немцев:

— *Was suchst du dort? Kein Teufel kommt hier diese Nacht!* (Что ты там ищешь? Никакой черт не придет сюда этой ночью!) — и патруль удалился.

Скоро до нас стали доноситься звуки приближающегося поезда. Дальше ждать было нельзя. Мы подползли к рельсам и положили между шпалами взрывчатку. Я закрепил запал, взрыватель, и мы быстро отбежали от полотна. Однако немцы были очень осмотрительны. Спереди паровоза к эшелону были прицеплены две платформы, нагруженные камнями. Мы это знали. Командир нашей группы, следя по ориентиру, т. е. по тени движущего поезда, потянул запальный шнур в нужный момент. Раздался оглушительный взрыв. Мы увидели дым, пар, огонь и летящие в разные стороны части вагонов, услышали крики раненых. Когда наступила тишина, мы пустились бежать к шоссе. Все пространство между железной дорогой и шоссе шириной метров шестьсот было совсем оголено, ибо зеленевший здесь раньше лес немцы заблаговременно, в целях своей безопасности, вырубил. Через короткое время в небо взвились несколько ракет, и вся местность осветилась почти дневным светом. Мы только успели добежать до шоссе и залечь. За это время подоспели немецкие части и оцепили всю местность.

Одна группа немцев появилась на самой насыпи шоссе, совсем близко от нас, всего метрах в сорока. Но так как мы лежали внизу, у подножья насыпи, в белых маскировочных халатах, они нас не заметили. Они стали стрелять в сторону железной дороги. В этот момент раздался выстрел со стороны леса. Это стрелял наш партизан-возчик, который доставил нас и нашу взрывчатку на сани и ждал в лесу нашего возвращения. Он стрелял, чтобы отвлечь внимание немцев. Я четко услышал команду одного немца:

— *Alle Mann rechts!* (Всем пойти направо!)

И немцы двинулись в правую сторону шоссе. Я крикнул своим товарищам:

— Братцы! Кто хочет жить, за мной налево!

Мы переползли через шоссе и забежали в лес. Но тут немцы заметили нас и открыли по нам бешеный огонь из танковых пулеметов с разрывными пулями «дум-дум», однако в лес они

не осмелились заходить. А мы тем временем что было духу бежали все глубже и глубже в чащу. Я был так утомлен, что сильно отстал от товарищей и потерял их из виду. А те подумали, что я погиб, и ушли.

Я остался один в незнакомой мне местности и стал блуждать. Только под следующий вечер я увидел деревню. Хотя я не знал, какая это деревня, решил войти туда и спросить, как пробраться в партизанские места. Приблизившись к деревне, я не захотел поверить своим глазам — я вернулся назад в знакомую мне деревню Речица, в исходный пункт моего длинного, тяжелого пути к партизанам. После полного освобождения я опять попал в логово врага! Чувство отчаяния, почти ужаса охватило меня. Я с трудом удержался, чтобы не разрыдаться. Но я быстро поборол в себе это чувство — слишком свежи были во мне ощущения недавней вольной боевой жизни.

Несмотря на крайнюю усталость, я был полон решимости немедленно вновь пробираться к партизанам. Я зашел в хату своих друзей — Емельяновых. Там была вся семья — Катя, Геннадий и их родители. Они в первый момент меня не узнали — я был в масхалате и с немецким карабином, и они даже сильно перепугались. Но спустя мгновение, когда я кликнул «Катя!», они сразу же меня узнали и обрадовались, но тут же не скрыли своей тревоги. Ведь немцы могли каждую минуту явиться с обыском, и если меня найдут, то снесут всю деревню. Чтобы их успокоить, я обещал вскоре их покинуть. Я им рассказал вкратце обо всем, что со мной приключилось после нашей разлуки. А в конце рассказа спросил их:

— Вы слышали прошлой ночью сильный взрыв?

— Да, — ответили они.

— Так вот! Это был мой взрыв! — заявил я не без чувства гордости.

Друзья меня накормили, но, видя мою крайнюю усталость, предложили немного прилечь, а сами стали дежурить по очереди снаружи хаты, чтобы успеть в случае опасности предупредить о появлении немцев. Но как только я прилег, я тотчас заснул и проспал до самого утра. Разбудив меня, старик Емельянов дал мне сумку с продуктами и компас и, указывая на компас, сказал:

— Иди по этому курсу и дойдешь до своих!

Я был так тронут добротой старика и особенно его словами «до своих», что крепко обнял его и поцеловал. Я распрощался со своими верными друзьями и ушел ободренный.

После четырех дней очень утомительной и полной тревог ходьбы по лесам и болотам я, наконец, вернулся назад к пар-

тизанам. С неопишуемым восторгом и радостью я был встречен своими товарищами-партизанами, которые уже считали меня погибшим.

За эти прошедшие дни ситуация на фронте значительно улучшилась в нашу пользу — Красная армия подошла к станции Дно, всего в 20 километрах от Порхова. Гул артиллерийской канонады совсем отчетливо доносился и до нас. Можно было со дня на день ожидать нашего соединения с Красной армией.

Фашисты стали спешно отступать по всем дорогам. Задачей партизан было всеми силами мешать этому отступлению, что мы и делали.

Через пару дней, 28 февраля 1944 года, мы увидели наших советских солдат с танками. Наша встреча была восторженной, трогательной, братской.

В ближайшие дни армия пошла вперед, а мы, партизаны, оказались в тылу. А ведь война еще не закончилась, враг еще был на нашей советской земле. И мы, партизаны, попросили командование зачислить нас в ряды армии. Просьба, конечно, была удовлетворена, наш отряд зачислили в противотанковый истребительный дивизион, и я стал наводчиком 45-миллиметрового орудия. Нас направили в район Эстонии. Там мы участвовали во многих боях. Я получил звание ефрейтора. Через несколько месяцев наш дивизион был переброшен на финский фронт, к «линии Маннергейма»¹.

5 июля 1944 года в бою в районе станции Белоостров я был тяжело ранен в правое предплечье. Меня отправили в эвакуационный госпиталь №1117. После операции я пролежал в госпитале до начала октября 1944 года. Врачебная комиссия признала меня инвалидом Отечественной войны, негодным для дальнейшей военной службы.

14 ноября 1944 года я вернулся на родину, в Ригу, которая уже месяцем раньше была освобождена Красной армией.

1 «Линия Маннергейма» — система долговременных укреплений на Карельском перешейке, в 32 км от Ленинграда. Сооружена Финляндией в 1927—1939 годах при участии немецких, английских, французских и бельгийских военных специалистов. Названа по имени военного деятеля фельдмаршала К. Г. Маннергейма. Имела общую протяженность 135 км и глубину до 90 км, насчитывала более 2000 деревоземляных и долговременных огневых сооружений. Советские войска дважды прорывали «линию Маннергейма» — в советско-финляндскую войну 1939—1940 годов и в Великую Отечественную войну (1944 год)..

Свободным советским гражданином я шагал по улицам свободной советской Риги — меня охватывали волнующие чувства. То была радость за победу Красной армии и всего советского народа, радость за свое спасение, чувство глубокого морального удовлетворения, что мне самому удалось внести посильный вклад в общую борьбу с фашистами. Но были чувства глубокой печали и скорби о многочисленных жертвах лучших сынов на фронтах войны и бесчисленных невинных жертвах, погибших от рук фашистов в неисчислимых гетто и концлагерях.

Число спасшихся в Риге евреев было ничтожно мало, а из бывших товарищей по организации Сопротивления в гетто в живых остались только единицы. Скоро, в ноябре того же 1944 года я встретился в Риге со своими товарищами-партизанами Шейнкманом и Залмансоном, они еще продолжали служить в армии, и в Риге оказались только на побывке. Велика была радость нашей встречи. С неописуемым интересом мы слушали рассказы каждого из нас об истории нашей боевой службы.

В один из тех дней мы втроем отправились в район бывшего Рижского гетто. Оно уже было заселено новыми жителями. Кроме наших воспоминаний, ничто здесь больше не напоминало о тех страшных днях, которые мы и наши собратья не так давно пережили в этих местах.

Мы пошли на Старое еврейское кладбище. Здесь, наоборот, многое свидетельствовало о зверствах и кощунстве фашистов. Все могильные плиты и памятники были разрушены или похищены. В каменных стенах ограды кладбища виднелись следы пуль, которыми бывшие коменданты гетто и другие фашистские палачи расстреливали на кладбище евреев из близлежащего гетто.

В тяжелых думах, склонив головы, стояли мы у массовых могил наших соплеменников, расстрелянных фашистами в страшные дни «акций».

Вечная память вам, невинные жертвы фашизма!

Вечная слава советским воинам, отомстившим за вас!

Рига, 1960—1962 годы.

Запись Макса Михельсона. Оригинал записки рассказа хранится в Архиве института «Яд-Вашем» под номером E/1046(E/26-1-7)

Послесловие

Этот документальный рассказ — «Мой путь к партизанам», записанный Максом (Мотей) Михельсоном со слов Мордуха

(Мони) Глезера в конце 50-х годов прошлого века, в моей последующей литературной обработке в начале 60-х годов мне особенно ценен и дорог. С этого практически началось наше сотрудничество по записи правдивых свидетельских показаний очевидцев, переживших еврейскую Катастрофу в Латвии и в других местах, оккупированных нацистами во время Второй мировой войны.

С Мотей Михельсоном меня познакомил Давид Гарбер, с которым я близко сдружился, будучи участником еврейской художественной самодеятельности при Доме культуры Московского района города Риги — единственное, что антисемитски настроенные советские власти тогда временно позволили евреям в столице Латвии. Это было в 1958 году.

Однажды Давид Гарбер сообщил мне по секрету, что несколько бывших узников Рижского гетто предлагают организовать сбор свидетельских показаний очевидцев, переживших ужасы гетто и концлагерей, с особым акцентом на фиксации всех известных случаев активного и пассивного сопротивления обреченных евреев фашистским оккупантам. Несколько человек, в том числе и я, зажглись этой идеей, и в назначенный вечер мы тайно собрались на рижской квартире Моти Михельсона по улице Артиллерияс — Давид Гарбер, Гарри Леви, Беня Каплан, сам хозяин квартиры Мотя Михельсон и я, Давид Зильберман. Тогда же я познакомился и с супругой Моти — Фридой Михельсон¹, чудом спасшейся у ямы во время расстрела евреев в Румбульском лесу во время второй акции уничтожения узников Рижского гетто 8 декабря 1941 года, а Фрида в дальнейшем представила меня Элле Медалье², тоже

1 Фрида Зеликовна Михельсон (урожд. Фрид) (1906—1986) — портниха. Родилась в Ной-Шваненбурге Лифляндской губернии (ныне Яунгулбене в Латвии), жила в Вараклянах. В 1941 году — узница Рижского гетто, спаслась с места расстрела в Румбуле. После освобождения работала в Риге. С 1971 года жила в Израиле. Автор книги воспоминаний, написанных в 1965—1967 годах (*Михельсон Ф. Я пережила Румбулу. Бет-Лохамей-Гагетаот* (Израиль), 1973; 2-е изд. Рига, 2005; 3-изд. М., 2011).

2 Элла Израилевна Медалье (1913—1999) — учительница. Родилась в Туккуме Курляндской губернии (ныне Тукумс в Латвии). По окончании латышской гимназии в Тукумсе и еврейских педагогических курсов в Риге работала в провинции. В 1941 году заключена в Рижское гетто, спаслась с места расстрела в Румбуле. После освобождения жила в Риге. Воспоминания «Право на жизнь», написанные в 1965 году, впервые опубликованы в кн.: *Зильберман Д. И Ты это видел. Нью-Йорк, 1989. Впоследствии*

чудом спасшейся во время второй акции, но это уже другая тема.

Так сложилась тогда наша спаянная группа, и мы сумели зафиксировать документально многие правдивые факты и обстоятельства спасения и героизма, услышанные от уникальных свидетелей — очевидцев невиданной по масштабу, чудовищной Катастрофы нашего народа, ныне называемой Холокостом.

Мы договорились на нашей встрече, что задачей нашей группы должен быть сбор документов и подлинных фактов геноцида немецких фашистов против еврейского народа, в том числе преступное пособничество местных жителей в уничтожения своих еврейских соотечественников в Латвии, а также героизма еврейских борцов гетто и концлагерей.

На той же первой встрече Мотя сообщил нам, что он работает над темой еврейского Сопrotивления в Рижском гетто и записывает историю успешного побега одного из участников Сопrotивления к партизанам. А мне и Гарри Леви он посоветовал записать свидетельские показания людей, которых спас латыш Жан (Жанис) Липке, как факт пассивного, но не менее героического сопротивления гитлеровским планам «окончательного решения еврейского вопроса».

Все собранные и записанные нами материалы в дальнейшем, в 60—70-х годах долго циркулировали в машинописных текстах по многим городам Советского Союза как «самиздатская» еврейская подпольная литература.

Прошло много лет с той памятной встречи, почти полвека. История побега Мони Глезера из Рижского гетто к партизанам, полная небывалых приключений, смертельных опасностей и героизма, навсегда осталась моей памяти и волновала мою душу. За это время появились многочисленные публикации воспоминаний, документов, отчетов и пр. Но нигде в литературе о Холокосте я не встречал историю о невероятном побеге и подвиге Мони Глезера. И я решил, что это несправедливо по отношению к памяти Мони Глезера и Моти Михельсона, и включил это повествование в мой сборник рассказов очевидцев «И Ты это видел», готовящийся к переизданию в Российском Научно-просветительном Центре «Холокост» в Москве.

С большим трудом благодаря содействию друзей и коллег — Маргера Вестермана, Ильи Ленского, Григория Смириня, Шмуэля Латвинского и Арона Шнеера я нашел наконец в архиве института «Яд-Вашем» в Иерусалиме литературную запись этой истории со следами моей последней правки.

дважды вышли отдельным изданием: *Медалье Э. Право на жизнь.* Рига, 2006; 2-е изд. М., 2012.

Ушли из жизни все участники драматических и трагических событий, описанных в этом очерке, а также большинство (все, кроме меня) из нашей группы самозванных еврейских «летописцев».

Пусть рассказ-воспоминание «Мой путь к партизанам» станет письменным памятником моим навсегда ушедшим товарищам-единомышленникам — Моте Михельсону, Давиду Гарберу, Гарри Леви, Бене Каплану и, конечно, самому герою — Моне Глезеру.

Мотя Михельсон записал вышеизложенную историю побега и сражений с фашистами Мони Глезера, а также собственную историю своего спасения из концлагеря «Кайзервальд».

Давид Гарбер, будучи юристом, обеспечивал нас архивными материалами и бесценными документами из различных источников.

Мы с Гарри Леви собрали обширный материал о спасении евреев во время войны Жанисом Липке, который я опубликовал отдельной книгой.

Беня Каплан, потерявший всех родных и чудом переживший Катастрофу, сразу после освобождения Риги в октябре 1944 года стал членом советской Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков¹ на оккупированной территории Латвии, а к моменту нашей встречи лишь недавно вернулся из ГУЛАГа.

1 Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР была образована 2 ноября 1942 года. В комиссию входили партийные функционеры Н. М. Шверник (председатель) и А. А. Жданов, академики Н. Н. Бурденко, Б. Е. Веденеев, Т. Д. Лысенко, Е. В. Тарле, И. П. Трайнин, митрополит Киевский и Галицкий Николай, писатель А. Н. Толстой, летчица В. С. Гризодубова. В освобожденных районах создавались комиссии содействия ЧГК. Комиссия собрала огромное количество документальных и вещественных доказательств, которые сыграли важную роль в разоблачении главных военных преступников на Международном военном трибунале в Нюрнберге и на других судебных процессах (см., напр.: Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. [М.], 1946). Республиканская Чрезвычайная комиссия при Совете министров Латвийской ССР действовала с 23 августа 1944 года по 27 июля 1946 года. Ее возглавлял первый секретарь ЦК Компартии Латвии Я. Э. Калнберзин. На местах республиканская

Его заключили в советский концлагерь за несогласие с антисемитскими выводами и заключениями Чрезвычайной комиссии. После сибирских лагерей Бенья Каплан ничего не писал, хотя был всесторонне образованным и начитанным человеком, прекрасно знал несколько языков. Зато он многое мне рассказал.

Пусть будет вовеки благословенна светлая память моих товарищей-подвижников, оставивших бесценные свидетельства о еврейской Катастрофе.

*Давид Зильберман,
Рига—Нью-Йорк, ноябрь 2011 года*

Посвящаю моему сыну Эмилю

АРНОЛЬД И БУБИ

Фронтовая быль

I

Буби (Шмуэль, или Самуил) Цейтлин был известен многим в послевоенной Риге. Это был смелый человек с большим сердцем и открытой душой, готовый заступиться за каждого, обиженного властью, людьми или судьбой.

Время, казалось, не оставило на Буби своего разрушительного отпечатка. Он оставался в нашей памяти неизменно одиноким холостяком неопределенного возраста — низкорослым, худым, всегда в одной и той же поношенной старой кожанке и кепке, прихрамывающим после фронтового ранения, с неразлучной палочкой. У него пронизывающие серые глаза и с губ никогда не сходит грустно-лукавая улыбка. Буби и юмор — тоже неразлучны. Его разговор — сплошные хохмы. В Риге он был любимцем еврейского общества, человеком-легендой, олицетворяющим свой город, подобно одесским персонажам Бабеля. Накануне приезда Буби в Израиль, в 1974 году, в местной русской газете «Наша страна» появилось следующее лаконичное объявление: «Наш Буби прибывает сегодня из Вены в 2 часа ночи». И все бывшие рижане знали, о ком идет речь, — это приезжает Буби (Шмуэль) Цейтлин, и в аэропорту в Лоде его встречали сотни людей.

Впервые я встретился с Буби в начале 60-х годов на новогоднем вечере у наших рижских приятелей. Было уже за полночь, играла негромкая джазовая музыка, кто-то танцевал, все мы были слегка навеселе, и тут Буби стал рассказывать нам эпизод из своей жизни, навеянный новогодними воспоминаниями далекого прошлого.

комиссия образовала 5562 следственные комиссии, в которых были задействованы около 50 тысяч человек. До наступления периода гласности в СССР архивы комиссии находились на секретном хранении; после их открытия обнаружилось, что они содержат колоссальный массив информации. Материалы Республиканской ЧГК фигурировали, в частности, на суде над немецкими генералами 1946 года в Риге.

— Так вот! — начал он, обращаясь к нам, группке молодежи, стоявшей в прихожей. — Если всё уважаемое начальство тут в полном сборе и все молчат, то позвольте мне вам кое-что рассказать. Ничего от лукавого, все принимайте за чистую монету, без балды! Что порой может случиться в жизни, того не придумаешь никакой самой буйной фантазией. Вот такое случилось со мной и нашим соседским мальчишкой Арнольдом, другом моего детства. Хотите верить, хотите нет — это ваше дело. Сейчас, действительно, такое не случается. Это будет вам новогодняя история, только слушайте и не перебивайте, вопросы потом.

И так до глубокой новогодней ночи мы с изумлением слушали его рассказ, связанный со столь необычайным стечением обстоятельств и столкновением человеческих судеб, что потом я не раз искал встреч с Буби и расспрашивал его о подробностях и деталях своеобразной жизни довоенной Латвии 20—30-х годов. Вернемся, однако, к самому рассказу Буби.

— Началась эта история в Риге в 1927 году, когда мы переехали с улицы Реймерса на Лачплеша, 21. Мне было тогда семь лет, и в первый же день приезда мне повстречался на лестничной клетке блондин-юнец из соседней квартиры — наша дверь была как раз напротив его двери. На следующий день мы уже стали друзьями и познакомили наших родителей. Мой отец был особенно доволен тем, что нам достались такие приличные, добропорядочные и спокойные соседи.

Это была старинная немецкая семья по фамилии Рейншюссель — местные родовитые прибалтийские немцы. Они жили в этом доме очень давно, по крайней мере, еще со времен Первой мировой войны. Арнольд и его сестры Зиги (Зигрит) и Элеонора здесь и родились. Отец их — скромный чиновник, работал бухгалтером, а мать, сколько я ее помню, вечно стряпала и хлопотала на кухне. У них в доме всегда что-то варилось, жарилось, парилось...

С ними жил еще племянник Курт, двоюродный брат Арнольда, внешне очень похожий на Геринга — типичный ариец-блондин, забияка, борец и боксер.

Их бабушка, бывшая фрейлина при дворе императора Вильгельма II, была всеми почитаемой, знатной особой, на стоящих «голубых» кровей. В их гостиной во всю стену висела написанная маслом картина «Въезд кронпринца Вильгельма II в Иерусалим», и бабушка с гордостью говорила, что та стройная, расфранченная «медхен» слева, на переднем плане, — это именно она. Эта картина была реликвией, а связанные с нею всякие придворные истории о паломничестве бабушки вместе

с германской императорской свитой в святые места были их семейной гордостью.

Зажили мы с Рейншюсселями добрыми соседями, не раз ходили к ним в гости, встречались за семейным столом, отмечали вместе их Рождество, Новый год, праздновали дни рождения детей.

В канун новогоднего праздника, когда Рейншюссели затаскивали на третий этаж огромную елку и украшали квартиру, у нас, детворы, задолго до праздника уже начинало подниматься настроение, мы предвкушали вкусный праздничный ужин и беззаботное веселье.

Начиналось у них Рождество с того, что их отец останавливал детскую возню за столом и, убедившись, что все сидят строго на своих местах, зажигал на елке свечи. Это были самые торжественные минуты. Гостиная превращалась в волшебный замок. Огни елки яркими бликами отражались в полированной мебели, как в зеркале, серебром переливался серпантин, повсюду на полу были рассыпаны разноцветные конфетти. Глаза у детей от возбуждения и огоньков свечей сверкали, как у волчат. Вся детская компания была в нарядных костюмчиках, все прилизаны, приглажены.

Мы с братом Элей сидели рядом с Арнольдом, высоким, голубоглазым, краснощеким мальчуганом. Он — в коротких вельветовых брючках, светлой рубашке и, как все остальные, аккуратно, коротко подстрижен и расчесан на пробор.

Младшая красивая Зиги (это была моя тайная симпатия) и высокая полная Элеонора — обе с длинными косами, пошкольному туго заплетенными с яркими лентами, держались вместе. Вокруг нас, детворы, хлопотали мать Арнольда и бабушка, приносили и уносили разные чудесные блюда с приятно пахнущими, щекощущими нос, яствами, просили кушать и не стесняться, спрашивали, не добавить ли чего-нибудь еще; словом, ничего лучше и придумать нельзя было.

Я от природы довольно сухой человек, всякие там эмоции и сантименты не в моей натуре. Но к ним в квартиру я всегда входил с каким-то чувством благоговения, как в те-

Буби Цейтлин. 1941 г.

атр или музей. Поражали удивительный порядок и чистота. В книжных шкафах и на открытых полках, словно солдаты в строю, выстроились сотни дорогих книг, большей частью редкие старинные фолианты в кожаных переплетах. Для каждого ребенка здесь был предусмотрен свой уголок для занятий. В квартире было пять комнат, и в каждой все на своих местах, каждая вещь будто бы срослась со своим местом.

Я очень любил листать с Арнольдом интересные книги и журналы, иллюстрированные яркими картинками. Мы читали по очереди, проглатывали массу невероятных историй и приключений. Не выходя из их гостиной, мы в мыслях прересекли с ним все моря и континенты, бывали разбойниками, пиратами и мушкетерами, терпели кораблекрушения и открывали новые страны...

Арнольд был на год моложе меня, но это был на редкость смысленный парнишка, с ним можно было беседовать на любую тему, он многое знал и мог часами рассказывать, никогда не повторяясь. Впрочем, я отвлекся.

Так вот, рождественский праздник был в разгаре. Наевшись, дети поочередно начинали выступать: кто декламировал, кто пел, иной даже читал свои собственные стихи. Здесь существовало единственное правило: выступить должен был каждый и за это он получал заранее заготовленный приз. Затем мы начинали громко звать Деда Мороза.

Улыбающийся отец вставал из-за стола — будет Дед Мороз, будет и мешок с гостинцами-подарками. Переодевшись в Деда Мороза, отец Арнольда бывал очень весел, от души шутил, в праздники он всегда был балагуром, охотником до смешных выдумок. Никогда не скажешь, что этот человек всю жизнь занимается скучным бухгалтерским трудом. Он водил хоровод вокруг елки, разыгрывал призы, раздавал награды, а мы, дети, кто во что горазд горланили:

*O! Tannenbaum! O! Tannenbaum!
Wie grün sind deine Blätter!
Du blühst im Winter,
Wenn es schneiht
Und in dem Sommer,
Wenn die Sohne schein...*

О, елочка, елочка!
Как зелены твои иголки!
Ты в зелени зимой,

Когда снежит,
И летом,
Когда солнце светит...

Да, приятно вспомнить... Безоблачным было небо нашей детской дружбы.

II

После ульманисовского переворота в 1934 году¹ вышло специальное постановление о национальных школах. Дети национальных меньшинств отныне могли учиться либо на своем языке, либо на латышском. Таким образом, я как еврей не мог больше учиться в немецкой школе. И мои родители перевели меня в еврейскую школу №10 на улице Лазаретес с обучением на иврите. Арнольд же с Куртом продолжали учиться в немецкой гимназии "*Bezen Kommerzschule*" на улице Валдемара, где ныне расположена Латвийская академия художеств.

Хоть мы и оставались добрыми соседями и даже продолжали иной раз бывать друг у друга в гостях, но между нами уже пролегла невидимая тень от зловещего дыма Рейхстага² и еврейских погромов в Германии. Да и наши школьные формы уже как-то не вязались одна с другой — моя темно-синяя бархатная шапка с бело-голубой лентой, на которой был вышит яркий *магендавид* — шестиконечная звезда, с его нововведенной формой, похожей на форму гитлерюгенда³ — короткие черные вельветовые гольфы до колен и легкая блузка-безрукавка со свастикой.

Вместо былых безобидных приключенческих книг теперь у Арнольда появился большой атлас, где он помечал все немецкие колонии в Африке. Он был страшно зол, что его Германию так урезали после Версальского договора, что она просто задыхается и будет вынуждена силой вернуть утраченные пространства и былое величие. Теперь он стал мечтать о подвигах

1 См. прим. 1 стр. 61.

2 Имеется в виду поджог Рейхстага (здания германского парламента) 27 февраля 1933 года, который большинство историков считает организованным нацистами с целью получить предлог для отмены в Германии демократических свобод, расправы со своими противниками и установления неограниченной власти Гитлера.

3 Гитлерюгенд — юношеская военизированная нацистская организация, действовавшая в Германии в 1926—1945 годах.

и военных походах. Арнольд был напичкан романтическими историями о Нибелунгах¹, Зигфриде², его кумиром стал Бисмарк³. Из него уже сформировался маленький слепой фанатик, заядлый немецкий патриот.

Мне было неудобно при нем упрекать всех немцев из-за Гитлера и его нацистской банды, а он никогда не упоминал гитлеровские речи, пропитанные антисемитским ядом, бреднями о «мировом заговоре евреев» и пр. Тем не менее, мы оставались хорошими знакомыми и в последующие годы, и даже после того, как рижские гимназисты-немцы объединились в полувойсковую скаутскую организацию *“Flatfinder”* («Искатель просторов»). Под видом скаутских занятий и проведения досуга для молодежи немцы устраивали в Межапарке военно-спортивные игры и состязания, обучались стрельбе, фехтованию, приемам борьбы и бокса. Латышские власти Ульманиса об этом, понятно, знали, но смотрели сквозь пальцы, чтобы не раздражать могущественного соседа — гитлеровскую Германию.

Тогда же и началась потасовка между еврейскими ребятами, трумпельдорцами-бейтаристами⁴ из нашей школы, и немецкими гимназистами, обычно кончавшиеся кровавыми драками или поножовщиной. Бывало, мы всем классом уезжали в Межапарк на футбол или другие игры, но без ножа или финки там было не обойтись. И мы, и немцы устраивали друг другу в городе засады, подкарауливали небольшие компании в темных углах, стреляли из рогаток, били стекла.

Арнольд, однако, не принимал участия в этих драках, и мы лично не враждовали. Он не любил улицу и избегал хулиганов из их скаутской организации, предпочитая свой уютный уголок-столик у белой кафельной печки и полку с книгами. Арнольд всегда был поглощен чтением, вел дневник, писал стихи, рас-

1 Нибелунги — герои средневекового германского героического эпоса «Песня о нибелунгах», обладатели чудесного золотого клада, история борьбы за который и составляет сюжет эпоса.

2 Зигфрид — центральный герой «Песни о нибелунгах».

3 Отто фон Бисмарк (1815—1898) — немецкий государственный деятель, осуществивший объединение Германии в 1871 году; первый рейхсканцлер (глава правительства) объединенной Германской империи.

4 Бетар (или Бейтар; сокр. от «Брит-Трумпельдор» — Союз им. Иосифа Трумпельдора) — молодежная сионистская националистическая военизированная организация, созданная в 1923 году в Риге и получившая распространение в ряде других стран. После образования Государства Израиль (1948) распущена.

сказы, он мог бы стать, наверное, хорошим журналистом или писателем. Но вскоре наши жизненные пути совсем разошлись.

В 1936 году мы разъехались по разным адресам. Помню, говорили, будто бы хозяин нашего дома проиграл в карты свой шестиэтажный особняк, а новый владелец так по-бешенному взвинтил квартплату, что все старые жильцы разъехались. С тех пор мы с Арнольдом стали лишь «шапочными» знакомыми. Кивнем, бывало, головой при редкой случайной встрече и расходимся в разные стороны.

В 1939 году Рейншюссели по призыву нацистов репатриировались в Германию, и семья Арнольда осталась в моей памяти лишь как приятное воспоминание детства.

* * *

В первые дни войны, 25—26 июня 1941 года, Рига кишела, как муравейник. Вовсю отступали советские воинские части, в спешке эвакуировались учреждения, в панике уезжали жители. Взрывались бомбы, откуда-то доносилась стрельба — была полная неразбериха. И вот в этом хаосе прохожу я как-то днем по улице Миера и вижу знакомый профиль — Арнольд! Я оторопел, быстро подошел к нему и окликнул:

— Арнольд! Как ты попал сюда? Что ты здесь делаешь?

— Нет, нет, извините, я спешу, вы меня с кем-то путаете... — невнятно пробормотал он по-латышски.

Он был одет в штатское, в руке держал велосипед *“Latvello”* и куда-то торопился. Увидев меня, он растерялся, затем стремительно вскочил на велосипед и, не оглядываясь, укатил. Было ясно, что он хотел, как можно скорее, отделаться от меня. Позже я узнал, что немцы в тот день выбросили десант, именно вблизи этих мест, у старого латышского кладбища — большую группу диверсантов. Я остановился на мгновение в растерянности, не зная, как поступить — побежать сообщить властям, да и где их было искать в такой неразберихе и панике. Я все-таки хотел было погнаться за Арнольдом, но тот как-то мигом скрылся из виду, должно быть, завернул в какой-то двор. А тут объявили тревогу, завывла сирена и опять началась бомбежка.

Не стану рассказывать, как я вырвался из горящей Риги, с какими приключениями добрался до города Горького¹ и как жестоко расправились фашисты с моими родными — это уже, к сожалению, всем известная трагичная история.

1 Название Нижнего Новгорода в 1932—1990 годах.

Но для меня настоящая война фактически началась 13 ноября 1941 года — в тот день я был мобилизован в армию. В Гороховецких лагерях тогда формировали Латышскую дивизию¹. В большинстве, конечно, там были евреи, латышей, особенно поначалу, было мало². Нас наскоро обучили, кое-как вооружили и оттуда вскоре перебросили на Калининский участок фронта. Так я оказался у станции Осташково Старорусского района. Кто был тогда в Первой ударной армии, тому эти названия о многом напомнят. Уже был конец марта 1942 года, но все еще стояли трескучие морозы, мели и завывали настоящие русские метели — в тот год стояла на редкость суровая зима. Мы сидели в активной обороне. К контратаке готовились и мы, и немцы.

Как-то раз, когда уже стемнело, в нашу землянку спустился комиссар полка и сказал:

— Ребята, поймали трех «языков», нужен переводчик. Есть среди вас кто-нибудь, кто прилично по-немецки «шпрехает»? Надо этих фрицев хорошо потрясти.

Переводчиков в нашей землянке нашлось сразу несколько. За каждый допрос переводчику полагалась пара лишних пачек махорки, иногда перепадала буханка хлеба или другой харч — словом, покрутишься переводчиком у начальства в штабе — не прогадаешь. Я тоже вызвался в переводчики — у меня с немцами были свои счеты.

— Сиди, Абр-р-рам, — наверное, ты знаешь только свой евр-р-рейский, — съязвил комиссар, особенно налегая на картавое «р». — У меня уже были такие переводчики.

— Как хотите, вам виднее, я только хотел помочь.

— А откуда вы знаете немецкий? — спросил он сухо у высокого худого русского парня, заросшего щетиной и грязью, но все еще сохранившего следы бывшего интеллигентного облика.

— Я окончил филологический факультет Ленинградского университета, немецкое отделение.

— Хорошо, это подойдет, собирайтесь в штаб.

— Не повезло, Цейтлин, не повезло, упустил «пайку», — подтрунивали надо мной в землянке, когда переводчик с комиссаром ушли.

1 См. прим. 1 стр. 102.

2 По результатам исследований д-ра В. И. Савченко, в 1941 году в составе 201-й Латышской стрелковой дивизии было 51% латышей, 26% русских и 17% евреев (см.: Савченко В. Латышские формирования Советской армии на фронтах Великой Отечественной войны. Рига, 1975. С. 116).

«Дурачье, вы дурачье, что мне вам объяснять, — подумал я про себя, — скажи им, что я учился в немецкой школе и у нас дома говорили только по-немецки, так они, чего доброго, еще подумают, что я “шпиён”. Тут много не надо, раз — и к стенке, поди потом доказывай им...»

Мы потушили коптилку, сменили на ночь дозор и улеглись. Опять кто-то идет, открывает дверь, отряхивает снег. Смотрим, снова комиссар и с ним ленинградец-переводчик, светит карманным фонариком.

— Рядовой Цейтлин, вставай, прошу сюда! Зажгите свет.

— Посмотри, ты сможешь прочесть и понять эти документы? Они вроде написаны старонемецким шрифтом, мы их нашли у пленных. Он развернул стопку бумаг. Я посмотрел, поллистал — обычный готический шрифт.

— Ну, конечно, это же проще простого. У нас каждый ребенок это прочитает. У нас в Латвии только по такому немецкому шрифту и учили в школах.

— Хорошо, одевайся! Некогда возиться... мать вашу так, всякие тут переводчики, — и он еще добавил такую трехэтажную фразу, которую не буду воспроизводить из приличия.

Привели меня в большую землянку к командиру нашего артполка. Он носил три шпалы в петлицах и на рукавах — это звание подполковника (тогда еще не было в Красной армии погон). Поздоровался командир со мной за руку, спросил, откуда знаю немецкий, предложил закурить и велел как можно скорее перед допросом расшифровать записи, а сам занялся какими-то бумагами и топографическими картами. Я, понятно, сразу приступил к делу.

В землянке расположился штаб, тепло, горит электричество, непрестанно звонит телефон. Сидят тут несколько лейтенантов, адъютант, комиссар, принимают рацию, приказы, вызывают рассыльных; вокруг землянки человек 10 несут вахту. Я дымлю, углубляюсь в чтение, рукопись примерно на 200—300 страницах, а мне дали на это не более часа. Пока содержание идет пустяковое — какие-то любовные письма, стихи, — сплошная лирика, но читаю подряд каждый лист, может быть, это шифровка. Читается легко — чертовски знакомые каракули, мне кажется, некоторые из них я даже где-то видел: «Да это же, черт возьми, почерк Арнольда!» Меня словно обухом ударило по голове. «Это же его дневник и его переписи Нибелунгов!» Только теперь до меня дошло, что это Арнольд попался к нам в плен. Но я тут же сообразил, что не могу сказать начальству об этом, что знаю его, — это было бы просто опасно для меня самого — поди объясняй им эту историю.

— Здесь ничего интересного нет! — докладываю я командиру полка, бегло пролистав до конца все записи, — это какая-то семейная хроника и личная переписка. Разведанные можно будет получить только в ходе допроса. Я готов.

— Хорошо, сложи бумаги. Введите пленных и начнем! — распорядился командир, обращаясь к одному лейтенанту.

— А вы (это относилось ко мне и к комиссару) усаживайтесь поудобней, поближе к столу.

Ввели трех высоких, здоровенных немцев и среди них — Арнольда. Я углубился в бумаги, чтобы не встретиться с ним взглядом, не выдать себя. Впрочем, меня бы тогда, наверное, и родная мать, будь она жива, не узнала — я был с длинной рыжей бородой, заросший слоем грязи и копоты, в замызганной телогрейке и ушанке.

Арнольд окинул землянку безразличным, пустым взглядом и уткнулся в землю.

— Ну что, довоевались? — поприветствовал их командир и сказал, обращаясь ко мне:

— Передайте им, что, если они хоть малость соврут, нычаться не будем, вздернем в два счета к чертовой матери... и так далее.

Я постарался как можно точнее передать его угрозу и предложил командиру начать с крайнего. Это был Арнольд. Я позвал его поближе. Он был в мундире, но уже без шинели. Застукали его с какими-то катушками телефонных проводов — он был связным и принимал передачи из немецкого штаба. Меня об этом предупредили, и я знал, что следовало из него выуживать.

— Военнопленный! — начал я строго, не поднимая, однако, головы. — Ваша фамилия?

— Келлерман, — последовал негромкий ответ.

— Имя?

— Ганс.

— Место рождения?

— Кельн.

— Профессия?

— Штудировал право.

— Где?

— Там же, в Кельне.

— Чин ваш?

— Ефрейтор.

— В каких частях служили?

— В пехоте.

— Имеете ли специальную военную профессию?

— Нет, военной профессии не имею.

— Ну, вот что, хватит врать! Вас, кажется, предупредили, чем это пахнет! — выпалил я, и собственный голос показался мне каким-то чужим, неестественно огрубевшим. — Имейте в виду! Наша разведка располагает исчерпывающими сведениями о каждом из вас в отдельности, и если сейчас вы чисто-сердечно не признаетесь, то немедленно после допроса будете расстреляны. Так вот, слушайте. Нам известно о вас персонально следующее: ваша фамилия — Рейншюссель, имя — Арнольд, вашего отца зовут Теодор, родились вы не в Германии, а в Латвии, в Риге, в 1922 году. Нам известны даже улица и номер квартиры — Лачплеша, 21—4. Мы знаем не только о вас лично, но и о ваших родителях, что они ежегодно ездили в Тильзит продлевать германское подданство, и даже о вашей бабушке, фаворитке императора Вильгельма II, что она умерла в 1939 году, когда вы из Риги эмигрировали в Померанию. Ваша бабка тогда от волнения скончалась в порту на трапе парохода «Штойбен». Да и все остальное для нас не секрет...

Арнольд побледнел, как полотно, на его лице не осталось ни кровинки. Казалось, этот здоровяк-верзила вот-вот упадет. А я вошел в такой раж, что уже не замечаю недоуменного взгляда командира, в нетерпении ожидавшего перевода моей тирады. Мы договорились, что он будет задавать вопросы мне, а я их буду переводить пленным. Но я уже совершенно этого не придерживался и продолжал:

— Имейте в виду, мы предупреждаем вас в последний раз! Нам слишком многое известно о всех вас троих, знайте, что ваша жизнь теперь исключительно в ваших собственных руках! Ну как? Будете говорить?

— Да, я расскажу, только сохраните мне жизнь, — пролепетал Арнольд.

— А вы приготовьтесь! — пригрозил я двум остальным, прервав Арнольда.

Арнольд, как говорится, «раскололся», как стеклышко. Он был, оказывается, радистом, хоть и невелик чином, но шифровал и передавал команды о дислокации и перегруппировках частей — это тогда командованию немало пригодились. Он рассказал, кроме того, что на этом участке фронта против нас действуют в основном курляндские немцы — прибалтийские фольксдойче¹, среди них много обмороженных, они очень стра-

1 Фольксдойче (нем. *Volksdeutsche*) — этнические немцы, жившие за пределами Германии.

дают тут от непривычных холодов. В заключение он снова спросил, оставят ли его в живых после этих правдивых показаний.

— Ваша жизнь не представляет для нас никакой ценности! Посмотрим! — продолжал я над ним измываться, — послушаем, как другие будут разговаривать.

Допросы окончились глубокой ночью. Я был совершенно без сил. Уже до этого не спал несколько ночей подряд — всё тревоги и подъемы, то бежим к орудиям, то опять вахта.

— Уведите пленных, утром переправьте их в лагерь, только примите все необходимые меры предосторожности! — приказал командир сопровождающим, а мы еще надолго остались анализировать материалы допроса, готовить отчет командованию.

— Что будет с ним? — мучили меня угрызения совести. Переправлять пленных сейчас очень опасно. Немцы простреливают все наши подходы. У нас с тылом поддерживается связь только через единственную дорогу. Попадут под горячую руку и уложат их, как пить дать, «при попытке к бегству». Ну и пусть! Это им будет за моих родителей и сестру! Но тут же другой голос мне возражает: «...но это же Арнольд! Розовощекий Нольдик! Видела бы его сейчас его мама!» И на меня, будто видение, устремляются добрые глаза, и я уже слышу ласковый голос на лестничной клетке: *“Bubi, mein lieber Knabe, hier ist ein frischer Kuchen...”* («Буби, мой милый мальчик, вот тебе свежий пирожок»).

Нет, я не сделаю этого! Пусть надо мною будут смеяться как угодно, я все равно никому из наших этого не расскажу. Да они это и не поймут, только засмеют меня за сентиментальность.

После того что немцы совершили, каждый из наших солдат готов был любого немца растерзать на куски и, наверное, был бы прав. Но я должен сопровождать моего фрица до самого лагеря, спасти моего «Бисмарка». Пусть он когда-нибудь, если выживет, расскажет об этом своей сестре Зиге и маме... Пусть они знают, вспомнят, что был такой Буби...

— Товарищ командир полка! — обратился я официально. — Разрешите мне сопровождать пленных, я полагаю, что смогу еще кое-что выжать из них по дороге.

— А не устал ты, Цейтлин? Может, отдохнешь? Сегодня ночью опять качать фрицев будем, теперь ты будешь все время у меня работать в штабе. Молодцом трепал их и раскалывал. Здорово это у тебя как-то получается. Но если хочешь, иди, только не задерживайся, время, сам понимаешь, какое...

После короткого отдыха к шести утра нас подняли, дали двух конвоиров, и мы повели пленных. Буран улегся, взошло солнце. Пальба вокруг прекратилась, было непривычно тихо,

слышался только скрип сапог идущих впереди немцев.

— Стой! Перекуп! — остановил я их. — *Reinschüssel! Zu mir!* (Рейншюссель! Ко мне!), — окликнул я Арнольда, шедшего впереди колонны. Он вяло подошел и остановился в нескольких шагах. В глазах его застыл испуг — наверное, подумал, что здесь их будут расстреливать. Но я теперь мог говорить с ним о чем угодно, мои товарищи-конвоиры не понимали по-немецки ни слова.

— Шкура! Посмотри мне прямо в глаза! Может, узнаешь? — выпалил я ему и снял ушанку.

Он остолбенел, смотрю, с ним делается чуть не припадок, губы что-то лепечут, голова трясется. Он меня вчера так и не узнал.

— *Bubi. Das sind Sie, Bubi...*

— Да! Это я, тот самый Буби! Запомни, субчик! Если выживешь, передай своим маме и папе, чтобы они каждый день ходили в церковь и ставили свечку за милую душу их старого соседа Буби, если я к ним сам не доберусь. Скажешь им, что, не будь я сегодня твоим сопровождающим, так вон там, внизу, под оврагом, ты бы сейчас растянулся со своими товарищами на долгий ночлег «при попытке к бегству» и имел бы хороший шанс передать лично привет своей бабушке. Учти, у нас не берут в плен, мы сами чуть ли не в окружении. Я знаю, что вы там творите в оккупации, как убиваете всех наших без разбора — от мала до велика. Мне бы сейчас самый раз рассчитаться и уложить всех вас троих за мою мать, отца и сестру. Ты ведь их хорошо помнишь, Арнольд? Помнишь? Скажи!

Он стоял бледный, безжизненный, как провинившийся школяр.

— Но я хочу, Арнольд, спросить тебя только об одном перед тем, как сдать вас часовым в лагерь. Скажи мне, но только честно, а вот окажись я у тебя в плену, ты бы тоже меня так спасал? А? — и я впился в него взглядом в ожидании ответа.

— Почему ты молчишь? Мы же с тобой ходили в одну школу, учили одни и те же предметы, вместе справляли праздники. Что же с вами Гитлер сделал, отчего вы стали у нацистов, как послушные скоты? Почему ты молчишь?

Буби Цейтлин и Давид Зильберман Хулон. Израиль, 1989 г.

— Понимаешь, Буби, — наконец произнес он после долгой паузы, со страхом поглядывая на конвоиров, — ты же сам знаешь, как немцы относятся к евреям. Что бы я мог тогда сделать? Нас обоих бы расстреляли ... Ты же знаешь, я всегда уважал тебя...

— Ладно, я все понял, что с тебя взять. Ты мелкая шкура, хоть вон какой вымахал — прямо Зигфрид! Иди, но запомни: выживешь — молись день и ночь, что повстречался тебе в России под Старой Руссой, у озера Ильмень, твой старый сосед Буби...

* * *

Где-то в конце 50-х годов я случайно узнал, что Арнольд Рейншюссель пережил советский лагерь и обосновался в Западной Германии, в Мюнхене. Он стал пацифистом и примкнул к крайне левому движению сторонников за бескомпромиссный мир и разоружение. Его имя тогда промелькнуло в печати в связи с беспорядками, вызванными демонстрациями против американских баз в Германии.

*Записано со слов Буби (Шмуэля) Цейтлина,
Рига, 1968 год*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Много лет назад я собрал в Риге воспоминания очевидцев Катастрофы, документальные факты, на основе которых написана эта книга. И все эти годы рукописи-тетради следовали со мной по путям Исхода из России.

В 1986 году руководство Нью-Йоркского еврейского общества выходцев из Латвии (*"Jewish Survivors of Latvia"*) обратилось к своим членам с просьбой предоставить документальные материалы, относящиеся к Катастрофе, для публикации их в сборнике общества. Тогда я пересмотрел свои старые рукописи и предложил редактору, профессору Гертруде Шнайдер, документальный очерк «Необыкновенный человек Жан Липке» который вошел в сборник Общества *"Muted Voices"* («Немые голоса», Нью-Йорк, 1987).

С этого же времени мысли о Катастрофе вновь целиком овладели мной, как когда-то давно в Риге, и я решил привести в порядок свои старые рукописи и издать их отдельной книгой.

Катастрофа, или Холокост, европейского еврейства во Второй мировой войне — это последняя и самая страшная в цепи трагических событий, которыми изобилует история еврейского народа с незапамятных времен. На тему Катастрофы написаны бесчисленные воспоминания, исторические труды, исследования, судебные отчеты и т. д.

Все страны и области оккупированной нацистами Европы имеют свои печальные и в общем-то сходные между собой по сути истории еврейской Катастрофы. Что касается Латвии, то трагическая участь евреев этой небольшой прибалтийской страны, оккупированной немцами, впервые последовательно и всеобъемлюще описана в книге Макса Кауфмана «Уничтожение евреев Латвии», изданной в 1947 году на немецком языке в послевоенной Германии и ставшей классическим трудом. Глубокие исследования и документированные описания даны в книгах Бернарда Пресса «Убийство евреев Латвии, 1941—1945»,

«Холокост в оккупированной немцами Латвии в 1941—1944 годах» и других работах Андриевса Эзергайлса, «Энциклопедии еврейских общин Латвии и Эстонии» под редакцией Дова Левина, (издание института «Яд-Вашем», Иерусалим, 1988 год), «Записках» Эльмара Ривоша и во многих, многих других трудах. Этот трагический емкий список можно продолжить, и он возрастает из года в год. Поэтому в этой книге воспоминаний я не ставил перед собой целей исторических описаний, анализа и обобщений.

Но каждый человек — это отдельный мир, и гибель каждого из шести миллионов — это невосполнимая утрата и незаживающая рана нашего народа. Отдельным встретившимся на моем жизненном пути людям, тем, кто чудом пережил Катастрофу — мужчинам, женщинам, детям — жертвам внезапно одичавшего общества в обезумевшем мире, их мыслям, чувствам и поступкам посвящены очерки этой книги.

В своих документальных рассказах я старался выделить несколько характерных аспектов трагической темы, которые замалчивались или противоречили общепринятому в советской печати тенденциозному освещению событий тех лет.

Прежде всего, в этой книге еще раз показана механика «окончательного решения еврейского вопроса» гитлеровцами. Чудом выжившие свидетели, оказавшиеся на местах расстрелов, указывают на непосредственных участников запланированных массовых убийств: немецко-нацистских организаторов из СС—СД и местных палачей-исполнителей. На Украине действовали местные добровольцы — украинские полицаи; в Латвии — латышские айзсарги и шуцманы из организации «Перконкруст»; в Литве и Эстонии — фашиствующие элементы, составившие разветвленную сеть зондеркоманд¹ — многочисленные банды профессиональных убийц мирного еврейского населения.

Вопреки распространенному представлению, что еврейские жертвы были якобы пассивны перед лицом вооруженных до зубов нацистов и шли на бойню, как овцы на заклание, — многочисленные данные свидетельствуют об обратном: евреи были охвачены жадной мести и оказывали сопротивление нередко даже в безнадежных, обреченных ситуациях.

¹ Зондеркоманды — созданные нацистами специальные отряды полиции или СД, которые занимались массовым уничтожением, еврейского мирного населения и военнопленных, главным образом на оккупированной территории СССР. В Латвии это была, например, «команда Арайса».

Еще ребенком, вернувшись в Прейли в 1945 году, я был потрясен рассказом наших соседей, местных русских жителей, о гибели городского мясника. В день акции он ждал шуцманов в своем доме, вооружившись рабочим топором, и в схватке был убит вместе со своей семьей.

Одной из главных задач нашей рижской группы по сбору свидетельских показаний очевидцев, переживших Катастрофу, было зафиксировать факты активной борьбы и пассивного сопротивления евреев в период нацистской оккупации. Этот аспект темы представлен почти во всех рассказах книги, в частности в очерке «Мой путь из Рижского гетто», где описываются вооруженная борьба в Рижском гетто и ее печальные последствия из-за гестаповской провокации и почти полного отсутствия какой бы то ни было помощи извне, и особенно в очерке «Мой путь к партизанам» об успешном побеге некоторых евреев из Рижского гетто к партизанам в район города Порхова в Псковской области и их героическом участии в борьбе с фашистами.

История Второй мировой войны не знает ни одного случая или попытки целенаправленного вооруженного вмешательства сил Красной (армии, партизанских отрядов или союзных войск, чтобы постараться предотвратить массовые акции уничтожения нацистами мирного еврейского населения на оккупированных территориях.

Особое место в книге (три очерка) отведено героическому подвигу латышского портового рабочего Жаниса Липке, спасшего с риском для собственной жизни и жизни своей семьи около полусотни людей из Рижского гетто и концлагерей. Мне хотелось оставить на страницах этой книги память о подвиге этого необыкновенного человека, подлинного героя и гуманиста. В книге рассказано также и о других людях, спасавших и помогавших евреям в годину их страшных испытаний, — русских, латышах, украинцах, немцах. Многие из них поплатились за это жизнью — Алма Полис, Андрей Граубинь и др.

Безмолвный плач. Музей Яд-Вашем, Иерусалим. Скульптор Лея Михельсон

Рассказано и о тех, кто разделил трагическую участь евреев, как армянский доктор Хачиянц из Двинска («По ту сторону жизни») и как мужественно отстояли перед нацистами своих еврейских жен латыш Лео Параш («Право на жизнь»¹) и немец Фридрих Кумеров, спасший к тому же еврейскую девочку — дочь своих друзей («Либавские тетради»).

Подвиг Жаниса Липке с большой убедительностью опровергает широко распространенное оправдание большинства местного населения, в прошлом равнодушного к уничтожению их еврейских соотечественников — соседей или коллег, — «что, мол, мы могли тогда сделать в тех условиях?..» Но если один Жанис Липке и его помощники сумели отстоять жизнь десятков обреченных на смерть евреев, то нетрудно себе представить, что гитлеровская машина уничтожения просто не могла бы функционировать, встретив на своем пути сопротивление тысяч местных жителей, таких, как Жанис Липке.

К сожалению, такие, как Липке и его друзья, были исключением, их было совсем немного в Латвии и в других местах, оккупированных нацистами. Правда же заключалась в том, что значительная часть латышского населения, так же как украинского, литовского, эстонского, польского и др., особенно в первый период оккупации, оказалась под влиянием гитлеровской антисемитской пропаганды и была равнодушна к злодейскому уничтожению нацистами их еврейских соотечественников. Вот почему именно в этих восточных провинциях Третьего Рейха гитлеровцы организовали основную сеть концлагерей — фабрик смерти, и свозили туда евреев для массового уничтожения с других оккупированных нацистами территорий, в том числе из самой Германии и Австрии.

Далее, я хотел на основании собранных фактов восстановить историческую правду о следующем. Вопреки утверждению советской пропаганды о том, что действовавшие во время войны в гетто «юденраты» — еврейские советы — были немецкими коллаборантами, факты говорят об обратном. В большинстве случаев члены этих советов, в том числе и «юденрат» Рижского

1 Краткий рассказ Эллы Медалье (см. прим. 2 стр. 285) «Право на жизнь», записанный Д. С. Зильберманом в 1965 году и включенный в два первые издания этой книги (Нью-Йорк, 1989; Рига, 2006), оказался столь емким и ценным историческим источником, что уже дважды вышел отдельным изданием (Рига, 2006; М., 2012). Поэтому в настоящее издание он не включен, однако восклицание героини рассказа: «И Ты все это видел, Боже, и допустил!..» — дало название всей этой книге.

гетто, искренне пытались создать для обреченных на смерть людей в то страшное время какое-то подобие элементарных человеческих условий и старались использовать все свои возможности для организации подпольной вооруженной борьбы («Мой путь из Рижского гетто» и «По ту сторону жизни», «Либавские тетради», «Мой путь к партизанам»).

Также заслуживают доброго имени и некоторые старосты в оккупированных нацистами районах, которые в меру своих ограниченных возможностей пытались выгородить своих земляков, а также помогали скрывающимся в этих местностях евреям, бежавшим из гетто и концлагерей (староста села Вербиевка, в районе Павловичей, на Украине и волостной староста Биненфельд в Добеле, в Латвии). Также заслуживают доброй памяти латышские врачи Францман из Добеле и Кактыньш из Риги, оказывавшие с большим риском медицинскую помощь скрывающимся евреям (свидетельство доктора Вилли Фриша в очерке «Межамаки»).

Анализируя воспоминания многих моих героев, выживших в Катастрофе, я пришел к выводу, что эти люди, живя под постоянной угрозой гибели, не уподобились диким зверям, а сохранили человеческое достоинство, моральные принципы, проявляли исключительную ответственность за судьбу своих близких и всего обреченного коллектива.

Так, в «Либавских тетрадях», в рассказе «Кибуц», описана драматическая судьба либавского (лиепайского) сообщества, состоявшего из нескольких еврейских семейств, их высокое моральное чувство солидарности и коллективной ответственности, что во многом помогло спасению некоторых членов этого сообщества. По свидетельству очевидцев, в гетто было известно множество случаев героического самопожертвования во имя своих близких или ради общего блага. Яркими примерами этого являются: подвиг учителя-рижанина, отправившегося на смерть вместе со своим классом сирот, подобно знаменитому педагогу Янушу Корчаку¹ из Варшавского гетто («Могикиане Рижского гетто» — свидетельство Розы Нибург); отказ профессора Владимира Минца от личного спасения ради больных заключенных в гетто (свидетельство Жана Липке); самоубийство Тэди Даненмана, участника вооруженного Сопротивления,

1 Януш Корчак (наст. имя и фам. Генрик Гольдшмидт) (1878—1942) — польский писатель, педагог, врач еврейского происхождения. В годы Второй мировой войны героически боролся за жизнь детей в Варшавском гетто, погиб в концлагере Трешлинка вместе со своими воспитанниками.

чтобы предотвратить карательную акцию в Рижском гетто, объявленную комендантом Краузе («Мой путь из рижского гетто» — свидетельство Гриши Аренсбурга) и многие другие.

Еще один аспект этой темы. Известно, что большинство, пережившие Катастрофу, стали калеками, инвалидами или навсегда остались морально травмированными, потеряли здоровье, рано состарились, предпочитают никогда не возвращаться к воспоминаниям тех страшных лет. Тем не менее, многие, с кем мне пришлось столкнуться, пережив нечеловеческие страдания, пройдя через ад гетто и лагерей смерти, сумели сохранить стабильную психику, постепенно войти в нормальную послевоенную жизнь, создать семьи, и в конце концов включиться в активную общественную и трудовую деятельность. Они охотно откликнулись на мою просьбу рассказать о страшных испытаниях, выпавших на их долю, чтобы все это документально зафиксировать для памяти будущих поколений. Я не перестаю восхищаться неисчерпаемой внутренней силой этих людей, столь характерной для еврейского народа. И это объясняет тот исторический факт, что, потеряв во Второй мировой войне шесть миллионов — треть своего народа, евреи как суверенная нация сумели построить свое Государство Израиль на своей древней земле и в дальнейшем выстоять в бесчисленных войнах за свое существование.

И, наконец, последнее. Мне хотелось на страницах этой книги оставить память о некоторых людях — капле оставшихся в живых из океана погибших, но выразивших мысли и чувства большинства из 6 миллионов.

Когда я собирал свидетельства очевидцев, особое впечатление на меня произвел Беньямин Каплан, которого я считаю своим духовным наставником по изучению Катастрофы. Всю оставшуюся после освобождения жизнь Б. Каплан посвятил опознанию, разоблачению и привлечению к суду нацистских преступников. Сразу после освобождения, в 1944 году как свидетель-очевидец он был включен в состав советской комиссии по расследованию злодеяний нацистов¹ в Латвии и был первым, кто вскрывал архивы и квартиры палачей Еккельна, Краузе, Рошмана и др. Бенья Каплан самозабвенно, всей душой отдался этому делу. Однако советских следователей в то время еврейская трагедия интересовала уже меньше всего. Бенья тогда еще этого не понимал и после освидетельствования рвов, заполненных телами убитых во время массовых расстрелов, упрямо

1 Имеется в виду Чрезвычайная государственная комиссия (см. прим. 1 стр. 287).

утверждал, что почти 100 процентов расстрелянных здесь — евреи, а не вообще «советские граждане». Но его принуждали подписывать протоколы именно с таким заключением. Он также требовал указывать в документах имена не только немецких нацистов, но и исполнителей казней и соучастников злодеяний — фашиствующих латышей, что почему-то противоречило сталинской национальной политике и идее «братских народов». Постепенно Беньямин Каплан стал негодным этой комиссии. Дело кончилось его арестом и многолетним заключением в советских концлагерях. И это после всего пережитого ада при нацистах!

На одном из допросов в НКВД следователь спросил его:

— Почему вы остались в живых, когда, как правило, у немцев все евреи должны были погибнуть? Значит, вы помогли фашистам, поэтому немцы вас и пощадили?

Бенья на это ответил так:

— Молодой человек, вы, наверное, знаете историю гибели трансатлантического лайнера «Титаник» в 1912 году, столкнувшегося с айсбергом в северной части Атлантики. В спасательных шлюпках не было места для всех, но десяток человек из полутора тысяч пассажиров держались на плаву в открытом ледяном океане, и их подобрали в последующие дни, хотя «понормальному» человек такое выдержать не может, и никто из них, казалось бы, не мог остаться в живых. Вот и мы, около сотни с половиной человек из более 40 тысяч евреев¹, убитых в Риге, выплыли в этом океане крови... У меня нет лучшего для вас объяснения.

В память о семье Бени Каплана и его талантливом единственном сыне, погибшем в десятилетнем возрасте, я записал документальный рассказ «Алик Каплан».

1 Цифра включает местных евреев и евреев, депортированных из европейских стран.

Беньямин Каплан. Рига, 1945 г.

Зал памяти детей — жертв Холокоста. Яд-Вашем, Иерусалим

Пусть страницы этой книги станут своего рода памятником Алику Каплану, Риве и ее братику Лёвику, о трагедии которых поведано в рассказе «Яма в Павловичах», Пинхусу Медалье и всем жертвам первых диких расправ в Риге, обесчещенным и расстрелянным девушкам из рассказа «Право на жизнь», Мише Свердлову, Изе Ютеру, Пете Шнайдеру, Гиршману, доктору Шмультяну из рассказа «Межамаки», Саше Перлу и Псавке, которых пытался спасти Жанис Липке, безвестным жертвам, павшим от рук садиста коменданта Рижского гетто, любителя стрельбы по живым мишеням, женщине-матери из Германии, расстрелянной за кусок хлеба для ребенка, молодым сестрам из рассказа «Эсфирь и Суламифь», благородному Иосифу Бану из Либавы, Фруме Бан и ее семье и бесчисленному множеству других известных и безымянных жертв, чей прах развеян по бескрайним просторам Европы, захваченной нацистами. В память о них написана эта книга!

Давид Зильберман,
Рига—Нью-Йорк

* * *

Я бесконечно благодарен тем, кто, не считаясь со временем и душевной болью, причиненной воспоминаниями о пережитых страданиях, рассказал мне о событиях, изложенных на страницах этой книги:

Аренсбургу Грише
Медалье (Гутман) Элле
Израилевне
Бриедису Янису
Нибург Розе
Вагенгейму Леве
Ноиму Гарри
Гейману Михаилу
Островскому Семену
Михайловичу
Гуральник (Киликиевской) Жене
Пейросу Семену
Ильичу
Дагаровой Андриене
Георгиевне
Пейросу Мише
Дризину Зяме
Путрине Вильгельмине
Екабовне
Дризину Изе
Раге Михаилу
Львовичу
Дризину Мише
Смолянскому Хаиму
Борисовичу

Каплану Бене
Соркину Овсею
Каплану Завелю
Соркиной Рахили
Кумеровой (Зумберг) Жене
Цейтлину Шмуэлю (Буби)
Кумерову Фридриху
Карловичу
Цесвану Борису
Либхену Абраше
Фришу Вилли
Израилевичу
Липке Жану
Фриш (Абеле) Эмили
Августовне
Липке Иоганне
Ютеру Роберту (Рувиму)
Моисеевичу
Липке Альфреду
Янковскому Карлу
Андреевичу
Липке Зигфриду

Выражаю глубокую признательность всем тем, кто участвовал вместе со мной, или способствовал сбору материалов о Катастрофе, объяснил детали и помог разобраться в ситуациях и событиях:

Вульфовичу Менделю
Кузьковской Ольге
Давидовне
Вагенгейму Якову
Леви Гарри
Львовичу
Вигдорчику Владимиру
Линкемеру Калману

Воловичу
Лифшиц Нехаме
Гакель Ханне
Михельсону Максиму Львовичу
Гарберу Давиду
Михельсон (Фрид) Фриде
Зеликовне
Герсону Абраму

Оранскому Петру
Максимовичу («Перо-Русс»)
Глезеру Иосифу
Глезеру Мордоху (Моне)
Ритову Алтеру
Гурвичу Иосифу
Шапиро Григорию
Соломоновичу
Имерману Арону
Шейнкеру Аркадию
Камайской Гесе
Шнайдеру Иосифу

Каплану Давиду
Шпунгину Аврааму
Рувимовичу
Кацену Арону
Шпунгину Семену
Клейнштейну Нахуму
Фейгерсону Семену
Кузьковскому Иосифу
Вениаминовичу
Фингергойту Авелю
Вениаминовичу

И в заключении моя глубокая благодарность моей любимой жене и другу Бэлле за ее ценные замечания, справедливую критику и правки, за ее стойкое терпение в течение моих бесконечных отсутствий во время встреч с героями этой книги и долгой уединенной работы над текстами в ущерб семье и вниманию нашим малолетним детям.

Давид Зильберман

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австралия 98, 100, 102
Австрия 74, 75, 88, 201, 205, 256, 306,
Амстердам 52
Англия 250
Аннасмуйжа 63, 67, 72, 86
Анненiekская волость 63
Атлантика
(Атлантический океан) 309
Африка 143, 293
Баластдамба 54, 58, 67
Бат-Ям 80, 172
Белоостров 283
Белоруссия 66, 93, 138
Бердичев 12, 15
Берзе 119
Берлин 73, 79, 138, 168, 215, 224, 225, 249, 250
Бикерниеки
(Бикерниекский лес) 54, 74, 82, 91, 106, 112, 113
Биробиджан 11, 16
Болдерай 240
Будапешт 133
Бухенвальд 89, 134
Варшава 12, 307
Валгунде 113
Вена 288
Вентспилс 60, 159, 228
Вербиевка 18, 19, 23, 29, 30, 32, 35, 36, 39, 307
Веретины 266, 267
Вецмилгравис 73
Вецрига (Старая Рига) 104, 169, 203
Вильнюс 154
Винница 34
Висбияс (Готланд) 228
Владимир 244
Волга 208
Волхов 33, 100
Вольмар (Валмиера) 138
Воронеж 36
Вышгородок 111
Восточная Пруссия 116
Ганновер 250
Германия 29, 33, 51—54, 57, 60, 62, 64, 66, 74, 75, 80, 86, 88—90, 100, 114, 143, 145, 150, 158, 161, 162, 164, 167, 168, 173—175, 187, 188, 204—206, 217, 225, 233, 250, 254, 256, 268, 293—295, 299, 302, 303, 306, 310
Голландия 52
Даугава (Западная Двина) 65, 69, 75, 76, 102, 106, 121, 122, 124, 169, 184, 190
Даугавпилс (Двинск) 47, 50, 57, 88, 111, 121, 203, 204
Дахау 66
Двинск 306
Днепр 32
Дно 283
Добеле 67, 72, 76, 78, 85, 89, 91, 94, 117—119, 121, 126—128, 130, 132, 192, 307

Добельский уезд 63
 Донданген 89
 Елгава 62, 64, 70, 90, 91, 121, 125, 126, 132, 138, 168
 Житомир 8
 Житомирская обл. 8, 9
 Закюсала 131
 Западная Германия 102, 108, 302
 Заполянье 263—265, 274,
 Засулаукс 125, 209
 Иванцы 275
 Иерусалим 6, 52, 98, 99, 286, 290, 304, 305, 310
 Израиль 52, 98, 99, 102, 103, 122, 140, 172, 202, 244, 249, 285, 288, 294, 308, 312
 Ильмень 302
 Иманта 167, 168, 170
 Испания 228
 Кавказ 208
 Кайзервальд 72, 73, 75, 83, 84, 89, 90, 113—115, 123, 147, 151, 152, 167, 182, 187, 191, 228, 287
 Калнциемс 62, 113, 123
 Канада 102, 103, 180
 Кельн 268, 298
 Кенигсберг (Калининград) 116
 Киев 9
 Кипсалу 121
 Кировская обл. 253
 Клейсты 212, 223, 228, 231, 233, 234, 237, 238, 240, 242—244, 248—250
 Козеногово 264, 266, 269, 272, 273, 274
 Котельнич 253
 Красный Бор 266
 Кривой Рог 8
 Курзем 85, 86
 Курляндия 77, 85, 86, 119, 121, 214, 228, 232, 285, 299
 Курск 82
 Латвия 3, 5, 41—43, 45, 46, 52, 53, 57, 61—66, 74, 86, 88, 89, 95, 97, 101, 103—105, 134, 135, 137, 138, 143, 154, 158—160, 162, 166, 168, 180, 186, 231, 232, 236, 251, 254, 257, 258, 262, 285—287, 290, 297, 299, 303, 304, 306—308
 Латгалия 5, 109
 Ленинград (Санкт-Петербург) 39, 102, 136, 180, 208, 274, 283
 Либава (Лиелая) 90, 135—137, 138—140, 142, 144, 145, 150, 153, 160—162, 310
 Лиелупе 113
 Лиелая 90, 135, 138, 139, 142,
 Ликсне 48
 Лимбажи 122
 Литва 66, 80, 121, 134, 138, 154, 168, 188, 190, 249, 269, 304
 Лоде 289
 Локоть 279
 Лондон 87, 202
 Луцк 12
 Мариуполь (Жданов) 254
 Межамаки 72—74, 76, 86, 90, 117—119, 121, 127—129, 131, 132
 Межапарк 72, 83, 113, 114, 123, 167, 182, 196—198, 245, 294,
 Межциемс (Погулянка) 204
 Милгравис 73, 110
 Милгини 67, 71, 72, 77, 86, 92, 93, 121, 126, 127, 128, 131
 Митава (Елгава) 138
 Мишкино 277
 Мюнхен 66, 160, 302
 Новоград-Волынск 8, 36, 37, 39
 Новоржевский р-н 274
 Ной-Шваненбург 285
 Нью-Йорк 172, 252
 Овручский р-н 9
 Олайна 113, 260
 Осташково 296
 Остров 261
 Павловичи 9, 10, 14, 21, 22, 26, 30, 34, 36, 37, 39
 Подсуха 278, 279
 Пожеревицкий р-н 274
 Польша 66, 80, 150, 154, 249, 253
 Померания 299

Попельня 9, 10, 12, 13, 29, 33
 Порхов 258—270, 276, 277, 280, 283, 305
 Порховский р-н 263, 274
 Потсдам 225
 Преиля 5, 41—45, 47—52, 305
 Прибалтика 66, 162, 175
 Псков 110, 258, 259, 261
 Псковская обл. 111, 263, 274, 305
 Рига 3, 7, 38—40, 45, 51, 52, 54, 57, 62, 64, 65, 68, 69, 71—75, 77, 79, 80, 82,—86, 88, 89, 91, 95—98, 100,—105, 109—113, 121, 124, 128, 132, 133, 138, 139, 143, 149, 150, 151, 153, 157, 158, 160—162, 166—168, 170,—172, 175, 179, 180, 185—187, 193, 194, 203, 212, 216, 227, 228, 232, 233, 238—240, 242, 243, 250, 252,—254, 258, 261, 262, 265, 268—270, 278, 283, 284—290, 294—296, 299, 302, 303, 306, 307, 309, 310
 Речица 263, 265, 271, 272, 282
 Решни 76, 77, 85, 86, 118, 121, 131, 132
 Ровно 12
 Россия 3, 5, 13, 52, 88, 154, 249, 252, 253, 302, 303
 Ружин 24
 Румбула (Румбульский лес) 57, 58, 74, 95, 96, 107, 162, 173, 246, 285
 Саркандаугава—Браса 76
 Сибирь 64
 Слока 260
 Советский Союз (СССР) 6, 11, 32, 39, 52, 62, 86, 102, 133, 138, 168, 186, 256, 259, 286—288, 304
 Соединенные Штаты Америки (США) 3, 102, 131, 134, 244
 Соколянка 18, 30, 31, 36
 Славковичский р-н 274
 Сталинград (Волгоград) 65, 82, 250
 Старая Русса 42, 302
 Страздамуйжа 73
 Талси 187
 Таллин 136
 Тель-Авив 103
 Тильзит 299
 Торнякалнс 125
 Торонто 103
 Трабиевка 22
 Тула 244
 Украина 8, 9, 11, 13, 66, 249, 304, 307
 Фастов 9
 Франция 228, 249
 Чехословакия 74, 75
 Чикаго 131
 Швеция 60, 133, 147, 148, 193, 228, 256
 Шкеде 139, 153
 Шкиротава 109
 Шотландия 250

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абеле Эмилия 123, 124, 131, 132
 Абхаген 216, 220
 Айна 52, 101, 102
 Алексеев 210, 211, 212
 Альтмайер 160, 161
 Альмарк Пер 133
 Альтшулер 114, 115
 Антоколь С. 111
 Арайс Виктор 64, 66, 113, 304,
 Арик 42, 47
 Аренсбург Григорий 104, 114, 129, 308
 Аксенцов 197, 199
 Баг И. 111
 Бакес 262
 Бан Иосиф 140, 141, 144, 153, 156, 157, 162—164, 167, 310
 Бан Нохем 141, 148
 Бан Фрума 140, 146, 149, 153
 Бангерский Рудольф 64, 65, 160, 161
 Банкович Альфред Адольфович 104
 Барон 147, 148
 Батраковы 23—25
 Бигелис 212
 Биненфельд Фрицис 72, 76, 91, 118, 119, 121, 127—129, 131, 132, 307
 Бисмарк Отто 294, 300
 Ботвинкин И. 111, 112
 Бравер Авива 172
 Брауман 137
 Бриедис Янис (Жанис) 55, 58, 67, 74, 91, 95, 108, 311
 Бруно 91, 92
 Брюкнер 145
 Бурденко Н. Н. 287
 Вагенгейм Лев 86, 311, 174, 95
 Вагенгейм Яков 311, 103, 95
 Вайвод Езуп 48—51
 Вайнберг Рахиль 143, 144
 Валленберг Рауль 133, 134
 Вандт 173, 180, 201
 Веденеев Б. Е. 287
 Вера 70, 83, 167
 Вердаль 237, 238
 Вестерман Иосиф 187, 188
 Вестерман Маргер 286
 Вестерман Меер 122
 Вигдорчик Владимир 311
 Визель Эли 134
 Вильгельм II 290, 299
 Виммер 141, 242
 Ватраков Янис 276
 Волович 311
 Вольфсон Рита 152
 Вульфович Мендель 311, 255
 Вушкан Владислав (Владимир) Антонович 45—47, 51, 52
 Гакель Ханна (Ани) 90, 311
 Гаккер 45, 46
 Гарбер Давид 94, 122, 285, 287, 311
 Гарфинкель 185
 Гейдрих Р. 60
 Гейман Михаил 174, 311
 Гейман Моисей 255
 Георг 165, 172
 Геринг 290
 Герман А. В. 274
 Гертсон Абрам 311
 Гертсон Лейб 192
 Герсоны 192
 Гиммлер Г. 60, 72
 Гиршберг 145
 Гиршман 90, 109, 113, 115, 119, 120, 121, 129, 310
 Гитлер А. 25, 65, 160, 202, 204, 206, 236, 293, 294, 301
 Глезер Иосиф 312, 255, 260, 261
 Глезер Мордух (Моня) 3, 255, 285—287, 312
 Глезер Яков 255
 Глезер Янис 276
 Гленц 188, 189
 Гликман 147
 Гоголь Н. В. 26
 Гозиас 255
 Гордон 74, 117, 121, 132
 Горпыно Иван 9, 10, 15
 Грам Шейна 52, 269, 270, 271, 275, 277, 279, 280, 284
 Граубинь Андрей 58, 66, 109, 305
 Грейф 265, 268, 269, 270, 271
 Гризодубова В. С. 287
 Гринберг 160, 161
 Гринвалдс 69, 70, 78, 79, 160
 Гринштейн Шая 254
 Гриша 204
 Грундман 208, 209
 Гуральник (Киликиевская) Женя 8, 10, 16, 20, 23, 24, 29, 32, 36, 39, 40
 Гурвич Иосиф 312
 Гурвич Перси 213, 215, 220, 228, 231, 241, 244, 246, 248, 250
 Гуревич 203, 204
 Гуревич Саша 199
 Давидсон Абраша 122, 124
 Дагарова Андриена Георгиевна 95, 77, 83, 85, 311
 Дамский М. 112, 201
 Данеман 258, 259
 Даненман Тэдди 110—112, 307
 Данцкоп Альберт 179, 180
 Долгицер 86, 224
 Долгицер Давид 213, 214, 220, 222, 223, 227, 231, 232, 243, 244
 Драпкин 115
 Дризин Залман (Зяма) 77, 95, 311
 Дризин Исаак (Изя) 68, 95, 311
 Дризин Михаил 95
 Дризин Миша
 Дризины 68, 69, 78, 124
 Друк Рувин 255
 Евельсон Абраша 228
 Евельсон Я. 111, 228
 Жданов А. А. 287
 Залкиндер Хона 186
 Залмансон Вилли 94, 265, 266, 267,
 269, 270, 271, 275, 277, 279, 280, 284
 Занде 115, 116
 Занде Эдгар 116, 117
 Занде Эдгард 58
 Зандель 111
 Зауэр 114
 Зейдель 188
 Зигфрид 58,
 102, 294, 302
 Зильберман Давид 3, 40, 52, 94, 96, 97, 104, 252, 245, 246, 285, 288, 306, 301, 310, 312,
 Зина 9, 11, 15
 Злата 15
 Зумберг Женя 156, 311
 Иванов 111, 210, 211
 Израэлович И. 112
 Имерман Арон 312
 Ицигсон Гарри 84, 85
 Каган 42
 Каган Казриель 42, 45
 Каган Цирия-Гесия 42
 Кадачигов 377
 Казинец 83
 Кактыньш 131, 307
 Калн Лиел 54, 111, 112, 175
 Калнберзин Я. Э. 287
 Кальтенбруннер Э. 60
 Камайская Геся 312
 Каминская Мария 238, 241, 242
 Каминские 228, 237, 239, 240, 242, 243, 251
 Каминский Янис 237, 239, 240
 Кан Виля 201, 202
 Каплан Алик 185, 310
 Каплан Бенья 122, 179, 285, 287, 288, 308, 309, 309
 Каплан Борис 228
 Каплан Завель 186, 175, 176
 Каплан И. 122
 Карл 77, 82, 91
 Кассель М. 260
 Кассель Борис 254
 Кауфман Макс 303
 Кацен Арон 312
 Келлер Мария 77, 79, 90
 Келлерман Ганс 298
 Кельман 112
 Киликиевская Хася 16
 Киликиевский Ицик 36, 37
 Кирхенштейн Эрнест 233
 Клейнштейн Нахум 312
 Кникель 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227
 Колчак 64
 Корен Гарри 52
 Корчак Януш 302
 Крам Лео (Исаак) 95
 Краузе 112, 173, 174, 176, 201, 202, 205, 308
 Кремер Марк 183
 Кристал Лейзер 110
 Ксавер Абель 152
 Куглер Анита 79, 80
 Кузьковская Ольга 311
 Кузьковский Иосиф 312
 Кумеров Георг 165, 171
 Кумеров Роман 165, 171, 172
 Кумеров Фридрих Карлович 156, 157, 171, 172, 306, 311
 Куменова (Зумберг) Женя 171, 311
 Купче 230, 231, 232, 233, 237, 317
 Курт 290, 293
 Куткович 188
 Ланге Р. 57
 Ланг Рут 90
 Лапиньш Волмар 64, 65
 Латвинский Шмуэль 286
 Лат И. 111, 112
 Лацис Вилис 101
 Лев Федя 86
 Лёва 51
 Леви Гарри Львович 285, 286, 287, 311
 Лёвик 22, 23, 36, 310
 Левин Александр 80, 304
 Лейб Марк 140, 141

Лейба Марк 45
 Лейзер Минкин 255
 Ленин В. И 88
 Ленский И 286
 Либерман Макс 255
 Либхен Абрам 63, 67, 71, 94, 108,
 Лидия 128, 130
 Линденберга Мария
 Фрицевна 87
 Линкемер Калман
 149, 311
 Липке Айна 102
 Липке Альфред 311
 Липке Зигфрид 102, 311
 Липке Иоганна 95, 311
 Липке Жан (Янис,
 Жанис) Янович 4, 53,
 59, 61, 63, 64, 67, 71, 72,
 74, 76, 78, 79, 83, 86, 88,
 90—101, 103, 104, 107,
 108, 118—121, 124, 128,
 129, 131—134, 177, 286,
 287, 303—307, 310, 311
 Лифшиц 106
 Лифшиц Нехама 311
 Лозе Г. (Х) 138
 Лоссе Карл 217, 227,
 231, 232, 244, 248,
 Лунев 276, 277, 278, 279
 Лысенко Т. Д. 287
 Майя 165
 Маннергейм К. Г. 283
 Матисон Давид 110
 Махтус Г. 112
 Медалье (Гутман)
 Элла Израилевна 3,
 285, 286, 306, 311
 Медалье Пинхус 310
 Мельничук Женя 23, 24
 Менделевич 269, 280
 Миллеры 72, 90,
 127, 128, 129, 132
 Минц Владимир
 Михайлович 88, 89, 307
 Михельсон 226,
 229, 231, 246
 Михельсон Лея 305
 Михельсон М. 111
 Михельсон Макс
 (Мотя) 284—287, 311

Михельсон Рувим 213
 Михельсон Руди 220,
 231, 232, 234, 243
 Михельсон (Фрид)
 Фрида Зеликовна
 285, 311
 Могильников
 231, 232, 234
 Мюллер Г 60
 Наполеон 208
 Настя 93
 Недзвецкий
 Александр 253
 Недзвецкий Борис
 Самойлович 254
 Недзвецкий
 Дмитрий 4, 252
 Недзвецкая (Пейрос)
 Элеонора (Люся)
 Семеновна 253
 Нибурги 140
 Нибург Абраша 140, 141
 Нибург Авива 164,
 165, 172, 307, 171
 Нибург Роза 142, 171,
 143, 151, 157, 311
 Николай (митро-
 полит) 287
 Новоженец Лея 103
 Ногалер 86
 Ноим Герман (Гарри)
 83, 90, 95, 311
 Нюра 70
 Олав Б.И 252
 Оксана 26—34, 37
 Окунь О. 111,
 112, 255, 259
 Оранский Петр 312
 Осбанд 45, 50
 Осбанд Шмул
 Лейб 45, 50
 Островский Семен
 311, 86, 95
 Папкина Аксинья 183
 Параш Лео 306
 Пейрос 249
 Пейрос Зельда
 (Женя) 252, 253
 Пейрос Люся 195, 252
 Пейрос Миша 195, 220,
 239, 240, 244, 311

Пейрос Семен Ильич
 4, 210, 218, 219, 220
 222, 223, 224, 226, 239,
 243—253, 294, 311
 Перл Саша 59, 60,
 63, 65, 66, 310
 Петлюра 13
 С. В. Петровский
 235, 236
 Пинхусович 56, 57
 Писманов Б. 111
 Полис Алма 89, 305
 Пресс Бернард 303
 Пуданс 263, 266, 169
 Пуринь 228—232,
 242, 243, 251
 Пуриня 231, 241
 Путрини 72
 Путриня Вильгельмина
 Екабовна 67, 91, 92,
 126, 192, 231, 311
 Page 74
 Page Михаил 95, 118—
 121, 128, 130, 311
 Райк Илья 201
 Рафальсон 203
 Рейншюссель
 290, 291, 295
 Рейншюссель Зиги
 (Зигрит) 290, 291
 Рейншюссель Арнольд
 299, 301, 302
 Рейншюссель
 Элеонора 290, 291
 Репин Илья 207
 Рива 22, 23, 25, 36, 310
 Ривош Эльмар 304
 Ринг Авива 152
 Ритов Алтер 312
 Розенберг 62, 108
 Розенберг Бернет
 58, 131
 Розенберг
 Эрнест 62, 63,
 Розенталь 72
 Розенталь Жанис
 63, 67, 90
 Розенталь Фрицис 67,
 78, 91, 93, 126, 127
 Розенфельд 181—183
 Розенштейн 201

Рошман 154, 155, 308
 Рябышко 212
 Савченко В. И. 296
 Салминьш Янис 61, 62
 Сара 80,
 Свердлов Миша
 123, 310
 Сергей 93
 Серебряков 50
 Сиревиц Элке 80
 Смирин Григорий 286
 Смолянский Хаим
 Борисович 55, 56, 58,
 71, 92, 95, 108, 311
 Соркины 140
 Соркин Овсей
 135, 140, 311
 Соркина Рахиль
 135, 152, 311
 Софа 247
 Спилберг Стивен 39
 Стадник Марко 26, 37
 Сталин 203
 Страутманис Иварс 104
 Таня 28, 31, 32
 Тарле Е. В. 287
 Тодт Фриц 68
 Толстой А. Н. 287
 Трайнин И. П. 287
 Турнова 266, 272—274
 Тухель 174, 205, 207
 Ульман 63, 67, 71
 Ульманис Карл 61,
 105, 168, 294
 Ундулис Янис
 (Жанис) 67, 72, 91
 Утенос 193
 Фейгерсон Семен 312
 Фель Фоя 255
 Фель Элья 255
 Фельдман 162
 Фингергойт Авель
 Вениаминович 312
 Фишель 207, 208
 Франк Анна 52
 Францман 130
 Фрейманис 131, 212
 Фрике 187—191, 307
 Фриче Елена 223
 Фриш (Абеле)
 Эмилия 311

Фриш Вилли (Виллис)
 Израилевич 73, 95,
 123, 124, 307
 Хаги Михля (Каган) 42
 Хаги Мордух 3,
 41, 42, 50, 52
 Хаги Симон 42
 Хачиянц 203, 204, 306
 Хозе 188, 189
 Хофшмидт 145, 146
 Цветков Иван
 Калинович 44
 Цейтлин Шмуэль
 (Буби) 97, 289, 291, 296,
 297, 300—302, 311
 Цесван Борис, 95,
 117, 121, 132, 311
 Цимблер Перец 148
 Цукурс Герберт 143
 Шапиро Григорий
 Соломонович 312
 Шапиро Моисей 183
 Шафир Файвиш
 45, 49, 50
 Шварц 86
 Шверник Н. М 287
 Шейнензон 69, 78
 Шейнкер Аркадий 312
 Шейнкман Борис
 (Боря) 265—267, 269—
 273, 275, 277—280, 284
 Шервиц Фриц
 79—81, 260
 Шик Ганс 256
 Шиндлер Оскар
 39, 40, 80, 134
 Широн 234—236
 Шкиров Георг 142
 Шмулик 36
 Шмульян 74, 75, 90, 117,
 121, 130—132, 310
 Шнайдер Гертруда 303
 Шнайдер 147
 Шнайдер Иосиф 96, 312
 Шнайдер Петя 90
 108, 109, 113, 115,
 118—120, 129, 310
 Шпунгин Авраам
 Рувимович 312
 Шпунгин Семен 312
 Штерн 76, 120, 175

Штернин Миша 255
 Штайнингер 215, 218,
 219, 221, 223, 225, 226,
 244, 248, 249, 250
 Эдгар 92
 Эзергайлс
 Андриевс 304
 Эльза 90, 127, 132
 Эльяшевич 258
 Эпштейн 77, 83
 Эпштейн Маша 143
 Эренбург И. 52
 Эссер 163, 164
 Эсфирь 175, 226, 310
 Юра 23, 24
 Ютеры 115, 129
 Ютер Изя 90, 108,
 118, 119, 120, 310
 Ютер Рувим (Роберт)
 Моисеевич 95,
 119, 121, 311
 Якобсон 110
 Якубовский 78, 79, 107
 Янкель 80
 Янковский Карл
 Андреевич 55, 95,
 81, 82, 91, 117, 311
 Янковский Янис 82

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к российскому изданию	3
Вступление	5
Яма в Павловичах	8
1000 дней — борьба за жизнь	41
Необыкновенный человек Жан Липке	53
Мой путь из Рижского гетто	105
Межамаки	123
Речь Пера Альмарка	133
Либавские тетради	135
Комендант Краузе	173
Старичок в акции	177
Электрик в гетто	179
Заложники	187
Акция в Добеле	192
По ту сторону жизни	194
Мой путь к партизанам	255
Арнольд и Буби	289
Заключение	303
Географический указатель	313
Именной указатель	316